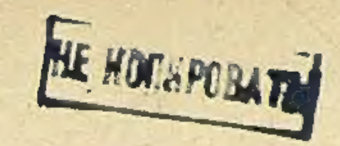
ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА.

19 февраля

1861.
1911.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

Великая реформа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ I.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

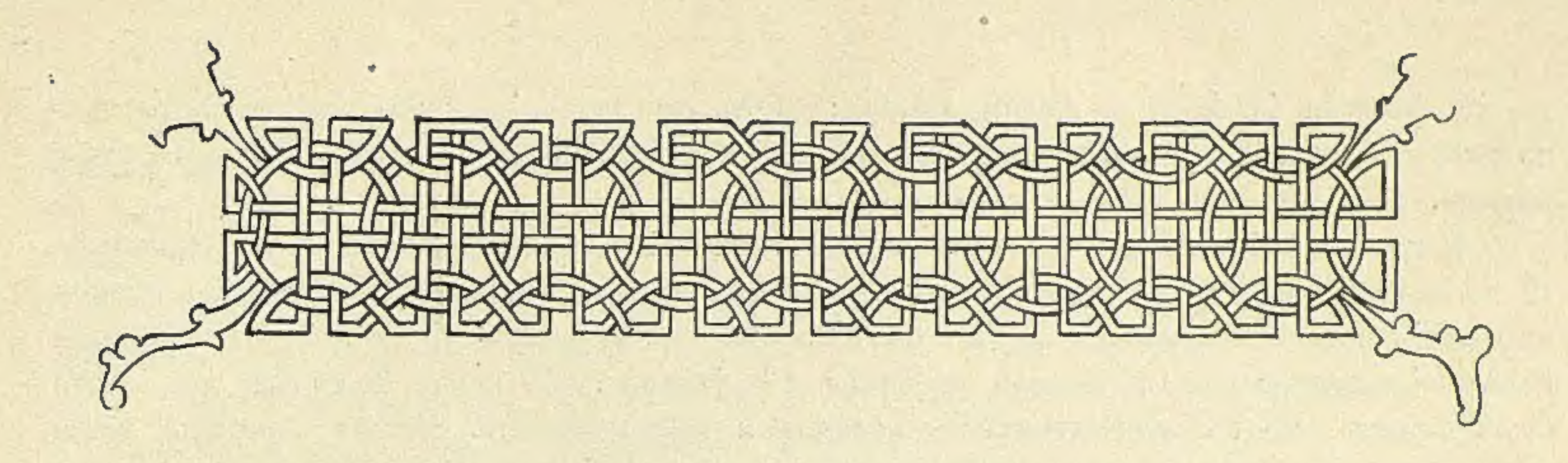
В. П. Алексѣевъ, Н. Ѳ. Анненскій, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Ашешовъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, прив.-доц. Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, В. Е. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, акад. Н. Н. Златовратскій, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, Н. И. Іорданскій, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко, В. П. Кранихфельдъ, Н. С. Кудринъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, д-ръ А. Павловскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. С. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Г. Танъ, гр. П. М. Толстой, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфоровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

День 19 февраля еще не такъ давно былъ окруженъ въ глазахъ русскаго народа и русской интеллигенціи яркимъ романтическимъ ореоломъ. Событіе оцѣнивалось не только по его соціологическому значенію. Для такой оцѣнки часто не хватало матеріаловъ. Экономическія причины, сдѣлавшія неизбѣжными отмѣну крѣпостного права въ интересахъ самихъ же помѣщиковъ, соображенія государственной безопасности, заставлявшія торопиться съ реформою, подъ угрозою всероссійской пугачевщины,—все это не было достаточно выяснено научнымъ анализомъ. Жалкіе для крестьянъ результаты освобожденія: ростъ малоземелья, переходившій въ прямой земельный голодъ, ростъ недоимочности, ложившійся сокрушающимъ бременемъ на крестьянскія хозяйства, учащеніе голодовокъ, сдѣлавшихся постоянными спутниками деревенской жизни, — эти факты не ставили въ связь съ основами реформы, съ ея нерѣшительностью и робостью, съ ея скупой филантропіей и заботливымъ вниманіемъ къ помѣщику.

Все это было приведено въ извѣстность позднѣе. А пока анализъ безмолвствовалъ и соціологическій смыслъ реформы продолжалъ оставаться темнымъ, событіемъ 19 февраля завладѣлъ политическій идеализмъ. И, завладѣвши, долго мѣшалъ установленію на него правильнаго взгляда. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо такова природа политическаго идеализма. Крупное событіе въ жизни каждаго народа изъ тьмы вѣковъ отбрасываетъ свой свѣтъ впередъ и служитъ маякомъ для поступательнаго движенія. И прежде чѣмъ наука сумѣетъ найти ему правильное истолкованіе, политическій идеализмъ успѣваетъ основательно затемнить его смыслъ своими неудержимыми восторгами. И счастливъ народъ, когда во взглядахъ на такія событія не расходятся научный анализъ и идеалистическія увлеченія. Это показываетъ, что вѣхи его поступательнаго движенія вколочены крѣпко, что тѣ идеалы, которые лежатъ впереди и освѣщаютъ ему путь, выросли изъ здоровыхъ корней и не окажутся безплотнымъ видѣніемъ.

Русскій политическій идеализмъ 70-хъ, 80-хъ и частью даже 90-хъ годовъ исходилъ изъ этой, быть-можетъ, безсознательной, но неистребимой потребности: найти въ минувшемъ хотя какой-нибудь корень, способный питать политическіе идеалы грядущаго. И развѣ были виноваты наши идеалисты-демократы, что они не нашли ничего болѣе яркаго, чѣмъ самая крупная реформа 60-хъ годовъ,—актъ 19 февраля? У англичанина былъ 1642 годъ, у француза 1789, у нѣмца 1848, у итальянца 1859. У русскаго не оказалось ничего, кромѣ 1861. Правда, было еще событіе 14 дек. 1825 г., но оно находилось подъ очень крѣпкимъ полицейскимъ запретомъ, и смыслъ его оставался благодаря этому неяснымъ большинству. И, теряясь въ безплодныхъ поискахъ, идеализмъ снова и снова возвращался

къ 19 февраля 1861 г., и, словно желая поднять его значеніе огнями апоѳеоза, расцвѣчивалъ его самыми яркими идейными красками, одѣвалъ его въ самые пышные идейные наряды.

Политическій идеализмъ хочетъ воспитывать. Ему нужны показательные примѣры. И воспитательная цѣль часто достигается цѣною нѣкотораго—ad majorem gloriam идеи—искаженія истинной природы орудія поученія. Нѣкоторому искаженію съ очень хорошими намѣреніями подвергся и смыслъ реформы 19 февраля. Съ научной точки зрѣнія это было вредно, но съ общественной — полезно и цѣлесообразно. Нужно помнить, когда приходилось выдвигать больше всего идейную сторону реформы 19 февраля. То было время самой глухой реакціи, когда даже скромные преобразовательные принципы 60-хъ годовъ казались чѣмъ-то недосягаемымъ по смѣлости, широкому размаху и послѣдовательности, когда по всей линіи происходило движеніе назадъ, и конца не видѣлось этому попятному движенію. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзда ярче». Политическій небосклонъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ до какой степени черенъ, что даже мелкія звѣзды загорались блескомъ крупныхъ свѣтилъ, и къ этому обманчивому блеску съ тревогой устремлялись взоры огромнаго большинства сознательныхъ людей. Иначе и быть не могло. Не можетъ общество жить безъ путеводныхъ огней. И никто не станетъ отрицать, что лирико-романтическое отношеніе къ событію 19 февраля, лучшимъ памятникомъ котораго является книга покойнаго Г. А. Джаншіева, сыграло свою, и очень крупную, роль въ исторіи воспитанія русскаго общества. Политическій идеализмъ умѣлъ использовать тѣ немногіе элементы демократизма и идейнаго увлеченія, которые были въ реформѣ 1861 года. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ своего рода знамя, которое вѣяло надъ прогрессивными стремленіями русскаго общества довольно долго.

Въ настоящее время въ русскомъ прошломъ имѣются такія даты, которыя съ полнымъ правомъ могутъ питать политическіе идеалы. 1905 годъ въ исторіи Россіи — то же, что 1789 въ исторіи Франціи или 1848 въ исторіи Германіи. Въ 1905 г. общественно-политическая эволюція Россіи сразу сдѣлала скачокъ и далеко ушла отъ первыхъ освободительныхъ вѣхъ, поставленныхъ въ царствованіе Александра II. Революція 1905 года и освободила реформу 1861 года отъ той роли, которую заставлялъ ее играть въ процессѣ роста нашего общественнаго сознанія политическій идеализмъ.

Ореолъ, которымъ была окружена реформа, значительно потускнѣлъ. Ея политическая роль сравнялась съ ея соціологическимъ значеніемъ и стала меньше. Но отъ этого огромная важность ея не уменьшилась. Соціологическій удѣльный вѣсъ ея всегда былъ и всегда будетъ великъ. Паденіе крѣпостного права, формальное уравненіе наиболѣе значительной части населенія страны въ гражданскихъ правахъ съ меньшинствомъ, было, конечно, огромнымъ шагомъ впередъ, необходимѣйшей предпосылкой всей дальнѣйшей общественно-политической эволюціи Россіи. Только крушеніе феодально-крѣпостного уклада, только распаденіе цѣпи, приковывавшей человѣка къ землѣ и дѣлавшей его собственностью другого, открывало путь для плодотворной общенародной политической борьбы. Только освобожденіе изъ-подъ гнета рабства давало возможность крестьянству ясно сознать отношенія къ нему правительства, формулировать себѣ болѣе или менѣе отчетливо свою роль въ государственномъ организмѣ. Стоявшій между нимъ и государствомъ помѣщикъ мѣшалъ выявленію истиннаго характера этихъ отношеній.

Въ этомъ, повторяемъ, огромное значеніе реформы. Оцѣниваемая въ такихъ рамкахъ, она безъ преувеличенія можетъ быть названа великой реформой. И попытку выяснить ея историческое значеніе во всемъ объемѣ, на фонѣ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи, естественнѣе всего пріурочить къ полувѣковому юбилею акта 19 февраля.

19 февраля 1911 года — праздникъ прогрессивнаго русскаго общества. Именно прогрессивнаго, и его одного. Реакціонные круги заранѣе торопятся сказать, что это будетъ не ихъ праздникъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея теперешніе крѣпостники начали свои лицемѣрныя причитанія по поводу того, что «либералы» собираются праздновать годовщину 19 февраля, и на страницахъ тѣхъ органовъ, гдѣ пишутъ наемные идеологи феодальной реакціи, можно было не такъ давно прочитать такой панегирикъ крѣпостному укладу:

«Осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ до 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Чѣмъ-то либеральная Россія вспомянетъ годовщину знаменитаго дня? Неужели только затасканными фразами: «сѣйте великое (?!), доброе, вѣчное», и пр.? Неужели повтореніемъ все тѣхъ же невѣжественныхъ и ненавистническихъ проклятій крѣпостной культурѣ, которая вскормила и вспоила самихъ господъ либераловъ, да и теперь еще продолжаетъ подкармливать ихъ — не только матеріально, но и духовно? Въ самомъ дѣлѣ, выкиньте-ка изъ русскаго современнаго просвѣщенія такіе продукты крѣпостной культуры, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой — много ли останется отъ русской литературы? Выкиньте все, что дала крѣпостная культура русской музыкѣ, живописи, театру, наукѣ, техникѣ, военному дѣлу. Тощій остатокъ послѣкрѣпостной культуры покажется еще болѣе жалкимъ, если изъ него вынуть умственный капиталъ предковъ и имѣть дѣло лишь съ пореформенными процентами».

Тирада принадлежитъ г. Меньшикову, и явно разсчитана на тѣхъ послѣдышей феодально-крѣпостническаго міровоззрѣнія, которые читаютъ «Нов. Время» и сидятъ въ совѣтѣ объединеннаго дворянства. Потому что для всякаго другого такія разсужденія будутъ доказывать только одно: что авторъ либо умышленно ослѣпляетъ себя соціологическими аберраціями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ соціологическихъ конструкціяхъ.

Когда Аристотель прославлялъ рабскую культуру,—это было понятно и естественно: онъ не зналъ, какіе плоды способна дать культура, построенная не на рабствѣ. Когда рабство прославляютъ теперешніе идеологи крѣпостничества,—это просто дико. Ибо стоитъ посмотрѣть кругомъ на сосѣдей, гдѣ много вѣковъ назадъ исчезло крѣпостное право, и мы увидимъ, что ни для культурнаго блеска ни для расцвѣта международной мощи страны нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ фундаментѣ изъ рабскаго труда. Наоборотъ, геніальные политики, какъ дѣятели революціи во Франціи, какъ баронъ Штейнъ въ Пруссіи, умѣли понять—и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ родиною — что только распаденіе крѣпостныхъ узъ способно окрылить національный геній, обнаружить во всемъ блескѣ силы и дарованія народа, раскрыть всю необъятную ширь народной души.

Что касается приведеннаго мудраго разсужденія, то прежде всего нужно доказать, что всѣ упоминающіеся тамъ корифеи русской литературы были бы невозможны безъ крѣпостного права. Положеніе — явно недоказуемое, ибо рядомъ съ нимъ можно съ такимъ же успѣхомъ поддерживать тезисъ прямо противоположный: что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и т. д. сдѣлались тѣмъ, чѣмъ сдѣлались, вопреки крѣпостной культурѣ. И такъ какъ крѣпостники побиваются простымъ логическимъ орудіемъ, то нѣтъ никакой необходимости переводить споръ на идейную плоскость и говорить о моральной недопустимости крѣпостного строя, о ненормальности того факта, что единичные цвѣты генія расцвѣтали на почвѣ, взрыхленной кровью и страданіями милліоновъ.

Во всякомъ случаѣ очень хорошо уже то, что современные крѣпостники заранѣе отмежевываются и не желаютъ принимать участія въ юбилейныхъ торжествахъ. Нашъ праздникъ отъ этого будетъ только свѣтлѣе, радостнѣе и уютнѣе. А они—пусть себѣ оплакиваютъ крокодиловыми слезами безвозвратно канувшія въ вѣчность времена Салтычихи и военныхъ поселеній. Только напрасно пристегиваютъ они къ своимъ сокрушеніямъ имена великихъ русскихъ

писателей. Тѣ хотя выросли въ обстановкѣ крѣпостной культуры, но были ей враждебны по духу. Послѣ 19 февраля 1861 г. ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Достоевскій, ни Островскій, ни Толстой не проливали слезъ по крѣпостному праву и не сочиняли панегириковъ крѣпостной культурѣ. Тѣни великихъ русскихъ людей, которыхъ хотѣлъ оклеветать нововременскій писатель, въ нашемъ лагерѣ. И нашъ духомъ — единственный, еще живущій, великій писатель русской земли—Левъ Толстой.

Прогрессивная Россія хорошо понимаетъ смыслъ великой реформы 19 февраля. Она не будетъ теперь преувеличивать ея значенія, но тѣмъ сознательнѣе помянетъ она ея пятидесятую годовщину. Задача настоящаго сборника—помочь выработкѣ такого сознательнаго отношенія при помощи данныхъ, добытыхъ до сихъ поръ русской наукою.

* * *

Детальное изученіе исторіи нашего крестьянства въ сущности началось сравнительно недавно. Знакомство съ его исторіей во всей полнотѣ возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, основныя линіи эволюціи крестьянства поддаются учету уже и теперь. Это будетъ видно изъ бѣглаго обзора литературы.

Научное изученіе исторіи крестьянскаго сословія началось почти наканунѣ самой реформы. Піонеромъ въ этомъ отношеніи явился проф. Московскаго университета И. Д. Бѣляевъ, выпустившій замѣчательную для того времени работу «Крестьяне на Руси» (1858). Бѣляеву хотѣлось дать полную исторію крестьянскаго сословія до начала XIX в., когда начинается процессъ медленнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Работа Бѣляева не потеряла своего значенія и для нашего времени, такъ какъ въ ней впервые приведенъ въ систему весь изданный до того времени архивный и законодательный матеріалъ. Работа Бѣляева—трудъ юридическій по преимуществу; онъ, главнымъ образомъ, занятъ изученіемъ измѣненій гражданской правоспособности и дѣеспособности крестьянъ въ зависимости отъ хода законодательства. Обработка только одного законодательнаго матеріала лишила Бѣляева возможности выяснить генезисъ крѣпостного права. Какъ юристъ, привыкшій оперировать съ юридическими нормами власти, Бѣляевъ, а еще раньше Татищевъ, Карамзинъ, впослѣдствіи Чичеринъ, Соловьевъ, приписываетъ установленіе крѣпостного права одностороннему дѣйствію правительственной власти, обусловленному тѣмъ, что государство въ XVI вѣкѣ переживало тяжелый финансовый и политическій кризисъ. Установленіе крѣпостного права относятъ къ указу 1592 г., который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ быть изданъ, но котораго до сихъ поръ еще никто не разыскалъ и о которомъ нельзя найти даже приблизительныхъ намековъ въ извѣстномъ теперь матеріалѣ.

Съ точки зрѣнія И. Д. Бѣляева и его сторонниковъ, крѣпостное право носило поземельный характеръ, почти не касалось личности крестьянина и нисколько не ограничивало его въ правахъ. Сокращеніе крестьянской правоспособности — дѣло XVIII вѣка, продуктъ дѣйствія другихъ причинъ, въ которыхъ правительство XVI в. неповинно. Крестьянинъ въ XVI—XVII вв. попрежнему оставался вполнѣ правоспособнымъ человѣкомъ плательщикомъ податей и членомъ своей общины, которая не исчезла даже и на владѣльческихъ земляхъ. Такова сущность юридической теоріи въ вопросѣ о генезисѣ крѣпостного права. Видя въ государствѣ отраженіе народнаго духа, историко-юридическая литература, конечно, могла забыть о народѣ и его бытѣ, на что неоднократно указывалось К. С. Аксаковымъ въ разборѣ выходившихъ томовъ исторіи С. М. Соловьева. Юридическая точка зрѣнія по вопросу о генезисѣ крѣпостного права нашла весьма талантливаго защитника въ лицѣ Сергѣевича и его ученика Дебольскаго.

Пересмотръ основаній юридической теоріи какъ разъ совпалъ съ моментомъ рѣзкаго перелома въ нашей исторіографіи, связаннымъ съ именемъ В. О. Ключевскаго, въ связи съ появленіемъ его замѣчательныхъ работъ «Боярская Дума древней Руси» и статей о «Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи» («Русская Мысль», 1895, 8 и 10). Сергѣевичу приходилось не только заново конструировать генезисъ крѣпостного права съ точки зрѣнія юридической теоріи, но и потратить не мало усилій и неудачнаго остроумія на опроверженіе положеній, выдвинутыхъ В. О. Ключевскимъ и его школой. Новое направленіе въ исторіографіи отводитъ государству въ вопросѣ установленія крѣпостного права второстепенную роль. Крѣпостное право зародилось внѣ всякаго вліянія государственной власти. Послѣдняя лишь закрѣпила закономъ тѣ отношенія, которыя создались между помѣщиками и крестьянами. Законодательная формулировка юридическаго состоянія крестьянина вмѣстѣ съ категорическимъ прикрѣпленіемъ появляется лишь въ Уложеніи 1649 года. Конечно, В. О. Ключевскій, а за нимъ и его школа отрицаютъ существованіе указа 1592 г., какъ совершенно неизвѣстнаго и къ мысли о которомъ можно было прійти только послѣ предвзятаго толкованія указа 1597 г. о вчиненіи исковъ о бѣглыхъ. Методологическіе пріемы работы В. О. Ключевскаго существенно отличались отъ пріемовъ другихъ изслѣдователей генезиса крѣпостного права. Вся его работа основана на изученіи огромнаго архивнаго матеріала: писцовыхъ книгъ, порядныхъ, кабальныхъ и др. грамотъ. Привлеченіе архивнаго матеріала дало возможность изучить положеніе крестьянина въ жизни, а не только сквозь призму голаго законодательнаго матеріала. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, крѣпостное право сразу приняло личный характеръ: отчасти благодаря ссудѣ, при помощи которой строилось благосостояніе помѣщика, дававшей ему право на «крестьянскіе животы», и нѣкоторому сближенію кабальнаго холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, а также и вліянію юридической природы перваго на второе.

Гипотеза В. О. Ключевскаго нанесла непоправимый ударъ юридической теоріи, и фактически она скоро стала общепризнанной въ научной литературѣ. Послѣдующая исторіографія, развивая основныя положенія В. О. Ключевскаго, внесла кое-какія дополненія, но генезисъ крѣпостного права объяснился ростомъ крестьянской задолженности. Съ этой точки зрѣнія цѣнна работа Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство XVI в.», рисующая ростъ крестьянской задолженности на фонѣ экономической эволюціи Московскаго государства.

Значительно менѣе удѣлено вниманія крестьянству въ XVII в. Вообще исторія постепеннаго закрѣпощенія въ связи съ отмѣной урочныхъ лѣтъ въ рядѣ работъ разработана довольно полно. Менѣе ясенъ вопросъ о характерѣ крѣпостного права, какъ оно формулировано въ Уложеніи 1649 г. Иллюстраціей фактическаго положенія крестьянина въ большой вотчинѣ можетъ служить извѣстная статья И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ въ своей вотчинѣ». Она даетъ возможность опредѣлить, какой характеръ принимало крѣпостное право на практикѣ. Распоряженіе трудомъ и личностью крестьянина и заявленіе притязанія на его «животы», судебная отвѣтственность по всякаго рода искамъ, цѣлая система штрафовъ и наказаній, конечно, говорили о доминированіи личнаго элемента въ крѣпостномъ правѣ.

Помѣщичье хозяйство въ XVII вѣкѣ почти не изучено, отчасти по недостатку матеріаловъ, но постоянное бѣгство на югъ и запустѣніе замосковныхъ и центральныхъ мѣстностей, только что оправившихся послѣ Смуты, говорили о тяжеломъ положеніи населенія. Работа Ю. В. Готье «Замосковный край» знакомитъ читателя съ экономическимъ бытомъ московской Руси, даетъ обиліе матеріала, рисующаго экономическое положеніе крестьянина. Съ этой же стороны интересны работы Перетятковича о Поволжьѣ въ XVII в. и Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», знакомящія съ бытовой обстановкой жизни крестьянина-новосела, большей частью бѣглеца, на вновь

колонизуемыхъ дикихъ поляхъ. Очень важна для изученія экономическаго быта крестьянства работа А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», а въ указанной работѣ Ю. В. Готье приведены данныя, знакомящія съ отраженіемъ на крестьянинѣ финансовой политики правительства. Авторъ констатируетъ все увеличивающійся ростъ государственнаго тягла, а въ связи съ ростомъ и земледѣльческаго тягла получится достаточно яркая картина экономическаго положенія крестьянства. Это вполнѣ выясняетъ реальную причину народныхъ волненій XVII в.

Изучая судьбы крестьянства въ XVII в., В. О. Ключевскій подмѣтилъ весьма любопытное явленіе, впослѣдствіи ставшее предметомъ спеціальной работы М. А. Дьяконова,—постепенное сближеніе холопства съ крестьянствомъ, благодаря тому, что холопы сажались на пашню, за недостаткомъ собственно крестьянскихъ рукъ. Окончательное смѣшеніе уже относится къ Петровской эпохѣ и находится въ связи съ установленіемъ подушной подати, что впервые было блестяще доказано В. О. Ключевскимъ въ его статьяхъ «Подушная подать и отмѣна холопства на Руси» и пересмотрѣно проф. Деномъ въ его статистико-экономической работѣ «Населеніе Россіи по пятой ревизіи».

И черносошные крестьяне сравнительно слабо затронуты изученіемъ, но все-таки кое-что существенное сдѣлано. Выясненъ фактъ ихъ постепеннаго исчезновенія въ центрѣ и Замосковьѣ въ связи съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія. Г-жа Ефименко въ своихъ «Изслѣдованіяхъ народной жизни» коснулась особенностей крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ, подмѣченнаго ею на основаніи изученія архивнаго матеріала. Тѣхъ же вопросовъ касаются и работы П. Иванова объ исторіи землевладѣнія и поземельныхъ союзахъ и передѣлахъ на сѣверѣ. Послѣднее время исторіографія по этому вопросу обогатилась замѣчательнымъ трудомъ М. М. Богословскаго, детально изучившаго на основаніи огромнаго архивнаго матеріала самоуправленіе въ странѣ черносошнаго крестьянства—Поморьѣ.

Петровская эпоха въ исторіи крѣпостного права довольно слабо разработана въ литературѣ. Кромѣ работы Бѣляева, необходимо указать на «Историческія изслѣдованія и статьи» Побѣдоносцева. Работа послѣдняго, тоже юридическая по преимуществу, но тонкій подчасъ анализъ юридическихъ памятниковъ, чуждый предвзятой точки зрѣнія, далъ возможность установить, вопреки мнѣнію Бѣляева, что Петровское законодательство не внесло ничего новаго въ характеръ крѣпостной неволи, такъ какъ тенденція къ превращенію поземельнаго прикрѣпленія въ личное намѣчалась уже въ XVII в. Намъ неизвѣстенъ бытъ помѣщичьей деревни въ Петровскую эпоху, и сейчасъ трудно отчетливо представить себѣ отношеніе крестьянина къ помѣщику, но зато работы П. П. Милюкова «Государственное хозяйство при Петрѣ» рисуютъ намъ тяжелое положеніе крестьянина, какъ плательщика податей, всею тяжестью падавшихъ на его плечи. По исторіи крестьянства въ XVIII вѣкѣ можно отмѣтить рядъ работъ. Крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ было уже затронуто историкомъ русскаго дворянства А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, коснувшимся вопроса о закрѣпощеніи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ связи съ ростомъ дворянскихъ правъ и привилегій. Въ работѣ А. В. Романовича-Славатинскаго крѣпостное право затронуто въ общихъ чертахъ, но все-таки ему удалось отмѣтить основныя черты крестьянской неволи въ XVIII в. Особенно посчастливилось крестьянамъ въ царствованіе Екатерины II. Изученіе ихъ быта стало предметомъ ученой дѣятельности В. И. Семевскаго, и это сдѣлано съ почти исчерпывающей полнотой.

В. И. Семевскій выпустилъ въ свѣтъ два тома. Первый, посвященный помѣщичьимъ крестьянамъ и поссессіоннымъ, вышелъ еще въ 1881 году. Появленіе его, конечно, было событіемъ, такъ какъ до этого труда не было подобной работы, столь разносторонней по задачамъ и цѣлямъ. В. И. Семевскій изучилъ помѣщичьихъ и поссессіонныхъ крестьянъ съ юридической и бытовой точекъ зрѣнія, и тогда же далъ отчетливую картину вопроса, впро-

чемъ, значительно дополненную въ новомъ изданіи. Это статика крѣпостного права. Второй томъ посвященъ государственнымъ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ. До работы В. И. Семевскаго и въ этомъ отношеніи чувствовался существенный пробѣлъ, такъ какъ трудъ Вешнякова, въ которомъ авторъ поставилъ задачей объяснить исторически происхожденіе названій государственныхъ крестьянъ и написанный на основаніи П. С. З., конечно, устарѣлъ. Семевскій начиналъ работу на непочатомъ полѣ, и, несмотря на обиліе матеріала, ему удалось блестяще выполнить свою работу. Авторъ не только далъ историческую картину образованія названій государственныхъ крестьянъ, но въ то же время познакомилъ читателя съ его экономическимъ и общественнымъ бытомъ во всей исчерпывающей полнотѣ.

Исторія XVIII вѣка — исторія постоянныхъ крестьянскихъ волненій, воедино слившихся въ Пугачевщинѣ. Не мало сдѣлано въ этомъ отношеніи В. И. Семевскимъ, а для исторіи Пугачевщины появилось довольно много матеріаловъ. Особенно цѣнны матеріалы Дубровина. Установленіе крѣпостного права въ Малороссіи связано съ именемъ Екатерины II. Долгое время введеніе его объяснялось одностороннимъ актомъ верховной власти, вслѣдствіе чего получалась весьма неполная и неотчетливая картина историческихъ судебъ малорусскаго крестьянства. Работа Лазаревскаго [1]), Мякотина [2]) и Барвинскаго показали, что крѣпостное право возникло на почвѣ перемѣнъ въ соціальной структурѣ въ странѣ, и правительству пришлось только нормировать закономъ существующее отношеніе. Барвинскій [3]) особенно подчеркиваетъ вліяніе денежнаго хозяйства въ процессѣ обезземеливанія посполитыхъ и происхожденія крѣпостного права въ Малороссіи.

Исторія крестьянъ въ XIX вѣкѣ почти не разработана; ни центральные ни архивы частные почти не тронуты изслѣдователями. Въ особенности необходимо серьезное изученіе послѣднихъ, такъ какъ только по детальномъ изученіи каждаго помѣщичьяго хозяйства въ отдѣльности можно нарисовать картину экономическаго развитія страны наканунѣ крестьянской реформы, столь существенно повліявшаго на отмѣну крѣпостного права, а до полнаго изученія этого вопроса приходится довольствоваться сравнительно незначительнымъ количественно матеріаломъ, и на основаніи послѣдняго возстановить картину, можетъ-быть, не совсѣмъ точную, крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка, какъ это сдѣлано П. Б. Струве («Міръ Божій», 1899 г., 10—12) и отчасти Н. А. Рожковымъ въ статьѣ «Экономическія причины паденія крѣпостного права». Впрочемъ, въ смыслѣ разработки семейныхъ архивовъ уже кое-что сдѣлано. Сошлемся на превосходныя работы Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ») и Повалишина («Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»). Этому же вопросу посвящена и работа Снѣжневскаго, изучавшаго помѣщиковъ и крѣпостныхъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы. Г-жа И. Игнатовичъ, на основаніи опубликованнаго матеріала и данныхъ редакціонныхъ комиссій о помѣщичьихъ имѣніяхъ, попыталась дать синтетическую работу, рисующую положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во всей Россіи, не исключая западныхъ и малорусскихъ губерній. Мало изучены и государственные крестьяне. Кромѣ общихъ замѣчаній о положеніи государственныхъ крестьянъ въ трудѣ Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ и нѣсколькихъ журнальныхъ статей по вопросу о крестьянскихъ волненіяхъ и отчасти ихъ общаго землевладѣнія — въ литературѣ не сдѣлано ничего. Больше извѣстенъ бытъ удѣльныхъ крестьянъ. Много сырого матеріала, нуждающагося въ дальнѣйшей обработкѣ, даетъ трехтомная «Исторія удѣловъ», а съ общиннымъ бытомъ удѣльныхъ крестьянъ знакомитъ прекрасная книга В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи».

---

[1]) «Малороссійскіе крестьяне». [2]) «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». [3]) «Крестьяне лѣвобережной Малороссіи». («Русское Богатство», 1894, 2—4).

Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что фактическое изученіе крестьянской реформы только начато. Не изучены даже во всѣхъ подробностяхъ изданные матеріалы, не говоря уже о томъ, что архивные документы также не тронуты изученіемъ. Огромное значеніе для исторіи крестьянской реформы имѣетъ собраніе матеріаловъ первостепенной важности въ трудахъ А. П. Скребицкаго и П. П. Семенова; но они все еще ждутъ изслѣдователя. Работа Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» и трудъ Корнилова «Крестьянская реформа» даютъ общій внѣшній очеркъ реформъ, лишь бѣгло касаясь вопроса разработки вопросовъ въ различныхъ инстанціяхъ. Впрочемъ, съ послѣдней точки зрѣнія болѣе удовлетворяетъ читателя вышеупомянутая работа Корнилова, въ которой болѣе подробно разсмотрѣна постановка и разработка крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ, редакціонныхъ комиссіяхъ и главномъ комитетѣ. Тотъ же авторъ губернскимъ комитетамъ посвятилъ рядъ дѣльныхъ статей въ журналѣ «Русское Богатство». Очень бѣгло затронутъ вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ крестьянской реформѣ. Этотъ вопросъ все еще ждетъ детальнаго изслѣдованія, какимъ является замѣчательный трудъ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, въ которомъ съ исчерпывающей полнотой изучено отношеніе русскаго общества къ крѣпостному праву. Очень цѣнно въ экономико-статистическомъ отношеніи изслѣдованіе Ходскаго «Земля и земледѣлецъ», въ которомъ авторъ слѣдитъ за примѣненіемъ въ жизни началъ положенія 19 февраля 1861 г. и его вліяніемъ на судьбу крестьянскаго землевладѣнія. Вмѣстѣ съ работой Янсона по статистикѣ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, этотъ трудъ даетъ полное представленіе о ближайшихъ результатахъ крестьянской реформы — о вліяніи на крестьянское землевладѣніе и его экономическій бытъ. Обѣ работы захватываютъ періодъ отъ введенія реформы до начала 90-хъ годовъ.

Помимо работъ Янсона и Ходскаго, изученію экономическаго быта пореформеннаго крестьянства посвящено множество работъ, очень цѣнныхъ по массѣ фактическаго характера. Наиболѣе были продуктивны въ этомъ отношеніи 90-е годы въ связи съ голодомъ 1892 г. и теоретическими спорами по вопросу о судьбахъ капитализма въ Россіи и послѣдніе года, когда обострились аграрныя отношенія, а правительство и русское общество въ наиболѣе прогрессивныхъ кругахъ разошлись по вопросу о мѣрахъ для ослабленія аграрнаго голода и поднятія крестьянскаго благосостоянія. Историкъ аграрныхъ отношеній въ Россіи не можетъ не упомянуть имя А. И. Чупрова, давшаго рядъ цѣнныхъ работъ по аграрному вопросу, создавшаго земскую статистику, благодаря которой цѣлая группа его учениковъ могла заняться статистическимъ изученіемъ деревни. Только на основаніи послѣдняго детальнаго статистическаго изученія деревни могла быть написана столь богатая по фактамъ и цѣнная по выводамъ работа Щербины—«Крестьянскіе бюджеты». Въ связи съ аграрнымъ вопросомъ въ научной литературѣ изучали и судьбы русскаго общиннаго землевладѣнія, жизнеспособность котораго и цѣлесообразность отрицались частью экономистовъ-изслѣдователей, главнымъ образомъ, со стороны марксистскаго лагеря въ 90-хъ годахъ. Теоретическіе споры между народниками и марксистами по вопросу о судьбахъ земледѣлія и общины Россіи дали возможность пересмотрѣть весь вопросъ сначала, и, въ концѣ-концовъ, прійти къ примирительному выводу, въ которомъ нѣтъ крайностей народнической и марксистской теоріи. Интересы землевладѣнія и крупное капиталистическое хозяйство отнюдь не требуетъ ни разрушенія общины ни созданія безземельнаго пролетаріата. Практика жизни говоритъ въ пользу того, что законъ концентраціи капитала непримѣнимъ въ точномъ смыслѣ къ сельскому хозяйству, а веденіе крупнаго капиталистическаго хозяйства вполнѣ возможно и при сохраненіи общинно-кооперативнаго быта, даже при существованіи мелкаго землевладѣнія.

Статистическія же работы Кочаровскаго, Посникова, Пѣшехонова, В. В., Мануилова наглядно обнаружили жизнеспособность общины и преждевременность мало обоснованнаго мнѣнія о ея фактическомъ умираніи. Къ сожалѣнію, эти научно-обоснованные выводы не имѣли никакого вліянія на аграрное законодательство народнаго представительства, поспѣшившаго похоронить общину и насадить хуторское хозяйство задолго до естественнаго разложенія самого общиннаго землевладѣнія. Въ связи съ изученіемъ судебъ капитализма и аграрнаго строя, были предприняты спеціальныя изслѣдованія объ отходѣ изъ деревни и вліяніи фабрично-заводской промышленности на бытъ деревни и на хлѣбныя цѣны. Конечно, для изученія экономическаго быта русскаго крестьянства все это вопросы первостепенной важности, лишній разъ показывающіе, съ какимъ вниманіемъ и любовью русская наука и публицистика отнеслись къ изученію судебъ пореформеннаго крестьянства. Не меньше вниманія удѣлено въ нашей научной литературѣ и юридическому положенію крестьянина. По существу этотъ вопросъ въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой. Отмѣтимъ коллективный трудъ подъ редакціей А. А. Мануилова, «Очерки по крестьянскому вопросу», 2 т.; Страховскій, «Крестьянскія права и учрежденія», Прокоповичъ, «Мѣстные люди о нуждахъ Россіи», «Нужды деревни» и спеціальную работу А. Леонтьева «Крестьянское право».

* * *

Подбирая иллюстраціи къ юбилейному изданію, посвященному исторіи нашего крестьянства, редакція руководилась двумя соображеніями: съ одной стороны, хотѣлось, конечно, прежде всего использовать тотъ матеріалъ, который давали для иллюстраціи крестьянскаго и помѣщичьяго быта современники въ различныя эпохи нашего прошлаго, съ другой — взять наиболѣе яркое и типичное изъ созданнаго художниками нашихъ дней. Естественно, что и въ послѣднемъ случаѣ преобладала историческая и публицистическая точка зрѣнія: не художественнымъ достоинствамъ того или другого произведенія руководилась подчасъ редакція, а тѣмъ моментомъ, который изображаютъ взятыя картины или рисунки. Редакціи хотѣлось по возможности всесторонне освѣтить въ иллюстраціяхъ крестьянскій вопросъ, охарактеризовать его экономическую, общественно-правовую и идейную сторону. Конечно, это можно было сдѣлать лишь постольку, поскольку нашелся соотвѣтствующій художественный и бытовой матеріалъ и поскольку удачны были въ этомъ отношеніи самостоятельные, но по неизбѣжности ограниченные розыски редакціи. Иллюстраціи могли служить лишь нѣкоторымъ дополненіемъ къ тексту.

Въ подписяхъ подъ рисунками по возможности указывались источники и пособія, которыми удалось воспользоваться. Нѣкоторыя вещи приходилось брать изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ редакціи первоисточники не всегда были доступны: напримѣръ, богатой Дашковской коллекціей нельзя было даже пытаться воспользоваться въ виду недавно послѣдовавшей кончины ея владѣльца. Главнѣйшимъ источникомъ для иллюстраціонной части послужили коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ (въ особенности пожертвованныя въ музей покойнымъ А. П. Бахрушинымъ), музея П. И. Щукина и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (гр. В. П. Бобринской, гр. С. В. Паниной, С. П. Мельгунова), а также библіотеки Историческаго музея, Румянцевскаго музея, Петербургской Публичной библіотеки (отдѣлъ россики), Московскаго университета, Литературно-Художественнаго Кружка. Затѣмъ художественныя собранія Румянцевскаго музея, Третьяковской галлереи и коллекція Этнографическаго музея при Московскомъ университетѣ. Заставки преимущественно взяты изъ извѣстнаго изданія В. В. Стасова и собраній Педагогическаго музея при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. Зн.

Для иллюстраціи нѣкоторыхъ важныхъ, по мнѣнію редакціи, моментовъ не нашлось подходящаго матеріала: эти пробѣлы рѣшено было восполнить картинами, спеціально исполненными для настоящаго изданія. При совмѣстной работѣ съ художниками, взявшимися за написаніе указанныхъ картинъ, редакціей было обращено вниманіе преимущественно на соотвѣтствіе картины съ исторической дѣйствительностью, насколько послѣдняя выступаетъ на фонѣ научныхъ изысканій и можетъ быть воспроизведена кистью художника. Такимъ образомъ въ основѣ каждой изъ вновь написанныхъ картинъ лежитъ фактъ, установленный въ исторической литературѣ или засвидѣтельствованный современникомъ.

Не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о портретахъ. Не придавая имъ первенствующаго значенія (большинство ихъ за послѣдніе годы появилось въ прекрасно выполненномъ видѣ въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ трудовъ), редакція считала, тѣмъ не менѣе, необходимымъ въ юбилейномъ изданіи помѣстить портреты тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые боролись противъ крѣпостного права и содѣйствовали освобожденію народа отъ рабскихъ цѣпей экономической, соціальнаго и политическаго гнета; на ряду съ этимъ помѣщены и портреты наиболѣе видныхъ крѣпостниковъ, какъ теоретиковъ рабовладѣнія, такъ и практиковъ. Портреты помѣщались, главнымъ образомъ, примѣнительно къ тексту, т.-е. помѣщались почти исключительно портреты тѣхъ лицъ, имена которыхъ фигурируютъ въ изложеніи. Къ сожалѣнію, не всегда можно было помѣстить изображеніе того, чье имя за дѣятельность въ отдаленномъ прошломъ заслуживаетъ памяти потомства. Гдѣ найти портреты тѣхъ немногихъ депутатовъ Екатерининской комиссіи, ратовавшихъ противъ крѣпостного права? Потомству о нихъ, повидимому, оставленъ лишь литературный памятникъ. Легко найти портреты титулованныхъ лицъ, написанные иностранцами и крѣпостными художниками; они разсыпаны въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ; они воспроизведены въ прекрасныхъ изданіяхъ въ родѣ изданія вел. кн. Николая Михайловича «Русскіе портреты XVIII в.» и т. д.

Портретами изъ послѣдней серіи, изъ музейскихъ и частныхъ коллекцій и отдѣльныхъ историческихъ изданій редакція и пользовалась для своихъ цѣлей. Повидимому, нѣкоторые портреты появятся впервые въ книжномъ воспроизведеніи.

Наибольшую трудность, конечно, представлялъ подборъ иллюстрацій къ отдаленной эпохѣ XVI—XVII вв., откуда въ сущности начинается повѣствованіе о крѣпостномъ правѣ и о борьбѣ противъ него закрѣпощеннаго крестьянства. Въ этотъ моментъ иллюстраторами могли явиться исключительно лишь иностранцы, посѣщавшіе Россію. Для иноземца повседневный бытъ низшихъ классовъ не заслуживалъ большого вниманія, и меньше всего именно та сторона, которая преимущественно интересуетъ насъ, т.-е. возраставшее соціальное неравенство. Такіе моменты, наиболѣе трудные для воспроизведенія въ видѣ иллюстраціи, понятно, отсутствуютъ въ изданныхъ путешествіяхъ иностранцевъ XVII столѣтія. Лишь внѣшній укладъ крестьянскаго быта нашелъ себѣ отчасти откликъ въ иллюстраціяхъ посѣщавшихъ Россію иностранцевъ. Рисунки эти имѣютъ почти исключительно историческій интересъ, какъ отраженіе впечатлѣній современниковъ, воспроизведенныхъ еще неумѣлымъ и подчасъ наивнымъ рѣзцомъ гравера. Конечно, лишь очень приблизительно соотвѣтствуютъ они дѣйствительности, лишь нѣкоторыя черты ихъ являются характерными для крестьянскаго быта XVII в. Кое-что можно было все-таки почерпнуть изъ наивныхъ набросковъ современниковъ: таковы изображенія внѣшняго вида русскихъ деревень, имѣющіяся въ альбомѣ Мейерберга; типы крестьянъ въ путешествіи Олеарія и изображеніе народныхъ развлеченій тамъ же. Вотъ почти все, что, повидимому, какъ главный источникъ, можно указать для XVII столѣтія. Этого, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточно. Изъ картинъ современныхъ намъ художниковъ, кажется, лишь двѣ посвящены отчасти крѣпостному праву XVII ст. (не считая тѣхъ, которыя появились въ серіяхъ историческихъ картинъ, изданныхъ раз-

личными фирмами); это картина бар. Клодта «Шутъ» и Карелина «Забава». Обѣ онѣ (воспроизводимыя въ изданіи) изображаютъ неизбѣжную принадлежность крѣпостного помѣщичьяго быта—придворныхъ дураковъ и шутовъ. Редакціей помѣщено еще двѣ новыхъ картины, написанныхъ спеціально для изданія художникомъ К. В. Лебедевымъ: одна изъ нихъ изображаетъ «Свозъ крестьянъ» въ XVI в., какъ наиболѣе характерное явленіе данной эпохи, другая — опустѣвшую деревню XVII в., изъ которой бѣжало населеніе, обремененное непосильными финансовыми требованіями казны и гнетомъ служилаго помѣщика.

Для характеристики свободнаго крестьянства XVII в. въ Поморьѣ, къ сожалѣнію, трудно было что-нибудь найти. Здѣсь помѣщены типы поморъ - старообрядцевъ, набросанные уже въ XVIII в., и рѣчныя загорожденія для рыбной ловли той же эпохи, могущія характеризовать складническій крестьянскій трудъ.

Эпоха Петра оказалась наиболѣе бѣдной. Здѣсь въ сущности не удалось подыскать почти ничего специфическаго для характеристики быта русскаго крестьянина. Даже нѣтъ, повидимому, портрета крестьянскаго радѣтеля Посошкова. Помѣщенная картина художника А. В. Моравова «Прорытіе Ладожскаго канала» должна характеризовать собой тотъ принудительный трудъ для общественныхъ работъ, который въ широкихъ объемахъ практикуется полицейскимъ государствомъ Петра и для котораго изъ всей Россіи сгоняются тысячныя толпы крестьянъ. Вторая половина XVIII и начало XIX столѣтія уже болѣе благодарны въ смыслѣ иллюстраціи. Иностранцы конца XVIII в. дали многочисленныя изображенія типовъ русскихъ крестьянъ, заглянули во внутренность избы, изображая небезынтересныя сценки изъ народной жизни и народнаго труда, и даже, пожалуй, коснулись нѣкоторыхъ сторонъ крѣпостного права. Въ иностранныхъ гравюрахъ XVIII в. много вниманія удѣляется наказаніямъ, практиковавшимся въ Россіи: кнутъ, плеть, батоги фигурируютъ чрезвычайно часто и у различныхъ авторовъ. Особенно для насъ интересны въ данномъ случаѣ наказанія именно крестьянъ, какъ они, напримѣръ, представлены у англичанина Аткинсона. Многіе изъ этихъ рисунковъ еще недостаточно жизненны по манерѣ писанія, другіе приторно слащавы, третьи изображаютъ русскаго крестьянина подъ французскаго и т. д. Но само по себѣ уже примѣчательно, что крестьянскому быту удѣляется значительное вниманіе. Не оставленъ безъ вниманія и помѣщикъ - баринъ: характерна, напримѣръ, карета съ гайдуками у Аткинсона „Manners and customs of the Russians“ (1803 г.) или у него же егерь; чрезвычайно жизненно изображеніе крестнаго хода у Грубера и Гейслера: „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen. Leipzig, 1793 г.“—помѣщикъ, шествующій съ набожно-важнымъ видомъ впереди священника... Кромѣ упомянутыхъ, соотвѣтствующіе рисунки заимствованы изъ путешествія Cox'а 1784 г., книги Kupfer'а 1776 г., альбома Le Prince'а 1764 г., изъ книги аббата Chappe d'Auteroce „Voyage en Siberie“ 1761 г., Гупа «Изъ Москвы въ Малороссію» (1806), англійскаго изданія „The Costume of the Russians“ 1804, Robert Lyall „The character of the Russians“ (1823), Houbigant „Moeurs et costumes des Russes“ (1821), Breton „La Russie; moeurs, usages et costumes“ (1813) и нѣкоторыхъ другихъ. По качеству выполненія изъ перечисленныхъ источниковъ наиболѣе выдѣляется альбомъ Le Prince'а, гдѣ изображенія русскаго крестьянскаго быта отдаютъ изящной манерностью школы Буше и Фрагонара. Но особенно цѣнной для XVIII в. является дѣйствительно прекрасная группа русскихъ крестьянъ датскаго художника Эриксена. Его «Семейство русскихъ крестьянъ» находится въ картинной галлереѣ Румянцевскаго музея. Эриксенъ былъ въ свитѣ Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ; по «приказанію императрицы» онъ написалъ эту картину, заключающую въ себѣ грудные портреты старика-дѣда, бабки и ихъ домочадцевъ.

Вторая половина XVIII в. — золотой вѣкъ дворянства, привольной и широкой жизни на основѣ крѣпостного труда. Въ дворянскій бытъ проникаетъ роскошь, высшее дворянство

начинаетъ подражать двору, который, въ свою очередь, стремится уподобиться «славной Версаліи»... Помѣщая невзрачный помѣщичій домъ, изображеніе котораго находится въ запискахъ извѣстнаго Болотова (1763 г.), мы беремъ въ то же время роскошные дворцы, появляющіеся въ помѣстьяхъ царедворцевъ. Въ книгѣ помѣщены, напримѣръ, дворцы въ Останкинѣ и Кусковѣ Шереметьевыхъ, въ Архангельскомъ Юсуповыхъ, въ Шаблыкинѣ (Орлов. губ.) Кирѣевскихъ, въ Ахтыркѣ (близъ Хотькова) Трубецкихъ, въ Марѳинѣ (Моск. губ.) Панинымъ, въ Батуринѣ (близъ Глухова) К. Разумовскаго, Бобринскихъ въ Богородицкомъ уѣздѣ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ берутся съ современныхъ снимковъ (XVIII или началѣ XIX в.), съ другихъ сдѣланы снимки спеціально для настоящаго изданія фотографомъ Т-ва И. Д. Сытина. Редакція предлагаетъ воспользоваться и нѣкоторыми интересными снимками помѣщичьихъ усадебъ, появляющимися въ журналѣ «Старые Годы».

Придворный бытъ, которому стремится подражать высшее дворянство, довольно ярко изображенъ въ старой картинѣ Лансере «Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ» и въ очень яркой картинѣ художника Якоби «Шуты при дворѣ Анны Іоанновны». Но за этимъ внѣшнимъ блескомъ скрывается рабовладѣніе, ужасы истязаній разныхъ Салтычихъ, Шеншиныхъ и т. д. Эта ужасная и развращающая сторона крѣпостного права до сихъ поръ еще не нашла себѣ отраженія въ художественныхъ изображеніяхъ. Редакція считала необходимымъ дать соотвѣтствующую картину художника Курдюмова, изображающую по возможности въ мягкихъ тонахъ истязанія крѣпостныхъ Дарьей Салтыковой.

Протестъ крѣпостныхъ противъ «мучителей», выразившійся въ Пугачовщинѣ, привлекъ такъ же къ себѣ вниманіе иностранцевъ, какъ и раньше бунтъ Стеньки Разина. Мы имѣемъ нѣсколько, конечно, въ значительной степени апопрофическихъ портретовъ вождей поднявшагося крестьянства, нѣсколько гравюръ, посвященныхъ усмиренію Пугачовщины, а также прекрасную картину Перова «Судъ Пугачова».

Начало XIX в., когда появляется уже русская школа, русскіе художники, живопись приближается къ дѣйствительности, становится въ значительной степени реальной. Какъ отнесется она къ крестьянскому быту и къ крѣпостному праву? Уже отецъ русскаго жанроваго натурализма Венеціановъ (1779—1847) далъ безспорно интересные типы крестьянъ; за нимъ Тропининъ (1776—1857), художникъ, вышедшій изъ крѣпостной среды, набрасываетъ привлекательные, слегка идеализированные, образы «пряхи» и «кружевницы», т.-е. крѣпостныхъ дѣвушекъ, и, быть-можетъ, тѣмъ самымъ привлекаетъ вниманіе общества къ крестьянину - человѣку, а не рабу. Для начала XIX в. интересные наброски дѣлаетъ камергеръ А. Н. Львовъ, набрасывая крестьянскія деревушки во время своей поѣздки по Россіи. Къ 20 гг. относятся извѣстные рисунки Орловскаго. Въ 40 гг. интересны рисунки Colman'a. Наканунѣ освобожденія можно указать цѣлый рядъ альбомовъ, дающихъ изображеніе сценъ изъ народнаго быта: Святочный альбомъ Рыбинскаго (1858), Святочныя игры Деллинга (1859), Русскіе типы Вальтера и нѣкоторые другіе. Богаче становится и этнографическій матеріалъ—достаточно указать на рисунки, помѣщаемые въ художественномъ листкѣ Тима (1851—62 гг.). Выступаютъ художники Трутовскій (1826—1893) и Соколовъ (1821—1899), большинство картинъ которыхъ, впрочемъ, относится уже къ пореформенному времени.

Итакъ, представленъ крестьянинъ и крестьянскій бытъ все же довольно полно. А крѣпостное право? У Трутовскаго есть на него намеки, напримѣръ, картины: «Благодѣтельница», «Послѣ обѣда» и др., но это скорѣе изображеніе помѣщичьяго быта съ нѣсколько патріархальнымъ оттѣнкомъ. Такіе же намеки мы найдемъ и ранѣе у Венеціанова для помѣщичьяго хозяйства. Но крѣпостное право, какъ таковое, конечно, и не могло найти себѣ отраженіе въ художественныхъ изображеніяхъ. Крѣпостные художники рисовали своихъ баръ и ихъ помѣстья. Вольная кисть художника неизбѣжно наталкивалась на цензурныя

препоны: можно ли было рисовать крѣпостной бытъ, о которомъ нельзя было писать? Какъ ни странно, но и художники нашихъ дней до послѣдняго времени почти не вдохновлялись сюжетами изъ крѣпостного быта. Крѣпостное право, давшее матеріалъ для замѣчательныхъ произведеній нашей художественной литературы, не нашло достаточно яркаго изображенія въ кисти художника, если не считать замѣчательной картины Венцмана «Въ дѣвичьей», Неврева «Торгъ» и появившейся въ 1910 г. на выставкѣ картины Бенуа, изображающей крѣпостного художника, пишущаго съ натуры крѣпостныхъ крестьянъ въ присутствіи помѣщика.

Но тѣмъ замѣчательнѣе рукописный альбомъ, находящійся въ коллекціи Бахрушина (въ Историческомъ музеѣ) и ни разу еще неизданный,—альбомъ Hampeln'а (30—40 гг.): здѣсь такъ ярко представлены нѣкоторыя стороны крѣпостного быта. Сколько житейской правды, несмотря на нѣсколько карикатурный тонъ, въ набросках «Помѣщикъ съ своимъ гаремомъ» или «Помѣщикъ на охотѣ», помѣщаемыхъ въ первомъ выпускѣ «Великой реформы». Всѣ вмѣстѣ они дадутъ блестящую художественную сатиру на крѣпостное общество. Для обрисовки крѣпостного быта николаевской эпохи помѣщается и три новыхъ картины акад. Н. А. Касаткина, К. В. Лебедева и художника Зайцева. Первая иллюстрируетъ жизненную сцену, вдохновившую Вл. Галак. Короленко на замѣчательный разсказъ «Облачный день». Здѣсь изображается фактъ изъ крѣпостного быта, доводившаго личность раба до такого человѣческаго униженія, что крѣпостная женщина должна была оставлять своихъ дѣтей, чтобы откармливать грудью щенка изъ барской псарни. Картина К. В. Лебедева иллюстрируетъ ту же сторону крѣпостного быта — продажу крѣпостныхъ на ярмаркахъ, связанныхъ и скованныхъ, продажу на ряду со скотомъ, — продажу, продолжавшуюся вплоть до освобожденія, несмотря на офиціальное запрещеніе. Картина Зайцева «Привозъ въ столицу припасовъ изъ помѣстья крѣпостными» даетъ намъ изображеніе хозяйственной стороны жизни помѣщиковъ: эта сцена чрезвычайно ярко и образно представлена въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ П. А. Кропоткина.

Вотъ въ общихъ чертахъ чѣмъ иллюстрированъ бытъ дореформеннаго крестьянства въ нашемъ изданіи. Кромѣ перечисленнаго, помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, характеризующихъ отдѣльныя стороны крестьянскаго и помѣщичьяго быта: таковы интересные снимки съ военныхъ поселеній, рисунки гр. де Бальмена изъ помѣщичьяго быта первой половины XIX в., знаменитыя картины Ѳедотова болѣзнь и смерть Фидельки, и т. д.

Бытъ пореформеннаго крестьянства уже представленъ болѣе полно въ художественныхъ произведеніяхъ. Рядъ картинъ выдающихся мастеровъ кисти подчасъ прекрасно иллюстрируетъ ту или другую сторону крестьянской жизни. Здѣсь выборъ былъ большой, и мало что уже приходилось дополнять. Мы ввели лишь двѣ новыя картины: художникомъ Зайцевымъ написана картина, посвященная толкованію чтенія манифеста 19 февраля; сюжетомъ для нея послужилъ эпизодъ въ знаменитомъ селѣ Безднѣ, Казанской губ. Такая картина представлялась умѣстнымъ потому, что извѣстная картина Мясоѣдова, пожалуй, даетъ уже слишкомъ идиллическую сцену. Общее впечатлѣніе отъ манифеста въ народной массѣ скорѣе было отрицательное — вотъ эту сторону и хотѣлось подчеркнуть. Другая картина художника Курдюмова посвящена произведенію реформы на мѣстахъ: взятъ эпизодъ изъ дѣятельности Л. Н. Толстого въ качествѣ мирового посредника.

Намъ надо сказать еще нѣсколько словъ по поводу этнографическаго матеріала, помѣщеннаго въ изданіи. Въ этомъ отношеніи редакція вовсе не стремилась къ исчерпывающей, всесторонней полнотѣ, которая умѣстна была бы лишь въ спеціальномъ изданіи, но здѣсь эта полнота была бы слишкомъ громоздка. Мы брали лишь отдѣльные разрозненные типы, руководствуясь либо художественными соображеніями, либо соображеніями своего рода историческаго характера, т.-е. брали типы, нарисованные современниками въ различные моменты прошлаго русскаго крестьянства. Такъ, брали мы крестьянскіе типы до реформы изъ худо-

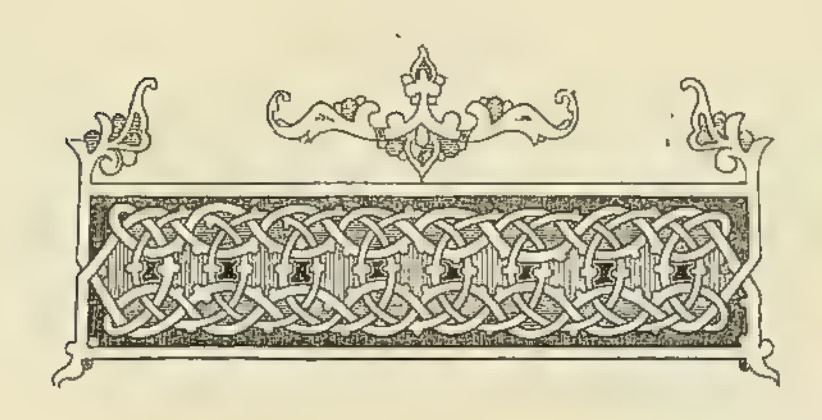
жественнаго листка Тима за 50 гг. Изъ изданія Pauly „Description etnographique des peuples de la Russie“, выпущеннаго по поводу освобожденія крестьянъ, изъ альбома 1878 г., сдѣланнаго по распоряженію Александра II. Альбомъ этотъ представляетъ собой библіографическую рѣдкость: онъ заключаетъ въ себѣ портреты русскихъ крестьянъ въ различныхъ военныхъ округахъ. Для этого альбома спеціально по всей Россіи были произведены фотографическіе снимки (редакція пользовалась экземпляромъ, находящимся въ Этнографическомъ музеѣ при Московскомъ университетѣ). Другіе этнографическіе матеріалы будутъ указаны въ текстѣ.

Редакція въ заключеніе считаетъ своимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ въ трудной работѣ по подбору иллюстрацій: академику Н. А. Касаткину, администраціи Историческаго музея и въ частности А. В. Орѣшникову, В. Н. Станкевичу, К. С. Кузьминскому и В. Н. Щепкину; П. И. Щукину, указавшему много цѣннаго матеріала, завѣдующему отдѣломъ россики въ Публичной библіотекѣ, А. И. Браудо, завѣдующему отдѣломъ гравюръ, г. Чечулину, библіотекарю Московскаго университета, А. I. Калишевскому, Д. Н. Анучину, познакомившему редакцію съ своимъ интереснымъ этнографическимъ музеемъ при Московскомъ университетѣ, дирекціи Румянцевской картинной галлереи и Третьяковской за любезное разрѣшеніе произвести цѣлый рядъ фотографическихъ снимковъ, дирекціи Литературно-Художественнаго Кружка, и въ частности библіотекарю кружка М. М. Попову, редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», гр. В. Н. Бобринской, инженер. А. Ф. Грязнову, В. П. Обнинскому, гр. С. В. Паниной, С. В. Петерсенъ, В. М. Соболевскому, Н. Д. Телешову, и др.

Особую благодарность за отзывчивое отношеніе къ работѣ Исторической комиссіи редакція приноситъ историку русскаго крестьянства Василію Ивановичу Семевскому, много помогшему своими указаніями, и Василію Осиповичу Ключевскому.

15 сентября 1910 г.

А. Дживелеговъ.
С. Мельгуновъ.
В. Пичета.

Начало закрѣпощенія крестьянъ.

Проф. М. К. Любавскаго.

Закрѣпощеніе крестьянъ, т.-е. лишеніе ихъ личной свободы и прикрѣпленіе къ тяглу и владѣльцу, на землѣ котораго они вели свое хозяйство, совершилось не сразу, а постепенно, было результатомъ продолжительнаго процесса нашей исторіи.

Первоначально, въ древнія времена Кіевской Руси, предки крестьянъ — люди, или смерды — выступаютъ не только въ качествѣ земледѣльцевъ и промышленниковъ, но и въ качествѣ свободныхъ, самостоятельныхъ земледѣльцевъ. На ряду съ князьями, ихъ „мужами", или боярами, и церковными учрежденіями смерды являются обладателями „селъ", т.-е. хозяйственныхъ усадебъ съ пахотными землями и разными угодьями. Объ этомъ прямо говоритъ намъ современникъ-лѣтописецъ. По его словамъ, Владиміръ Мономахъ на совѣщаніи князей у Долобскаго озера, происходившемъ весною 1103 года, говорилъ противникамъ замышлявшагося тогда похода на половцевъ: „Дивно ли, дружино, оже лошадей жалуете, ею же орешь, а сего чему не промыслите: оже то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его пойметъ, а въ село его ѣхавъ—жену его и дѣти и все имѣнье".

Но уже въ эти отдаленныя времена обозначалась и огромная разница между смердами и другими землевладѣльцами. Смерды были все-таки „мужики“, а не мужи, т.-е. мелкіе землевладѣльцы, а не крупные, каковыми были настоящіе княжіе „мужи“, бояре. По всѣмъ даннымъ, смерды владѣли только такимъ количествомъ земли и угодій, которое они могли разрабатывать сами лично и силами своей семьи или рода. Смерды въ большинствѣ не были рабовладѣльцами и капиталистами и потому не могли занимать и разрабатывать земли и угодья свыше своей личной и семейно-родовой работоспособности. Если нѣкоторые изъ нихъ разживались, становились „великими смердами“, попадали даже въ бояре, какъ, напр., Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, галицкіе бояре, „изъ племени смердья“, то во всякомъ случаѣ это было большою рѣдкостью, которую лѣтописецъ считалъ нужнымъ подчеркнуть. Наоборотъ—князья и ихъ дружинники, обогащаясь на войнѣ полономъ и добычею, въ мирное время—данями, судебными пенями и пошлинами и разными другими поборами съ населенія, имѣли возможность прилагать къ землѣ трудъ многочисленной челяди, т.-е. рабовъ, и наймитовъ и такимъ путемъ занимать и разрабатывать большія пространства земли и угодій. То же самое справедливо и относительно церковныхъ учрежденій, получавшихъ „десятину“ отъ князей, плату за церковные труды, вклады или пожертвованія на поминъ души и т. д.

Экономическому неравенству смердовъ съ другими землевладѣльцами соотвѣтствовало и юридическое неравенство. Смерды составляли ту самую народную массу, которая была подвластна князьямъ, которую они обложили различными данями и „уроками“, различными повинностями въ свою пользу. Княжіе мужи и церковныя учрежденія, свободные отъ этихъ повинностей, занимали привилегированное положеніе сравнительно со смердами. Рѣзкая разница въ положеніи княжихъ „мужей“ и „мужиковъ“ обнаруживается съ особенною яркостью въ той статьѣ Русской Правды, которая трактуетъ „о задницѣ боярстѣй и людстѣй“. Оказывается, что имѣнье смерда, умершаго безъ сыновей, которые могли бы продолжить его хозяйство и платить князю дани и уроки, не шло къ дочерямъ смерда, а спадало на князя, тогда какъ имѣнье боярина за неимѣніемъ сыновей шло къ его дочерямъ. Какъ человѣкъ, приносящій князю доходъ, смердъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сталъ уже приравниваться къ холопу: за его убіеніе Русская Правда опредѣляетъ такой же „урокъ“ въ пользу князя, въ 5 гривенъ, какъ и за убіеніе княжаго холопа.

Живя, главнымъ образомъ, личнымъ трудомъ, не накопляя и часто не имѣя возможности накопить значительнаго капитала, дѣлаясь жертвами различныхъ жизненныхъ невзгодъ и бѣдствій, смерды уже въ Кіевской Руси стали нерѣдко терять свое положеніе самостоятельныхъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Уже въ то время сдѣлалось довольно обычнымъ явленіемъ поглощеніе мелкихъ земельныхъ имѣній крупными. Митрополитъ Климентъ

въ посланіи къ пресвитеру Ѳомѣ (около половины XII в.) писалъ о нихъ: „иже прилегаютъ домъ къ дому и села къ селамъ, изгои жъ и сябры, и бортіи и пожни, ляда же и старины". Это свидѣтельство любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на судьбу людей, терявшихъ свои „села": оказывается, что они присаживались въ долю къ сильнымъ землевладѣльцамъ, становились ихъ „сябрами", соучастниками въ пользованіи объединенными землями и угодьями. Памятники Кіевской Руси вообще констатируютъ стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ устраивать эксплуатацію своихъ земельныхъ имуществъ не только при помощи челяди, рабовъ, но и при помощи людей другихъ общественныхъ состояній. Таковы были: наймиты, получавшіе хлѣбъ и „придатокъ", т.-е. жалованье, закупы, получавшіе плату впередъ, запродавшіе себя въ рабство до отработки этой платы или „купы", между прочимъ, на землѣ заимодавца („ролейные закупы"), сироты, т.-е. лишившіеся своихъ родителей и имѣнья люди, изгои, т.-е. разорившіеся купцы, неграмотныя дѣти духовенства, выкупившіеся на волю холопы и т. под. Значительная часть этихъ людей, несомнѣнно, набиралась изъ среды смердовъ.

Среди причинъ, содѣйствовавшихъ хозяйственному разоренію смердовъ и потерѣ ими экономической самостоятельности, большое значеніе имѣли княжескія усобицы и нападенія кочевниковъ-половцевъ. Но наибольшее дѣйствіе въ данномъ случаѣ оказали татарское нашествіе и погромы XIII и нач. XIV вѣка. Эти погромы уничтожили огромное количество самостоятельныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, лишили многихъ земледѣльцевъ ихъ крова, скота и хлѣба и земледѣльческихъ орудій. Многіе изъ этихъ земле

Село Яжелбицы близъ Каширы (изъ Мейерберга).

Боярская усадьба въ с. Никольскомъ, недалеко отъ Москвы (изъ Мейерберга).

дѣльцевъ-землевладѣльцевъ, спасшись отъ смерти и полона, не могли уже вернуться на покинутыя земли и обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ на своихъ пепелищахъ. Поневолѣ имъ пришлось подсаживаться къ тѣмъ, у кого уцѣлѣли хоть какіе-нибудь остатки капитала и хозяйственнаго обзаведенія. Часть ихъ стала устраиваться въ подворники и подсусѣдки къ своей братьѣ—уцѣлѣвшимъ земледѣльцамъ-землевладѣльцамъ—и кормиться около нихъ, помогая имъ въ хозяйствѣ и получая за это содержаніе или извѣстную долю урожая. Но еще большая часть стала садиться на землю къ князьямъ, боярамъ и духовенству и устраивать при ихъ помощи свое хозяйство на ихъ земляхъ. Такъ появился многочисленный классъ крестьянъ, воздѣлывателей чужой земли. Классъ этотъ, только обозначившійся въ кіевскую эпоху, въ XIV вѣкѣ выдѣлился уже въ огромномъ количествѣ. Его образованію, помимо прямого воздѣйствія указанныхъ татарскихъ погромовъ, содѣйствовала и общая соціально-экономическая эволюція, совершившаяся въ теченіе XIII и XIV вѣковъ.

Если уже въ кіевскую эпоху, до прибытія татаръ, размножившіеся князья и ихъ дружинники оказались не въ состояніи жить на счетъ однихъ только даней и разныхъ поборовъ съ населенія, все болѣе и болѣе къ тому же разорявшагося, и должны были перейти къ сельскому хозяйству, приняться за разработку земель и угодій, — тѣмъ болѣе должны взяться за это дѣло князья и ихъ дружинники послѣ прибытія татаръ. Народная масса, разоряемая погромами и платежомъ „выхода“ въ Орду, имѣя полемъ приложенія своего труда болѣе скудныя, чѣмъ прежде, по природѣ земельныя пространства, стала въ общемъ бѣднѣе, чѣмъ во времена Кіевской Руси, и потому

не могла доставлять князьямъ и ихъ дружинникамъ такихъ доходовъ, какъ прежде. Съ разстройствомъ внѣшней торговли, съ ежегоднымъ отливомъ денегъ въ Орду народное хозяйство Руси сдѣлало вообще рѣшительные шаги назадъ по сравненію съ хозяйствомъ кіевскаго періода, пріобрѣло рѣзко выраженный натуральный характеръ. При такихъ обстоятельствахъ князьямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только расширять по возможности свое хозяйство, устраивать свои села, распашку земли и разработку разныхъ угодій. Примѣру ихъ должны слѣдовать и ихъ мужи, бояре и слуги, которые еще меньше, чѣмъ прежде, могли кормиться около князей, на разныхъ должностяхъ. Княжеское и боярское землевладѣніе и хозяйство въ XIII и XIV вѣкахъ получило большое развитіе. То же самое нужно сказать и о церковномъ землевладѣніи и хозяйствѣ. И до нашествія татаръ князья начали надѣлять церкви и монастыри земельными имуществами. Въ татарскую эпоху землевладѣніе и сельское хозяйство стали уже господствующимъ способомъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Такъ называемая руга, заступившая мѣсто прежней десятины, отошла теперь на задній планъ, стала жаловаться князьями изрѣдка и въ небольшихъ размѣрахъ, въ видѣ нѣкоторой подмоги бѣднымъ церквамъ. Монастырямъ, епископамъ, причтамъ церквей пришлось теперь самимъ промышлять о себѣ, добывать средства собственною предпріимчивостью, веденіемъ собственнаго хозяйства. Это былъ желѣзный законъ, которому при всеобщемъ обѣднѣніи и разореніи, при истощеніи производительныхъ классовъ должны были одинаково подчиняться и князья, и бояре, и духовенство.

Развивавшееся княжеское, боярское и церковное землевладѣніе и хозяйство было жизненнымъ теченіемъ. Оно не только шло навстрѣчу упадку самостоятельнаго хозяйства земледѣльцевъ, но отчасти и содѣйствовало этому упадку. Во-первыхъ, развитіе княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія суживало районъ свободной заимки земель самостоятельными земледѣльцами. Во-вторыхъ, развитіе этихъ видовъ землевладѣнія создавало сплошь и рядомъ такія неудобныя условія сосѣдства для мелкихъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ, что они предпочитали жертвовать своею самостоятельностью и устраиваться подъ покровительствомъ и въ зависимости отъ сильныхъ сосѣдей. Но и помимо того, матеріальная помощь, которую оказывали крупные землевладѣльцы селившимся у нихъ крестьянамъ, различныя льготы въ отношеніи податей и повинностей, въ отношеніи подсудности, предоставлявшіяся населенію церковныхъ и боярскихъ имѣній жалованными и несудимыми грамотами князей, должны были парализовать развитіе самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Окончательный ударъ самостоятельности крестьянскаго землевладѣнія нанесенъ былъ усилившеюся властью князей по отношенію къ территоріямъ княжествъ и ихъ промышленно-земледѣльческому населенію

Было время, когда князья не считались владѣльцами территорій управляемыхъ ими княжествъ, когда они считались владѣльцами лишь тѣхъ частей ея, которыя они заняли своими селами и которыя они разрабатывали силами своей челяди и зависимыхъ людей. Такъ было въ XI и XII вѣкахъ и такъ продолжалось отчасти и позже въ Новгородской и Псковской земляхъ. Но въ XIII вѣкѣ въ большей части Руси князья стали уже территоріальными владѣльцами своихъ княженій. Превратившись въ сельскихъ хозяевъ, князья перестали переходить со стола на столъ, осѣли на мѣстахъ, приняли дѣятельное участіе въ заселеніи своихъ княжествъ, въ организаціи народнаго труда. Свои княженья они стали теперь разсматривать уже какъ наслѣдственное

Бояринъ, дающій милостыню (изъ Мейерберга).

достояніе, стали передавать ихъ дѣтямъ, дѣлить ихъ на части и т. д. Отсюда уже былъ одинъ шагъ къ признанію князей и владѣльцами самихъ территорій княжествъ. Окончательному торжеству этого взгляда содѣйствовало установленіе татарскаго ига надъ Русью. Ханскій ярлыкъ, утверждавшій князя на его княженьѣ, окончательно стеръ съ него печать земскаго правителя, избираемаго или принимаемаго землею, поставилъ его не только внѣ, но и надъ княжествомъ, какъ земскою организаціею, изъ правителя превратилъ его въ обладателя княжества.

Эта перемѣна должна была отозваться на положеніи всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, больше же всего на положеніи тѣхъ, которые держались на землѣ преимущественно своимъ личнымъ трудомъ, безъ большихъ хозяйствен-

Свозъ крестьянъ въ XVI в.

(Картина акад. *К. В. Лебедева*).

Ростъ крестьянской задолженности въ XVI в. повелъ къ возникновенію крѣпостного права. Крестьяне фактически потеряли право выхода. Развившаяся въ странѣ экономическая жизнь вызывала потребность рабочихъ рукъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, сумѣвшихъ реагировать на потребности рынка. И вотъ начинается погоня за рабочими руками. Помѣщики всѣми средствами стараются переманить крестьянъ, укрывая у себя даже бѣглыхъ. Но такой пріемъ нельзя было назвать законнымъ. Поэтому свѣтскіе, духовные крупные землевладѣльцы прибѣгаютъ къ свозу крестьянъ. Уговорившись съ крестьянами какого-нибудь мелкаго землевладѣльца объ отъѣздѣ къ нему, помѣщикъ посылаетъ за ними приказчика, уплачивавшаго долгъ за крестьянъ и получавшаго отъ владѣльца ихъ заемныя обязательства. Крестьяне, уходя съ насиженныхъ мѣстъ, уносили съ собой свой домашній скарбъ. Моментъ врученія приказчику заемныхъ обязательствъ крестьянъ и приготовленіе къ отъѣзду на новое мѣсто жительства составляетъ содержаніе настоящей картины.

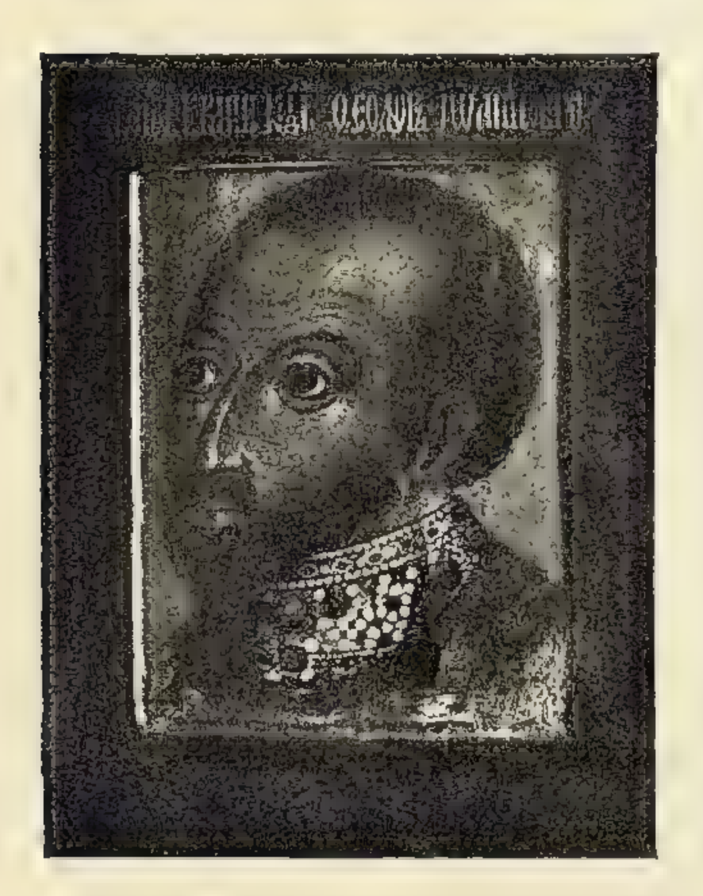
ныхъ приспособленій, безъ затраты капитала, а слѣдовательно, держались не устойчиво, не крѣпко освоили свои земли и угодья. Если бояре и церковныя учрежденія потеряли возможность свободно и безпрепятственно занимать и освоивать земли и угодья, если эта заимка и освоеніе поставлены были теперь подъ условіе княжескаго разрѣшенія, а землевладѣніе — подъ условіе княжескаго признанія, то землевладѣніе потомковъ смердовъ—тяглыхъ или черныхъ людей—стало не только подъ условіе княжескаго признанія, но и подъ условіе княжескаго распоряженія. Князья стали по временамъ жаловать земли, населенныя черными людьми, церкви или боярамъ, стали превращать черныя волости въ дворцовыя, приравнивать черныхъ крестьянъ къ тѣмъ, которые сѣли въ ихъ, княжескія, села, въ качествѣ арендаторовъ ихъ, княжеской, земли, налагая и на черныхъ крестьянъ тѣ же повинности, что и на дворцовыхъ.

Въ концѣ-концовъ, всѣ крестьяне изъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ превратились въ пользователей, арендаторовъ чужой земли: либо княжеской государственной, либо княжеской дворцовой, либо боярской, либо церковной. Такое положеніе въ XIV вѣкѣ можно считать уже установившимся, опредѣлившимся фактомъ, по крайней мѣрѣ, для центральнаго Ростово-Суздальскаго района сѣверо-восточной Руси.

Уже въ удѣльную эпоху, въ XIV и XV вв., обозначилось дѣленіе всего этого крестьянства на двѣ категоріи. Одну изъ нихъ составили крестьяне—старожильцы, которые крѣпко усѣлись на своихъ мѣстахъ, цѣлыми поколѣніями проживали въ извѣстныхъ селахъ и деревняхъ, наслѣдственно держа свои выти, или участки земли. Тѣ изъ этихъ крестьянъ, которые жили въ черныхъ волостяхъ, назывались людьми тяглыми или письменными (такъ какъ они были записаны въ данскія книги). Крестьяне эти платили подати и несли повинности обыкновенно цѣлою волостью, сообща, по разрубамъ или разметамъ, которыя производилъ выборный староста съ мірскими окладчиками или цѣловальниками. Подобная же категорія старожильцевъ была и въ боярскихъ и въ церковныхъ селахъ, при чемъ раскладка податей и повинностей производилась въ этихъ селахъ съ участіемъ владѣльцевъ или ихъ представителей—приказчиковъ или посельскихъ. Другую категорію составляли перехожіе крестьяне, снимавшіе на время свободные участки земли, или выти, у черной или дворцовой волости, либо у боярина или монастыря. При этомъ крестьяне заключали устные или письменные договоры, или порядныя, съ волостями и владѣльцами. Порядныя грамоты дошли только отъ XVI вѣка. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ болѣе раннее время существовали тѣ же приблизительно порядки, которые воспроизводятся грамотами XVI вѣка.

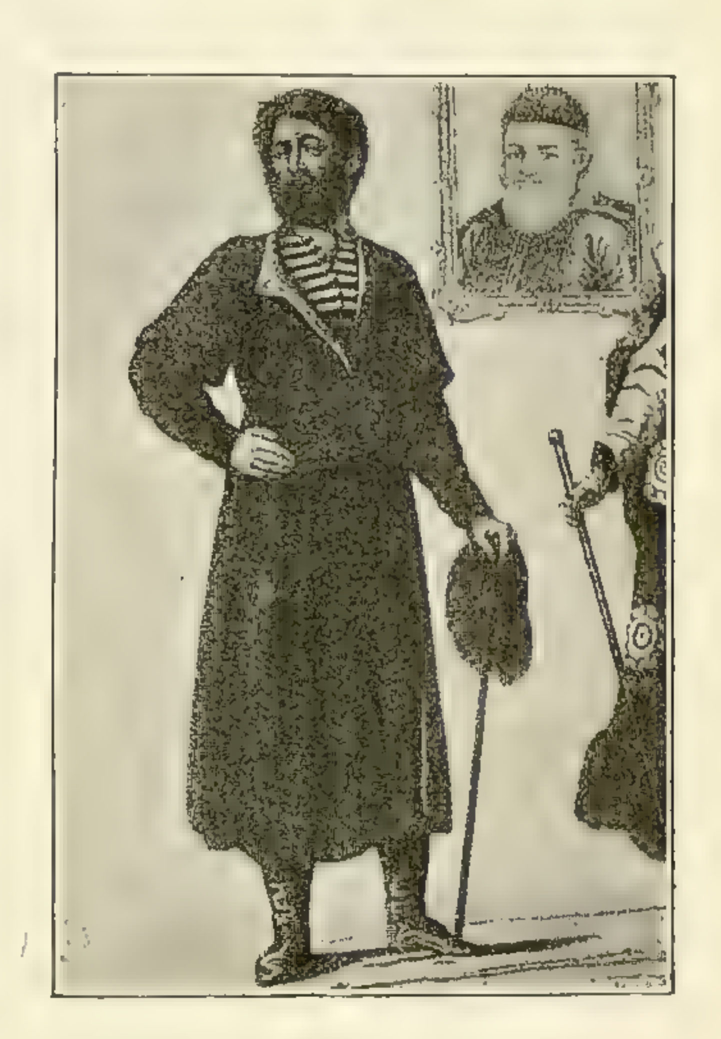
Порядныя обозначаютъ прежде всего участокъ земли, снимаемый крестьяниномъ, т.-е. выть, полвыти, четверть выти и т. под. Эта выть въ раз-

ныхъ мѣстностяхъ была не одинакова въ своемъ размѣрѣ; чаще всего она равнялась 18 десятинамъ доброй земли, 21 средней, 24 худой въ трехъ поляхъ. Принимая участокъ, крестьянинъ обязывался „межъ не спустити", т.-е. держать его въ опредѣлившихся уже границахъ, обрабатывать его— „орати и сѣяти и пары парити, и сѣно косити, и огороды у поль и у пожень ставити, и гной (навозъ, паземъ, натраву) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)". Затѣмъ шелъ перечень усадебныхъ построекъ—избы, клѣтей, хлѣвовъ, овиновъ, бань и т. под., буде онѣ имѣлись на крестьянской выти. Всѣ такія постройки крестьянинъ обязывался чинить и крыть. Если построекъ не было совсѣмъ или же онѣ имѣлись въ недостаточномъ количествѣ, крестьянинъ обязывался ихъ выстроить вновь. Въ нѣкоторыхъ порядныхъ обозначалась затѣмъ подмога и ссуда, которыя крестьянинъ получалъ отъ владѣльца. Рядясь во крестьянство, крестьянинъ обязывался жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Срокъ аренды былъ разный — отъ одного года и до десяти лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени крестьянинъ обязывался съ своей выти „государевы подати, дань и оброкъ и всякіе волостные разрубы" вмѣстѣ съ остальными крестьянами даннаго села или волости „платити", а владѣльцу платить въ доходъ. Этотъ доходъ платился обыкновенно натурою — рожью, ячменемъ, пшеницею, овсомъ и т. д. въ извѣстномъ количествѣ мѣръ (коробей или четвертей) или въ опредѣленной долѣ урожая (половина, треть четверти, даже шестая часть). Кромѣ этого главнаго дохода, землевладѣльцы получали съ крестьянъ еще мелкій доходъ: курами, яйцами, мясомъ, масломъ, рыбою, ягодами, грибами и т. д. Сверхъ оброка, крестьянинъ обязывался еще „на дѣло крестьянское ходити", т.-е. нести разныя барщинныя повинности въ пользу землевладѣльца. Это „издѣлье" разсматривалось, какъ оплата процентовъ по ссудѣ или подмогѣ, которыя крестьянинъ получалъ отъ владѣльца на первое обзаведеніе. За неисполненіе обязательствъ, „за недоживъ" до срока, крестьянинъ обязывался заплатить заставу, или неустойку, вслѣдствіе чего, рядясь во крестьянство, онъ выставлялъ за себя поручителей. Но и землевладѣлецъ „за вырядь", за отказъ крестьянину до срока, обязывался первоначально также неустойкою.

Ѳеодоръ Ивановичъ (съ совр. портр.).

Одна бѣда влечетъ за собою другую. Превращеніе самостоятельныхъ земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ въ воздѣлывателей чужой земли, въ свою очередь, послужило фундаментомъ, на которомъ стала воздвигаться постройка крѣпостного права. Извлекая доходъ съ имѣній и выполняя съ нихъ государственныя повинности, главнымъ образомъ, при помощи крестьянскихъ рабочихъ рукъ, землевладѣльцы рано или поздно должны были проявить стремленіе къ закрѣпленію этихъ рукъ у себя въ селахъ и деревняхъ. Примѣръ подали въ этомъ отношеніи князья удѣльной эпохи. Въ ихъ договорныхъ грамотахъ постоянно встрѣчаемъ условіе не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потягли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно такъ же князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины. Такъ, напр., углицкій князь Андрей Васильевичъ, пожаловавъ имѣнье Покровскому монастырю, написалъ въ жалованной грамотѣ: „а тяглыхъ людей моихъ письменныхъ и вытныхъ въ ту слободку не пріимати“ (Акты Археограф. Эксп., I, № 102). Съ образованіемъ Московскаго государства началась усиленная раздача помѣстій служилымъ людямъ, а это обстоятельство должно было, въ свою очередь, вызвать усиленный отливъ крестьянъ изъ черныхъ и дворцовыхъ волостей и селъ на земли служилыхъ людей, которые всячески заманивали къ себѣ крестьянъ— льготами, ссудами и т. д. Чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ стала угрожать опасность запустѣнія, и правительство должно было проявить особую твердость и опредѣленность въ вопросѣ о переходѣ крестьянъ. Сама собою напрашивалась мысль, что всѣ крестьяне - старожильцы крѣпки къ своей выти, къ своему тяглу по своей старинѣ и не могутъ самовольно покидать волости и села. И этотъ взглядъ сталъ проводиться въ правительственной практикѣ. Такъ, въ уставной Важской грамотѣ 1552 года волостнымъ крестьянамъ предоставлено было право „старыхъ тяглецовъ-крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно“. Но опасность запустѣнія угрожала не однимъ только чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ, но и боярскимъ и монастырскимъ вотчинамъ. Правительство, считая

Борисъ Годуновъ (Ист. Муз.).

черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ-старожильцевъ прикрѣпленными къ ихъ вытямъ и тяглу и не имѣющими права ухода, въ силу же элементарной справедливости должно было распространить этотъ взглядъ и на владѣльческихъ крестьянъ-старожильцевъ. Въ грамотахъ, данныхъ Троицкому монастырю въ концѣ XV в., читаемъ поэтому: „также есми игумена съ братіею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ, князь великій, тѣхъ крестьянъ не велѣлъ выпущати никому" (Акты Историч., I, № 59). Въ теченіе XVI вѣка этотъ взглядъ на старожильцевъ все болѣе и болѣе укрѣплялся какъ въ сознаніи правительства, такъ и въ сознаніи землевладѣльцевъ, обложенныхъ военною службою съ своихъ имѣній. Его поддерживала и обостряла усилившаяся, благодаря помѣстной системѣ, внутренняя колонизація и, благодаря занятію казанскаго царства и степной украйны, колонизація внѣшняя, и непрерывавшаяся тяга крестьянъ, къ переселенію. Землевладѣльцы всячески старались не выпускать крестьянъ, доказывая ихъ старожильство. Огромную роль сыграла въ данномъ случаѣ регистрація тяглаго населенія, производившаяся въ теченіе XVI вѣка въ податныхъ цѣляхъ, составленіе такъ называемыхъ писцовыхъ книгъ. Какъ въ удѣльную эпоху письменные люди, записанные въ данскія книги, признавались крѣпкими къ своему тяглу и не могли переходить къ другимъ владѣльцамъ, такъ и теперь тяглые люди, зарегистрованные въ писцовыхъ книгахъ, считались принадлежащими тѣмъ, за кѣмъ они были записаны. Писцовыя книги, такимъ образомъ, на ряду съ другими документами—купчими, отказными, дарственными и т. д., получили значеніе крѣпостей, на которыя ссылались землевладѣльцы, какъ на доказательства старожильства крестьянъ.

Та же самая тенденція къ закрѣпощенію проявилась довольно рано и въ отношеніи къ крестьянамъ перехожимъ, которые порядились во крестьянство на время по условію съ волостью или владѣльцемъ. Съ крестьянъ при ихъ выходѣ или „отказѣ" стали брать такъ называемое *пожилое*, т.-е. плату за пользованіе усадебными постройками. Судебникъ Ивана III устанавливалъ: „А христіанамъ отказыватися изъ волости и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и за недѣлю послѣ Юрьева дня осенняго; дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ—полтина". Судебникъ 1550 увеличилъ крестьянскую пошлину при отказѣ на четыре алтына, два за пожилое и два за *повозъ*. Плата эта, взимавшаяся за четырехлѣтнее пользованіе дворомъ, при тогдашней покупной силѣ рубля, превышавшей силу нынѣшняго во 100 разъ (въ 1500 году), является очень значительною и потому не могла не задерживать крестьянскихъ переходовъ. Къ тому же землевладѣльцы иногда не довольствовались законнымъ размѣромъ пожилого и старались затруднить крестьянскій выходъ взиманіемъ лишнихъ пошлинъ. Пусторжевскіе крестьяне въ 1555 году жало-

Вина—деревня Новгородской губерніи (изъ Мейерберга).

вались на разныхъ владѣльцевъ, что они „изъ-за себя ихъ не выпущали, а поймавъ мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилое съ нихъ имали не по-судебному, рублей по пяти и до десяти". Но особенно стала парализовать крестьянскіе выходы задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ. Эта задолженность происходила отъ разныхъ причинъ. Обременяемые государственными податями и повинностями, строго взыскиваемыми, крестьяне часто оказывались не въ состояніи выполнять своихъ обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцамъ, исправно вносить имъ ихъ доходъ и потому подпадали подъ уплату заставы, т.-е. неустойки сверхъ недоимокъ. Нѣкоторые брали взаймы деньги и хлѣбъ не только при первоначальномъ поселеніи, но и пребывая во крестьянствѣ. Живя личнымъ трудомъ, не имѣя запаса, капитала, крестьянинъ былъ отданъ на жертву всякимъ случайностямъ жизни — и потому сплошь и рядомъ разорялся совершенно, становился неоплатнымъ должникомъ владѣльца. Въ качествѣ такового онъ уже не могъ добровольно покинуть своего землевладѣльца. Единственною возможностью для него развязаться съ землевладѣльцемъ оставался не выходъ, а вывозъ, отказъ его другимъ землевладѣльцемъ, который расплачивался за него съ прежнимъ его кредиторомъ и вступалъ во всѣ права послѣдняго. Уже въ XV вѣкѣ крестьяне часто не сами отказывались, а ихъ отказывали владѣльцы. „И вы бы,—писалъ бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ въ 1450 году своимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ,—серебрениковъ и половниковъ и слободныхъ людей не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ" (Акты Археограф. Экспед., I,

№ 48). Во второй половинѣ XVI в. вывозъ крестьянъ сталъ уже господствующимъ явленіемъ. Изъ данныхъ писцовой книги тверскихъ вотчинъ князя Симеона Бекбулатовича 1580 года обнаруживается, что на 305 случаевъ крестьянскаго перехода приходится 188 случаевъ вывоза крестьянъ владѣльцами, 59 случаевъ незаконнаго выхода безъ отказа, и только въ 58 случаяхъ крестьяне оказались въ состояніи сами отказаться отъ своихъ владѣльцевъ. Крестьяне по актамъ второй половины XVI вѣка являются уже пассивными существами, судьбу которыхъ опредѣляютъ землевладѣльцы. Между землевладѣльцами идетъ изъ-за крестьянъ цѣлая война: одни отказываютъ, перевозятъ; другіе всяческими мѣрами не выпускаютъ крестьянъ изъ-за себя. Сохранился рядъ челобитій, въ которыхъ землевладѣльцы жалуются на своихъ сосѣдей, что они „отъ нихъ отвезли крестьянецъ ихъ не по сроку, безъ отказу и безпошлинной“ или „вывезли изъ-за нихъ за себя сильно“. Съ другой стороны жаловались на то, что владѣльцы, принявъ отказъ и взявъ пожилыя пошлины, не выпускаютъ изъ-за себя крестьянъ, держатъ ихъ за собою „сильно“ Жаловались на то, что помѣщики, „какъ пріѣдутъ къ нимъ откащики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ-за нихъ отказывати...“ и они „тѣхъ откащиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а крестьянъ изъ-за себя не выпущаютъ, да поимавъ ихъ мучатъ, грабятъ и въ желѣза куютъ, а пожилое на нихъ емлютъ не по судебнику“ и т. д. (Дополн. къ Актамъ Историческимъ, I, № 51, 56; Акты Историч., I, № 191).

На почвѣ этого порядка, въ концѣ-концовъ, появились также договоры крестьянъ съ владѣльцами, въ силу которыхъ крестьяне уже прямо закрѣплялись за владѣльцами. Такъ какъ переходъ сталъ фактически невозможнымъ, крестьяне начали уже прямо рядиться съ обязательствомъ не выходить отъ владѣльца, „на сторону инуды никуды не рядитца“, „никуда вонъ не выити и впредь жити неподвижно“, или съ прибавленіемъ: „а впредь во крестьянствѣ безвыходно или вѣчно“. Развивая послѣднее обязательство, крестьянинъ предоставлялъ владѣльцу право отыскивать его и водворять обратно въ свою вотчину или помѣстье: „и гдѣ насъ сыщетъ, и мы крѣпки ему во крестьянствѣ въ его помѣстьѣ на тое деревню, гдѣ онъ насъ посодитъ“

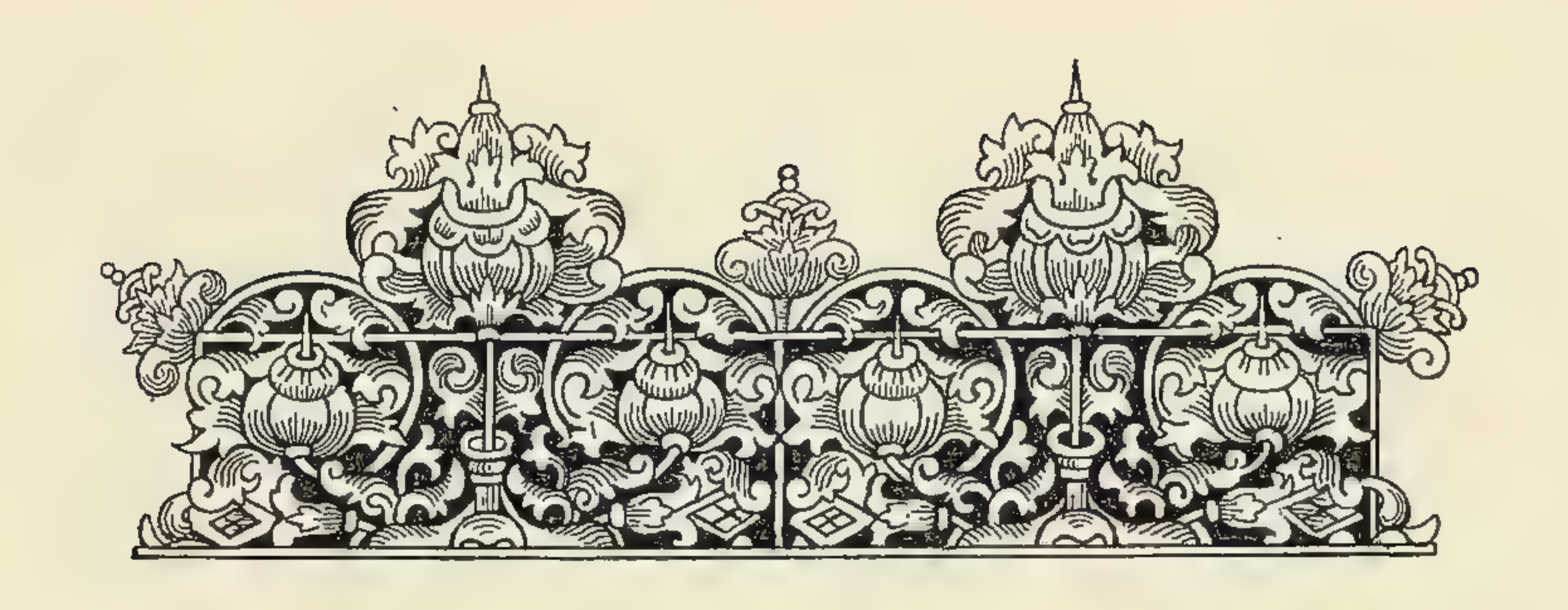
Касимовъ—городъ (изъ изданія 1587 г.).

Для характеристики положенія крестьянъ конца XVI вѣка и начала XVII чрезвычайно важенъ извѣстный указъ 1597 года, которымъ запрещалось вчинять иски о возвращеніи крестьянъ, бѣжавшихъ за пять и болѣе лѣтъ до этого указа. Этотъ указъ не свидѣтельствуетъ о томъ, что въ 1592 году всѣ крестьяне были прикрѣплены къ своимъ владѣльцамъ, ибо и послѣ того происходили и переходы и перевозы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Но онъ во всякомъ случаѣ является свидѣтельствомъ великихъ успѣховъ закрѣпощенія и умножившихся въ связи съ этимъ побѣговъ крестьянъ, которые уже не имѣли законныхъ способовъ отдѣлиться отъ своихъ владѣльцевъ. Тяжбы о бѣглыхъ къ концу XVI вѣка настолько расплодились, что задавили центральныя учрежденія непомѣрною работою, и правительство должно было положить имъ нѣкоторые предѣлы, установивъ „урочныя лѣта“ для сыска бѣглыхъ.

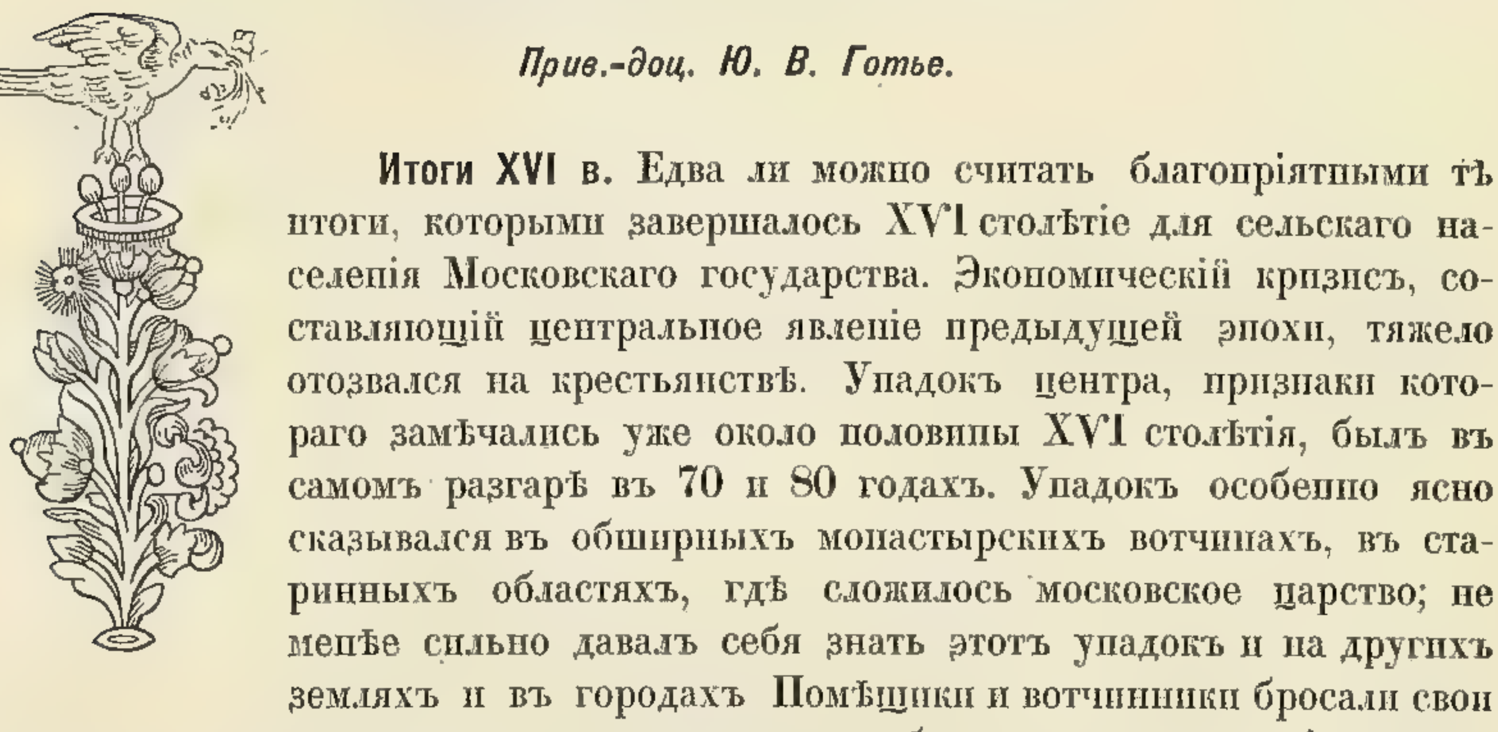
Итакъ, зданіе крѣпостного права вчернѣ было уже почти готово къ концу XVI вѣка. XVII и XVIII вѣкамъ пришлось достраивать его и отдѣлывать въ разныхъ частяхъ и деталяхъ.

М. Любавскій.

Крестьяне въ XVII столѣтіи.

Прив.-доц. Ю. В. Готье.

Итоги XVI в. Едва ли можно считать благопріятными тѣ итоги, которыми завершалось XVI столѣтіе для сельскаго населенія Московскаго государства. Экономическій кризисъ, составляющій центральное явленіе предыдущей эпохи, тяжело отозвался на крестьянствѣ. Упадокъ центра, признаки котораго замѣчались уже около половины XVI столѣтія, былъ въ самомъ разгарѣ въ 70 и 80 годахъ. Упадокъ особенно ясно сказывался въ обширныхъ монастырскихъ вотчинахъ, въ старинныхъ областяхъ, гдѣ сложилось московское царство; не менѣе сильно давалъ себя знать этотъ упадокъ и на другихъ земляхъ и въ городахъ Помѣщики и вотчинники бросали свои земли, уже покинутыя крестьянами; земли эти обращались въ порожжія, въ государственный земельный фондъ, которымъ правительство свободно располагало въ цѣляхъ оживить внутреннюю колонизацію брошенныхъ земель, распродавая съ 1579 г. свободные участки служилымъ людямъ и „мочнымъ гостямъ" по 3 чети за рубль. Но купленныя такимъ образомъ земли некѣмъ было заселить, потому что все крестьянское населеніе изъ старинныхъ государственныхъ областей уходило на югъ въ пограничныя степныя области. Посады пустѣли, и въ нихъ оставалась лишь ничтожная часть прежняго населенія; описаніе Коломенскаго посада, относящееся къ 70 годамъ XVI вѣка, можетъ здѣсь служить типичнымъ примѣромъ: при 12 наличныхъ тяглыхъ дворахъ оказывалось до 250 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Въ связи съ этими явленіями въ южныхъ областяхъ государства, на степномъ рубежѣ и далѣе въ вольныхъ русскихъ колоніяхъ по Дону собирались люди, ушедшіе изъ Москов-

скаго государства и готовые при случаѣ открытой силой мстить за прежнія невзгоды. Лишь понемногу въ 80 годахъ начинаютъ обнаруживаться слабые признаки улучшенія. Въ правленіе царя Θеодора и въ первые три года царя Бориса Богъ „благополучно время подаде“, и русскіе люди „начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити“. Описанія разсыпанныхъ по всей странѣ троицкихъ вотчинъ, относящіяся къ 1592—94 г., ясно указываютъ на начинающееся исцѣленіе отъ истощенія XVI в.: пашня растетъ, растетъ немного и крестьянское населеніе, но это лишь первыя ласточки наступавшей весны, рѣзко прекращенной послѣдующими событіями; онѣ не могли заставить забыть истощенія предшествовавшихъ годовъ, и страна вступала въ новое столѣтіе съ надорванными силами.

Царь Михаилъ Θедоровичъ (съ соврем. портр.).

Вторая половина XVI столѣтія очень бѣдна правительственными распоряженіями касательно крестьянъ. Съ царскаго Судебника до 90 годовъ намъ доселѣ неизвѣстно никакихъ общихъ указовъ о крестьянахъ. Только 24 ноября 1597 г. былъ изданъ указъ, значеніе котораго, несмотря на критику которой онъ подвергался въ спеціальной литературѣ, остается очень важнымъ. Содержаніе указа не сложно. „Которые крестьяне, — гласитъ этотъ указъ, — изъ-за бояръ и изъ-за приказныхъ людей, и изъ-за дѣтей боярскихъ, и изъ-за всякихъ людей, выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597 г.) за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ давати судъ и сыскивать накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6 и за 7, и за 10, и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, за 7 и за 10 государю-царю не бивали челомъ: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити“. Такимъ образомъ въ указѣ этомъ только устанавливается 5-лѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ; на первый взглядъ это немного: указъ не устанавливаетъ, какъ многіе думали раньше, крѣпостного права; но при ближайшемъ разсмотрѣніи значеніе его

Крестьянскіе типы XVII в. (изъ книги Олеарія).

растетъ, потому что это первый указъ, который регламентируетъ уже существующее и развивающееся изъ зародыша крѣпостное право. Задолженность крестьянина-земледѣльца тому, на чьей землѣ онъ сидѣлъ, уже успѣла обратиться въ хроническій недугъ. Правительственное стѣсненіе крестьянскаго перехода, проведенное еще Судебниками, сдѣлалось въ значительной мѣрѣ анахронизмомъ, потому что переходы, какъ нормальное явленіе крестьянской жизни, уже исчезали. Ихъ мѣсто на практикѣ заступалъ самовольный выходъ крестьянина безъ расчета съ землевладѣльцемъ,—выходъ, который постепенно получалъ по существу дѣла вполнѣ подходящее названіе побѣга: уходъ съ нарушеніемъ долговыхъ обязательствъ — побѣгъ; крестьянинъ, ушедшій не уплативъ долга, — бѣглый; вотъ къ чему приходило сознаніе людей конца XVI в. Указъ 1597 г.—ясное свидѣтельство того, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ отголосокъ и въ законодательствѣ. Такъ, къ исходу столѣтія тихо и незамѣтно суживается крестьянская свобода, и неисправный должникъ превращается въ бѣглаго, подлежащаго водворенію на старое мѣсто совершенно независимо отъ вопроса о погашеніи долга. Указы о крестьянахъ, изданные въ 1601 и 1602 г. и существенно ограничившіе право отказа крестьянина отъ своего участка и право вывоза крестьянина однимъ землевладѣльцемъ отъ другого, еще яснѣе показываютъ, въ какую сторону направлялось теченіе крестьянской жизни: допуская вывозъ только между мелкими землевладѣльцами, правительство регламентировало правовую жизнь крестьянства въ интересахъ военно-служилаго класса. Надорванный экономически, опутанный долгами, крестьянинъ мало-по-малу опутывался и государственнымъ законода-

тельствомъ. Исторія крестьянства въ XVII столѣтіи есть дальнѣйшее развитіе этихъ явленій.

Крестьянство въ смуту. Я говорилъ выше, что первые годы царя Бориса были свѣтлой эпохой для Руси, которая тогда „всѣми благиями цвѣтяше“. Съ перваго года новаго столѣтія обстоятельства рѣзко измѣнились, и на страну посыпались бѣдствія. Въ какой мѣрѣ могутъ повліять на общее положеніе народнаго хозяйства Россіи неурожаи и голодовки, можно судить по неурожайному 1891 году, съ послѣдствіями котораго доселѣ борется Россія. Такое же стихійное бѣдствіе, въ корень подорвавшее признаки начинавшагося улучшенія и надолго оставившее слѣды въ народномъ хозяйствѣ, случилось въ 1601 году. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ наблюдательный иностранецъ, жившій въ то время въ Москвѣ, свидѣтель и очевидецъ народной бѣды: „Въ 1601 г. началась неслыханная дороговизна; она продолжалась до 1604 года. Бочка ржи стоила до 12 гульденовъ. Насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ; свидѣтельствуюсь Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою—сѣно. Зло увеличивалось недобросовѣстностью людей, которымъ поручена была царемъ помощь голодающимъ, но которые вмѣсто этого одѣляли деньгами своихъ родственниковъ“. Голодъ и моръ приносили съ собою новый подъемъ недовольства. Люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, вооруженною рукою кормились на счетъ другихъ. Самыя многочисленныя шайки образовались въ Украйнѣ, гдѣ

Крестьянскіе типы XVII в. (изъ Олеарія).

запасъ горючаго элемента за эти годы еще увеличился. Шайки подходили къ самой Москвѣ, и въ предводителѣ ихъ, атаманѣ Хлопкѣ Косолапѣ, слѣдуетъ видѣть прямого предшественника большого воеводы Ивана Болотникова. Голодовки первыхъ годовъ всколебали низшіе слои населенія Московскаго царства. Самозванцы привели ихъ въ долго нестихавшее волненіе. Походъ Лжедмитрія на Москву представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ, на которыхъ нельзя не остановиться. Головокружительный успѣхъ перваго Лжедмитрія, не разъ разбитаго и, несмотря на это, въ 8 мѣсяцевъ овладѣвшаго царствомъ, можно объяснить только помощью, какую ему оказали недовольные элементы: за самозванца встали всѣ „сведенцы" и „исходцы" украинныхъ городовъ, т.-е. посадскіе и крестьяне, переведенные на службу въ пограничные города, или крестьяне, выселенные изъ дворцовыхъ волостей и прикрѣпленные на службу въ украинныхъ городахъ; за него пошли люди, выбѣжавшіе изъ центральныхъ областей въ голодные годы, которыхъ, по словамъ А. Палицына, накопилось при самозванцѣ до 20.000 человѣкъ; къ нему же примкнули разбитые московскими воеводами остатки шаекъ, подобныхъ шайкамъ Хлопка; на сторону его переходило цѣликомъ крестьянское населеніе значительныхъ мѣстностей, движимое желаніемъ избавиться отъ гнета давившихъ его повинностей: такъ поступила дворцовая Комарицкая волость (между Брянскомъ и Сѣвскомъ), разгромленная за то правительственными войсками. Но самую энергичную помощь Лжедмитрій нашелъ въ донскихъ казакахъ. Ходоки съ Дона, въ то время еще почти независимаго отъ Москвы и принимавшаго къ себѣ группы недовольныхъ, наиболѣе способныя къ вооруженному протесту, явились къ Лжедмитрію еще въ Краковѣ, а передъ выступленіемъ его въ походъ къ нему съ Дона пріѣхало цѣлое посольство. Можно съ увѣренностью сказать, что именно движеніе донскихъ казаковъ на Москву черезъ Воронежъ, Ливны и Елецъ рѣшающимъ образомъ повліяло на стратегическій успѣхъ кампаніи самозванца. Кто же были по своему происхожденію тѣ, кто помогалъ личною службою Лжедмитрію? Въ подавляющемъ большинствѣ это были сельскіе жители, крестьяне, и если выдумали и поставили самозванца бояре изъ вражды къ царю Борису, то помогли самозванцу въ его походѣ, главнымъ образомъ, тяглые люди русскаго юга и бѣглецы съ сѣвера изъ вражды ко всему Московскому государству. Такая же связь, какую можно намѣтить между шайками Хлопка и арміей самозванца, несомнѣнно, существуетъ между этой арміей и ополченіемъ Болотникова и болѣе позднимъ Тушинымъ. Соціальный протестъ, — протестъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ, тяглыхъ противъ обѣленныхъ отъ податей, крестьянъ противъ бояръ, глухо отдающійся въ разбояхъ голоднаго сброда въ 1601—1603 гг. и заслоненный въ походѣ самозванца политическими мотивами, теперь выступаетъ со всей силой. Въ грамотахъ патріарха Гермогена, обличавшихъ Болотникова и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившихъ намъ содержаніе

его прокламаціи, говорится: „воры разсылаютъ листы по городамъ и велятъ вмѣщать въ боярскіе и въ дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ, всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ". „Велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и безыменнымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество" „Собрахуся боярскіе люди и крестьяне,—говоритъ современный лѣтописецъ,—съ ними же пристаху украинскіе люди и стрѣльцы и казаки и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху и

Видъ деревни Горки—въ Псковской губерніи (изъ Мейерберга).

животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху". Движеніе Болотникова, какъ и движеніе перваго Лжедмитрія, хотя и по различнымъ причинамъ, остановилось у Москвы. Сторонники Тушинскаго вора впервые, перенесши смуту за Москву, распространили ее и на сѣверъ. Съ 1607—8 гг. междоусобная война разлилась по всей странѣ. Но распространеніе движенія въ ширь замѣтно его измѣнило; соціальный протестъ, такъ громко прозвучавшій при Болотниковѣ, заглохъ, и всѣ позднѣйшія движенія постепенно становятся анархическими, оставаясь такими до тѣхъ поръ, пока замерли послѣдніе отзвуки смутнаго времени. Разбой заступаетъ мѣсто прежнихъ болѣе сознательныхъ стремленій; вотъ примѣры, взятые изъ послѣдняго времени смуты: въ 1612 г. „пріѣзжали въ князь Луки Осиповича Щербатова помѣстье, въ сельцо Никольское Слободище (Ярославскаго у.), лихіе люди

разбоемъ въ ночи, въ грабежу взяли тѣ воровскіе люди, опричь Божія милосердія, животовъ и платья, и денегъ, и служилыя рухляди, и лошадей на 300 на 30 рублевъ. А пріѣзжали грабить съ Углича казаки по совѣту села Никольскаго Слободища крестьянъ". Еще въ 1619 г. „крестьяне кн. Д. М. Пожарскаго да Муромскихъ и Гороховскихъ дѣтей боярскихъ люди, крестьяне и Стародубовскіе сложились съ воровскими казаками и Яртолческую волость (Вязники) разорили".

Движеніе Болотникова и позднѣйшая анархія не остались безъ отзвука въ законодательствѣ о крестьянахъ и холопахъ. Почти тотчасъ же вслѣдъ за подавленіемъ возстанія Болотникова 7 марта 1607 г. былъ изданъ законъ, которымъ запрещалось давать въ неволю тѣхъ добровольныхъ холоповъ, которые сами не захотятъ выдать на себя служилую кабалу. Тенденція указа ясна: онъ былъ направленъ противъ обычая держать холоповъ изъ вольныхъ людей безъ ихъ формальнаго укрѣпленія, иначе сказать, цѣль его была борьба съ людьми, не принадлежавшими къ опредѣленнымъ соціальнымъ группамъ. Два дня спустя, 9 марта, въ торжественномъ засѣданіи освященнаго собора съ думою были утверждены новые, еще болѣе важные законы касательно крестьянъ и холоповъ. Законы эти твердо устанавливали начало крестьянской крѣпости; крестьяне крѣпки тому, за кѣмъ они записаны въ писцовой книгѣ; крестьянскій „выходъ" впредь вовсе запрещается, а для сыску бѣглыхъ устанавливается 15-лѣтній срокъ; законъ окончательно превращалъ крестьянскіе и холопьи побѣги изъ гражданскихъ правонарушеній въ вопросъ государственнаго порядка. Такъ ознаменовалъ царь Василій свою побѣду надъ Болотниковымъ. Дѣйствія правительства въ этотъ моментъ показываютъ, что верхи общества отлично понимали серьезность положенія и вовсе не были намѣрены щадить врага, котораго считали побѣжденнымъ. Усилившаяся смута не дала возможности „Уложенію" царя Василія войти въ силу, но и позднѣе, несмотря на развитіе смуты, господствующіе слои общества, если по условіямъ момента считаютъ себя хозяевами положенія, стараются унизить своихъ противниковъ. Узко консервативнымъ духомъ, желаніемъ нерушимо сохранить свое привилегированное положеніе, вѣетъ отъ договорной записи московскихъ бояръ съ гетманомъ Жолкевскимъ. Такимъ же духомъ проникнутъ и знаменитый приговоръ Ляпуновскаго ополченія 30 іюня 1611 г., тщательно выдвигающій мысль о томъ, что дворяне являются единственными законными владѣльцами земли, предписывающій „съ приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свесть. А которые дворяне и дѣти боярскія въ нынѣшнее смутное время и въ разоренье вывезли у своей же братіи, у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, крестьянъ и людей, которые отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ по городамъ и посадамъ, и про то по ихъ челобитью сыскиваютъ, а по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ". Господствующіе

Опустѣвшая деревня въ XVII в.

(Картина акад. *К. В. Лебедева*).

Бѣгство крестьянскаго населенія изъ центральныхъ и замосковныхъ мѣстностей въ XVII в. самое обыкновенное явленіе. Тяжелыя условія соціальной и экономической жизни крестьянства заставляли покидать насиженныя мѣста и уходить на границы государства. На мѣстѣ оставались старики, да больные и увѣчные. Сплошь и рядомъ во время отхода крестьяне поджигали свои дома-лачужки, и оставшееся пепелище указывало, что здѣсь когда-то жило населеніе. Въ XVII в. въ интересахъ государственнаго фиска и учета землевладѣній предпринимались переписи земель. Съ этой цѣлью посылались особые писцы, объѣзжавшіе тотъ или другой уѣздъ. Часто писцы наталкивались на разоренныя и опустѣвшія деревни, иногда лишенныя всякаго населенія, а иногда со стариками да больными и маломочными бобылями. Справляясь съ ранѣе составленными писцовыми книгами, писцы, составляя опись, всегда могли учесть относительную убыль населенія. Встрѣча писцами разоренной и полусожженной деревни, въ которой только остались старики, и составленіе новой описи съ помощью стараго поземельнаго кадастра явились сюжетомъ для помѣщаемой въ изданіи картины К. В. Лебедева.

слои общества старались даже въ самый разгаръ смуты стѣснить крестьянъ и холоповъ, видя въ нихъ главныхъ враговъ существовавшаго порядка.

Но было бы большою ошибкою думать, что крестьянство въ смуту было исключительно протестующимъ и революціоннымъ. Если такими были крестьяне южныхъ областей царства, то свободные черные люди русскаго сѣвера и торговые мужики Владимиро-Суздальскаго края энергично и успѣшно боролись со всѣми анархическими элементами, и имъ принадлежала видная доля участія въ спасеніи и возстановленіи Московскаго государства. Общій характеръ дѣятельности сѣверянъ, гдѣ организующимъ центромъ была Вологда, и Суздальщины—одинаковы, но въ подробностяхъ есть крупныя черты несходства. Сила сѣвера заключается въ свободномъ крестьянствѣ и въ общеніи между сельскимъ населеніемъ и посадомъ. Сила суздальскаго края—въ торгово-промышленныхъ селахъ, зародышахъ развивавшагося позднѣе промышленнаго края.

Отъ времени смуты до насъ дошла громадная переписка между посадами и землями русскаго сѣвера, представляющая очень много интереснаго и своеобразнаго. Грамоты оставлялись обычно приказными людьми, но адресовались онѣ не однимъ приказнымъ людямъ и воеводамъ, а также „гостямъ и торговымъ, и посадскимъ, людямъ и всей земли, всѣмъ крестьянамъ". Грамоты читаются и утверждаются „на всемъ мірѣ". Вся земля — Пермская, Вятская, Вологодская и т. д.— сбираетъ разныхъ людей и снаряжаетъ на „богоотступниковъ и на государевыхъ измѣнниковъ, на воровъ и на Литовскихъ людей". И уѣздъ и посадъ были одушевлены общей дружной работой, которую вели посадскіе и волостные сходы, оживившіе на время воспоминаніе о древне-русскихъ вѣчахъ. То же видимъ мы и въ клязьменскомъ краѣ, когда здѣсь въ богатыхъ торговыхъ селахъ начались тушинскіе поборы и насилія; населеніе возстало противъ Тушина. „Мужики" боярскихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ селъ стали собираться въ своихъ волостныхъ центрахъ и, выбравъ вождей, начали въ 1608 г. открытую борьбу съ Тушинымъ.

Дѣятельность земскихъ міровъ имѣла громадное значеніе въ дѣлѣ борьбы со смутой. Опираясь на земскіе міры сѣвера и оставаясь въ постоянной связи съ ними, М. В. Скопинъ-Шуйскій совершилъ свой побѣдоносный походъ отъ Новгорода къ Москвѣ въ 1609—10 гг. Передъ самостоятельными военными дѣйствіями сѣверныхъ крестьянъ и посадскихъ не могли иногда устоять и служилые люди: такъ, вологжане разбили „прямившихъ" Тушинскому вору дворянъ Костромы и Галича. Суздальскіе крестьяне дѣятельно помогали боярину Ѳ. И. Шереметеву очистить отъ тушинцевъ весь край между Окой и Волгой. И тѣ и другіе составляли позднѣе существенную часть ополченія Минина и Пожарскаго.

Результаты смуты для крестьянства. Такимъ образомъ роль и положеніе крестьянства въ смуту носитъ двойственный характеръ. Успѣвшіе утерять

свободу, обезсиленные голодомъ, обремененные тяжелымъ экономическимъ наслѣдіемъ XVI вѣка, крестьяне подмосковныхъ и южныхъ областей составляютъ постоянный кадръ революціонныхъ армій; свободное и зажиточное крестьянство сѣвера и сѣверо-востока, задѣтое смутой, начинаетъ настойчивѣе и энергичнѣе бороться съ ней и принимаетъ видное участіе въ борьбѣ за возстановленіе государственнаго порядка.

Такой двойственный характеръ отражается и на результатахъ смуты, поскольку они касаются крестьянства. Стѣснительныя мѣры царя Василія остались мертвой буквой; грозныя постановленія дворянъ ляпуновскаго ополченія привели только къ гибели его вождя и неудачѣ его предпріятія; зато

Народныя развлеченія XVII в. (изъ Олеарія).

и свободные крестьяне сѣвера не получали въ ликвидаціи смуты того значенія, право на которое давало имъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за государственный порядокъ. Революціонный протестъ крестьянъ противъ враждебнаго имъ государственнаго порядка выродился въ грабежъ и анархію, а консервативные земскіе міры, участники ополченія 1612 г. и земскаго собора, избравшаго царя Михаила, не сумѣли отвоевать себѣ не только почетнаго, но даже сколько-нибудь устойчиваго положенія въ государствѣ. Результаты смуты свелись для крестьянства на нѣтъ. Дальнѣйшая исторія сельскаго тяглаго населенія Руси пошла по той же линіи постепеннаго ухудшенія, по какой она шла и до смуты. На это вліялъ цѣлый рядъ причинъ, которыя мы и должны теперь разсмотрѣть.

Ростъ дворянскаго землевладѣнія послѣ смуты. Въ настоящее время хорошо выяснено, какой характеръ носило правительство перваго царя новой династіи. Новый порядокъ оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого засталъ на мѣстахъ. Не было ни опалъ ни удаленія лицъ, считавшихся скомпрометированными смутой. Мало-по-малу вмѣстѣ съ царской родней выдвинулись и захватили въ свои руки управленіе, главнымъ образомъ, представители мелкаго и средняго дворянства, которые ранѣе дѣйствовали въ Тушинѣ и отчасти въ обоихъ ополченіяхъ. Московское государство послѣ смуты пріобрѣтаетъ тотъ же характеръ сословной монархіи, который оно уже носило въ XVI столѣтіи, но только съ еще болѣе рѣзко выраженными чертами. Надъ еще не вполнѣ разслоившимися сословіями времени царя Ивана возвышалась феодальная

Народныя развлеченія XVII в. (изъ Олеарія).

боярская аристократія, боровшаяся съ царскою властью; при царѣ Михаилѣ дворянство-правительство, въ погонѣ за финансовыми средствами и организаціей военной обороны, само принимаетъ мѣры къ упроченію и строгому отграниченію соціальныхъ группъ на почвѣ ихъ обязанностей по отношенію къ государству, и въ этомъ распредѣленіи обязанностей наиболѣе легкія и благопріятныя условія выпадаютъ на долю дворянства. Время первыхъ царей новой династіи есть именно время, когда служилое дворянство, занявъ мѣсто сошедшей со сцены боярской аристократіи, постепенно набиралось матеріальныхъ силъ и прокладывало пути къ исключительному праву владѣнія землею и трудомъ крестьянскаго населенія. Достигнувъ этого ко времени Петра и переживъ суровую эпоху реформы, оно воспользовалось достигну-

тыми результатами и властно предъявило свои требованія на участіе въ управленіи государствомъ.

Процессъ накопленія матеріальныхъ средствъ дворянствомъ въ XVI в. заключался въ массовомъ переходѣ земли, наиболѣе распространеннаго въ то время вида капитала, въ руки служилыхъ людей. Въ 10-хъ годахъ XVII столѣтія въ центральныхъ мѣстностяхъ государства еще существовали довольно значительныя пространства черныхъ земель, занятыхъ свободнымъ крестьянскимъ населеніемъ; расположены онѣ были преимущественно къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ столицы. Но уже тотчасъ за освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ началось и ихъ расходованіе сначала въ награду за службу и за спасеніе государства, а послѣ—по твердо-укоренившейся привычкѣ. Въ декабрѣ 1612 г. былъ изданъ указъ объ испомѣщеніи служилыхъ смолянъ въ черныхъ волостяхъ Бѣлозерскаго уѣзда; тогда же и въ первые мѣсяцы 1613 г. было пожаловано въ помѣстья и въ вотчины думнымъ и московскимъ чинамъ до 14.000 десятинъ черныхъ волостей преимущественно Вологодскаго и Галицкаго уѣздовъ. Нѣсколько позднѣе въ раздачу были пущены огромныя черныя волости Галицкаго уѣзда. Однѣ волости раздавались разнымъ служилымъ людямъ по мелкимъ участкамъ; другія въ полномъ составѣ переходили сильнымъ лицамъ и крупнымъ дѣятелямъ того времени; такъ, напримѣръ, цѣлая волость Высокосельская была отдана боярину М. Б. Шеину; 4 черныхъ стана (565 крест. дворовъ), занимавшихъ все теченіе р. Ветлуги, были отданы кн. Мстиславскому. Пароеньевскую окологородную волость и Унженскую, Нейскую волости (нѣсколько сотъ дворовъ) получилъ бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ. Такъ исчезло въ первой четверти XVII вѣка черное землевладѣніе изъ обширнаго Галицкаго уѣзда. Въ это же время и такимъ же образомъ исчезло оно также изъ южныхъ волостей и становъ сосѣднихъ Вологодскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. Можно, кажется, безошибочно сказать, что къ половинѣ столѣтія ближайшими къ Москвѣ черными волостями оказались послѣдніе остатки чернаго землевладѣнія въ новгородскомъ краѣ—Сумерская волость въ Старорусскомъ уѣздѣ, къ югу отъ Ильменя. Одновременно съ раздачей черныхъ государственныхъ земель шла раздача и дворцовыхъ земель, которыя въ общемъ по фактическимъ условіямъ жизни населявшихъ ихъ крестьянъ близко подходили къ чернымъ волостямъ. Въ тѣ же 1612—13 годы, въ первые мѣсяцы царствованія Михаила, исключительно въ центральныхъ, или, какъ они тогда назывались, „замосковныхъ“ уѣздахъ было роздано думнымъ и московскимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, не менѣе 45.000 десятинъ дворцовой земли. Раздача эта продолжалась и позднѣе, до средины 20 годовъ, при чемъ характеръ ея очень сходенъ съ описанной выше раздачей черныхъ земель. Рядомъ съ крупными пожалованіями, мы видимъ групповое испомѣщеніе мелкихъ служилыхъ людей, которымъ отво-

дились обширныя территоріи взамѣнъ опустошенныхъ въ смуту или отошедшихъ къ Польшѣ. Трата дворцоваго земельнаго капитала оказалась настолько значительной, что продолжать раздачу земель въ прежнемъ масштабѣ значило бы привести къ полному истощенію важнѣйшій источникъ благосостоянія дворцоваго хозяйства. Поэтому, когда насущныя задачи реорганизаціи помѣстной службы были выполнены и весь составъ служилаго люда, постра-

Алексѣй Михайловичъ (изъ Мейерберга).

давшаго отъ смуты и съ тѣхъ поръ неустроеннаго, такъ или иначе удовлетворенъ,— явилась мысль объ ограниченіи дальнѣйшаго расходованія дворцовыхъ земель, и 26 февраля 1627 г. послѣдовалъ указъ, запрещавшій дальнѣйшую раздачу дворцовыхъ земель. Это не значитъ, конечно, чтобъ расходованіе ихъ прекратилось вовсе. Факты показываютъ, что законъ 1627 г не всегда соблюдался тѣми, кто его издалъ, но все же убыль дворцоваго земельнаго капитала въ позднѣйшее время значительно уменьшилась. Въ

южныхъ вновь колонизуемыхъ государствомъ мѣстностяхъ былъ иной видъ земель, который, подобно чернымъ и дворцовымъ землямъ сѣвера и центра, служилъ неисчерпаемымъ источникомъ для раздачи въ частное владѣніе: это было дикое поле, участки нераспаханной дѣвственной земли, раздававшіеся въ помѣстья и вотчины дворянамъ.

Можно было бы, конечно, возразить, что большинство земель, переходившихъ такимъ образомъ въ руки дворянства, поступали къ нимъ на помѣстномъ правѣ и юридически оставались въ рукахъ государства. На самомъ дѣлѣ обстоятельства были иныя. Неудержимый процессъ сліянія помѣстій съ вотчинами и ростъ вотчиннаго землевладѣнія за счетъ помѣстья обращалъ право собственности государства на помѣстныя земли въ чистую фикцію.

Описанная сейчасъ раздача земель представляетъ интересъ не только, какъ показатель накопленія земель въ рукахъ дворянъ; она довольно отчетливо указываетъ на территорію распространенія зависимости крестьянина отъ помѣщика въ XVII в. Свободнымъ отъ этой зависимости осталось только черное крестьянство сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ, исторія котораго и позднѣе идетъ своимъ особымъ путемъ *). Во всей остальной странѣ изъ общей массы закрѣпощаемаго крестьянства выдѣлялись одни лишь дворцовые крестьяне, число которыхъ, однако, подвергается въ послѣдніе годы XVII столѣтія новому рѣзкому сокращенію. Со дня смерти царя Алексѣя раздача дворцовыхъ земель, пріостановленная закономъ 1627 г., получила сильное развитіе. Многочисленная разнофамильная царская родня, дѣятели переворотовъ 1682 и 1689 гг. и первые „птенцы гнѣзда Петрова“ нарасхватъ берутъ участки дворцовыхъ земель, деревни, села и цѣлыя волости. Достаточно сказать, что въ періодъ времени между 1682 и 1711 гг. было роздано изъ дворцовыхъ имѣній 43.659 населенныхъ дворовъ, 506.073 десятинъ пахотной земли и еще большія пространства неизмѣренныхъ лѣсовъ.

Такимъ образомъ въ теченіе времени отъ смуты до Петра въ руки дворянъ перешло много милліоновъ десятинъ земли вмѣстѣ съ крестьянами, ихъ населявшими. Уже это одно показываетъ, какъ широко распространились обязательныя отношенія крестьянина къ землевладѣльцу. Послѣдствія смуты, требованія государства, старая болѣзнь крестьянства—задолженность—сообщили этимъ обязательнымъ отношеніямъ еще болѣе тяжелый характеръ, чѣмъ до смуты, и сковали крестьянство крѣпостнымъ правомъ.

Еще два слова о послѣдствіяхъ смуты: насколько экономически подорвано было крестьянство въ первые годы царя Михаила, видно ясно изъ слѣдующихъ фактовъ: почти повсемѣстно наблюдалось значительное увеличеніе неимущихъ, бросившихъ пашню крестьянъ, носившихъ названіе бо-

---

*) См. объ этомъ слѣдующую статью.

былей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны, напр., вокругъ столицы, площадь обработанныхъ земель составляла лишь отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ площади запашки 70 и 80 годовъ XVI столѣтія, когда сильнѣе всего давало себя чувствовать экономическое изнуреніе времени царя Ивана.

Податное бремя. Военныя тяготы XVI в. блѣднѣютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что легло па Русь въ слѣдующемъ столѣтіи. Тяжелыя послѣдствія смуты, постоянная необходимость и позднѣе вести вынужденныя, долгія, изнурительныя войны заставляли усиливать податное бремя. Одною изъ первыхъ новыхъ податей была стрѣлецкая подать, предназначенная для покрытія военныхъ расходовъ, первыя извѣстія о которой относятся къ 1615 г. Около того же времени начинаются и періодическіе сборы чрезвы-

Переправа черезъ рѣку Мошну (изъ Мейерберга).

чайнаго налога по пріемамъ, усвоеннымъ еще нижегородскимъ ополченіемъ, поручившимъ Минину собирать „третью деньгу съ животовъ и промысловъ“ нижегородскаго населенія. Сборы пятой, шестой и десятой и т. п. деньги дѣлаются самымъ обычнымъ явленіемъ, начиная съ воцаренія Михаила. Достаточно сказать, что въ первые два года его царствованія было произведено 7 экстренныхъ сборовъ такого рода, взимавшихся очень различно, смотря по мѣстностямъ и по группамъ населенія, но одинаково тяжело ложившихся на все тяглое населеніе. Въ числѣ экстренныхъ повинностей, вызываемыхъ войнами, бывали и натуральныя, считавшіяся подчасъ еще болѣе тяжелыми, нежели денежныя. Во время войнъ царя Алексѣя съ Польшею крестьянамъ Галицкаго уѣзда было приказано взять по четверику ржи

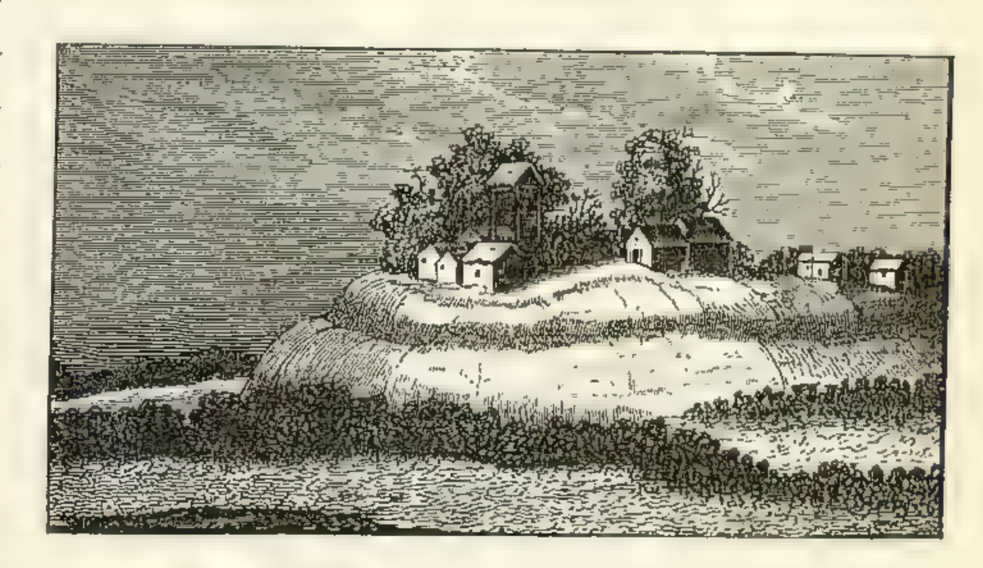
съ двора и отвезти эти припасы въ Дорогобужъ и Вязьму. Мѣстные помѣщики и вотчинники жаловались, что „подряжаются тотъ хлѣбъ въ тѣ городы отвезти подрядчики, а провоза просятъ со двора по 2 рубля и больше и оттого де крестьяне ихъ бредутъ розно". Не на однихъ только экстренныхъ сборахъ отражался ростъ податного бремени,. постоянные сборы также увеличивались непрерывно. Примѣромъ можетъ служить необычайно сильное увеличеніе оклада съ живущей четверти по указу 19 марта 1630 г., сравнительно съ нормами, установленными указомъ 1625 г. Ростъ былъ настолько великъ и чувствителенъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя правительство должно было смягчить только что установленные оклады. Въ 30-хъ годахъ замѣчается очень быстрый ростъ стрѣлецкой подати, повышенной въ два пріема съ 76 руб. до 240 руб. съ сохи. Новый окладъ полоняничныхъ денегъ и экстренный налогъ по 2 гривны съ двора ратнымъ людямъ на жалованье, введенный послѣ подворной переписи 1646 г., пополнили собою не перестававшее расти при Михаилѣ податное бремя. Длинный рядъ новыхъ чрезвычайныхъ сборовъ ознаменовалъ собою долголѣтнія войны царя Алексѣя; продолжали расти и старые налоги, потому что добываніе средствъ для устройства войска продолжало оставаться главной задачей внутренней политики XVII в. Росли повинности всего населенія, но при этомъ повинности сельскаго тяглаго населенія росли, не смягчаясь никакой льготой, никакой, хотя бы самой незначительной, привилегіей, какъ это было со служилымъ классомъ и съ посадскими людьми

Но вѣдь государственныя повинности не были единственнымъ бременемъ, лежавшимъ на крестьянствѣ; крестьяне изстари несли различныя повинности также въ пользу землевладѣльцевъ, и едва ли можно думать, что за время отъ смуты до реформы эти повинности могли уменьшиться.

Пониженіе крестьянской запашки. Ростъ тягла государственнаго и землевладѣльческаго не могъ оставаться безъ вліянія на общее состояніе сельскаго населенія Московскаго государства, такъ какъ создавалъ все болѣе и болѣе тяжелыя экономическія условія для его дѣятельности. Тяжесть этихъ условій не могла не вліять на состояніе главнаго занятія сельскаго населенія, на состояніе крестьянскаго землевладѣнія, которое мѣстами, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ явные признаки упадка. Это можно во всякомъ случаѣ сказать о частновладѣльческихъ земляхъ въ старинныхъ областяхъ Московскаго царства по Окѣ и Волгѣ. Въ первой половинѣ XVII столѣтія на душу мужского пола на служилой землѣ и въ вотчинахъ духовенства въ замосковныхъ уѣздахъ приходилось въ среднемъ 2,9 десятины пашни; этотъ размѣръ понизился во второй половинѣ вѣка до 2,3 десят., въ то время, какъ на земляхъ дворцовыхъ онъ оставался всегда значительно выше. Признаки упадка крестьянскаго земледѣлія на частновладѣльческихъ земляхъ составляютъ симптомъ громадной важности: они свидѣтельствуютъ о томъ, что силы

крестьянства слабѣли, и что крестьянству все труднѣе было бороться съ историческимъ теченіемъ, стремившимся закабалить личность и трудъ крестьянина дворянину-землевладѣльцу. Дворянинъ усиливался, захватывая землю и пробивая дорогу къ власти надъ страною; крестьянинъ слабѣлъ подъ бременемъ податей и частновладѣльческихъ повинностей. При такомъ соотношеніи въ положеніи дворянъ и крестьянъ станетъ понятнымъ тенденція къ юридическому закрѣпленію крестьянства, обнаружившаяся въ законодательствѣ первой половины XVII в.; станетъ понятенъ и успѣхъ этой тенденціи.

Крестьянское законодательство XVII в. Хорошо извѣстно, какъ еще въ XVI столѣтіи частная задолженность крестьянъ, имѣвшая своимъ начальнымъ источникомъ ссуду, полученную при поселеніи на новомъ мѣстѣ, подорвала крестьянскую свободу и положила основанія крѣпостной зависимости. Задолженность крестьянъ создавала экономическую, а позднѣе и юридическую близость между положеніемъ задолжавшаго крестьянина и кабальнымъ холопомъ, источникомъ неволи котораго былъ также долгъ. Крестьяне отрабатывали ростъ за полученную ссуду издѣліемъ, т.-е. барщиной или оброкомъ. Барщина и оброкъ и были личной работой на господина, какъ служба кабальнаго холопа за долгъ.

Боярская усадьба въ концѣ XVII в. (съ современной голландской гравюры).

Соотвѣтственно увеличивавшейся и крѣпнувшей задолженности мѣнялось и гражданское правовое положеніе крестьянина. Порядная XVI в., представлявшая договоръ, заключенный свободнымъ человѣкомъ на извѣстный срокъ, уступаетъ мѣсто ссудной записи, по которой крестьянинъ обязуется „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безысходно“, при чемъ этому государю „вольно меня отовсюду къ себѣ взяти“. Съ 10—20 годовъ XVII в. крестьянинъ, порядкаясь въ крестьянство, самъ навсегда отказывался отъ выхода и неустойку, которая погашала обязательства, вытекавшія для крестьянина по договору, превращалъ въ пеню за побѣгъ: безвыходность стала общимъ условіемъ такихъ записей и составила, какъ говорили въ то время, „крестьянскую вѣчность“, т.-е. навсегда прикрѣпляла крестьянина къ личности землевладѣльца. Такимъ образомъ крестьянская ссудная запись получила значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить

ее. Новое положеніе вещей дѣлало всякій уходъ крестьянина побѣгомъ; для землевладѣльца оставалось лишь добиться, чтобы это было признано закономъ.

Два обстоятельства опредѣляютъ въ XVI в. взгляды правительства на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ: фискальный интересъ и близость правительства къ дворянскому сословію... Государству было выгодно уничтожить крестьянскій переходъ, такъ какъ этимъ обезпечивалась большая устойчивость въ уплатѣ государственныхъ повинностей тяглецами и въ отбываніи службъ дворянами: этимъ объясняются еще мѣры первыхъ годовъ XVII в., имѣвшія цѣлью регулировать переходы крестьянъ. Правительство и землевладѣльцы послѣ смуты, повидимому, поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьянскимъ трудомъ, потому что правительство нуждалось въ исправномъ служиломъ человѣкѣ и въ прикрѣпленномъ къ одному мѣсту плательщикѣ податей и потому еще, что оно уже было дворянскимъ, а дворянинъ, захватывая право на землю, стремился захватить и трудъ стоявшаго на землѣ крестьянина. Правительство, кромѣ того, видѣло въ землевладѣльцѣ своего агента, обезпечивавшаго податную исправность крестьянина и полицейскій надзоръ за нимъ. Взаимной поддержкой правительства и дворянства объясняются двѣ существенныя черты крестьянскаго законодательства за время отъ смуты до уложенія: полное отсутствіе стремленія регламентировать повинности крестьянина въ пользу землевладѣльца и стремленіе къ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ, чѣмъ достигалось признаніе за всякимъ когда-либо бывшимъ выходомъ крестьянина характера побѣга. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣлялись всегда глухо; крестьянинъ долженъ былъ „помѣщика во всемъ слушати, пашню на него пахати и дворовъ дѣло дѣлати и оброкъ платити, чѣмъ онъ мене пожалуетъ, по моему участку изоброчить съ сосѣди вмѣстѣ“. Все предоставлялось добровольному соглашенію крестьянина и помѣщика, а такъ какъ помѣщикъ былъ сильнѣе, то, естественно, дѣло всегда клонилось въ его пользу.

Борьба противъ урочныхъ лѣтъ—одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи крестьянства въ XVII в., и потому на этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Первымъ послѣ смуты попытался пріобрѣсти привилегію сыска бѣглыхъ крестьянъ на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ установленное пятилѣтіе, Троице-Сергіевъ монастырь, самый крупный послѣ царскаго дворца русскій землевладѣлецъ; за нимъ вслѣдъ потянулись и служилые люди. По челобитію Троицкихъ волостей въ 1613—14 гг. былъ изданъ указъ, разрѣшавшій монастырю бѣглыхъ крестьянъ возвращать въ Троицкія вотчины въ теченіе 9 лѣтъ; срокъ этотъ надолго сдѣлался нормальнымъ для Троицкаго монастыря, несмотря на попытки монастырскихъ властей продолжить его до 11 лѣтъ. Первыя жалобы служилыхъ людей на привилегіи Троицкаго монастыря оставались безъ успѣха; только 20 слишкомъ

З а б а в а.

(Картина *Карелина*).

лѣтъ спустя царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ съѣхавшихся въ 1636—37 гг. въ Москву на земскій соборъ представителей украинныхъ и замосковныхъ городовъ: „по ихъ челобитію велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ давать судъ противъ Троице-Сергіева монастыря властей", т.-е давалъ имъ право 9-лѣтняго сыска. Два года спустя это право было распространено и на служилыхъ иноземцевъ. Успѣхъ челобитья 1637 г. не разрѣшалъ окончательно вопроса объ урочныхъ годахъ, потому что далеко не всѣ служилые люди получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ. Вопросъ о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ былъ выдвинутъ въ 1641 г. провинціальными дворянами разныхъ городовъ, сосредоточенными подъ Тулой для обороны южной границы государства, но и на этотъ разъ дворянскія пожеланія не были еще исполнены въ полномъ объемѣ, и указъ 9 марта 1642 г. только увеличилъ урочные годы до 10 лѣтъ. Правительство царя Алексѣя стояло въ первые годы на той же точкѣ зрѣнія и не думало по своему почину отмѣнять урочныхъ лѣтъ; этимъ объясняется, что въ наказѣ переписчикамъ правительство лишь обѣщало, что „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ и по тѣмъ книгамъ крестьяне и бобыли будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ". Служилые люди не удовольствовались этимъ глухимъ обѣщаніемъ и на соборѣ 1648 г. повели новый натискъ, который на этотъ разъ увѣнчался успѣхомъ: цѣль энергичной 12-лѣтней кампаніи была достигнута, и Уложеніе, наконецъ, отмѣнило вовсе урочныя лѣта.

Уложеніе—крупнѣйшій законодательный памятникъ не только XVII столѣтія, но и всей московской эпохи. Понятно поэтому, что въ немъ можно ожидать найти много матеріала для изученія юридическаго положенія крестьянства. Однако, обращающагося къ Уложенію для этой цѣли ждетъ большое разочарованіе; памятникъ не только не ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить отношеніе крестьянъ къ государству и къ землевладѣльцу и ихъ положеніе среди другихъ сословій, но въ немъ даже нѣтъ сводки всего законодательнаго матеріала предшествующаго времени. Глава XI Уложенія, названная „судъ о крестьянахъ", содержитъ лишь категорическую отмѣну урочныхъ лѣтъ и говоритъ о послѣдствіяхъ этой отмѣны: вся эта глава есть уставъ о бѣглыхъ, о ихъ сыскѣ, о судѣ надъ ними, о ихъ водвореніи на старыхъ мѣстахъ, и только это произошло потому, что отмѣна урочныхъ лѣтъ была насущнымъ вопросомъ момента для захватывавшаго господство служилаго сословія. Отмѣна урочныхъ лѣтъ всякаго ушедшаго крестьянина превращала въ бѣглаго; поэтому за такой отмѣной и должна была логически послѣдовать регламентація вопроса о побѣгѣ; это была задача Уложенія, и оно ее выполнило. Никакихъ другихъ цѣлей касательно крестьянства оно себѣ не ставило, и было бы напрасно требовать отъ него большаго.

Вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ и о борьбѣ съ ними остается и послѣ Уложенія, вплоть до Петра, главнымъ, или, лучше сказать, единственнымъ,

предметомъ заботъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ издается не менѣе восьми указовъ о сыскѣ и отдачѣ владѣльцамъ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи всякихъ чиновъ людямъ принимать и держать у себя бѣглыхъ, о взысканіи съ такихъ лицъ денежнаго штрафа и т. д. Борьба съ бѣгствомъ и съ бѣглыми пріобрѣтаетъ большіе размѣры, и можно думать, что правительственные указы этого времени являются лишь отголоскомъ стремленій и заботъ тогдашнихъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, наказъ владимирскаго и костромского вотчинника Мещеринова, данный имъ въ 1688 г. своему приказчику, посланному въ Алатырскій и Саранскій уѣзды для поимки бѣжавшихъ крестьянъ; наказъ этотъ знакомитъ съ мельчайшими подробностями прекрасно организованнаго поиска, ведшагося при помощи особыхъ агентовъ-спеціалистовъ; десять лѣтъ спустя, „великій государь указалъ и бояре приговорили: для сыску и отдачи бѣглыхъ людей и крестьянъ во всѣ города послать сыщиковъ добрыхъ и знатныхъ и пожиточныхъ“; такъ частная иниціатива была предшественницей дѣйствій правительства. Но борьба съ бѣгствомъ не приводила къ его искорененію; борьба эта и въ новомъ, XVIII в., осталась одною изъ главнѣйшихъ цѣлей крѣпостного законодательства.

Первоначальныя условія развитія крестьянской крѣпости стоятъ въ близкой связи съ кабальнымъ холопствомъ. Окончательное прикрѣпленіе крестьянина къ личности дворянина-землевладѣльца безъ возможности для него законнаго ухода еще тѣснѣе сблизило когда-то свободнаго сельскаго тяглеца съ холопомъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія расширяется власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ, постепенно подчиняется ему личность и трудъ послѣдняго, дается ему въ то же время возможность, по собственному почину, переводить крестьянина изъ деревни къ себѣ во дворъ; въ другихъ случаяхъ хозяйственныя соображенія заставляли землевладѣльца сажать холопа, жившаго въ его дворѣ, на пашню и тѣмъ на самомъ дѣлѣ превращать его въ крестьянина. Фактическая близость крестьянина и холопа стала еще замѣтнѣе, когда перепись 1678 г. впервые сдѣлала холоповъ участниками государственнаго тягла. Такъ сама жизнь засыпала историческую пропасть, отдѣлявшую первоначальнаго раба отъ свободнаго поселянина.

Постепенное закрѣпленіе крестьянина—основная черта въ исторіи сельскаго населенія въ XVII в.; основныя причины этого процесса и существенныя черты его мы сейчасъ прослѣдили; но есть еще обстоятельство, котораго нельзя обойти молчаніемъ. Есть извѣстія, что царь Борисъ въ годы своей славы и величія мечталъ о томъ, чтобы точно опредѣлить повинности крестьянина - земледѣльца въ пользу дворянина - землевладѣльца. Правительство послѣ смуты никогда не задавалось такой мыслью. Его сравнительная слабость вначалѣ, его дворянскія симпатіи позднѣе мѣшали ему въ этомъ. Взаимныя отношенія крестьянъ и дворянъ оставались въ дета-

ляхъ неопредѣленными и недоговоренными; при такомъ положеніи вещей выигрывалъ, конечно, болѣе сильный, и отсутствіе регламентаціи повинностей на дѣлѣ могло только усиливать крестьянскую крѣпость. Однако думать, что правительство сознательно обходило такую регламентацію, преслѣдуя интересы дворянства, было бы ошибочно; содѣйствуя закрѣпленію крестьянъ, оно, съ другой стороны, еще продолжало въ нѣкоторыхъ случаяхъ смотрѣть на нихъ какъ на людей по существу свободныхъ, трудъ которыхъ не могъ быть предметомъ безконтрольной эксплуатаціи дворянина-помѣщика. Такъ, въ 1669 г. царь Алексѣй Михайловичъ „приказалъ стольника князя Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него іюня 6 въ числѣ, въ воскресенье недѣли всѣхъ взятыхъ, на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же, князь Григорій, говорилъ скверныя слова“.

Власть вотчинника; повинности крестьянъ. При отсутствіи законодательной регламентаціи взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ и повинности послѣднихъ въ пользу первыхъ опредѣлялись обычаемъ и требованіями помѣщика. До насъ дошли, преимущественно отъ второй половины вѣка, нѣкоторыя уставныя грамоты, которыя вотчинники, чаще всего монастыри, вводили въ своихъ имѣніяхъ; по своей схемѣ грамоты эти близко напоминаютъ уставныя грамоты, которыя удѣльные князья-вотчинники давали своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; сохранилась хозяйственная переписка нѣкоторыхъ вотчинниковъ съ ихъ имѣніями, сохранились и другіе разнообразные документы экономическаго характера, съ помощью которыхъ возможно набросать общую картину крѣпостныхъ отношеній того времени. Какъ и позднѣе, въ эпоху расцвѣта крѣпостного права, основной формой повинностей крестьянъ было „издѣліе“, или барщина и оброкъ. Можно считать въ настоящее время выясненнымъ, что къ концу XVII столѣтія въ дворцовыхъ вотчинахъ оброчное хозяйство стало безусловно преобладающимъ, тогда какъ пашню на государя пахали почти исключительно въ подмосковныхъ селахъ; для частновладѣльческихъ, равно и монастырскихъ имѣній можно, кажется, подмѣтить очень интересный фактъ: оброчное хозяйство преобладаетъ къ сѣверо-востоку отъ Москвы, барщинное, къ югу отъ нея: такъ давно успѣли сложиться порядки крѣпостного хозяйства, неизмѣнно просуществовавшіе до реформы 1861 г. Уплата денежныхъ оброковъ и отбытіе барщины совершалося иногда съ дворовъ или дымовъ, но чаще всего

Московская дѣвушка (изъ Мейерберга).

съ вытей, въ составъ которыхъ входило отъ 18 до 24 десятинъ въ трехъ поляхъ. Размѣры оброка, насколько можно судить по многочисленнымъ, хотя все же отрывочнымъ примѣрамъ, бывали очень разнообразны; наиболѣе дешевые оклады — до 3 руб. на вытѣ, встрѣчаются въ дворцовыхъ селахъ; въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ они возвышались до 24 руб. съ выти. Размѣры барщинныхъ повинностей колебались настолько, что вывести какія-либо общія нормы невозможно. Въ вотчинахъ боярина Б. И. Морозова боярской пашни приходилось отъ 1 до 4 десятинъ на выть. Независимо отъ оброка или барщины, крестьяне должны были платить помѣщику извѣстное количество столовыхъ запасовъ. Въ нижегородскихъ вотчинахъ того же Морозова съ выти шло въ пользу боярина ежегодно 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста; дворцовое село Андревское, Переяславскаго уѣзда, поставляло въ большой дворецъ 89 барановъ, $15^3/_4$ сыровъ, 98 яицъ, 12 гусей, $1^5/_{16}$ чет. орѣховъ и $^1/_2$ ведра сметаны. Всѣ платежи и взносы платились обыкновенно къ Рождеству и къ Петрову дню, т.-е. въ тѣ же два срока, въ какіе вносился въ удѣльные вѣка намѣстничій кормъ. Во второй половинѣ вѣка, несмотря на частыя войны, встрѣчается много указаній на то, что помѣщикъ часто и много живетъ въ своихъ помѣстныхъ вотчинахъ. Постепенныя реформы военнаго строя дѣлали свое дѣло, и старая дворянская конница отживала свой вѣкъ еще до Петра. Въ бытность свою въ деревнѣ дворянинъ и былъ хозяиномъ крестьянина и его труда. Въ отсутствіе землевладѣльца его замѣнялъ приказчикъ, большею частью изъ тѣхъ же крестьянъ или даже холоповъ, который и осуществлялъ помѣщичью власть во всемъ ея объемѣ, т.-е. велъ боярское хозяйство, собиралъ все, что должны были вносить крестьяне, и собиралъ тягло государственное и, наконецъ, замѣнялъ владѣльца въ качествѣ судьи, такъ какъ вотчинный судъ, существовавшій издавна, въ XVII в. находилъ себѣ постепенно болѣе широкое примѣненіе. И въ этой сферѣ вотчина времени царя Алексѣя носила черты близкаго и родственнаго сходства со старшимъ удѣльнымъ княжествомъ, гдѣ князь-судья передавалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свою власть своему тіуну, намѣстнику или волостелю.

Молодая дѣвушка и замужняя женщина (изъ Мейерберга).

Народныя волненія XVII вѣка. Въ началѣ XVII столѣтія низшіе слои общества нашли въ себѣ силы протестовать противъ голода, разоренія, поборовъ и всѣхъ невзгодъ соціальныхъ и экономическихъ, которыя сыпались на нихъ и при старой династіи, и при царѣ Борисѣ. Это былъ шумный, но малокультурный протестъ, который этими самыми свойствами своими былъ заранѣе осужденъ на неуспѣхъ. Народная масса долго волноваться не можетъ; приливъ смутнаго времени прошелъ и смѣнился отливомъ и застоемъ. Оттого царствованіе Михаила Θеодоровича такъ тихо и спокойно; тихо не только внутри страны, но на югѣ, въ „прежде погибшей" Украйнѣ и на Дону, гдѣ буйные и бродячіе элементы, истершіеся и истратившіеся въ смуту, почти сведены на нѣтъ.

Но причины народнаго недовольства, создавшія Хлопка, Болотникова и самозванцевъ, не исчезли. Увеличеніе государственнаго тягла и крѣпостное право продолжаютъ поднимать съ мѣста наиболѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ тяглецовъ Московскаго государства и гонятъ ихъ на южный степной просторъ. Какое большое значеніе имѣли побѣги крестьянъ въ XVII в., мы уже видѣли. Правительство борется съ побѣгами и старается пресѣчь ихъ. Часть бѣглецовъ, несмотря ни на какія препятствія, осѣдала на новыхъ условіяхъ въ украинныхъ городахъ юга, другая часть уходила далѣе на Донъ, за предѣлы Московскаго государства, на полную волю, и такимъ образомъ тамъ вновь накопляется тотъ самый горючій матеріалъ, который разъ уже зажегъ пожаръ на Руси. Частичныя вспышки, бунты и возстанія, ознаменовавшіе первые годы царя Алексѣя Михайловича, были зловѣщими признаками растущаго недовольства. Разорительныя войны съ Польшей еще ухудшили дѣло, и когда донское голутвенное казачество, пополнившееся за полвѣка бѣглецами изъ Московскаго государства, пошло на это государство въ исходѣ 60 годовъ подъ предводительствомъ Разина, оно тотчасъ вызвало

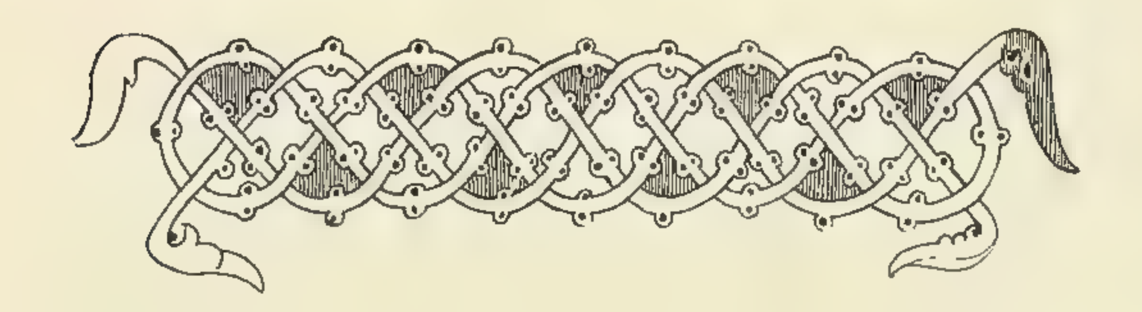
STEPHANUS RAZINUS, PERDUELLIS MOSCOVICUS †. 1671.

Стенька Разинъ, апокрифическій современный портретъ.

такой же отзвукъ сочувствія среди крѣпостного крестьянства, какой когда-то встрѣчалъ на своемъ пути Болотниковъ.

И самое движеніе и его отдѣльныя развѣтвленія сильно напугали Москву, но боязнь эта была преувеличенной и напрасной. Громадное возстаніе, стихійной волной приближавшееся, казалось, къ столицѣ, росло только до первой неудачи. Кн. Барятинскій однимъ указомъ сломилъ его подъ Симбирскомъ, и призракъ грозной государственной опасности разсѣялся такъ же быстро, какъ и появился. Трудно думать, что могло быть иначе. Движеніе Разина еще менѣе, чѣмъ сходныя съ нимъ движенія смутнаго времени, ставило себѣ какія-либо положительныя и сознательныя задачи. Его рычагомъ было народное недовольство; но цѣлью предводителей былъ только грабежъ и разрушеніе, и могучій ударъ, ложно направленный, не нанесъ вреда тому, для кого онъ былъ предназначенъ. Какъ и въ смуту, мирное и зажиточное крестьянство сѣвернаго Поволжья само боролось „съ ворами“: ветлужскіе станы, закрѣпощенные всего за полвѣка передъ тѣмъ, сами во главѣ съ боярскими „прикащиками“ истребили шайки, пытавшіяся поднять Ветлугу. Разрушеніе и анархія, не подкрѣпляемыя никакимъ положительнымъ началомъ, не могли ни увлечь, ни осилить даже такихъ крестьянъ, если только они были болѣе культурны и экономически болѣе сильны. Возстаніе Разина прошло безъ всякаго результата для исторіи крестьянства; оно показало лишь, что анархическій бунтъ, въ качествѣ единственнаго способа протеста, не могъ задержать дальнѣйшаго развитія крестьянской крѣпости.

Ю. Готье.

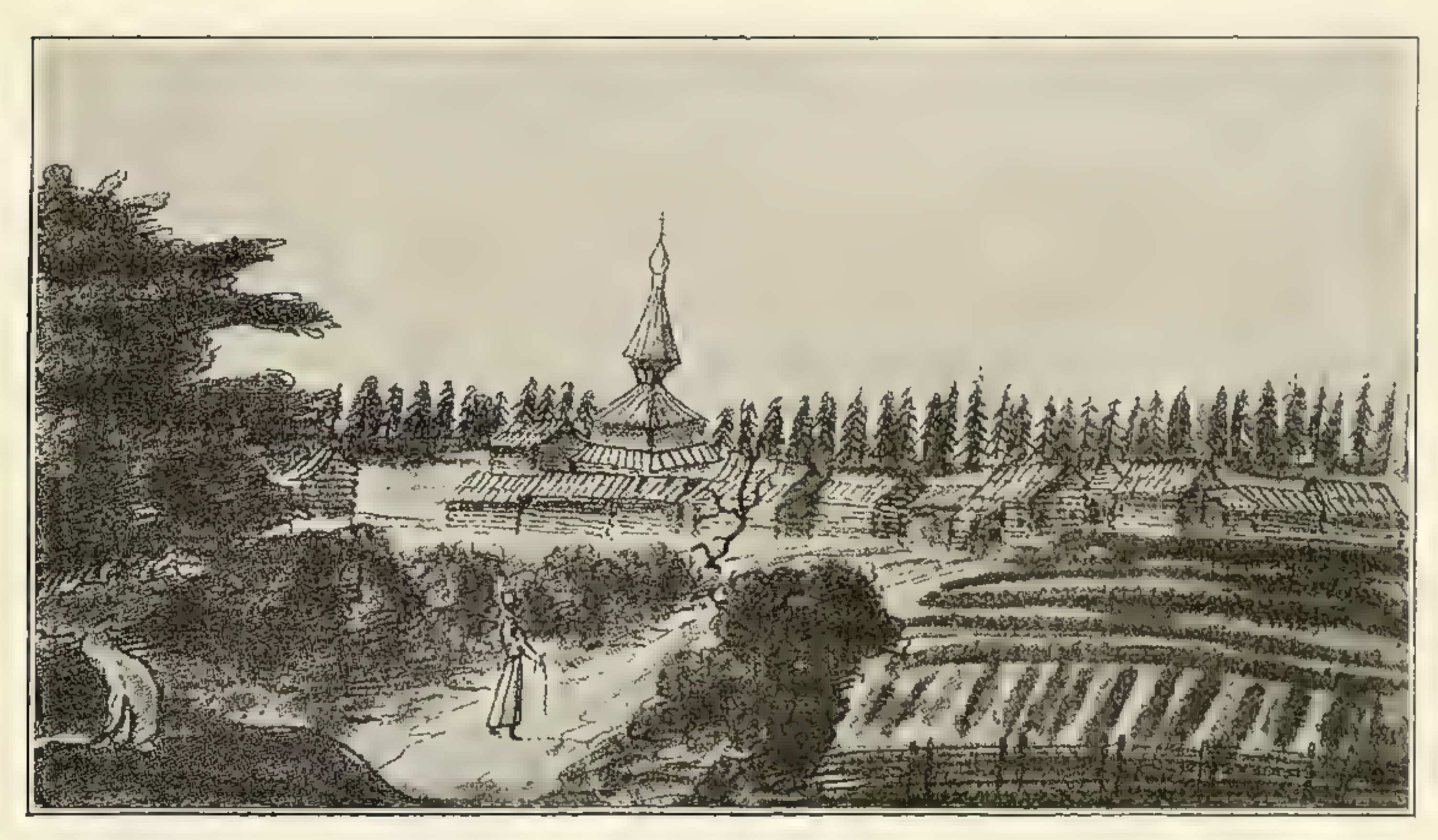
Поморье въ XVII вѣкѣ.

Проф. М. М. Богословскаго.

Въ XVII в. закрѣпощеніе крестьянъ дѣлаетъ быстрые успѣхи и къ концу столѣтія охватываетъ главную массу крестьянъ. Однако нѣкоторая доля крестьянскаго населенія остается внѣ сферы дѣйствія крѣпостного права и сохраняетъ свободу. Таковы были черные или черносошные, государственные крестьяне, обитавшіе на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, въ предѣлахъ теперешнихъ губерній: Олонецкой, Архангельской, Вятской, Пермской и сѣверной части Вологодской, въ мѣстностяхъ, которыя назывались въ XVI и XVII вв. „Поморьемъ". Черносошные крестьяне встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ московскаго государства; но главная масса ихъ сосредоточивалась именно въ Поморьѣ. Свободное крестьянство исчезало въ центрѣ и на югѣ Московскаго государства, гдѣ развивалось служилое землевладѣніе, вотчинное и помѣстное, гдѣ правительство, организуя оборону страны отъ татаръ и поляковъ, жаловало черныя, занятыя черными крестьянами земли въ вотчины дворянству, и гдѣ оно тысячами испомѣщало служилыхъ людей, раздавая имъ черныя земли въ помѣстья. Остатокъ фонда черныхъ земель, въ замосковной, центральной области государства, уцѣлѣвшій къ XVII столѣтію, былъ окончательно расхватанъ въ этомъ вѣкѣ служилыми руками, и прежніе черные, свободные крестьяне оказались въ зависимости отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, къ которымъ они попали съ черными землями. Въ Поморьѣ служилаго землевладѣнія, дворянской вотчины и помѣстья, совсѣмъ не было. Служилый людъ тамъ не былъ нуженъ, такъ какъ сѣверная граница государства была безопасна. Испомѣщать же дворянъ въ Поморье для того, чтобы двигать дворянскіе полки отсюда на защиту южной и западной границы

было неудобно, такъ какъ передвиженія военныхъ силъ на такія далекія разстоянія были затруднительны. Такимъ образомъ свободѣ чернаго крестьянства въ Поморьѣ не грозила опасность со стороны дворянской вотчины или помѣстья. И поэтому оно здѣсь и уцѣлѣло отъ крѣпостного права. По отношенію ко всей массѣ крестьянства оно представляло изъ себя лишь незначительную долю. По переписи тяглаго населенія для государства, произведенной въ 1678 г., было насчитано всего 888 т. посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ Изъ этого числа 796 т. крестьянскихъ дворовъ, т.-е. 89,6%, находилось на земляхъ церковныхъ, дворцовыхъ и служилыхъ. Только 92 т. дворовъ, т.-е 10,4%, приходилось на долю посадскихъ людей и черносошныхъ крестьянъ Слѣдовательно, можно сказать, что черносошное крестьянство составляло менѣе $^1/_{10}$ всего тяглаго населенія.

Терминъ „черный“ значилъ въ древней Руси: ничей въ отдѣльности общій, мірской. Черная земля—это земля ничья, общая; но уже издавна въ Московскомъ государствѣ установился взглядъ, по которому земля, никому не принадлежавшая, считалась государственной. Черная земля, слѣдовательно,— земля государственная, а крестьяне, во владѣніи которыхъ она находилась, назывались черными, т.-е. государственными. На какомъ правѣ они владѣли этою землею? Въ ихъ взглядѣ на землю нельзя не замѣтить нѣкоторой двойственности. Обыкновенно свои участки они называютъ вотчинами, а себя—ихъ вотчичами и совершаютъ на эти вотчины всѣ тѣ акты распоряженія, какіе знаетъ частная собственность, т.-е. продаютъ ихъ, закладываютъ, мѣняютъ, дѣлятъ, отказываютъ по душѣ и т. д. Но размышляя о своихъ правахъ на черную землю, они въ то же время указываютъ на государство, какъ на верховнаго собственника этихъ земель, признавая за собою лишь право владѣнія и выражаясь о своей землѣ такъ: „земля царева и великаго князя, а моего владѣнія“, „земля великаго князя, а отцовское и мое поспліе“. Но если у черныхъ крестьянъ взглядъ на ихъ земли двоился, то московское правительство послѣдовательно проводило мысль о черной землѣ, какъ о государственной. На эту землю оно налагало главную массу налоговъ, дѣлая ее основнымъ источникомъ казеннаго дохода. Оно воспрещало пользоваться пустыми черными землями безъ платежа оброка казнѣ. Населенныя черныя земли, т.-е. эти крестьянскія „вотчины“, оно иногда жаловало отдѣльнымъ лицамъ или церковнымъ учрежденіямъ помимо воли вотчинниковъ—крестьянъ. Наконецъ, оно отдѣльными указами стѣсняло и ограничивало права распоряженія крестьянъ ихъ землею, запрещая переходъ черныхъ земель въ нетяглыя руки. Эти мѣры были завершены въ XVIII в. межевыми инструкціями 1754 и 1766 гг., которыми окончательно воспрещено было поморскимъ крестьянамъ распоряженіе ихъ землею. На крестьянскіе участки, на эти „вотчины“, правительство XVII и XVIII вв. смотрѣло какъ на надѣлы казенной земли, отдаваемые крестьянамъ для обезпеченія платежа казенныхъ податей.

Село Зимогорье въ Новгородской губерніи (изъ Мейерберга).

Черносошное крестьянство въ XVII в. подраздѣлялось на три группы, носившія названія: крестьянъ, половниковъ и бобылей. Крестьяне владѣли участками черной земли, распоряжаясь ими какъ собственники. Половники не имѣли своихъ участковъ; они рядились, какъ арендаторы на чужую землю, главнымъ образомъ, на церковныя земли, но, между прочимъ, и на участки крестьянъ-землевладѣльцевъ. Половничій договоръ съ хозяиномъ земли бывалъ обыкновенно краткосроченъ. Половникъ нанимался на годъ, на два или на три и работалъ обыкновенно изъ доли урожая, чаще всего, можетъ-быть, исполу. Бобыли на сѣверѣ въ XVII в. обыкновенно—непашенные люди, ремесленники, рабочіе на соляныхъ, рыбныхъ и другихъ промыслахъ. Бобыльскіе „дворцы" мы встрѣчаемъ обычно возлѣ церкви на погостѣ; они облагаются за право промысла особымъ тягломъ въ казну, носящимъ названіе „бобыльскаго оброка". Наиболѣе многочисленной изъ этихъ трехъ группъ, значительно превосходившей остальныя, были крестьяне-землевладѣльцы. Такъ, напр., въ 70 годахъ XVII в. можно насчитать въ Кевральскомъ уѣздѣ 95% крестьянъ, 1% половниковъ и 4% бобылей. Въ то же время въ Устьянскихъ волостяхъ 98% крестьянъ и 2% бобылей.

Поморское крестьянское землевладѣніе отличалось значительными особенностями. Сѣверныя деревни въ XVII в. въ однихъ мѣстахъ разбросаны одна отъ другой на далекомъ разстояніи, въ другихъ, наоборотъ, ютясь по берегу рѣки, тѣсно жмутся одна къ другой и вытягиваются узкою лентой по береговой полосѣ, представляющей изъ себя единственное удобное мѣсто для обработки. Въ томъ и другомъ случаѣ, и при разбросанности и при

смежности деревень, обыкновенно сѣверная деревня состоитъ изъ очень небольшого числа дворовъ, нерѣдко даже изъ одного двора. Деревня—однодворка служитъ первоначальнымъ типомъ деревни. Крестьянскій дворъ представляетъ собою группу построекъ, въ центрѣ которыхъ находится жилое зимнее помѣщеніе, — „изба“ съ примыкающими къ ней одною или нѣсколькими „клѣтями“, въ качествѣ лѣтняго жилья, расположенными на подклѣтѣ, служащемъ кладовою Вблизи отъ избы находятся хозяйственныя постройки, въ которыхъ ставится скотъ или хранятся разные хозяйственные запасы: хлѣвъ, сарай, сѣнникъ, житница. Иногда въ особой постройкѣ помѣщается поварня. Поодаль отъ группы дворовыхъ строеній стоятъ задворныя, внѣ двора расположенныя, постройки: баня, овинъ съ гумномъ, мякинница. Населеніе двора очень малолюдно. По переписямъ 70 годовъ XVII столѣтія, тщательно перечисляющимъ все мужское населеніе двора: взрослое и малолѣтнее, средняя цифра душъ мужского пола въ крестьянскомъ и половничьемъ дворѣ колеблется по поморскимъ уѣздамъ отъ $2,_2$ до 4. Населеніе бобыльскихъ дворовъ еще того меньше; оно колеблется отъ 1 до $2,_3$ мужского пола. Населеніе двора состоитъ изъ родственниковъ и изъ чужеродныхъ элементовъ, связанныхъ между собою различными юридическими отношеніями, договорами: найма земли и жилого помѣщенія или только жилого помѣщенія, личнаго найма.

Поморскій старообрядецъ XVIII в.
(изъ книги прот. Іоаннова. Изд. 1795 г.).

Нерѣдко родственные и чужеродные элементы оказываются совладѣльцами. Такіе совладѣльцы называются въ актахъ XV—XVII вѣковъ „складниками“. Совладѣніе—„складничество“ возникаетъ изъ сонаслѣдованія, когда наслѣдники владѣютъ сообща доставшимся по наслѣдству имуществомъ или изъ отчужденія идеальной доли имущества въ другія руки: очень часто сонаслѣдники-родственники отчуждаютъ свои идеальныя доли въ общемъ имуществѣ на сторону, и такимъ образомъ въ семейное складничество приходитъ чужой совладѣлецъ, пріобрѣтатель доли. Наконецъ, совладѣніе

возникаетъ изъ договора товарищества, составляющагося для достиженія какихъ-либо общихъ хозяйственныхъ цѣлей. Такое товарищество могло возникать для торговаго дѣла, для занятія какимъ-либо ремесломъ,—словомъ, для всякаго предпріятія, требующаго экономическихъ рессурсовъ. Въ сѣверныхъ деревняхъ товарищества организовывались для эксплуатаціи земледѣльческаго, соляного или рыбнаго промысловъ. Члены ихъ складывались и трудомъ и капиталомъ. Общій капиталъ товарищества могъ заключаться какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ: въ деньгахъ, орудіяхъ, дворѣ, земельныхъ участкахъ.

Старообрядецъ XVIII в.

Какъ семейный союзъ, такъ и чужеродное складничество, владѣя деревней, могли жить въ одномъ дворѣ или разселялись по нѣсколькимъ дворамъ, продолжая владѣть землею сообща. Какъ товарищество на паяхъ, складничество постоянно измѣнялось въ своемъ личномъ составѣ. Благодаря семейнымъ и товарищескимъ раздѣламъ и отчужденію долей на сторону, паи товарищества умножаются и мельчаютъ. Появляются „жеребьи деревни“: не только трети и четверти деревень, а и четырнадцатыя, шестнадцатыя и тридцать вторыя доли деревни. Но, распоряжаясь своими долями, какъ полной собственностью, члены семейнаго союза или товарищества разсматриваютъ эти доли, какъ идеальныя, не дѣлятъ деревни реально и долго продолжаютъ пользоваться деревенскими угодьями сообща. Такое землевладѣніе принято называть долевымъ.

Посмотримъ теперь на составъ самой сѣверной „деревни“. Прежде всего припомнимъ, что деревней на древне-русскомъ сѣверѣ называлось не то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ этимъ словомъ, не поселокъ, состоящій изъ крестьянскихъ дворовъ независимо отъ земель, принадлежащихъ его жителямъ, а нѣкоторое хозяйственное цѣлое, въ составъ котораго входятъ дворъ и совокупность принадлежащихъ къ нему угодій. Это цѣлое, какъ мы сказали бы теперь, имѣніе и называется деревней, нося обыкновенно какое-нибудь собственное

имя. Если такое имѣніе дѣлится, напримѣръ, между сонаслѣдниками, ихъ доли будутъ называться полудеревнями, третями деревни и т. д., такъ что понятіе о деревнѣ какъ о цѣлой величинѣ не утрачивается и при раздѣлѣ ея на части. Въ составъ деревни входитъ усадебная земля, т.-е. земля подъ дворовыми постройками, садовая земля, хмельникъ, „огородцы“: капустникъ, конопляникъ, гумно. Затѣмъ идетъ полевая земля, носящая во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ названіе „горней“ — отъ того мѣстоположенія, которое она занимаетъ, находясь выше дворовъ на береговой полосѣ рѣки, такъ какъ это возвышенное мѣсто берега является наиболѣе удобнымъ, а иногда даже единственно возможнымъ для обработки. Къ этимъ видамъ угодій присоединяются еще сѣнокосы, лѣса, пастбища, рыбныя ловли и охотничьи угодья. Всѣ эти виды угодій перечисляются съ большею или меньшею подробностью въ купчихъ и закладныхъ на деревни и доли деревень, напр., „продалъ есми треть деревни, землю и съ дворомъ... и съ огородцы: съ капустникомъ и съ конопляникомъ, и съ гумномъ, и съ овиномъ, и со всѣмъ огуменникомъ, и съ польми, и съ пожнями, и съ озерными истоки, и съ перевѣсы, и съ лѣтовищемъ, и съ запольемъ, и съ путики, и съ прислонами, и съ березникомъ, и съ лѣсами сухими и сырыми, и съ чертежомъ (пространство лѣса, очерченное въ знакъ его захвата)... и со всѣмъ угодьемъ, что къ тому жеребью изстари потягло, куда топоръ ходилъ и плугъ, и соха, и коса, и борона ходили“. Эти выраженія земельныхъ актовъ: „куда соха, коса и топоръ ходили“, свидѣтельствуютъ, что деревня, какъ совокупность угодій, обязана своимъ происхожденіемъ заимкѣ, захвату пустопорожнихъ земель, размѣры котораго опредѣлялись рабочими силами деревни. Было время, когда въ сельскомъ хозяйствѣ сѣвера единственною практиковавшеюся системой была такъ называемая „подсѣчная система“. На захваченномъ участкѣ рубился и выжигался лѣсъ, выкорчевывались пни, и получавшаяся такимъ образомъ „новина“ засѣвалась хлѣбомъ, давала подъ рядъ нѣсколько обильныхъ урожаевъ, и затѣмъ истощенная покидалась захватившимъ ее земледѣльцемъ, который отыскивалъ другой участокъ подъ новину. Впослѣдствіи на ряду съ подсѣчной системой возникаетъ на сѣверѣ трехполье, и тогда пашня сѣверной деревни появляется въ двухъ видахъ: 1) „присельная пашня, прилегающая къ дворамъ, на которой ведется правильный сѣвооборотъ; 2) новина на захватываемыхъ участкахъ въ лѣсу, гдѣ ведется подсѣчное хозяйство. Послѣднее продолжаетъ въ XVII в. держаться рядомъ съ трехпольемъ, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Онежскомъ краѣ, господствуетъ надъ нимъ. И соотвѣтственно этому, кромѣ присельной трехпольной пашни, повсюду у сѣверныхъ крестьянъ въ XVII в. мы встрѣчаемъ еще „отхожія“ пашни, „отъ деревень версты за двѣ, и за три, и за пять, и за десять заимки, которыя они распахивали на участкахъ, расчищенныхъ изъ-подъ выжигавшагося при этомъ дѣвственнаго лѣса; такія новины выжигались

въ однихъ случаяхъ единичнымъ хозяйствомъ, въ другихъ—общими силами складниковъ и тогда дѣлились между ними.

На этихъ двухъ видахъ пашни: присельной землѣ съ трехпольемъ и на заимкахъ съ подсѣчнымъ хозяйствомъ, развиваются два юридически различные виды землевладѣнія. На заимкахъ, росчистяхъ, требующихъ затраты особенно напряженнаго труда, вырабатывается право личной частной земельной собственности. Господствовавшая нѣкогда на сѣверѣ заимочная форма землепользованія и создала ту идею личной собственности, или, точнѣе, владѣнія, съ которой мы встрѣчаемся въ Поморьѣ XVI—XVII вв. Съ другой стороны, на присельной землѣ, которая облагается тягломъ по мѣрѣ умноженія складниковъ въ деревнѣ, владѣніе становится сложнымъ. Появляются черезполосицы и уравненія полей по долямъ тягла, зарождаются, такимъ образомъ, элементы для развитія общиннаго землевладѣнія.

Сѣнокосы можно встрѣтить въ сѣверной деревнѣ XVII в. въ двоякой формѣ владѣнія. Есть сѣнокосы, находящіеся въ личномъ владѣніи, такъ что на нихъ пишутся крѣпостные акты съ обозначеніемъ ихъ границъ. Въ такомъ личномъ владѣніи оказываются сѣнокосы на мѣстахъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса. Слѣдовательно, также заимки, на которыя приходилось затрачивать интенсивный трудъ. Но тамъ, гдѣ не требовалось интенсивнаго труда на расчистку, сѣнокосъ остается въ общемъ владѣніи складниковъ, при чемъ послѣдніе пользуются имъ пропорціонально своимъ владѣльческимъ долямъ или долямъ приходящагося на каждаго тягла. Въ такомъ же общемъ пользованіи складниковъ деревни находится выгонъ—„поскотина“. Размѣры поль-

Коломна—богатое село съ церковью въ Новгородской губерніи (изъ Мейерберга).

зованія въ этомъ случаѣ выражаются иногда въ регулированіи числа головъ скота, которое могъ высылать на выгонъ каждый соотвѣтственно своей долѣ. Лѣсныя угодья раздѣляются въ писцовыхъ книгахъ XVII в. на нѣсколько видовъ. Книги различаютъ лѣсъ пашенный—молодая поросль на запущенной пашнѣ, отъ непашеннаго. Пользованіе пашеннымъ лѣсомъ также должно было быть пропорціонально владѣльческой долѣ или тяглу. Наконецъ, большой дѣвственный лѣсъ, покрывавшій собою „суземье", т.-е. пространство между рѣками, по которымъ тянулись деревни, носилъ названіе „чернаго". Въ этомъ ничьемъ, общемъ, государственномъ лѣсу свободно дѣлались заимки и расчищались новины. Такъ называемый Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича, неофиціальный юридическій сборникъ конца XVI в., составленный человѣкомъ, хорошо знавшимъ сѣверные юридическіе хозяйственные порядки, предоставляетъ эксплуатацію этого лѣса подъ пашню въ какомъ угодно количествѣ каждому, кто желаетъ, безъ всякаго предварительнаго раздѣла между складниками, какъ это требуется Судебникомъ относительно пашеннаго лѣса. „А черный лѣсъ пахати въ суземкѣ просто безъ дѣлу... кто сколько можетъ; то лѣсъ вотчій, царевъ и великаго князя" [1]). Черный лѣсъ служилъ мѣстомъ охотничьихъ промысловъ; здѣсь прокладывались лѣсныя тропинки—„путики", на которыхъ ставили силки и „перевѣсища" для ловли птицъ и звѣрей. Рыбныя ловли въ озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ такъ же, какъ и лѣсные охотничьи путики, находились—однѣ въ личномъ владѣніи, другія въ владѣніи особыхъ болѣе или менѣе многолюдныхъ товариществъ, устраивавшихъ для ловли рыбы разнаго рода приспособленія. Такія товарищества составлялись то внутри деревенскаго союза, то съ участіемъ чужедеревенцевъ, при чемъ пользованіе регулировалось или очередью, или раздѣломъ продукта. Большія рыбныя ловли составляли, какъ и черный лѣсъ, общія угодья нѣсколькихъ деревень и даже цѣлыхъ волостей. Пользованіе этими угодьями выводило деревенскій союзъ изъ предѣловъ деревни и вводило его, какъ составную часть, въ болѣе сложныя организаціи: группы деревень, волостки и цѣлыя волости.

Совокупность указанныхъ угодій и составляла деревню въ Поморьѣ XVII в. Немногіе, гнѣздящіеся по берегу рѣки дворы, съ ихъ довольно разнообразными постройками, съ огородцами и прилегающими къ дворамъ огороженными полями, съ общими лугами и обособленными сѣнокосами отдѣльныхъ дворовъ, съ обрамляющей пашню и сѣнокосъ и уходящей за горизонтъ каймой чернаго лѣса, въ которомъ здѣсь и тамъ выжжены небольшія полянки подъ пашни и проложены путики для охотничьихъ промысловъ—таковъ внѣшній видъ этой деревни. Ея жители представляютъ собой семейный союзъ, или союзъ, возникшій изъ семейнаго, осложненный

[1]) Суд. Ѳеодора Іоанновича, ст. 175.

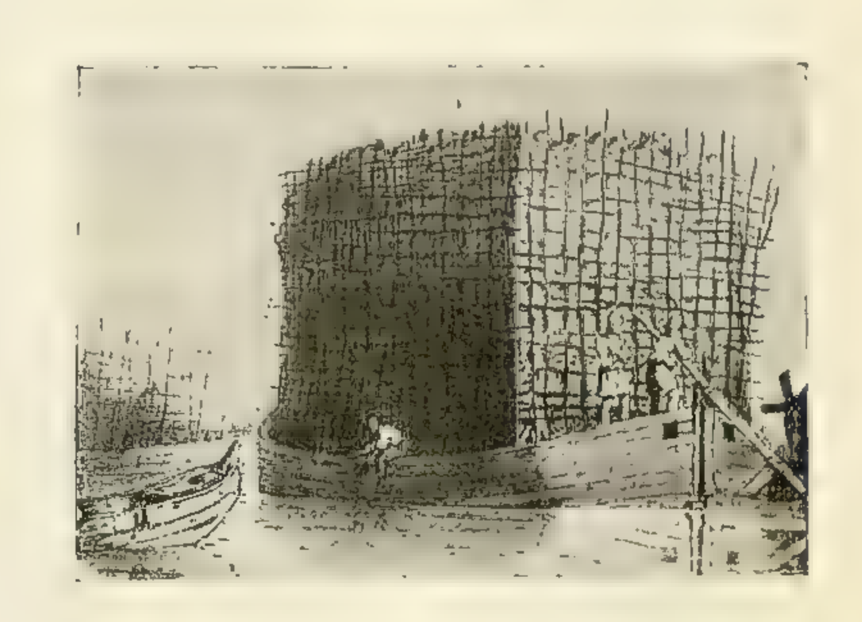
Шутъ.

(Картина бар. *Клодта*).

затѣмъ привзошедшими чужеродными элементами, или, наконецъ, союзъ, развивавшійся изъ первоначальнаго товарищества, основавшаго деревню. Въ XVII в. члены деревенскаго союза —„складники“ владѣютъ деревней, какъ общимъ имуществомъ, имѣя въ немъ каждый свою идеальную долю, и различнымъ образомъ пользуются разнаго рода угодьями. Дворы и пашни у нихъ въ болѣе раздѣльномъ, остальныя угодья въ болѣе общемъ пользованіи. Изъ общаго имущества союза выдѣляются и обособляются угодья, на разработку которыхъ затраченъ наиболѣе напряженный трудъ, какъ, напр., пашни и сѣнокосы на лѣсныхъ росчистяхъ [1]).

Древне-русская сѣверная деревня не была земельной общиной, если подъ общиннымъ владѣніемъ разумѣть такое, при которомъ само владѣющее землей общество представляетъ собою цѣлое, гдѣ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ совершенно равны правамъ каждаго другого члена. Общинѣ земля принадлежитъ, какъ единому нераздѣльному цѣлому, и затѣмъ дробится на участки, находящіеся во временномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ. Складническій деревенскій союзъ сѣвера не есть община, не есть единое нераздѣльное цѣлое. Это только совокупность правъ отдѣльныхъ составляющихъ его членовъ,—правъ, точно выраженныхъ и притомъ неравныхъ одно другому. Складническій союзъ владѣетъ деревней сообща, но права каждаго изъ входящихъ въ союзъ складниковъ различны: доля одного, напр., половина деревни, другого — четверть, третьяго — одна восьмая и т. д. Доли владѣній членовъ общины въ общемъ имуществѣ зависятъ только отъ числа членовъ общины, доля каждаго всегда равна единицѣ, дѣленной на число членовъ; онѣ не могутъ измѣняться по волѣ ихъ владѣльцевъ, которые не имѣютъ права ими распоряжаться. Въ общинѣ личное, неограниченное и безконтрольное распоряженіе долями владѣнія невозможно. Доли членовъ складническаго союза измѣняются по усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ, которые могутъ ихъ уменьшать, дробя и отчуждая по частямъ, или увеличивать, пріобрѣтая чужія доли. Складническій союзъ есть совладѣніе, иногда товарищество, основанное на договорѣ, иногда совладѣніе безъ договора, а не община, и владѣніе его только общее, а не общинное. Складники владѣютъ

Баржа съ дровами
(англ. изд. XVIII в.).

---

[1]) Богословскій, «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.», I гл., 10.

долями на правахъ полной собственности, распоряжаются ими неограниченно и безъ всякаго контроля со стороны союза.

Какъ при всякомъ совладѣніи и во всякомъ товариществѣ, идеальныя доли совладѣльцевъ могутъ быть реализированы посредствомъ раздѣла общаго имущества во всемъ его объемѣ, „во всю землю", по выраженію Судебника Θеодора Іоанновича [1]), или только въ нѣкоторыхъ частяхъ. Раздѣлъ производится въ двухъ формахъ: въ видѣ общаго раздѣла между членами союза и затѣмъ въ видѣ частичнаго выдѣла доли отдѣльнаго складника. Если раздѣлъ владѣній вызывалъ въ комъ-нибудь изъ складниковъ недовольство, если ему казалось, что доставшаяся ему реальная доля не соотвѣтствуетъ его идеальной долѣ, онъ требовалъ повторнаго раздѣла земель деревни, и это былъ передѣлъ земель. Но передѣлы, производившіеся въ складническихъ деревняхъ, не были періодическими, вызывались иными причинами, направлялись къ инымъ цѣлямъ, чѣмъ передѣлы, совершаемые въ нашихъ теперешнихъ крестьянскихъ общинахъ. Въ теперешнихъ общинахъ передѣлы имѣютъ цѣлью уравнительность пользованія общинною землею между всѣми членами общины, права которыхъ равны, и вызываются измѣненіемъ личнаго состава общины. Въ складнической деревнѣ цѣлью передѣла было привести пользованіе въ соотвѣтствіе съ владѣльческими долями, которыя при измѣненіи личнаго состава деревни могли все-таки оставаться неизмѣнными. Владѣльческія доли и служили основаніями для отвода земли при раздѣлахъ и передѣлахъ.

Въ XVII в. все чаще владѣльческая доля начинаетъ обозначаться долею тягла, долею „выти", по которой разверстывалось тягло; поэтому все болѣе тягловая единица, выть или ея дроби, становятся мѣрою, опредѣляющею размѣры права на землю. По ней писецъ отводитъ землю деревнѣ, по ней же требуетъ себѣ земли и крестьянинъ, членъ деревенскаго союза. Понятія земли и тягла связываются. Если размѣры тягла опредѣляются количествомъ обрабатываемой трехпольной пашни, то и обратно, по количеству несомаго тягла, требуется такая пашня въ пользованіе. Укрѣпляется мысль о необходимости соотвѣтствія тягла съ землею и земли съ тягломъ, и эту мысль проводятъ какъ правительство, такъ и сами крестьяне. Правительство, рѣшая спорныя поземельныя дѣла между поморскими крестьянами, постоянно даетъ предписанія раздѣлить землю по тяглу. Такая точка зрѣнія является послѣдствіемъ того взгляда на черную землю, по которому черная земля — земля государственная, отводимая крестьянамъ во владѣніе соотвѣтственно платимому ими тяглу, какъ средство для несенія тягла. Съ точки зрѣнія правительства, черносошнымъ крестьянамъ отводятся надѣлы казенной земли, съ которыхъ они отбываютъ казенныя повинности, и поэтому казна считаетъ

[1]) Стр. 159.

себя въ правѣ время отъ времени пересматривать соотвѣтствіе этихъ надѣловъ съ тягломъ съ нихъ и пріурочиваетъ этотъ пересмотръ къ составленію писцовой книги, являющейся регистраціей тягла.

Другимъ путемъ, но къ тому же требованію приходили и сами крестьяне. Среди поморскихъ крестьянъ XVII в. обозначилось значительное имущественное разслоеніе. На ряду съ группой зажиточныхъ крестьянъ, ведущихъ значительные торги и промыслы и скупающихъ земельные участки, возникаетъ безземельный пролетаріатъ, изъ рукъ котораго эти участки ускользаютъ. Въ состоятельныхъ, имущественно обезпеченныхъ крестьянскихъ кругахъ развивается идея собственности, возникшая изъ трудового захвата, воспитанная хозяйствомъ на лѣсныхъ росчистяхъ и заимкахъ и поддержанная давностью владѣнья отцовъ и дѣдовъ. Слова о землѣ: „великаго князя,

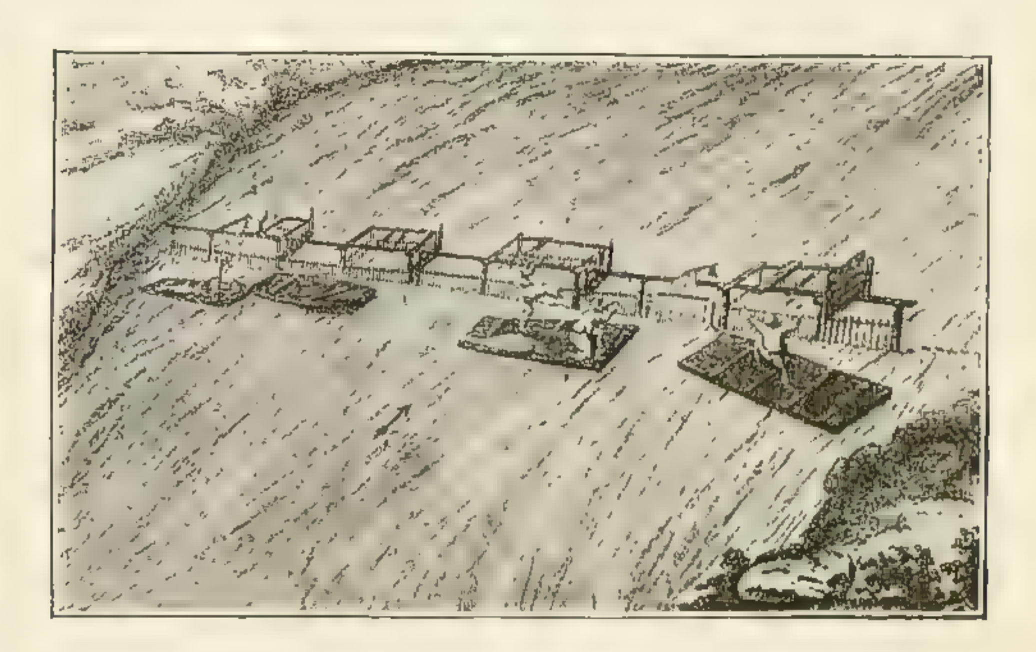
Мѣстечко Мѣдное, Тверской губерніи (изъ Мейерберга).

а моего владѣнья", были у крестьянъ, разумѣется, отвлеченной философіей, которая не мѣшала полному распоряженію земельными участками и скопленію иногда въ однѣхъ рукахъ многихъ участковъ. При той тѣснотѣ на трехпольной пашнѣ, которая стала обнаруживаться по мѣрѣ роста населенія, и при трудности новыхъ заимокъ, доступныхъ только крѣпкимъ хозяйствамъ, въ угнетаемыхъ малосостоятельныхъ деревенскихъ элементахъ замѣчается недовольство захватомъ земли богачами. Эти элементы, не освобожденные всетаки отъ тягла, стремятся къ пересмотру и провѣркѣ землевладѣльческихъ правъ и къ приведенію въ соотвѣтствіе земельныхъ участковъ съ тягловыми нормами. Среди сельскаго пролетаріата не могла не находить себѣ сочувствія мысль о черной землѣ, какъ о землѣ общей, государственной, отдаваемой казною въ

пользованіе пропорціонально тяглой единицѣ, которая служила показателемъ трудовыхъ силъ и хозяйственныхъ средствъ. Отсюда требованіе передѣловъ по тяглу, которое раздается въ XVII в. среди крестьянъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи при ростѣ сельскаго пролетаріата и при все большемъ сосредоточеніи земли въ рукахъ богатыхъ крестьянъ, это требованіе передѣловъ по тяглу стало общимъ для необезпеченной крестьянской массы Поморья, пріурочиваясь къ періодическимъ тяглымъ переписямъ, т.-е. ревизіямъ. Правительство XVIII в. пошло навстрѣчу сельскому пролетаріату Поморья, издавъ въ 1754 и въ 1766 г. межевыя инструкціи. Этими инструкціями завершались законодательныя мѣры XVII в., стѣснявшія распоряженіе поморскихъ крестьянъ землею, пресѣкался среди этихъ крестьянъ земельный оборотъ, и уничтожалась передача земель по наслѣдству. Съ конца XVIII в., поддерживая желанія маломочной крестьянской массы на сѣверѣ, правительство устанавливаетъ указами передѣлы земель по тяглу, по ревизскимъ душамъ. Эти передѣлы должны были производиться не по отдѣльнымъ деревнямъ, слишкомъ мелкимъ, а въ границахъ болѣе крупныхъ союзовъ—волости. Межевыя инструкціи отрицали право личной, частной крестьянской собственности на земельные участки. Земля была признана принадлежащею всей волости; всѣ члены волости, занесенные въ ревизскую перепись, получили равныя права на земельныя обезпеченія, и волость съ теченіемъ времени періодически стала передѣлять между ними землю по тяглу, выражавшемуся въ душахъ. Такимъ образомъ, съ конца XVIII и съ начала XIX в. волость стала на сѣверѣ коллективнымъ субъектомъ владѣнія, состоящимъ изъ равноправныхъ членовъ, владѣющимъ землею, участки которой находятся въ пользованіи, регулируемомъ періодическими передѣлами, т.-е. стала земельной общиной.

Не будучи земельной общиной въ теперешнемъ смыслѣ слова, волость XVII в. на сѣверѣ была, тѣмъ не менѣе, прочно организованнымъ общественнымъ союзомъ. На народномъ языкѣ этотъ союзъ носитъ названіе „міра". На каждомъ шагу своей дѣятельности поморскій крестьянинъ былъ связанъ съ мірской организаціей, къ которой онъ принадлежалъ. Въ міру осуществляются хозяйственные интересы, удовлетвореніе которыхъ было бы не подъ силу отдѣльному человѣку и которые требуютъ коллективнаго труда и средствъ. Поэтому міръ—прежде всего хозяйственный союзъ, сосредоточивающій не только коллективный трудъ, но и обладающій общимъ имуществомъ, которое онъ пріобрѣтаетъ, которымъ распоряжается и которое разными способами эксплуатируетъ. Отдѣльныя деревни принадлежатъ ихъ владѣльцамъ на правахъ частной собственности, и волость до нихъ не касается; но на земли, никѣмъ незанятыя, волость распространяетъ высшую территоріальную власть и защищаетъ ихъ на судѣ отъ захвата посторонними. По народнымъ воззрѣніямъ міръ является не только обладателемъ разнаго рода

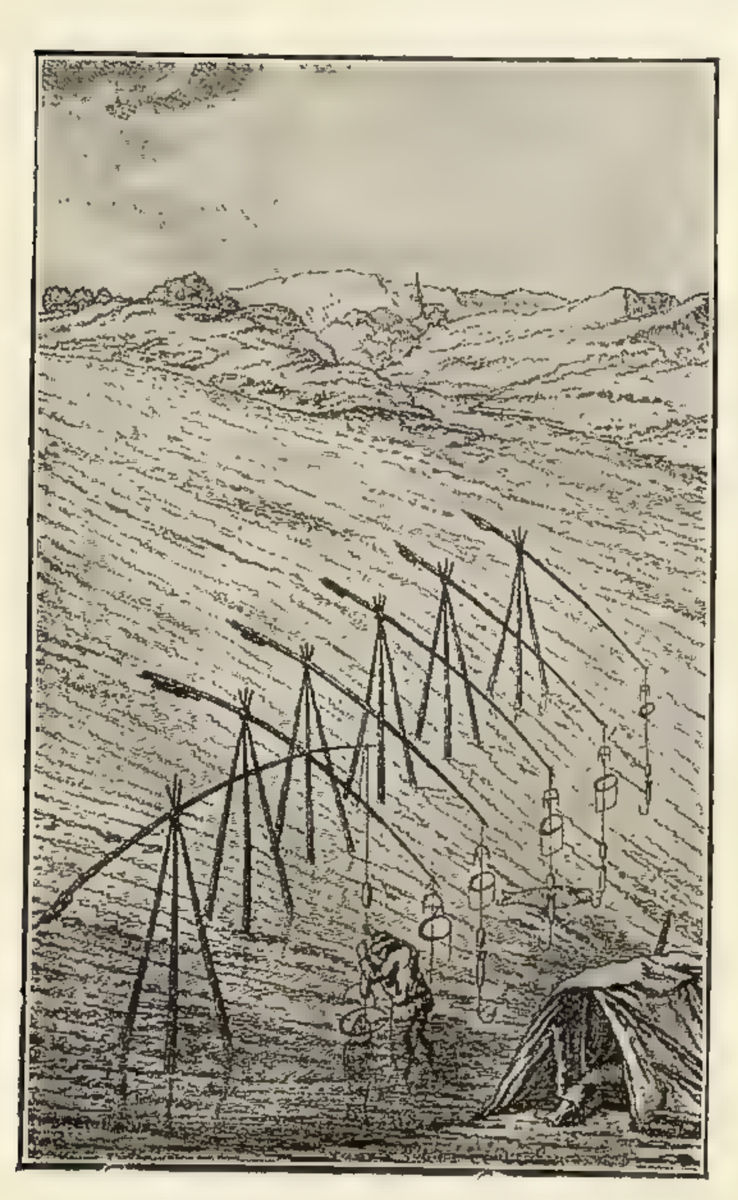
правъ, но и хранителемъ права,—того неписанаго обычнаго права, которымъ преимущественно жило общество древней Руси. Его могла забывать отдѣльная память, но оно прочно хранилось коллективной памятью міра. Какъ знатокъ права, міръ являлся необходимымъ свидѣтелемъ всякаго рода частныхъ сдѣлокъ и публичныхъ актовъ; тѣ и другіе должны были совершаться въ міру, присутствіе котораго сообщало имъ законную силу. Съ теченіемъ времени слишкомъ громоздкое присутствіе міра въ его цѣломъ замѣняется въ этихъ случаяхъ присутствіемъ нѣсколькихъ его членовъ, „добрыхъ людей". Какъ къ блюстителю права, къ міру обращаются въ случаяхъ нарушенія права, подавая „явку", т.-е. дѣлая заявленіе, въ которомъ потерпѣвшій указывалъ на понесенную имъ обиду. Далѣе міръ—не только хранитель права, но и блюститель нравственности: онъ слѣдитъ за поведеніемъ каждаго своего члена; вся жизнь мірского человѣка проходитъ на виду у міра, такъ что въ любой моментъ онъ можетъ дать нравственную характеристику каждаго изъ своихъ членовъ, „одобрить" его или „облиховать" на повальномъ обыскѣ. Міръ заботится также объ удовлетвореніи духовныхъ интересовъ своихъ членовъ. Совпадая съ церковной общиной — приходомъ, онъ сооружаетъ и поддерживаетъ церковь, приглашаетъ священнослужителей, выбираетъ изъ своей среды церковныхъ старостъ, для завѣдыванія хозяйствомъ храма отводитъ церкви земельныя угодья, содержитъ при церкви благотворительныя учрежденія въ формѣ стоявшихъ при церкви избъ и келій, гдѣ жили нищіе, питающіеся мірскимъ подаяніемъ.

Рыбная ловля на Волгѣ, по рисунку 1778 г.

Въ XVI в. государство воспользовалось сложившейся мірской организаціей, приспособляя ее для своихъ цѣлей и поручая ей полицейско-судебную и финансовую функціи. Мірамъ была предоставлена грамотами Грознаго поимка лихихъ людей и судебная расправа съ ними, а также и гражданская юстиція. На міры же возложенъ былъ и сборъ финансовъ, при чемъ въ XVI в. міры были освобождены отъ ближайшаго руководства въ этомъ дѣлѣ прежнихъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ: намѣстниковъ и волостелей. Въ осуществленіи этихъ двухъ функцій и заключалось самоуправленіе, данное крестьянскимъ мірамъ сѣвера Грознымъ.

Волость не была послѣдней ступенью въ земской организаціи сѣвера. Нѣсколько волостей во главѣ съ посадомъ, а иногда и безъ посада, тамъ, гдѣ его не было, смыкаются въ уѣздные или, какъ ихъ называли въ XVII в., „всеуѣздные" міры. Для осуществленія своихъ цѣлей и потребностей каждый мірской союзъ имѣлъ свои органы самоуправленія, одни изъ которыхъ служатъ выразителями воли міра, а другіе—исполнителями этой воли. Выразителемъ воли волостного міра служилъ волостной сходъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ деревень, избиравшій для исполнительныхъ дѣйствій особую земскую администрацію въ лицѣ волостныхъ старостъ, судеекъ, сотскихъ и другихъ болѣе мелкихъ чиновъ. Органомъ всеуѣзднаго міра былъ на сѣверѣ „всеуѣздный земскій совѣтъ", состоявшій изъ депутатовъ отъ волостей и избиравшій всеуѣздную земскую администрацію въ лицѣ всеуѣзднаго старосты.

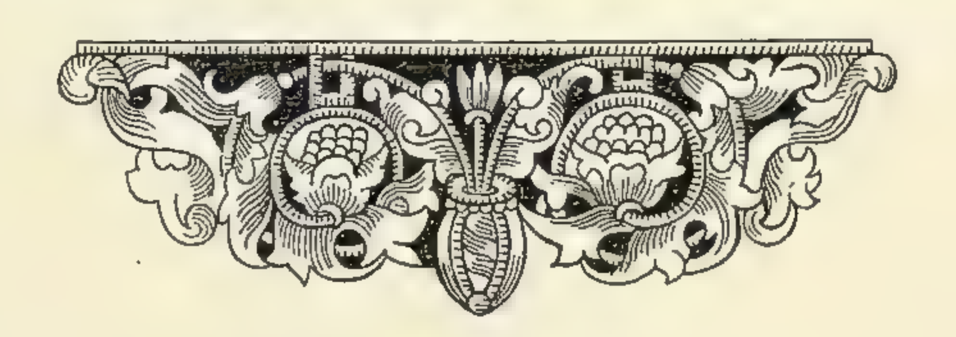

Рыбная ловля на Волгѣ, по рисунку 1778 года.

Такимъ образомъ, поморское крестьянство XVII в. представляется въ видѣ сложной организаціи. Все оно сомкнуто въ многочисленные мелкіе и крупные союзы, начиная складничествами изъ двухъ-трехъ членовъ и небольшими промышленными артелями, восходя затѣмъ до волостныхъ и уѣздныхъ организацій и до союза уѣздовъ въ охватывающія широкія пространства „земли", какъ, напр.: Вятская земля, Пермская земля. Привычка общенія, замѣтная въ этой организаціи, создавалась у поморскаго крестьянства условіями его хозяйственной обстановки. Единичному лицу было не всегда подъ силу бороться съ препятствіями, которыя ставила хозяйственной эксплуатаціи суровая сѣверная природа съ ея дѣвственными лѣсами и непроходимыми болотами. Высказывавшуюся въ нашей исторической литературѣ мысль о томъ, что эта природа воспитывала въ великороссѣ наклонность къ одиночеству, не слѣдуетъ доводить до крайности. Быть-можетъ, конечно, мракъ сѣвернаго лѣса, необъятная даль непривѣтливаго моря или унылая ширь сѣверной рѣки навѣвали на помора угрюмыя думы и развивали въ немъ способность къ сосредоточенію, налагая на него печать своей суровости. Но тѣ экономическія

задачи, которыя ставила ему жизнь на сѣверѣ, необходимо влекли его къ общенію съ другими людьми и связывали поморовъ въ союзы, безъ которыхъ разрѣшеніе этихъ задачъ было бы невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, морскіе промыслы, которыми было занято прибрежное населеніе сѣвера, были невозможны иначе, какъ въ формахъ коллективнаго труда. Такого же труда требовали и рыбныя ловли по большимъ рѣкамъ, производившіяся посредствомъ сложныхъ сооруженій, преграждавшихъ русло рѣки, для построенія которыхъ были необходимы многія руки. То же, хотя, можетъ-быть, и въ меньшей степени, надо сказать и о земледѣліи на сѣверѣ съ расчисткой дремучаго лѣса и съ выкорчевываніемъ вѣковыхъ пней. И нигдѣ въ древней Руси не было такъ распространено общеніе между людьми и не возникало столь разнообразныхъ и столь многихъ экономическихъ ассоціацій, артелей и товариществъ, какъ въ Поморьѣ, съ его морскими промышленными дружинами, съ его волостями, которыя сообща ловили рыбу въ рѣкахъ, съ его сельско-хозяйственными складничествами. Привычку къ общенію и къ самоуправляющемуся союзу приносили съ собою на сѣверъ новгородскіе колонисты, заселившіе этотъ край, а природныя условія, въ которыя они здѣсь попадали, могли только содѣйствовать укрѣпленію этой привычки. Возможно, что навыкъ къ самодѣятельности и духъ свободы, которыми отличается поморское общество, привились къ нему еще со временъ новгородской республики, владѣвшей нѣкогда этими краями. Отсутствіе крѣпостного права на сѣверѣ помогло помору сохранить то чувство собственнаго достоинства, которымъ онъ такъ рѣзко отличается отъ крестьянина центральной мѣстности Россіи и которую онъ вносилъ, входя въ общественные союзы и принимая участіе въ самоуправленіи. Склонность къ общенію въ хозяйственной сферѣ и привычка къ самоуправленію положили свой отпечатокъ на общество древне-русскаго Поморья, и оно получило видъ системы союзовъ, мелкихъ и крупныхъ, до чрезвычайности перепутанныхъ между собою, сплетающихся въ сложное причудливое строеніе, надъ которымъ охватывающимъ куполомъ возвышалось государство [1]).

М. Богословскій.

[1]) Богословскій, «Земское самоуправленіе», I, гл. 11 и 12.

Введеніе подушной подати и крѣпостное право.

Проф. М. М. Богословскаго.

Уже съ начала XVIII в. прежнее подворное обложеніе стало оказываться неудовлетворительнымъ, возбуждая недовольство и въ плательщикахъ и въ правительствѣ. На плательщиковъ подворная подать падала слишкомъ неравномѣрно, частью благодаря естественной неравномѣрности самой податной единицы, частью благодаря тѣмъ злоупотребленіямъ, къ которымъ прибѣгали плательщики, сбивая передъ переписью по нѣскольку дворовъ въ одинъ и тѣмъ искусственно увеличивая эту неравномѣрность. Для казны онъ не давалъ достаточныхъ средствъ на покрытіе усиленныхъ расходовъ, вызванныхъ военными нуждами. Разсчитывая, что со времени послѣдней подворной переписи, производившейся при царѣ Θеодорѣ въ 1678 г., населеніе значительно увеличилось, Петръ предпринялъ новую подворную перепись въ 1710 г. Каково же было, однако, его удивленіе, когда перепись обнаружила самые противоположные результаты! Въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, тогда наиболѣе населенныхъ, не только не обнаружилось прибыли населенія, но оказалась значительная его убыль. На такой характеръ движенія населенія оказали свое дѣйствіе усиленные наборы рекрутъ и работниковъ, которыми отличались первые годы Сѣверной войны и которые вытягивали изъ населенія значительное количество его молодыхъ силъ, массами затѣмъ погибавшихъ въ сраженіяхъ или вслѣдствіе сильно распространенной болѣзненности на корабляхъ и въ рекрутскихъ партіяхъ, которыми новобранцы пересылались въ армію. Громадная смертность развита была также среди работниковъ, собранныхъ для постройки Петербурга, Кронштадта и Ладожскаго канала,

вслѣдствіе плохихъ санитарныхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось работать среди нездоровой, болотистой природы. Наконецъ, масса населенія, раздраженная тягостью повинностей, налагаемыхъ государствомъ, бѣжала изъ его предѣловъ въ тѣ мѣстности, гдѣ бѣглецы разсчитывали укрыться отъ сборщика податей. Колонизація юго-восточныхъ и южныхъ окраинъ приняла тогда усиленный характеръ, благодаря бѣгству русскаго крестьянина съ сѣвера и изъ центра. Такимъ путемъ значительной долѣ населенія удалось уйти на время отъ слишкомъ тяжело давившаго государства и не попасть въ переписныя книги. Для Петра, однако, всѣ эти причины убыли населенія остались незамѣтными. Разочарованный результатами переписи 1710 г., онъ приписалъ обнаруженную ею убыль дворовъ неточности пріемовъ переписи, небрежности переписчиковъ и злоупотребленіямъ плательщиковъ. Взиманіе податей велѣно было продолжать по старымъ книгамъ царя Θедора, что въ значительной мѣрѣ отягчало тѣ мѣстности, гдѣ убыль населенія было дѣйствительнымъ фактомъ.

Петръ I, съ портрета Карла Моора, писаннаго съ натуры въ 1717 г.

Съ тѣхъ поръ мысль о новой податной единицѣ — душѣ — все настойчивѣе занимаетъ Петра. Она же подсказывалась ему въ тѣхъ проектахъ реформъ, которые въ значительномъ количествѣ подавались царю. Авторы проектовъ доходили до новой податной единицы частью самостоятельнымъ путемъ, частью же переносили въ Россію черты французскаго податного устройства. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, путемъ ли самостоятельныхъ размышленій или путемъ сравненія съ иностранными податными организаціями, авторы финансовыхъ проектовъ приходили именно къ той самой единицѣ обложенія, которая была необходимымъ слѣдующимъ моментомъ русской податной эволюціи. Еще въ первой половинѣ XVII в. на мѣсто древней сохи, представлявшей изъ себя значительное пространство обработанной пашни, стала „дворовая“ или „живущая“ четверть—искусственный комплексъ опредѣленнаго числа тяглыхъ дворовъ съ опредѣленнымъ количествомъ обработанной земли,

Затѣмъ этотъ комплексъ разложился на отдѣльные дворы, по которымъ стала взиматься подать съ 1646 г. Такимъ образомъ процессъ развитія податной единицы постепенно подошелъ къ душамъ, какъ составнымъ элементамъ, на которые долженъ былъ разложиться тяглый дворъ. О новой податной единицѣ писали въ проектахъ такіе публицисты, какъ Посошковъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ, крестьянинъ Иванъ Филипповъ, полковникъ Юрловъ, стремившіеся придать податному обложенію болѣе уравнительный характеръ и облегчить податное бремя плательщиковъ. Нельзя считать доказаннымъ прямого вліянія на Петра представленныхъ ему проектовъ податной реформы, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Интересъ Петра къ новой единицѣ былъ нѣсколько иной, чѣмъ интересъ составителей проектовъ; его занимали не уравнительность подати и облегченіе плательщиковъ, а желаніе создать болѣе обильный притокъ средствъ въ казначейство. Съ принципомъ новаго обложенія Петръ уже ясно знакомъ въ 1715 г., когда онъ употребляетъ терминъ „поголовщина" въ одномъ изъ писемъ къ Брюсу, которому поручалъ освѣдомиться о шведскомъ порядкѣ содержанія арміи. Въ ноябрѣ 1717 г., болѣе чѣмъ когда-нибудь занятый этимъ вопросомъ, онъ предписалъ Сенату вычислить, во что обойдется содержаніе одного солдата, драгуна и офицера, разсчитавъ, со сколькихъ податныхъ единицъ, „душъ или дворовъ (что удобнѣе)" будетъ собираться нужная для этого сумма, и предоставилъ, такимъ образомъ, самому Сенату избрать ту единицу обложенія, которая окажется болѣе удобной. Рѣшеніе остановиться на поголовномъ обложеніи окончательно созрѣло у Петра къ ноябрю слѣдующаго года, когда и появился знаменитый указъ о начатіи поголовной переписи, которая должна была лечь въ основу новой подушной подати.

„Взять сказки у всѣхъ,—писалъ Петръ въ указѣ 26 ноября 1718 г.,—дать на годъ сроку, чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго полу, объявя имъ то, что кто, что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ". Этимъ указомъ предписывалось, слѣдовательно, произвести подушную перепись. Но указъ этотъ былъ слишкомъ лаконичепъ, и въ январѣ слѣдующаго года Сенату пришлось давать ему обстоятельное развитіе. Составленіе и подача сказокъ, т.-е. списковъ тяглыхъ душъ въ дворцовыхъ и церковныхъ имѣніяхъ и въ черныхъ волостяхъ, были возложены на приказчиковъ и старостъ. Помѣщики, крупные и мелкіе, жившіе въ своихъ деревняхъ, обязаны были представить сказки сами; въ тѣхъ вотчинахъ, изъ которыхъ ихъ владѣльцы были въ отлучкѣ, дѣло это поручалось также приказчикамъ, старостамъ и выборнымъ изъ крестьянъ. Тѣмъ вотчинникамъ, которые въ 1719 г. находились въ Петербургѣ, велѣно было представить сказки самимъ. На мѣстѣ въ областяхъ пріемъ сказокъ былъ возложенъ на провинціальную администрацію. Для исполненія всей этой работы преобразователемъ данъ былъ годовой срокъ, и Сенатъ въ своемъ указѣ пред-

Прорытіе Ладожскаго канала.

(Картина *А. В. Моравова*).

Картина А. В. Моравова служитъ иллюстраціей характерной черты крѣпостного права эпохи Петра — роста принудительнаго труда. Сотни тысячъ «подлыхъ подданныхъ» сгоняются со всѣхъ концовъ Россіи, гибнутъ на постройкахъ гаваней, на прорытіи каналовъ, которые должны обезпечить экономическое процвѣтаніе страны. И сѣверная столица — «парадизъ», воздвигнутая среди болотъ, дѣйствительно превращается въ «великое кладбище для народа». Здѣсь люди, по выраженію Берхольца, «какъ мухи умирали отъ голода и холода». Въ Петербургѣ,— говоритъ современное подметное письмо,—государь «поморилъ» больше милліона. Эта работа въ народномъ сознаніи превращается въ «адъ злой». О прорытіи Ладожскаго канала народная пѣсня вспоминаетъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Не плачь, не плачь, трава-мурава,
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
И мнѣ еще того тошнѣе»...

Изображеніе такой тяжелой, подневольной работы и даетъ картина г. Моравова.

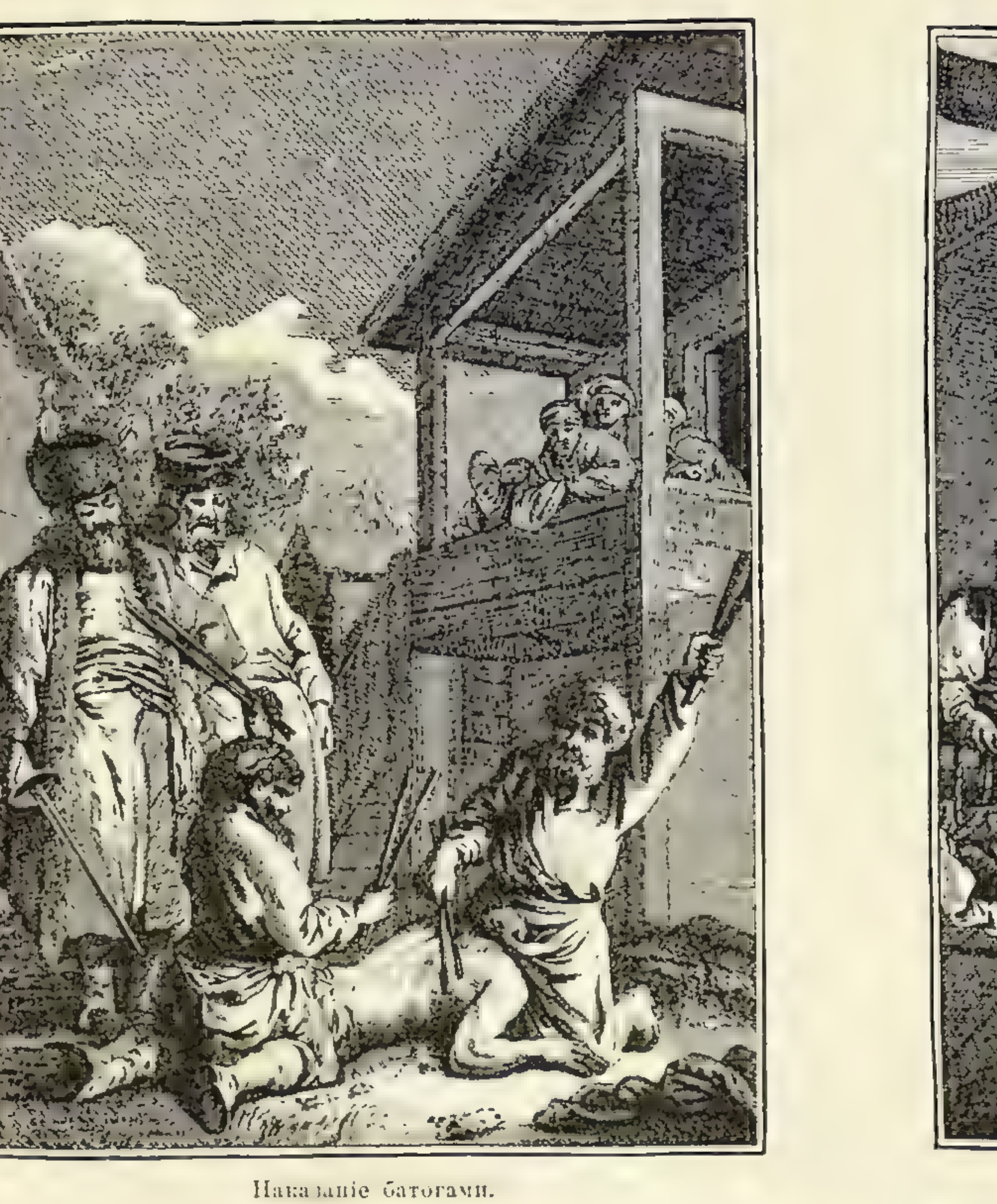
писывалъ областной администраціи „сіе, яко главное дѣло, окончать въ семъ настоящемъ году безъ всякаго отлагательства“. Но дѣло шло крайне медленно, и подача сказокъ затянулась. Въ концѣ 1719 года Сенатъ принужденъ былъ объявить, что, несмотря на неоднократное повтореніе указа о сказкахъ подъ самыми суровыми угрозами, сказкамъ ниоткуда присылки нѣтъ. Петръ прибѣгъ къ своему обычному средству воздѣйствія на административную машину, разослалъ гвардейскихъ солдатъ по провинціямъ и приказалъ всѣхъ областныхъ правителей, не успѣвшихъ со сказками, „держать въ канцеляріяхъ на цѣпяхъ и въ желѣза скованныхъ“, не выпуская до тѣхъ поръ, пока не кончатъ этого дѣла. Однако въ январѣ слѣдующаго 1720 г. и онъ принужденъ былъ отложить срокъ подачи сказокъ еще на полгода. Только къ веснѣ 1721 г. былъ стянутъ переписной матеріалъ въ центральную канцелярію, учрежденную для сбора сказокъ въ Петербургѣ. Но этотъ матеріалъ оказался очень неисправнымъ. Въ сказкахъ стала обнаруживаться при ихъ разработкѣ огромная „утайка“ душъ, вызванная желаніемъ уменьшить податное бремя.

Ливонскій крестьянинъ (нач. XVIII в.).

Это повело къ назначенію „ревизіи“, т.-е. пересмотра переписи. Въ маѣ 1721 г. провѣрка переписи была поручена губернаторамъ и воеводамъ; не успѣли губернаторы и воеводы приняться за эту задачу, какъ ревизія переписи организовалась совершенно инымъ образомъ. Въ разныя губерніи были разосланы генералы съ цѣлыми отрядами штабъ и оберъ-офицеровъ, снабженные очень обширными полномочіями. Между своими помощниками, офицерами, генералъ распредѣлялъ отдѣльныя провинціи или части провинцій, а они, въ свою очередь, разсылали по отдѣльнымъ городамъ своихъ подчиненныхъ болѣе низкаго ранга. Величина этихъ военныхъ отрядовъ, занятыхъ переписью, была настолько значительна, что возбуждала жалобы военнаго вѣдомства. Въ одной только небольшой Нижегородской губерніи было занято переписью 54 офицера и 207 нижнихъ чиновъ. Въ 1723 г

французскій посланникъ Кампредонъ доносилъ своему правительству, что командиры полковъ почти всѣ заняты народной переписью. Въ 1724 году военная коллегія докладывала Сенату, что въ Низовомъ корпусѣ (вернувшемся изъ Персидской кампаніи), вслѣдствіе назначенія офицерскаго состава полковъ къ переписному дѣлу, офицеровъ при полкахъ остается очень мало, а въ нѣкоторыхъ полкахъ штабъ-офицеровъ и совсѣмъ никого нѣтъ. Въ рукахъ военныхъ комиссій ревизія переписи приняла тяжелый характеръ; комиссіи безпощадно расправлялись съ укрывателями душъ. За военнымъ переписчикомъ двигался по провинціи палачъ съ кнутомъ и висѣлицей, такъ какъ утайка наказывалась смертной казнью. Въ Великолуцкую провинцію ревизовать сказки въ августѣ 1722 г. былъ назначенъ полковникъ Стоговъ. Полковникъ вскорѣ же далъ почувствовать всему населенію провинціи свою тяжелую руку. „Будучи въ оной провинціи, — писалъ о немъ великолуцкій воевода,—чинилъ великія обиды, посылалъ многократно офицеровъ и при нихъ драгунъ и солдатъ по многому числу въ уѣзды въ шляхетскіе домы, и забирали днемъ и ночною порою дворянъ и женъ ихъ и привозили къ нему, Стогову, въ Луки и въ Торопецъ на ихъ лошадяхъ, и держалъ тѣхъ дворянъ и женъ ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ казармахъ многое время тако жъ забрано было отъ него, Стогова, людей и крестьянъ ста и по два и по три человѣкъ, и держались въ казармахъ въ лѣтнее теплое время многія числа подъ жестокимъ карауломъ, многихъ дворянъ пыталъ; также изъ людей и крестьянъ многихъ пыталъ же, отъ котораго его за карауломъ многаго числа людей держанія, отъ тѣсноты и отъ жестокихъ его пытокъ, какъ шляхетства, такъ людей и крестьянъ безвременно многіе и померли. И отъ такихъ его, Стогова, обидъ, — добавлялъ воевода, — Великолуцкой провинціи обыватели пришли въ великій страхъ“. Въ концѣ своего донесенія Сенату воевода сообщаетъ цифры, ярко характеризующія обстоятельства, при которыхъ производилась перепись. „Отъ него, полковника Стогова,— сообщалъ воевода,—пытано и кнутомъ бито дворянъ 11, изъ нихъ умре одинъ; держано въ казармахъ дворянъ—7, изъ оныхъ отъ тѣсноты умре одинъ; дворянскихъ женъ и дочерей держано —6; людей и крестьянъ пытано и кнутомъ бито—71, изъ оныхъ умре -10; въ батоги бито людей и крестьянъ—14“. Въ селѣ Лопаткахъ, Воронежскаго уѣзда, однодворцы сельчане утаили при подачѣ сказокъ 11 душъ. Когда назначена была ревизія сказокъ генералитетомъ, они на сходѣ постановили утайки не открывать; со схода подъ предводительствомъ священника они отправились въ церковь, гдѣ, поцѣловавъ крестъ и Евангеліе, присягнули твердо держаться своего рѣшенія, при чемъ священникъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ не выдавать другъ друга. Военная переписная комиссія, разслѣдовавъ дѣло, приговорила: попа Герасима, какъ возмутителя и презрителя указовъ, казнить смертью; девятерыхъ изъ участниковъ схода сослать на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей.

Наказаніе батогами.

Наказаніе больш. кнутомъ.

Изъ книги аббата Chappe d'Auteroche „Voyage en Siberie“ 1761 г. (Amsterdam 1769 г.)

Сенатъ, утверждая этотъ приговоръ, усилилъ наказаніе, наложенное коммиссіей, предписавъ попа казнить мучительной смертной казнью, „колесовать и, не отсѣкши головы, положить его на колесо“, а изъ остальныхъ виновныхъ троихъ также казнить смертью. Переписная коммиссія исполнила приговоръ, командировавъ для того одного изъ старшихъ своихъ членовъ.

Цифра утаенныхъ душъ оказалась дѣйствительно огромной. Въ шести губерніяхъ: Петербургской, Московской, Нижегородской, Кіевской, Азовской и Смоленской, по первоначально поданнымъ сказкамъ значилось всего 2.584.462 души. Къ концу 1721 г. было здѣсь еще найдено сверхъ сказокъ 452.444 души. Но военные переписчики въ тѣхъ же губерніяхъ насчитали еще 1.123.056 душъ. Всего, слѣдовательно, сверхъ первоначальныхъ сказокъ было найдено вновь 1.575.500 душъ, что составляетъ 37,8% того ихъ числа, которое было окончательно установлено для этихъ губерній военными переписчиками и равнялось 4.159.962.

Къ 1722 г. Петръ по даннымъ ревизіи приблизительно опредѣлилъ общее число крестьянскихъ душъ въ 5 милл. Расчетъ величины подати на душу былъ произведенъ съ математической простотой. Петръ дѣйствовалъ при этомъ не какъ финансистъ, принимающій во вниманіе хозяйственныя силы страны, а какъ ариѳметикъ, производящій операціи только съ цифрами. Цѣлью налога было содержаніе арміи; источникомъ налога были записанныя въ тягло души. Было высчитано, что содержаніе арміи обходится приблизительно въ 4 милліона рублей. Эти 4 милліона рублей были раздѣлены на 5 милліоновъ душъ, такъ что на каждую выходило по 80 копеекъ; въ такомъ размѣрѣ подушная первоначально и была назначена. Въ 1724 г. установлена была, наконецъ, болѣе точная цифра крестьянскихъ душъ — 5.401.000. При томъ же расчетѣ ($\frac{4}{5,4} = 0,74$) подушный окладъ былъ убавленъ до 74 коп. На посадскихъ людей, также привлеченныхъ къ подушной въ 1721 г., и на государственныхъ крестьянъ къ первоначальной цифрѣ оклада — 80 копеекъ, было прибавлено еще 40 копеекъ „оброчныхъ денегъ“ взамѣнъ тѣхъ взносовъ, которые помѣщичьи крестьяне платили своимъ помѣщикамъ, такъ что посадскіе и государственные крестьяне должны были платить по 1 р. 20 к. съ души.

Введеніе подушной подати было одною изъ самыхъ прочныхъ реформъ Петра Великаго. Достаточно сказать, что она просуществовала до царствованія императора Александра III, когда она была отмѣнена при министрѣ финансовъ Бунге въ 80 годахъ. Введеніе подати сопровождалось цѣлымъ рядомъ послѣдствій, какъ въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, такъ и въ соціальномъ строѣ. Въ государственномъ хозяйствѣ она совершенно измѣнила видъ бюджета, въ которомъ она стала играть первенствующую роль, тогда какъ до нея эта роль принадлежала косвеннымъ налогамъ. Въ бюджетѣ 1724 г. весь государственный доходъ былъ исчисленъ въ 8,5 милл. рублей; изъ нихъ 4,6 милл. (54,1%) должна была дать подушная подать,

тогда какъ на долю косвенныхъ налоговъ въ томъ же бюджетѣ приходилось 2,1 милл., т.-е. всего 25%.

На народное хозяйство она упала новой тяжестью; по свидѣтельству современниковъ она была вдвое тяжелѣе прежнихъ налоговъ. Ея тяжесть въ значительной степени обусловливалась тѣмъ, что ревизская душа стала только счетной единицей. По числу этихъ душъ разсчитывалась сумма подати, падавшая на имѣнія, на общину государственныхъ крестьянъ и на посадскую общину. При той убыли населенія, которая замѣчалась на сѣверѣ и въ

Наказаніе плетью въ XVIII в. въ Тайной канцеляріи. Съ акварели Гейслера (изъ собр. Дашкова).

центрѣ Россіи вслѣдствіе смертности и бѣгства крестьянъ въ имѣніяхъ, въ общинахъ государственныхъ крестьянъ, какъ и въ городахъ, число наличныхъ душъ оказывалось всегда меньше числа ревизскихъ, а число дѣйствительныхъ плательщиковъ оказывалось всегда менѣе общаго числа наличныхъ душъ, такъ какъ значительную долю наличныхъ душъ составляли малолѣтніе, старики, больные и вообще неработоспособные и нищіе. Такимъ образомъ, вся тягость подати, разсчитанная по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, падала на сравнительно немногихъ дѣйствительныхъ плательщиковъ. Тяжесть

подати увеличивалась еще благодаря оригинальному способу ея взимания. Собирать подать должны были тѣ самые полки, на содержание которыхъ она назначалась. На каждый полкъ было назначено такое количество душъ, сборъ съ котораго равнялся стоимости ежегоднаго содержания полка, при чемъ полки должны были быть расквартированы среди тѣхъ самыхъ душъ, съ которыхъ они получали подать на содержание. Забота о размѣщении постоянной армии сильно занимала Петра по окончании Сѣверной войны. И было рѣшено расквартировать ее въ деревняхъ по всей территории государства. Количество душъ, необходимое для содержания полка, должно было составить особый административно-податной округъ, дистриктъ. Въ предѣлахъ этого дистрикта и разселялся полкъ. Размѣщение его предполагалось двоякое: или въ особыхъ специально для этой цѣли построенныхъ слободахъ, или же по крестьянскимъ дворамъ, при чемъ мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ было предоставлено избрать тотъ или другой способъ. Правительство, однако, высказывало предпочтение постройкѣ особыхъ слободъ, предвидя ссоры солдатъ съ крестьянами, неизбѣжныя въ томъ случаѣ, если бы солдаты размѣщались по крестьянскимъ дворамъ. Былъ разработанъ обширный планъ разселения армии, осуществившийся только отчасти. При полномъ исполнении этого плана сельская картина России получила бы новый и оригинальный характеръ. По деревнямъ среди мужицкихъ рубахъ замелькали бы военные мундиры и среди крестьянскихъ селений островками вдвинулись бы солдатския слободы, построенныя по однообразному казенному рисунку. Все въ этой постройкѣ было опредѣлено подробными правилами: размѣры зданий, ихъ число, ихъ внѣшний видъ, ихъ разстояние другъ отъ друга, и среди прихотливости и безпорядка окружающихъ деревень съ ихъ большими и малыми, крѣпкими и покосившимися избами, домики такихъ военныхъ слободъ должны были вытянуться съ такимъ же монотоннымъ однообразиемъ, какъ ихъ обитатели на фронтовомъ учении. Полкъ располагался ротами. Въ серединѣ расположения роты долженъ былъ находиться дворъ для ротныхъ офицеровъ изъ трехъ избъ. Въ центрѣ расположения полка строился дворъ для полкового штаба, т.-е. для командира полка, его ближайшихъ помощниковъ и полковыхъ чиновниковъ изъ восьми избъ. Военныя слободы не были нигдѣ построены, и размѣщение полковъ въ томъ видѣ, какъ оно проектировалось, не состоялось; но души были расписаны на дистрикты, были устроены штабные дворы, и къ послѣднимъ перешелъ сборъ подушный. Русская деревня испытала теперь не только тяжесть подати, но и жестокость военныхъ экзекуций, путемъ которыхъ стала взиматься подать.—Отмѣтимъ еще одно слѣдствие введения подушной подати для народнаго хозяйства. Она содѣйствовала въ деревнѣ развитию общиннаго землепользования; земельные передѣлы стали производиться по ревизскимъ душамъ и стали приурочиваться къ „ревизиямъ“, т.-е. къ подушнымъ переписямъ, повторявшимся приблизительно черезъ 20-лѣтние промежутки.

Не менѣе важно было вліяніе подушной подати на общественный строй. Петръ Великій не былъ сознательнымъ соціальнымъ реформаторомъ. Тѣ его немногія мѣры, которыя были прямо разсчитаны на соціальныя перемѣны, какъ, напримѣръ, знаменитый законъ о единонаслѣдіи, имѣвшій цѣлью создать въ Россіи съ одной стороны земельную аристократію наподобіе англійской, а съ другой—предпріимчивую промышленную буржуазію, не имѣли успѣха. Наоборотъ, тѣ крупныя измѣненія, которыя пришлось испытать соціальному

Публичная казнь—клейменіе и вырываніе ноздрей. Акварель XVIII в. (Изъ собр. Дашкова).

строю въ его время, вовсе не были прямыми результатами какихъ-нибудь намѣренно построенныхъ имъ плановъ, а были лишь косвенными послѣдствіями другихъ реформъ. Во-первыхъ, она затянула въ крѣпостную неволю значительное количество прежде свободныхъ людей, такъ называемыхъ „вольныхъ“ или „гулящихъ“, не тяглыхъ и не служилыхъ. Эти люди должны были или записаться въ службу, или приписаться къ какому-либо изъ классовъ, обязанныхъ платить подушную: къ посадскимъ людямъ, къ государственнымъ крестьянамъ или къ помѣщичьимъ крѣпостнымъ, и въ этомъ

послѣднемъ случаѣ подушная подать сдѣлалась однимъ изъ источниковъ крѣпостного права. Такъ, напримѣръ, дѣтей заштатныхъ священнослужителей, а также оказавшихся излишними церковнослужителей и ихъ дѣтей велѣно было писать въ подушный окладъ, отдавая въ крѣпостную зависимость вотчиннику того села, въ которомъ они живутъ; если же церковный погостъ расположенъ особо, не въ чьей-нибудь вотчинѣ, то—приписывать ихъ къ тому вотчиннику, котораго они изберутъ сами. Классъ вольныхъ людей уничтожался потому, что, какъ гласили петровскіе указы, „отъ таковыхъ, которые шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣятися не можно, но токмо умножается воровство".—Во-вторыхъ, подушная подать внесла измѣненія въ самую сферу крѣпостного права, смѣшавъ прежде очень различные виды крѣпостныхъ людей: холоповъ и крестьянъ. Холопы до подушной не платили податей, считаясь собственностью господина и не имѣя связи съ государствомъ; крестьяне, все болѣе становясь такою собственностью, продолжали платить подати и не разрывали, такимъ образомъ, связи съ государствомъ. Но уже въ послѣдней четверти XVII в. къ платежу податей былъ привлеченъ одинъ изъ видовъ холопства, „задворные люди", которые, получая отъ господъ отдѣльные пахотные участки, въ хозяйственномъ отношеніи ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; они были внесены въ переписныя книги 1678 г. Законодательство о подушной подати пошло въ направленіи, первый шагъ въ которомъ былъ сдѣланъ XVII в., и закончило процессъ привлеченія холопства къ податямъ. Послѣдовательно одинъ за другимъ подвергались обложенію подушной всѣ виды холоповъ. Въ указѣ 22 января 1719 г. Сенатъ приписывалъ включать въ подушную перепись задворныхъ людей и тѣхъ дѣловыхъ, которые, сидя на особыхъ земельныхъ участкахъ, не отличались по хозяйственному своему положенію отъ крестьянъ. Въ этомъ же указѣ Сенатъ предписалъ представить особые списки только для вѣдома и тѣхъ дѣловыхъ людей, которые особыхъ участковъ не имѣютъ, а пашутъ лишь барскую пашню, не внося пока ихъ въ общія сказки. Черезъ три года было указано включать въ сказки всѣхъ тѣхъ холоповъ, которые живутъ въ деревняхъ, даже и тѣхъ, которые не имѣютъ своихъ земельныхъ участковъ и вовсе не занимаются пашней, а служатъ во дворѣ у господина. Такимъ образомъ внѣ переписи оставлены были только тѣ холопы, которые жили въ городскомъ дворѣ господина, пока въ январѣ 1723 г. не послѣдовала собственная резолюція Петра о холопахъ: „писать всѣхъ и служащихъ (т.-е. находящихся въ личномъ услуженіи), какъ крестьянъ, и положить въ поборъ". Это была знаменитая резолюція, которою уничтожалось въ Россіи холопство, какъ особое юридическое состояніе. Подать падала одинаково на крестьянъ и на холоповъ; она возвышала, слѣдовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина до холопа, создавая единый классъ крѣпостныхъ людей, несвободныхъ, но не теряющихъ

связи съ государствомъ. Въ общемъ подушная подать рѣзко раздѣлила русское общество на двѣ обширныя группы: служилую и податную. Все, что служило въ военной или гражданской службѣ, было свободно отъ подушной; все, что не служило, было обязано ее платить.

Подушная подать внесла замѣтную перемѣну также въ землевладѣльческое значеніе дворянства. Эта перемѣна заключалась въ томъ, что землевладѣльческое значеніе дворянства стало получать перевѣсъ надъ его служилымъ значеніемъ. Въ сборѣ такого важнаго налога, какимъ была подушная подать, дворянству была отведена очень значительная роль. Прежде всего помѣщикъ сталъ отвѣтственнымъ сборщикомъ подати. Уже давно вошло въ обычай,

Крестьянскій ужинъ. (Изъ Le Prince).

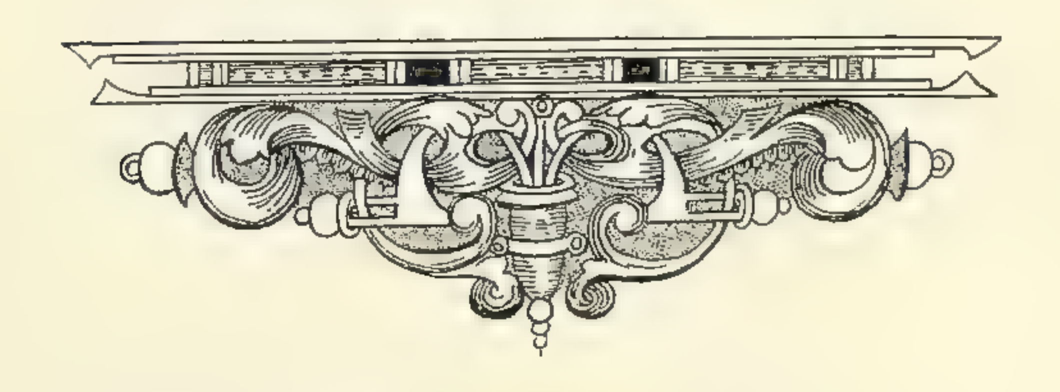
что помѣщикъ собиралъ подать со своихъ крестьянъ и платилъ ее въ казну. Теперь этотъ обычай былъ подтвержденъ закономъ. При введеніи подушной подати предписывалось дворянамъ платить за принадлежащія имъ крѣпостныя души. Вскорѣ былъ рѣшенъ и вопросъ объ отвѣтственности помѣщиковъ за исправный сборъ подати. Этимъ вопросомъ было заинтересовано само дворянство потому, что послѣдствіемъ такой отвѣтственности было расширеніе помѣщичьей власти надъ населеніемъ имѣній и избавленіе имѣній отъ всегда страшнаго въѣзда въ нихъ любостяжательныхъ чиновъ уѣздной администраціи. Отвѣтственность помѣщиковъ за податную исправность крѣпостныхъ получила ясное юридическое опредѣленіе уже послѣ Петра, въ законѣ 24 февраля 1727 г., который предписывалъ взыскивать недоимку съ крестьянъ на

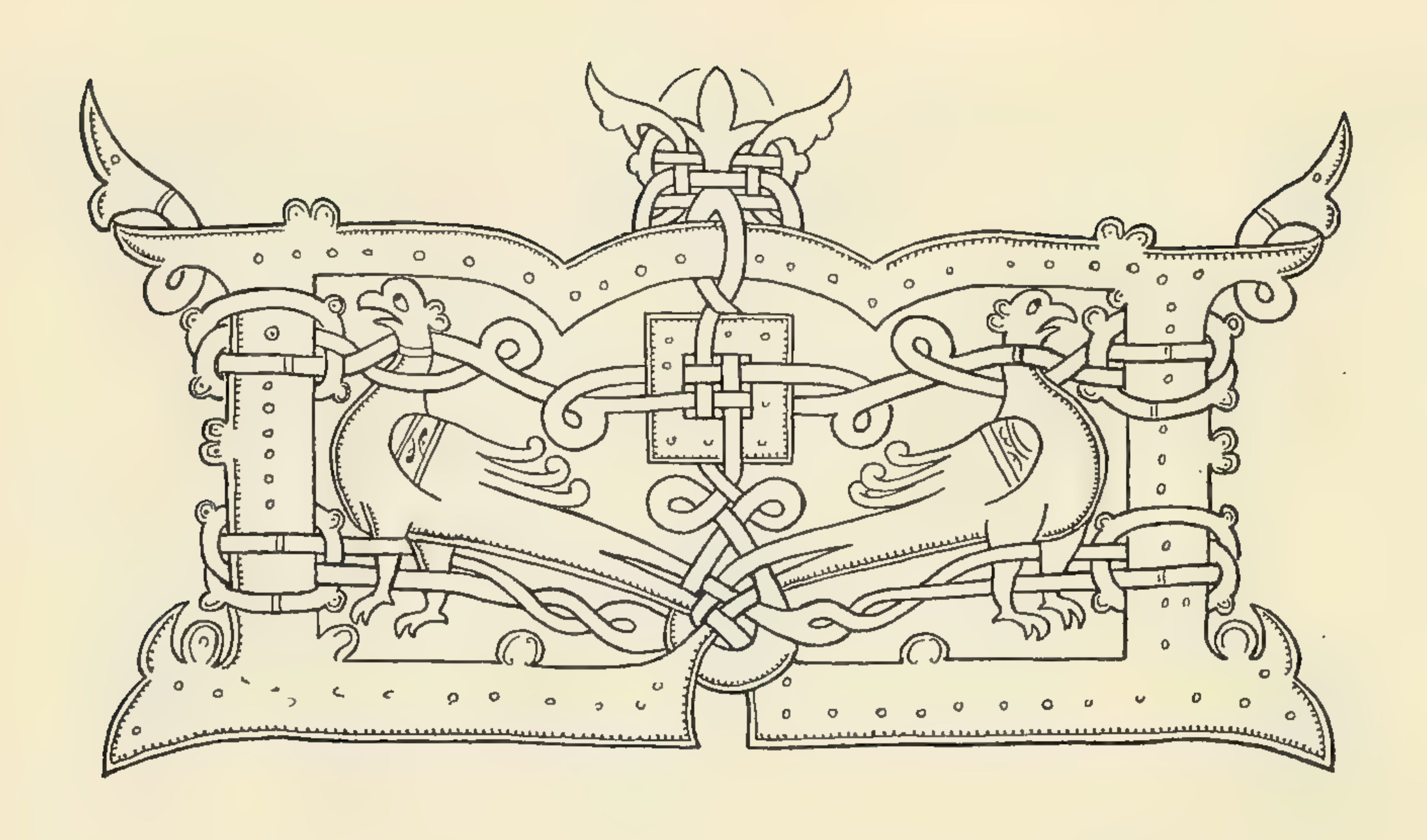
самихъ помѣщикахъ и ихъ приказчикахъ. Но ролью отвѣтственнаго сборщика подушной значеніе помѣщика не ограничивалось въ этомъ законодательствѣ, вызванномъ новою податью. Оно устанавливаетъ на помѣщика взглядъ, какъ на руководителя того самаго труда, который является источникомъ подати. Упомянутый законъ 24 февраля 1727 г., грозя взысканіемъ недоимокъ на помѣщикахъ, даетъ имъ положительное предписаніе заботиться о благоустройствѣ своихъ деревень, „приводить ихъ въ лучшее состояніе" и смотрѣть за крестьянами, чтобы они также „приводили себя въ лучшее состояніе" и готовили деньги для внесенія подушной подати. Крѣпостная зависимость отъ помѣщика признается хорошей гарантіей уплаты подушной, и, какъ мы видѣли, разнаго рода вольные люди обязаны были записаться за какимъ-нибудь помѣщикомъ, отвѣтственнымъ за уплату ими подати и руководителемъ ихъ труда. Итакъ, послѣ введенія подушной дворянинъ выходитъ изъ эпохи Петра съ новымъ значеніемъ. Недавній служилый человѣкъ и военный защитникъ родной земли, онъ теперь становится отвѣтственнымъ сборщикомъ крестьянской подати и устроителемъ хозяйственнаго благополучія своихъ крѣпостныхъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Его значеніе, какъ хозяина-душевладѣльца, растетъ въ то время, какъ его служилое значеніе, перейдя высшую точку напряженія при Петрѣ, начинаетъ падать. Съ введеніемъ регулярной арміи, пополнявшейся рекрутскимъ наборомъ изъ всѣхъ классовъ, его военная служба становится менѣе нужной, чѣмъ это было въ то время, когда дворянская конница составляла главную массу войска. Наоборотъ, его присутствіе въ деревнѣ, какъ сборщика подушной, становится болѣе нужнымъ, чѣмъ прежде, когда главнымъ источникомъ государственнаго дохода были не прямые, а косвенные налоги. Въ дворянинѣ землевладѣлецъ начинаетъ пересиливать воина, и этотъ перевѣсъ землевладѣльца надъ воиномъ сопровождается развитіемъ крѣпостного права.

Признаніе за дворяниномъ обязанностей сборщика главной подати и руководителя народнаго труда повлекло за собой попытку новой организаціи дворянства. Организація эта заключалась въ устройствѣ уѣздныхъ дворянскихъ корпорацій съ финансовой цѣлью. Разъ каждый помѣщикъ становился сборщикомъ казенной подати, было естественно призвать этихъ сборщиковъ къ болѣе широкому участію въ податномъ управленіи. Дворяне-помѣщики каждаго дистрикта, назначеннаго на содержаніе полка, должны были образовать корпорацію, на которую было возложено завѣдываніе податнымъ дѣломъ. Ежегодно дворяне должны были съѣзжаться въ штабный дворъ полка и избирать изъ своей среды особаго агента для сбора подати, такъ называемаго „комиссара отъ земли", отвѣтственнаго предъ дворянскимъ съѣздомъ, которому давалось право судить и штрафовать комиссара. Самый сборъ подати комиссаръ долженъ былъ производить подъ наблюденіемъ и

руководствомъ полкового начальства Организація дворянства въ уѣздныя корпораціи не была сама по себѣ новостью, но новымъ былъ ея характеръ Прежде, когда дворянинъ былъ, главнымъ образомъ, воиномъ, эти корпораціи имѣли военное значеніе. Дворяне каждаго уѣзда составляли уѣздные полки, которыми выходили на войну. Теперь, когда эти дворянскіе полки стали ненужны и на дворянина устанавливался въ законѣ взглядъ, какъ на сборщика подати и хозяйственнаго руководителя его крѣпостныхъ, эти дистриктныя дворянскія общества получили государственно-хозяйственное значеніе, имъ было поручено избраніе финансовыхъ агентовъ и контроль надъ ними. Такимъ образомъ изъ военной корпораціи уѣздное дворянство дѣлалось финансовой организаціей для сбора подушной подати.

М. Богословскій.

Посошковъ о крестьянахъ.

Прив.-доц. М. В. Клочкова.

Замѣчательный писатель петровскаго времени, Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (родился въ 1652 или въ 1653 году, умеръ 1 февраля 1726 года), происходилъ изъ крестьянъ подмосковнаго дворцоваго села Покровскаго, которое въ настоящее время составляетъ часть самой Москвы. Крестьяне этого села, находясь въ вѣдѣніи Оружейной палаты, работали на государевомъ дворѣ въ различныхъ мастерскихъ. Это обстоятельство опредѣлило и родъ дѣятельности Посошкова. Послѣ школьнаго возраста, когда онъ частью подъ руководствомъ другихъ, а больше путемъ самообразованія, научился не только чтенію и письму, но хорошо усвоилъ грамматику, познакомился съ математикой и пріобрѣлъ любовь къ чтенію книгъ духовнаго и историческаго содержанія, Посошковъ поступилъ въ государевы мастерскія и тамъ прошелъ, такъ сказать, курсъ прикладныхъ наукъ; онъ пріобрѣлъ познанія въ оружейномъ дѣлѣ, иконописаніи, гравированіи и черченіи, но въ особенности былъ мастеромъ въ столярномъ ремеслѣ, чеканкѣ монетъ и винокуренномъ производствѣ, что дало ему возможность позднѣе занимать должности „уставнаго денежнаго дѣла мастера“ и „водочныхъ дѣлъ мастера“.

Посошковъ не былъ постояннымъ жителемъ Москвы; то благодаря службѣ, то занимаясь разными предпріятіями, онъ много путешествовалъ и живалъ въ разныхъ мѣстахъ: онъ содержалъ винокуренный заводъ въ Лихвенскомъ уѣздѣ (теперь Калужской губ.), бывалъ въ Алексинѣ, Черни. Мценскѣ, проѣзжалъ по степямъ, былъ въ Пензѣ, Ломовѣ, Инсарѣ и въ нѣкоторыхъ понизовыхъ городахъ по Волгѣ; служилъ въ Новгородѣ, неоднократно пріѣзжалъ въ Петербургъ и даже въ 1717 году купилъ здѣсь домъ (по нынѣшней Церковной улицѣ). Путешествія и переѣзды расширили кругозоръ Посошкова, онъ многое видѣлъ на своемъ вѣку, внимательно наблюдалъ и надъ всѣмъ раздумывалъ по своей природной склонности.

Эстляндская баба XVIII в. (Изъ Купфера).

Въ жизни его поражали и больно задѣвали темныя стороны старомосковскихъ предковъ: неправосудіе, лицепріятіе, взяточничество, невѣжество, лѣность и бѣдность народа, грубый эгоизмъ людей сильныхъ, разстройство церковной жизни, государственнаго хозяйства. Своимъ практическимъ умомъ Посошковъ доискивался способовъ устранить „неисправы“, улучшить жизнь, преобразовать ее. Увлеченный заботами царя и его сподвижниковъ о „нуждахъ всенародыхъ“, онъ рѣшилъ предложить правительству свои проекты о преобразованіяхъ. Здѣсь онъ выходилъ изъ такихъ соображеній: „Видимъ мы всѣ,—писалъ онъ,—какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанью немного: „онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то како дѣло его споро будетъ?“ А потому „потребно ему, государю, помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи государскія предлагать, и всякую истину доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно дѣло (ратное) управить“. Цѣль подобныхъ проектовъ та, чтобы путемъ преобразованій возвысить Россію, дабы „на весь свѣтъ славна Русь была“

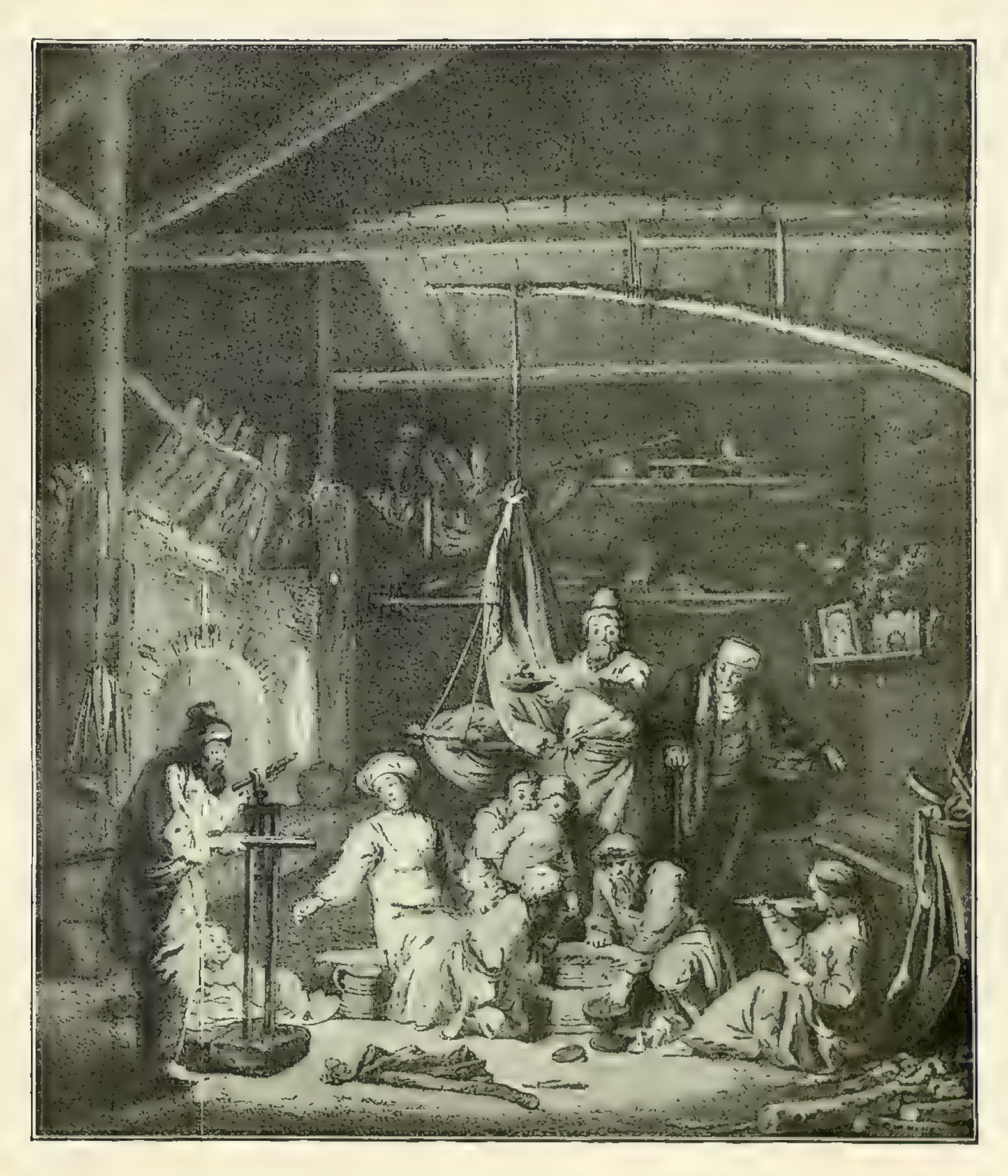
Выходя изъ такихъ убѣжденій, Посошковъ то самому царю, то его ближайшимъ сотрудникамъ подавалъ разныя доношенія и проекты, предлагалъ совѣты практическаго свойства о ратномъ дѣлѣ, сѣрномъ пріискѣ, о „новоначинающихся деньгахъ“ (о мелкой серебряной монетѣ), объ учрежденіи учи-

лицъ. Мечталъ Посошковъ устроить и церковныя дѣла, предлагая разныя мѣры въ своемъ обширномъ трудѣ „Завѣщаніи отеческомъ“, а еще раньше въ „Зеркалѣ очевидномъ“, направленномъ противъ старообрядцевъ. Но среди сочиненій Посошкова по богатству и разнообразію содержанія, по широтѣ замысловъ первое мѣсто занимаетъ „Книга о скудости и богатствѣ“ [1]) (писалась она съ 1721 по 1724 г.). Въ ней авторъ предлагаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ, по его мнѣнію, къ полному обновленію Россіи „какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ“. Говоря въ своей книгѣ о духовенствѣ и церковныхъ дѣлахъ, о ратномъ дѣлѣ, правосудіи, о купечествѣ, торговлѣ, ремеслахъ и о царскомъ интересѣ, Посошковъ видное мѣсто отводитъ въ ней простому народу, добрая четверть ея сообщаетъ о крестьянахъ и помѣщикахъ, о налогахъ и податяхъ и о мѣропріятіяхъ къ подъему благосостоянія крестьянской массы. Съ этой стороной его работъ мы и познакомимся подробнѣе.

Въ своихъ предположеніяхъ о крестьянахъ Посошковъ выходилъ изъ критики современныхъ ему порядковъ, а также изъ нѣкоторыхъ общихъ предпосылокъ. Основная его мысль была та, что „богатство“ самымъ тѣснымъ образомъ соединено съ „правдой“, что всенародное обогащеніе возможно лишь при такихъ общественныхъ и государственныхъ порядкахъ, когда въ судѣ и управленіи не будетъ лицепріятія, „древностной неправды“ (неправосудія), „нездраваго разсужденія“ и явныхъ злоупотребленій. Опредѣляя богатство народное, Посошковъ съ большимъ талантомъ и ясностью, замѣчательной для того времени, убѣждаетъ, что государственное богатство состоитъ не въ деньгахъ, не въ „царскихъ сокровищахъ“, а въ благосостояніи народномъ. „Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одежды или позументнымъ украшеніемъ“. Отсюда естественно, „въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому“. При такомъ положеніи задача правителя та, чтобы блюсти не однихъ только „великородныхъ и военныхъ“, но „тако и купечество и крестьянство“, а въ особенности по-

---

[1]) Эту книгу Посошковъ предназначалъ для подачи государю; точно неизвѣстно, дошла ли она до Петра, такъ какъ Петръ вскорѣ послѣ окончанія Посошковымъ своей книги умеръ. Въ заключительныхъ строкахъ книги Посошковъ просилъ государя, чтобы имя его было скрыто отъ людей сильныхъ «любителей неправды», предполагая, что если они узнаютъ о его «мизерности», то «прекратятъ животъ его». Предчувствіе Посошкова сбылось: 26 авг. 1726 г. онъ былъ взятъ въ тайную канцелярію, заключенъ подъ стражу и обвиненъ въ «важной криминальной винѣ», которая, очевидно, заключалась въ написаніи «Книги о скудости и богатствѣ». Посошковъ и умеръ подъ стражей.

Внутренность крестьянской избы въ XVIII в. (Chappe d'Auteroche).

слѣднее, такъ какъ по мысли, повторенной Посошковымъ нѣсколько разъ, „крестьянское богатство царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное“. Народное богатство даетъ возможность „наполнить“ царскую казну „сокровищами со излишествомъ“, лишь бы сборъ былъ по силамъ и царства „не разорялъ“. Какъ же устроить крестьянъ, чтобы они были „богаты“ „домовыми внутренними своими богатствы“, имѣли достатокъ и платили бы подати въ казну бездоимочно? — На это отвѣчаютъ, главнымъ образомъ, седьмая и восьмая главы „Книги о скудости и богатствѣ“.

„Крестьянское житіе,—пишетъ Посошковъ,—скудостно“; скудостно оно, „отъ своея ихъ лѣности“, „отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія“. Для подъема же благосостоянія крестьянъ прежде всего слѣдуетъ отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ, дать крестьянамъ въ достаточномъ количествѣ на каждый дворъ пахотной земли, сѣнокоса и лѣсныхъ угодій; надѣлъ на дворъ крестьянскій долженъ быть таковъ, „чтобы ему (крестьянину) мочно было на всякой годъ высѣять ржи 4 четверти, ярового 8 четвертей, а сѣна накосить ему про себя 20 копенъ“; въ другомъ мѣстѣ своей книги Посошковъ опредѣляетъ, что на каждый дворъ слѣдуетъ отвести усадебной земли 600 или 720 кв. саж. (12 саж. ширины и 50 или 60 длины), пахотной — „четыре четверти въ полѣ, а въ дву по тому жъ“, т.-е. пахотной земли всего въ трехъ поляхъ 12 четвертей или 6 десятинъ (сѣнокосъ и лѣсныя угодья Посошковымъ въ четверти не переложены). Но крестьянинъ можетъ сидѣть и на половинѣ двора, четверти его и даже одной шестой съ соотвѣтствующимъ количествомъ земли и угодій; это зависитъ отъ того, „могутенъ“ ли онъ, „семьянистъ и лошадистъ“ или „убогъ и маломоченъ“.

Ингерская крестьянка XVIII в.
(Изъ Купфера).

На отведенной подъ усадьбу землѣ Посошковъ, прилагая въ образецъ планъ, совѣтуетъ поселить крестьянъ „гнѣздами“, въ такомъ порядкѣ: два двора рядомъ, затѣмъ промежутокъ, ничѣмъ не застроенный, снова два двора, и пустое мѣсто и т. д.; улицы тоже „сдѣлать широкія“, по 30 саж. въ ширину, а гдѣ мѣсто не позволяетъ, то нѣсколько уже, но никакъ не меньше 20 саженъ. Такой порядокъ разселенія, уничтожая скученность деревень,

опасную въ пожарномъ отношеніи, предохранитъ крестьянъ отъ разоренья, „понеже,—поясняетъ онъ,—отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется“: „въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ; при разселеніи же по вышеуказанному плану, если у кого загорится дворъ, то „сосѣди не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось“.

Получивъ землю, крестьянинъ долженъ крѣпко держаться за нее и за тѣ промыслы, которые связаны съ земледѣліемъ. Здѣсь Посошковъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ вести хозяйство, промыслы, чтобы и прибыль имѣть и природныхъ богатствъ не расхищать. При рубкѣ лѣса, напр., крестьяне должны поступать осмотрительно, строевой лѣсъ не рубили бы на дрова, молодой берегли до того времени, пока онъ подрастетъ; а гдѣ лѣсу нѣтъ, то совѣтовалъ сѣять лѣсъ и бережно хранить его отъ пожара и отъ порубки. Послѣдняя мысль о разведеніи лѣса замѣчательна для того времени.

Когда собираютъ орѣхи, то „многіе,—по словамъ Посошкова,—щиплютъ ихъ взахватъ и соспѣть отнюдь не даютъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ“. Поэтому „не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дня ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобъ ядра наполнились“; да и послѣ Семенова дня собраніе орѣховъ должно происходить по рѣшенію міра съ „общаго совѣту“ и по „волѣ сотскаго“. Такимъ путемъ будетъ охраняться не только частный интересъ, но и государственный: „въ спѣлыхъ орѣхахъ есть и царственная прибыльца, понеже идутъ они въ иныя земли“.

Подобный запретъ, по мысли Посошкова, слѣдуетъ учинить и о рыбной ловлѣ: чтобы никто подъ видомъ „снятковъ“ не ловилъ и тѣмъ не переводилъ мелкой рыбы, плотичекъ, язиковъ, окуньковъ и щучекъ“, какъ дѣлали въ то время во многихъ мѣстахъ. „Если и въ скотѣ телятъ пріѣсть молодыхъ, то ни быковъ ни коровъ не будетъ“, „аще малую рыбу выловить, то большой неоткуда взяться будетъ“. Когда же будетъ изданъ запретительный указъ, то „года въ 3 или 4,—выражаетъ увѣренность авторъ,— рыбы такъ умножится, что весь народъ рыбою насытится“, „въ продажѣ рыбы будетъ великое множество“, и она „вдвое или втрое“ станетъ дешевле.

При веденіи крестьянскаго хозяйства Посошковъ рекомендуетъ постоянный напряженный трудъ. „Крестьянину,—читаемъ у него,—надлежитъ лѣтомъ землею управлять неоплошно, а зимой въ лѣсу работать, что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить“. При постоянной работѣ „крестьянинъ никогда весьма не оскудѣетъ“, а потому помѣщикамъ рекомендуется „смотрѣть за крестьянами своими, чтобъ они, кромѣ недѣльныхъ (воскресныхъ) и праздничныхъ дней, не гуляли, но всегда бъ были въ работѣ“; а если какой крестьянинъ „станетъ

лежобочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже коей крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но только уклонится въ разбой и во иныя воровства“.

Посошковъ, какъ человѣкъ хозяйственнаго расчета, очень дорожитъ временемъ и готовъ принимать строгія мѣры не только противъ лѣности взрослыхъ, но и противъ того, чтобы дѣти оставались безъ дѣла. По его мысли слѣдуетъ „накрѣпко заказать, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ ни зимой, не токмо большіе, но и малые ребята даромъ не шатались бы, но оные учились бы грамотѣ, а иные рукодѣлію, которое водится во крестьянѣхъ“; если кто „въ юности навыкаетъ работать,—поучительно замѣчаетъ авторъ,—то и подъ старость гулякомъ не будетъ“.

Крестьянинъ XVIII в.
Съ гравюры Дальстона.

Переходя къ вопросу объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, Посошковъ такъ рисуетъ тогдашніе порядки: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать; и тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету прогоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посытѣе быть, то на него и подать прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де недавай обрасти, но стриги его, яко овцу, до чела. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ“.

Въ этомъ нѣсколько преувеличенномъ изображеніи была значительная доля правды. Извѣстны факты, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ работали на нихъ по 4 дня въ недѣлю, а иногда и „безпрестанно“, что помѣщики обременяли крестьянъ оброками и разными поборами. Воеводская инструкція 1709 г. сообщаетъ, что среди помѣщиковъ есть такіе „непотребные люди“, которые, „налагая на крестьянъ несносныя тягости“, „разоряютъ“ ихъ. Такіе случаи возможны были потому, что ни Уложенье, ни послѣдующее законодательство не опредѣляло поборовъ съ крестьянъ и ихъ работъ. Впро-

чемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что случаи изнуренія крестьянъ работами и поборами не были широко распространены, даже въ пору наибольшаго развитія крѣпостного права, при Екатеринѣ II, обычной была трехдневная барщина, и оброкъ взимался по силамъ крестьянскимъ.

Указавъ на тяжесть крестьянскихъ повинностей, Посошковъ, не касаясь существа крѣпостного права и не имѣя въ виду освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, приходилъ къ замѣчательной мысли, что необходимо закономъ опредѣлить, какія повинности крестьяне должны отбывать на помѣщиковъ. Здѣсь онъ выходилъ изъ такихъ соображеній: „Крестьянамъ помѣщики—невѣковые владѣльцы“, „они владѣютъ (крестьянами) временно“, „а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ“. А потому „царю, паче помѣщиковъ, надлежитъ крестьянство беречи“ и „царскимъ указомъ хранить, чтобъ крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное“.

„Чухонскій“ крестьянинъ XVIII в. (Изъ кн. Купфера).

Для опредѣленія работъ и сборовъ съ крестьянъ, по мысли Посошкова, помѣщики, какъ „высокіе господа, тако и мелкіе дворяне“ должны собраться и съ „общаго совѣту и съ докладу Его И. В—ву“ установить въ оброчныхъ имѣніяхъ количество оброка и столовыхъ запасовъ, въ барщинныхъ — „по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣлья дѣлать“; также опредѣлить и подводы, которыя поставляются крестьянами; вообще „всякіе крестьянскіе поборы“ и работы на помѣщика должны быть точно изложены и царскимъ указомъ утверждены. Размѣръ повинностей каждаго крестьянина нужно опредѣлить въ прямой зависимости отъ того количества земли, какое имѣетъ крестьянинъ, и поборы исчислять по цѣлымъ дворамъ, но если кто сидитъ на полдворѣ или на четверти двора, то и поборы пропорціонально этому.

При отдѣленіи повинностей слѣдуетъ выходить изъ принципа распредѣленія продуктовъ крестьянскаго труда на три части: на самого крестьянина, на помѣщика и на государство, и положенье сдѣлать въ такомъ родѣ, „чтобъ имъ (крестьянамъ) споспо было государеву подать и помѣщику заплатить и себя прокормить безъ нужды“. Для огражденія крестьянъ поручить судьямъ

надзоръ за помѣщиками, чтобы они, помѣщики, „на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили“. А если „кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать и наложитъ сверхъ указнаго числа или излишнюю работу наложитъ“, то по суду „у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на государя и землю“ отнять же, „на что смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ“.

Что касается государственныхъ податей, то здѣсь Посошковъ предлагаетъ измѣнить единицу обложенія. Его проектъ нѣсколько запоздало отвѣчаетъ правительственнымъ исканіямъ новой единицы обложенія, чѣмъ было занято правительство въ 10-хъ годахъ XVIII в. Критикуя прежнюю систему обложенія, подворную, Посошковъ указываетъ на ея неопредѣленность, неравномѣрность и легкую при ней возможность злоупотребленій. Такъ неизвѣстно, что считать за дворъ, „ворота да городьбу“ или „дымъ избный“. Благодаря этому, „сильные помѣщики“ въ переписныхъ книгахъ, по которымъ подати распредѣляются, пишутъ въ одинъ дворъ дворовъ по 5, 6 и даже по 10, такимъ легко и жить; люди средній могуты“— двора по 2, по 3 соединяютъ въ одинъ, одними воротами ходятъ, подати платятъ съ 2—3 дворовъ, какъ за одинъ, оттого и крестьянамъ ихъ „не весьма тягостно“, а у бѣдныхъ и безпомощныхъ помѣщиковъ „всѣ дворы пишутъ цѣлыми дворами“ и отъ такого порядка тии крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходятъ“.

„Чухонская“ крестьянка XVIII в. (Изъ кн. Купфера).

Во время написанія „Книги о скудости и богатствѣ“ произошла перемѣна въ обложеніи: подати съ 1724 г. стали собирать не по дворамъ, а по головамъ, по душамъ мужескаго пола, занесеннымъ въ ревизскія сказки. Эта реформа Посошкову не внушаетъ довѣрія по своей непригодности. „Въ счисленіи душевномъ,—пишетъ онъ,—не чаю я проку быть, понеже играетъ онъ словами, душа — вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая, надлежитъ цѣнить вещи групповаппыя“; подать подушную онъ называетъ „душегубствомъ“.

Послѣ критики Посошковъ предлагаетъ свой проектъ, онъ совѣтуетъ брать подати не со двора, не съ души, а съ земли. „Землю, —поясняетъ онъ,—

сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходятъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимъ быть и состоятеленъ онъ будетъ", а по сравненію съ подушнымъ сборомъ земельный налогъ „тверже" и „вельми постояненъ и прибыленъ будетъ".

Ради новаго расположенія слѣдуетъ произвести генеральное размежеванье земель[1]) съ точнымъ обозначеніемъ границъ владѣнія, переписать крестьянскіе дворы, указывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сидитъ ли крестьянинъ на цѣломъ дворѣ, полудворѣ, четверти или осьмушкѣ (смотря по количеству земли, находящейся въ его владѣніи); а затѣмъ установить, сколько слѣдуетъ брать государевыхъ податей со двора, съ полудвора и т. д. по землѣ такъ же, какъ и помѣщичьи поборы по землѣ же берутся. А чтобы не было утайки и злоупотребленій при переписи, чтобы помѣщики не называли дворы полудворами, а полудворы—четвертями, слѣдуетъ установить полное соотвѣтствіе между государевыми податями и помѣщичьими поборами: если, напр., подать въ казну дается съ полудвора, то и помѣщикъ долженъ получать свои доходы съ полудвора же, не больше, благодаря чему помѣщикамъ совсѣмъ невыгодно будетъ писать цѣлые дворы полудворами, что лишило бы ихъ доброй половины доходовъ. Кромѣ того, виновные въ утайкахъ и злоупотребленіи должны быть строго наказываемы.

Благодаря такому новому расположенію, по расчету Посошкова, съ земли каждаго двора „сойдетъ" въ казну по 3—4 рубля вмѣсто 8, приходившихся на каждый дворъ при прежнемъ подводномъ порядкѣ обложенія, крестьяне въ податяхъ будутъ уравнены, ни убогому ни богатому обиды не будетъ, и государева казна наполнится съ преизлишествомъ. Составитель проекта предполагаетъ, что осуществленію его идеи „сильные люди" „будутъ препятіе чинить", но онъ увѣренъ, что царь своею властью „переломитъ ихъ древнее упрямство".

Отъ поборовъ и притѣсненій помѣщичьихъ, отъ государевыхъ податей и рекрутскихъ наборовъ крестьяне бѣжали въ степи, въ понизовые города, Сибирь, въ Польшу и Литву, а иногда скрывались и въ ближайшихъ уѣздахъ. Отъ бѣглыхъ „умножались воровства и разбой". Пресѣчь бѣгство, уничтожить разбои—было давнишней заботой правительства, которое посылало сыщиковъ, отправляло воинскія команды для ловли бѣглыхъ и разбойниковъ, издавало многочисленные указы, но все было безуспѣшно. Посошковъ разбираетъ

[1]) Этому вопросу Посошковъ удѣляетъ большое вниманіе и даетъ рядъ совѣтовъ, какъ устроить межевое дѣло, какъ пользоваться природой мѣста и компасомъ при обозначеніи межъ; описать и обмежевать предлагаетъ земли всего государства, какъ крестьянскія, такъ помѣщичьи и государственныя. Генеральное межеванье у Посошкова связано съ поземельнымъ налогомъ, такъ какъ онъ предлагаетъ обложить не только земли крестьянъ, но и земли помѣщиковъ, взимая съ послѣднихъ съ пахотной земли по 8 коп. въ годъ за десятину, съ сѣнокосной—по 6, съ лѣсной—по 4, съ болотной—по 2 коп. за десятину же.

прежніе указы о бѣглыхъ и находитъ дѣйствующій законъ „смѣху достойнымъ“, такъ какъ онъ жестоко обрушивается лишь „на одпихъ маломочныхъ“, но мирволитъ „сильнякамъ“, „высокимъ персонамъ“, у которыхъ бѣглые живутъ, никого не боясь; „хотя помѣщикъ и увѣдаетъ, то развѣ изъ-подъ руки на нихъ посмотритъ, а взять и помыслить нельзя“, а „воеводы въ такія вотчины и посыльщиковъ посылать не смѣютъ“.

Посошковъ, недовольный прежними указами, самъ вращается въ кругу тѣхъ же мѣръ; онъ безсиленъ предложить что-либо новое и прибѣгаетъ къ той же самой, уже оказавшейся непригодной, системѣ запретительныхъ указовъ; онъ настаиваетъ, чтобы былъ изданъ указъ „прямъ“, „единоравенъ“ какъ для богатыхъ, такъ и для убогихъ, — указъ такого рода: всѣхъ бѣжавшихъ и пришлыхъ, хотя бы за 50 лѣтъ и больше, съ имуществомъ ихъ возвратить, безъ платежа штрафныхъ денегъ, старымъ помѣщикамъ добровольно, подъ угрозой суроваго наказанья за неисполненіе, на что дать годъ сроку, а послѣ году за пріемъ бѣглыхъ назначить строжайшее наказаніе какъ самимъ помѣщикамъ, всѣмъ безъ различія, такъ и старостамъ, сотскимъ и приказчикамъ. Кромѣ того, онъ предполагалъ и противъ бѣгства установить паспортную систему, о чемъ будетъ сказано ниже.

Крестьянинъ XVIII в. (по Аткинсону).

Отъ бѣглыхъ Посошковъ переходитъ къ ворамъ и разбойникамъ, отъ которыхъ „крестьянству чинится великое разореніе“. „Нынѣ, —пишетъ онъ,—такъ діаволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ 5—6 наживетъ, а воры ближніе, то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ до смерти замучиваютъ; а сосѣди все слышатъ и видятъ, да боятся изъ дворовъ своихъ выйти, „и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ“. Ради охраненія отъ такой гибели и разоренья слѣдуетъ издать „новостный указъ крѣпкій“, чтобы сосѣди подъ страхомъ тѣлеснаго наказанья сбѣгались на помощь и отбивали сосѣда; затѣмъ въ судѣ ворамъ и разбойникамъ не давать потачки, дѣла о нихъ скоро вершать и даже „за старыя вины смерти предавать безъ спуска и безъ отлагательства“.

Мѣрой предупрежденія противъ разбоевъ Посошковъ считалъ строгую паспортную систему. Въ этомъ отношеніи онъ въ согласіи съ петровскимъ законодательствомъ и съ правилами, предлагавшимися такими видными лицами, какъ Волынскій (въ Инструкціи дворецкому отъ 1725 г.) и Татищевъ (въ его „Экономическихъ запискахъ"), предлагалъ установить строжайшій надзоръ за крестьянами. Онъ совѣтуетъ „установить сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ", которые имѣли бы неослабный надзоръ за своими подчиненными, чтобы тѣ безъ вѣдома ихъ „никуды никто не ѣздили и ночной порой изъ домовъ своихъ не сходили бы"; а если крестьяне предполагали отправиться въ деревню или городъ дальше 10 верстъ, то, кромѣ разрѣшенія, они должны брать письменный отпускъ. „Письменными отпусками,—полагаетъ Посошковъ,—весьма разбои остановятся, потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же селъ и деревень". А потому онъ предлагаетъ установить регистрацію всякихъ отлучекъ, отпуски выдавать сотскимъ и пятидесятскимъ за своими печатями, съ занесеніемъ въ особую книгу; на мѣстѣ пріѣзда крестьянинъ, взявшій отпускъ на долгое время, долженъ предъявить его тамошнимъ властямъ. Безъ такого вида нигдѣ проѣзжихъ и прохожихъ не принимать; „надлежитъ, указъ жестокій сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобы они, нарядовые крестьяне — ни по какому образу никакого человѣка — ни бѣльца, ни черница, ни нищаго—безъ таковаго отпуска на дворѣ не токмо ночевать, но и погрѣться отнюдь не пускали; а кто попахалится, то тѣхъ бы хватали да къ суду отсылали".

Крестьянка XVIII в. (по Аткинсону).

Крестьяне, благодаря паспортной системѣ, благодаря надзору надъ ними со стороны помѣщиковъ и сельскихъ властей, сильнѣе прикрѣплялись къ мѣсту жительства, къ своимъ занятіямъ. Посошковъ настаиваетъ, чтобы они были только земледѣльцами, знали свою работу и въ торговое дѣло не вмѣшивались. По его словамъ, „всякаго званія человѣкъ" долженъ „пещися о своемъ дѣлѣ"; крестьяне должны „знать свою крестьянскую работу и въ купеческое дѣло

нимало не прикасаться"; а если разбогатѣвшій крестьянинъ вздумаетъ заниматься торговлей, то ему не возбраняется пріити въ магистратъ и записаться въ купечество.

Чтобы отличить человѣка одного званья отъ другого, Посошковъ предлагалъ установить, чтобы каждый носилъ платье, его званью присвоенное; крестьяне и работные люди, напр., имѣли бы верхніе кафтаны изъ некрашенаго сукна. Такой нѣсколько странной мѣрой онъ хотѣлъ и внѣшне закрѣпить различіе, существовавшее между отдѣльными слоями общества.

Настаивая на особомъ положеніи крестьянъ, Посошковъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сглаживали бы разницу между крестьянами и другими сословіями. Такъ онъ ратуетъ за распространеніе грамотности въ деревняхъ. „Немалая пакость,—читаемъ у него,—крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ; аще въ коей деревнѣ дворовъ 20 и 30, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ". Слѣдуетъ такъ устроить, чтобы ни одна деревня, даже самая маленькая, не была безъ грамотнаго человѣка, для чего „кресть-

Русская деревня XVIII в. (Франц. грав.).

янъ не худо бъ и поизволить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои 10 лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты“ и письма, отдавали бы „безотложно“; объ этомъ издать „крѣпкое опредѣленіе“, давъ на выполненіе такого правила года 3—4.

Съ особенной силой Посошковъ настаиваетъ на томъ, чтобы были измѣнены порядки въ управленіи и судѣ, чтобы одинаково относились и къ богатому и къ убогому, знакомому и простолюдину. Онъ съ горечью разсказываетъ о случаяхъ лицепріятія и неправосудія,—и выражаетъ горячее пожеланіе о томъ, чтобы царствовала „правда“ между людьми, судъ былъ „нелицепріятенъ и равенъ“ для всѣхъ. „Ради общежительства любовнаго“,—читаемъ у Посошкова, — должно „судъ устроити единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, начимъ же отмѣненъ и полковнику и генералу“, при этомъ судъ слѣдуетъ „учинить близостной; чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како не простолюдина, тако и на служиваго“.

Крестьянская чета XVIII в. Изъ книги аббата Chappe d'Auteroche.

Для новаго суда требуется составить новое уложенье, „правосудную книгу“; составленіе такой книги поручить представителямъ народа изъ всякихъ чиновъ, земскому собору, учрежденію уже упраздненному въ XVII в. Въ числѣ составителей уложенья Посошковъ хотѣлъ бы видѣть и крестьянъ (на земскихъ соборахъ ихъ обычно не было). „Не худо бы,—пишетъ онъ,—къ сочиненію тоя судебныя книги выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и сотскихъ бывали и во всякихъ нуждахъ перебывали и въ разумѣ смысленные“.

Участіе населенія въ дѣлѣ выработки новаго уложенья Посошковъ углубляетъ по сравненію съ прежними московскими порядками, онъ готовъ призвать весь народъ къ обсужденію законовъ. „Новосочиненные пункты,—чита-

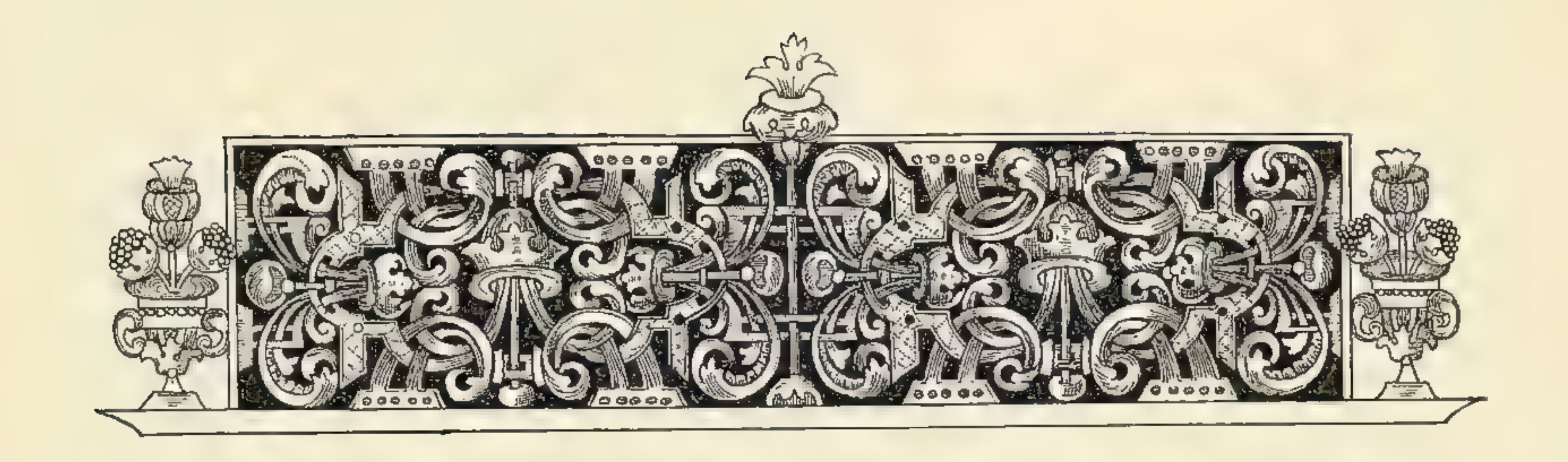
емъ у него,—всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, и не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ уложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самимъ земледѣльцамъ обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ новоисправленномъ уложеніи не было". „Народосовѣтіе" необходимо „ради самыя истинныя правды", дабы всякій человѣкъ разсмотрѣлъ, нѣтъ ли кому въ тѣхъ статьяхъ „каковыя непотребныя противности или нарушенія справедливости". Такимъ путемъ Посошковъ предполагалъ „измѣнить древніе порядки", измѣнить прежніе „уставы", которые „всѣ обветшали и исказились".

Таковы мысли и предположенія Посошкова о крестьянахъ. Онъ очень широко захватываетъ крестьянскую жизнь, рисуя тогдашніе порядки, и даетъ рядъ важнѣйшихъ совѣтовъ, которыми можно было бы „скудостное житіе крестьянское" обогатить и крестьянъ оградить отъ эксплуатаціи помѣщиковъ. Хотя Посошковъ по взглядамъ своимъ примыкалъ къ меркантилистамъ и ратовалъ за покровительство промышленности и торговлѣ, полагая, что „купечествомъ царство украшается", однако и крестьянству онъ удѣлялъ серьезное вниманье, считая, очевидно, что въ Россіи, странѣ преимущественно земледѣльческой, благосостояніе крестьянъ должно составлять одну изъ первѣйшихъ заботъ правительства.

Какъ „московскій прогрессистъ", а не западникъ, Посошковъ въ своихъ проектахъ выходилъ изъ критики современности и вращался въ идеяхъ московской Руси, стараясь тамъ найти отправную точку для своихъ реформаторскихъ плановъ; впрочемъ, иногда онъ готовъ обратиться и къ Западу, но дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ наощупь въ виду своего малаго знакомства съ европейскими порядками. По пріемамъ и способу проведенія реформъ Посошковъ напоминалъ самого царя Петра, котораго онъ былъ горячимъ поклонникомъ. Онъ раздѣлялъ вѣру въ систему запретительныхъ и поощрительныхъ указовъ и какъ будто не замѣчалъ, что одних указовъ для дѣлъ значительныхъ и разносторонихъ преобразованій недостаточно. Вообще говоря, его смѣлые планы были не по плечу тогдашнему обществу и далеко опережали свой вѣкъ. Неудивительно, что его проекты практическаго значенія не имѣли; для нашего времени они важны, какъ превосходный матеріалъ для характеристики быта крестьянъ въ петровское время.

М. Клочковъ.

Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ.

В. Н. Сторожева.

I.

19 февраля — 5 марта 1911 г. исполняется полвѣка съ того момента, когда русское правительство усмотрѣло, наконецъ, что „государственное законодательство, дѣятельно благоустроя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они частью старыми законами, частью обычаемъ потомственно укрѣплены подъ властью помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе". Признавая хотя бы въ скромныхъ выраженіяхъ свою тяжелую вину передъ крестьянскимъ сословіемъ, тотъ же правительственный актъ, изъ котораго взяты приведенныя выше строки, съ истиннымъ привкусомъ sanctae simplicitatis разсказываетъ намъ легенду на мотивы изъ исторіи вырожденія крестьянской крѣпости въ Россіи. „Права помѣщиковъ,—говоритъ деликатно составленный актъ,—были донынѣ обширны и не

Литература. 1. В. И. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II». Т. I. Спб. 1903 и т. II. Спб. 1901.—2. В. Э. Дэнъ, «Населеніе Россіи по пятой ревизіи». «Подушная подать въ XVIII в. и статистика населенія въ концѣ XVIII в.». Т. I. М. 1902.—3. Проф. В. О. Ключевскій, «Курсъ русской исторіи». Часть IV. М. 1910.—4. Проф. В. О. Ключевскій, «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», въ журналѣ «Русская Мысль», 1886 г., № 7.—5. А. Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII столѣтія до отмѣны крѣпостного права». Спб. 1870.—6. В. Н. Сторожевъ, «Подготовка къ пятидесятилѣтію крестьянской реформы», въ журналѣ «Русская Мысль», 1903.—7. и 8. Н. А. Рожковъ, «Городъ и деревня въ русской исторіи». Спб. 1902 и статья въ журналѣ «Правда», 1903.—9. П. Н. Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры». Часть I. Спб. 1904. Изд. 5-е.—Детальныя указанія см. въ указанныхъ сочиненіяхъ.

опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней, правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ". Правительственная легенда, изложенная мало вразумительнымъ языкомъ, высказываетъ элементарную, но справедливую мысль, что „крѣпостное право" сложилось въ Россіи исторически, среди опредѣленныхъ условій экономическаго быта, и что съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ формъ этого экономическаго быта, изстаринное „крѣпостное право" превратилось въ рабовладѣніе, а помѣщичій произволъ сталъ лозунгомъ дворянской политики въ селѣ и въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи государь-помѣщикъ повторялъ въ своей практикѣ, хотя и подъ нѣсколько инымъ соусомъ, тотъ же произволъ, который царилъ на территоріи всего государства. Деревенское правительство повторяло столичное въ миніатюрѣ, и не только по существу, но и по формѣ, достигая совершенно тѣхъ же результатовъ. Разложеніе дворянской вотчины шло неуклонно и нѣсколько опережая такое же разложеніе вотчины правительственной, т.-е. цѣлаго государства. Произволъ правительства Николая I съ его блестящимъ результатомъ — севастопольскимъ погромомъ — съ желѣзной настойчивостью показалъ правительству Алексан-

Анна Іоанновна.
(Съ портрета въ Оружейной Палатѣ).

дра II, что, по крайней мѣрѣ, произволъ государя-помѣщика долженъ быть снесенъ съ лица земли, ибо онъ пережилъ самъ себя, бьетъ по карману самого помѣщика и парализуетъ удовлетвореніе насущныхъ интересовъ фиска. Настала такая экономическая пора, при которой не можетъ быть мѣста олигархіи хозяйственныхъ государей, но можно спасти (надолго ли, вопросъ другой) единовластіе самодержца. Рисуя символически фактъ рабовладѣнія въ странѣ, признавая полное его несоотвѣтствіе съ текущимъ моментомъ, правительственный актъ 19 февраля 1861 г. обѣщаетъ смѣну помѣщичьяго произвола „новымъ закономъ", при которомъ крестьяне не должны „забывать объ обязанностяхъ" и станутъ его „благотворность дополнять вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ". Насъ, конечно, смущаетъ теперь это выраженіе „дарованныя права", ибо такихъ правъ въ дѣйствительности до сихъ не наблюдалось. Обыкновенно крестьяне и рабочіе свои права завоевываютъ, и эта историческая аксіома въ равной мѣрѣ примѣнима и къ крестьянскому и къ рабочему классамъ Россіи. Не наше дѣло говорить о томъ, какъ происходило это завоеваніе правъ русскимъ крестьянствомъ, ибо о немъ скажутъ авторы другихъ статей. Но признавая такіе факты, какъ рабовладѣніе, помѣщичій произволъ и несоотвѣтствіе, какъ сказано выше, рабовладѣнія съ текущимъ моментомъ, тотъ же правительственный актъ упорно молчитъ о другомъ злѣ тогдашняго текущаго момента, о произволѣ, какъ основѣ всего тогдашняго государственнаго строя. Эта основа въ корнѣ подрывала всѣ преобразовательныя начинанія правительства Александра II. Крестьянство, освобожденное отъ обязательнаго дарового труда на помѣщиковъ, стало крѣпостнымъ непосредственно государства: крѣпостная община, круговая порука, отсутствіе элементарныхъ правъ свободной личности надолго закабалили крестьянское сословіе, передавъ опеку надъ крестьянствомъ государственному чиновнику, котораго вожделѣнія приближались къ дворянскимъ такъ близко, что часто вовсе нѣтъ никакой возможности различить, гдѣ кончается дворянинъ и начинается чиновникъ, или наоборотъ. Типъ помѣщичьяго управленія цѣлымъ государствомъ остался живехонекъ и уцѣлѣлъ до первыхъ десятилѣтій XX столѣтія, хотя бы подъ блѣднымъ конституціоннымъ прикрытіемъ. Этого обстоятельства ни въ какомъ случаѣ нельзя забывать при разсмотрѣніи поставленной въ заголовкѣ настоящей статьи темы.

Есть и еще одинъ любопытный пробѣлъ въ актѣ 19 февраля 1861 г.: онъ охотно признаетъ, что государственное законодательство „дѣятельно благоустрояло" дворянское сословіе, игнорируя „людей крѣпостныхъ". Сила этого игнорированія „людей крѣпостныхъ" подчеркивается снисходительнымъ упоминаніемъ въ указахъ 20 февраля 1803 г. (объ особенномъ состояніи свободныхъ хлѣбопашцевъ) и 2 апрѣля 1842 г. (о крестьянахъ по договорамъ съ помѣщиками, получающихъ названіе обязанныхъ крестьянъ); актъ от-

кровенно и прямо говоритъ, что „постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ“. Оба закона, дѣйствительно, не имѣли никакого серьезнаго реальнаго значенія въ русской жизни, да и не могли его имѣть, ибо были палліативами въ такомъ дѣлѣ, гдѣ необходимо или все, или ничего. Актъ 19 февраля 1861 г. даже и упомянуть не захотѣлъ объ указѣ Павла I отъ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной работѣ крестьянъ на помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные. Правда, указъ этотъ былъ

Шаблыкино, имѣнье Кирѣевскихъ. Еловый холмъ и Византійская бесѣдка. Рис. Р. К. Жуковскаго.

основанъ на такомъ сомнительномъ въ области права мотивѣ, какъ „десятословіе“, преподанное царю въ Законѣ Божіемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ изданъ тою же верховною властью, какъ и два упомянутые актомъ 19 февраля 1861 г. Умолчаніе послѣднимъ этого указа открываетъ цѣлую серію другихъ цѣнныхъ уже умолчаній, способныхъ раскрыть и оживить таинственныя строки того документа, о которомъ у насъ все время идетъ рѣчь. Его пробѣлъ и заключается прежде всего въ умолчаніяхъ: напрасно документъ взваливаетъ на плечи государственнаго законодательства XVIII в. вину, что оно забыло „людей крѣпостныхъ“; нѣтъ, оно ихъ не забыло, напротивъ, оно приложило къ нимъ сугубое вниманіе, выразившееся въ превращеніи

крѣпостныхъ въ рабовъ и крѣпостного права въ рабовладѣніе, какъ того въ сущности нисколько не скрываетъ и актъ 19 февраля. Содержаніемъ этого законодательства и опредѣляется закрѣпощеніе крестьянъ въ XVIII в. Тотъ же актъ 19 февраля, говоритъ намъ съ достоинствомъ, что государственное законодательство „дѣятельно благоустрояло“ дворянское сословіе, и тутъ скрывается новое и весьма характерное умолчаніе: это законодательное благоустроеніе заключалось въ раскрѣпощеніи дворянства, въ сложеніи съ него разнообразныхъ обязанностей и въ представленіи ему разнообразныхъ правъ. И тутъ, конечно, нельзя говорить о „дарованныхъ правахъ“ или „пожалованныхъ привилегіяхъ“, ибо и здѣсь былъ рядъ завоеваній, несмотря на то, что языкъ привилегированныхъ обильно успащался холопскими формулировками. Прочно засѣвъ въ бюрократическомъ языкѣ, эти формулировки сыграли къ тому же очень крупную историческую роль: онѣ завоевали верховную власть и превратили ее въ послушное орудіе своей самодержавной воли. Со смерти императора Павла I сопротивленіе ей стало невозможнымъ...

Итакъ, переглядывая текстъ правительственнаго акта 19 февраля 1861 г., мы раскрываемъ смыслъ его фигуръ подчеркиванія и умолчанія и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій смыслъ его витіеватой легенды на тему о паденіи крѣпостного права въ Россіи. Давно уже извѣстна стала его подкладка.. давно уже раскрылся макіавеллистическій смыслъ его печально знаменитой фразы, вѣнчающей недостроенное зданіе крестьянской реформы 1861 года: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

II.

Петровская эпоха — моментъ, когда крѣпостной уставъ изживаетъ самъ себя. Полицейское государство Петра довело этотъ уставъ ad absurdum; при Петрѣ I сложилась та карикатура „демократической абсолютной монархіи“, которая выражается въ удушливой нивеллировкѣ всего населенія передъ государствомъ и которая единственнымъ источникомъ всякаго права мнитъ ничѣмъ неограниченную волю самодержца, иногда падающаго до апоѳеоза идеи народнаго блага подъ соусомъ государственнаго процвѣтанія, изливающагося на страну, благодаря прекраснымъ мѣропріятіямъ и геніальнымъ подвигамъ неустаннаго вождя!..

Петровская карикатура на почвѣ обезображенія московской старины какъ разъ должна была создать новые ростки для того „обратнаго хода строенія русскаго общества“, о которомъ говоритъ проф. В. О. Ключевскій. Въ эпоху Петра нашъ юридическій лексиконъ обогатился новымъ терминомъ шляхетство, пришедшимъ къ намъ изъ Польши. Это новое названіе

должно было скрасить ту крѣпостную петлю, которая туго затягивалась на шеѣ русскаго дворянства начала XVIII в., въ параллель петлѣ, въ свою очередь, затягиваемой имъ на крестьянскихъ шеяхъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ то же время тотъ же лексиконъ обогатился и терминомъ подлый, обозначавшимъ все не благородное, не входившее въ составъ дворянства, и прежде всего крестьянъ. „Сказать всему шляхетству,—читаемъ въ одномъ указѣ 1712г.,—что бъ каждый дворянинъ (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру", или, наприм., въ уставѣ воинскомъ 1716 г. говорится: „шляхетству—россійскому иной способъ не

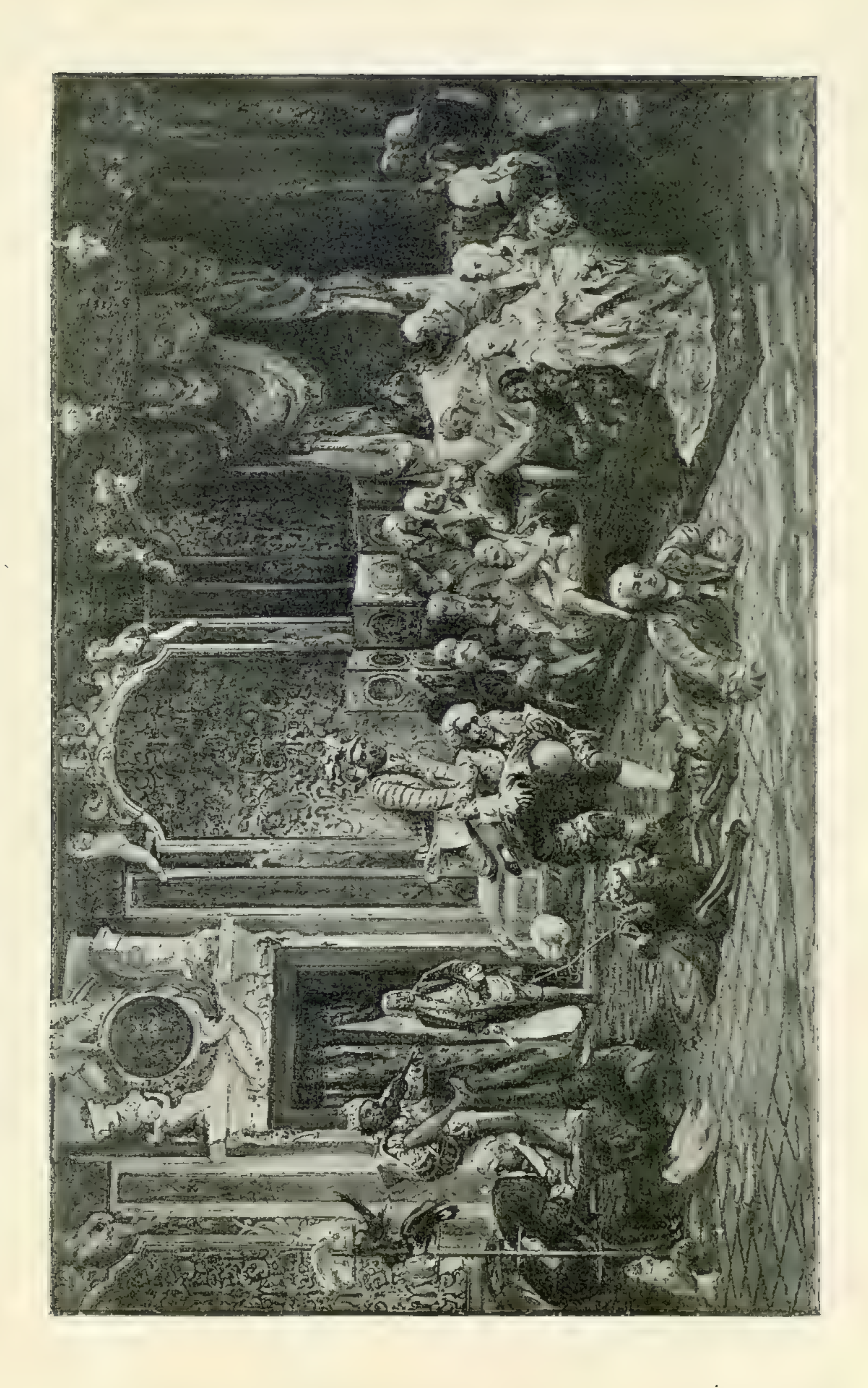
Шаблыкино, имѣнье Кирѣевскихъ. Византійская бесѣдка. Рис. Р. К. Жуковскаго (изъ альбома нач. XIX в.).

остается въ офицеры происходить, кромѣ что служить въ гвардіи". Въ тѣ же годы, въ указѣ 1714 и 1715 гг., встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: „людямъ подлымъ разореніе" или „чинены фискалы, которые доносятъ не только на подлыхъ, но и на знатныя фамиліи". Однако судьбы благородныхъ и подлыхъ, шляхтича и крестьянина, идутъ при Петрѣ съ внѣшней стороны въ ногу, въ одномъ направленіи, и еще одинъ изъ старыхъ историковъ русскаго дворянства А. Романовичъ-Славатинскій успѣлъ рѣшительно подчеркнуть, что шляхетство времени Петра „находилось почти въ такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, въ какой отъ него крестьяне" (стр. 147). Какъ разъ при Петрѣ дворянство „милостью Божіей" превращается въ дворянство „милостью короля", и въ этомъ отношеніи безсмертна роль табели о рангахъ 24 января 1722 г., низводившей дворянина до выслу-

жившагося чиновника, а чиновника при извѣстныхъ условіяхъ возвышавшей до потомственнаго дворянина. Служба могла сдѣлать человѣка дворяниномъ, „милость короля“ создавала „честь“ и отметала, какъ выражается самъ документъ, „тунеядцевъ и нахаловъ“, хотя бъ они и дворяне были по происхожденію. Крупное значеніе этого акта сознавалось Петромъ, если имѣть въ виду его подпись 1721 г. на проектѣ табели: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться“. Дворянство слишкомъ поздно получило возможность и охоту критически отнестись къ этому выдающемуся акту петровскаго законодательства и отнестись, какъ къ своему страшнѣйшему врагу. Когда въ XVII столѣтіи дворянинъ называлъ себя въ челобитной холопомъ, то эта была лишь форма выраженія, таившая въ себѣ инстинктивно преданіе удѣльныхъ временъ. Въ XVIII столѣтіи выраженіе „холопъ“ исчезло, но его прямой смыслъ перешелъ на бюрократію, а вмѣстѣ съ табелью о рангахъ и на дворянство. И чѣмъ пышнѣе расцвѣтала дворянская честь, тѣмъ крѣпче завязывались надъ дворянствомъ холопскія узы, и передъ лицомъ представителя „демократической абсолютной монархіи“ спины чиновника и дворянина оказывались одинаково гибкими. Дворянство въ свое время не могло и не успѣло отдѣлаться отъ столь ядовитаго своего врага, какъ табель о рангахъ; пошумѣвъ на эту тему въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, сословіе осталось жить въ ожиданіи окончательной своей ликвидаціи путемъ акта 19 февраля 1861 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бытовыя условія не позволили дворянству воспользоваться для своихъ сословныхъ цѣлей такъ называемыми „пунктами“ 23 марта 1714 г. (указъ о единонаслѣдіи): указъ прошелъ безслѣдно для дворянскихъ судебъ, былъ сорванъ на практикѣ и, наконецъ, 17 марта 1731 г. онъ былъ отмѣненъ при императрицѣ Аннѣ, при чемъ съ этою отмѣной навсегда исчезла разница между помѣстьемъ и вотчиной. Въ рукахъ дворянства осталось „равно недвижимое имѣніе“, исключительная роль землевладѣльческаго класса и вмѣстѣ класса душевладѣльцевъ закрѣплена была за нимъ окончательно. Дворянство, какъ сословіе въ рукахъ котораго de jure исключительно сосредоточиваются населенныя земли, выпукло опредѣлилось при Петрѣ; оно стало преимущественнымъ владѣльцемъ тогдашняго капитала, согласно той ступени экономическаго быта, которую переживала въ первой половинѣ XVIII в. Россія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишено было возможности превратиться, съ одной стороны, въ сословіе строго замкнутое (табель о рангахъ), а съ другой, образовать изъ себя тотъ элементъ круппаго лэндъ-лордизма, который въ наши дни могъ бы послужить достойнымъ матеріаломъ для такъ называемой верхней палаты, неудачной и лишенной цѣны пародіи на иноземный образецъ (аварія указа о единонаслѣдіи). Эта роль господствующаго въ странѣ капиталиста, какъ уже видно изъ предшествующаго, доставалась дворянству не даромъ: хозяинъ-крѣпостникъ самъ попадалъ въ кабалу госу-

Шуты при дворѣ Анны Іоанновны.

(Картина *Якоби*).

дарству; онъ не только обязательно служилъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ постоянно служить; онъ долженъ былъ обязательно учиться и вмѣстѣ терпѣть розги, палки, побои и всю красу старой юстиціи—пытку. Правда, въ отношеніи тѣлесныхъ непріятностей благородный былъ поставленъ гораздо лучше, чѣмъ подлый, тѣмъ не менѣе, право и практика вовсе не думали исключать его изъ обычной атмосферы членовредительно карающей руки полицейскаго государства. Всѣ эти черты своей біографіи дворянство скоро стало забывать и въ моментъ крестьянскаго освобожденія половины XIX в. оно уже не могло и не хотѣло вспомнить, что оно само когда-то было крѣпостнымъ и вышло изъ своей крѣпости не „благороднымъ" милостью Божіей, а такимъ же нижайшимъ слугою, какимъ былъ любой чиновникъ. Гербы и титулы, породы и чины, а равно и такъ называемыя привилегіи покрывали собой въ XIX в. нѣчто крайне элементарное и убогое, ибо выстроилась новая ступень въ развитіи экономическаго быта Россіи, на которой капиталисту-душевладѣльцу уже нечего было дѣлать, надо было уступать и уступать, возможно скорѣе, надо было истинную сущность вещей прикрывать для престижа поношенными гуманно-либеральными идейками... Въ XIX в. эти идейки уже не были свѣжими, онѣ истрепались еще во второй половинѣ XVIII в., когда онѣ расцвѣтали идеями и сравнительно безъ труда увѣнчавались розами тяжелаго мартиролога. Военная служба дворянина начиналась при Петрѣ съ 15 лѣтъ и непремѣнно съ положенія рядового; дворянинъ долженъ былъ служить теперь не во время только военныхъ дѣйствій, какъ то было въ XVII в., а постоянно. Дворянская помѣстная конница, эта тяжелая иррегулярная машина феодальнаго типа, смѣнялась регулярной арміей. Первые гвардейскіе полки—Преображенскій и Семеновскій—были заполнены рядовыми изъ дворянъ; имъ пришлось скоро выступить на политической сценѣ и звономъ своего оружія создавать претендентовъ на россійскій престолъ. Оторванные отъ интересовъ націи, проникнутые узкими вкусами душевладѣнія, голосившіе только въ моменты дворцовыхъ переворотовъ, они не смогли ни себѣ, ни классу, который они собой представляли, создать самостоятельное политическое положеніе; они продолжали оставаться только слугами, чиновниками, хотя и научились послѣ Петра I вырывать изъ рукъ верховной власти, которая лишь очень въ мѣру считалась съ ними, тѣ или другія подачки или привилегіи. Вынутая изъ поженъ сабля безпомощно обращалась на свое мѣсто, какъ только проходилъ первый угаръ дворцового переворота; ея оппозиціонная роль проявилась и черезчуръ поздно, и черезчуръ неумѣло. Эта новая обязательная и постоянная служба шляхетства окончательно установилась съ образованіемъ въ 1711 г. Сената, съ назначеніемъ тогда же штатнаго жалованья 33 полкамъ кавалеріи и 85 полкамъ инфантеріи, а равно съ учрежденіемъ въ 1722 г при Сенатѣ должности герольдмейстера. Въ

рукахъ этого послѣдняго сосредоточилось не только регулированіе обязательной службы шляхетства, но и совершенно новой его обязанности, обязанности учиться. Тогда еще не имѣли понятія о такомъ вредномъ принципѣ, какъ обязательное всеобщее обученіе, возбуждающемъ столько лицемѣрныхъ хлопотъ со стороны опеки преобразованной Россіи, но до обязательнаго обученія шляхетства додумались, ибо приходилось имѣть дѣло непосредственно съ западными искусниками въ военномъ, инженерномъ и всякомъ другомъ художествѣ. На обязанности герольдмейстера и лежало наблюденіе, чтобы шляхетство училось грамотѣ, счету и особенно гражданскимъ и экономическимъ дѣламъ. Однако крѣпостное отношеніе шляхетства къ государству времени Петра не ограничивается обязанностью постоянной службы, военной или гражданской; въ сущности шляхетство должно было исполнять какія угодно правительственныя порученія вопреки своему желанію. Дворянъ высылали учиться за границу, высылали силой, а порою силой же переселяли изъ одного мѣста въ другое. Всего умѣстнѣе сослаться здѣсь на общественный примѣръ заселенія Петербурга благородными. Въ 1712 г было объявлено, что рядъ дворянскихъ фамилій по окончаніи шведской войны обязанъ переселиться въ Петербургъ и строиться на отведенныхъ мѣстахъ на островѣ Котлинѣ и на Васильевскомъ островѣ. На тему

Шаблыкино, имѣнье Кирѣевскихъ. Паркъ и видъ на село.

о крѣпостномъ положеніи шляхетства при Петрѣ едва ли есть надобность распространяться болѣе. Необходимо остановиться далѣе лишь на двухъ любопытныхъ черточкахъ, иллюстрирующихъ то направленіе, въ какомъ развивалось при Петрѣ сословное объединеніе и распространеніе услугъ государству по разнымъ общественнымъ группамъ. Дворянско-бюрократическая группа населенія была отграничена отъ всѣхъ табелью о рангахъ 24 января 1722 г., но на этихъ всѣхъ, въ свою очередь, стало падать обязательство отбывать военную службу, ибо старый порядокъ прибора вольныхъ охотниковъ смѣнился новымъ порядкомъ принудительнаго набора рекрутовъ изъ всѣхъ сословій. И если табель о рангахъ вовсе не могла быть выигрышемъ для чистоты и обособленности шляхетства, то распространеніе главнѣйшаго признака шляхетскаго благородства—обязательности военной службы—на всѣ сословія пробивало первую рѣшительную брешь въ сословной крѣпости и давало наклонъ къ тенденціи будущаго безсословнаго строя. Обязательная военная служба—повинность, ставшая при Петрѣ общесословной. Въ то же время наблюдается развитіе другой крупной повинности, которая въ государствѣ правовомъ выступаетъ въ роли одного изъ основныхъ правъ мѣстной общины или корпораціи и которая въ данномъ случаѣ выражается въ привлеченіи сословій къ мѣстному управленію на строго принудительныхъ основахъ и на почвѣ безмѣрной опеки государства, убивающей въ корнѣ нормальную жизненность подобныхъ мѣропріятій. Тѣмъ не менѣе, подобныя мѣ-

Елизавета Петровна.
(Съ портрета Чемезова).

ропріятія въ высокой степени цѣнны для историческихъ наблюденій и характерны для эпохъ, ихъ создающихъ. Ихъ соціальное практическое значеніе едва ли не ограничивается ролью школы для разныхъ общественныхъ группъ въ сферѣ примѣненія нормальныхъ правъ самоуправленія внутри областной обороны того или другого типа. Это привлеченіе мѣстнаго общества къ дѣлу земскаго и частью сословнаго управленія Петръ начинаетъ съ городского торгово-промышленнаго населенія. 30 января 1699 г. былъ изданъ извѣстный указъ, которымъ предоставлялось торгово-промышленнымъ людямъ столицы и затѣмъ другихъ городовъ выбирать погодно изъ своей среды бурмистровъ; во главѣ уѣзднаго землевладѣльческаго класса попрежнему остался воевода, къ которому указомъ 10 марта 1702 г. пристегивались товарищи въ количествѣ отъ 2 до 4 на уѣздъ, выбиравшіеся изъ мѣстныхъ дворянъ. Эта первая попытка привлечь мѣстное дворянство къ участію въ областномъ управленіи блистала „собственной безполезностью". „Мысль построить,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій (стр. 200),—мѣстное дворянское самоуправленіе на инвалидахъ и лежебокахъ, подлежавшихъ за неявку на службу лишенію правъ состоянія, сама по себѣ не обѣщала удачнаго осуществленія" (срв. выше упоминаніе о терминахъ „тунеядцы и нахалы" въ табели о рангахъ). Но практическое ничтожество опыта не можетъ скрывать направленія, по которому шла тогда бюрократическая мысль, явно и рѣзко ощущавшая потребность государства опираться на органы мѣстнаго или сословнаго самоуправленія. Попытки, въ конечномъ счетѣ очень неудачныя, продолжались и оказывали извѣстное вліяніе на правовыя судьбы русскаго шляхетства. Указомъ 24 апрѣля 1713 г. была повторена попытка привлечь дворянское общество къ участію въ мирномъ управленіи: предписано было быть при губернаторахъ „ландраторамъ" отъ 8 до 12 человѣкъ, смотря по величинѣ губерніи, и губернатору всѣ дѣла рѣшать съ ними по большинству голосовъ. По указу 20 января 1714 г. ландраторовъ велѣно было выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворянами за ихъ руками. И эти указные выборы на практикѣ осуществлены не были. Послѣдняя попытка Петровскаго законодательства привлечь выборнаго изъ дворянъ человѣка къ участію въ областномъ управленіи относится уже къ выборному комиссару отъ земли, честь разрѣшенія вопроса о которомъ принадлежитъ изслѣдовательскому перу М. М. Богословскаго (первые выборы предписано было произвести въ октябрѣ 1723 г.). Изучая приведенныя перемѣны, представлявшія собою, несмотря на внѣшній иноземный привкусъ, пережевываніе стараго, но при совершенно новыхъ историческихъ условіяхъ, профессоръ В. О. Ключевскій прибѣгалъ, если не ошибаюсь нѣсколько въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, къ такимъ формуламъ: 1) „Чиновныя обязанности приказной службы, постепенно теряя связь съ генеалогическимъ составомъ высшаго служилаго класса, превратились въ простыя должностныя полномо-

чія“ и 2) „обязанности прежней земской службы по личному довѣрію и мірской порукѣ, распространившись изъ городовъ и на мѣстныя дворянскія общества, при Петрѣ соединились съ такими условіями, которыя сообщили имъ характеръ сословно-политическихъ правъ“. Приведенныя формулы сходятся во многомъ по существу съ результатами новыхъ наблюденій надъ эпохой Петра. Карикатура намалевывалась въ первой четверти XVIII столѣтія старыми красками, но процессъ ихъ подсыханія происходилъ совершенно въ иной атмосферѣ, т.-е. въ иныхъ историческихъ условіяхъ, а вслѣдствіе того плодомъ эпохи и могъ явиться „обратный ходъ строенія русскаго общества“ въ остальныя десятилѣтія того же вѣка.

III.

Итакъ, процессъ закрѣпощенія дворянскаго класса государству достигъ при Петрѣ своего крайняго предѣла. Дальше идти было некуда. Передъ нами витаетъ теперь третья формула, которая приводитъ непосредственно къ вопросу о дальнѣйшемъ закрѣпощеніи крестьянскаго класса помѣщику. Этотъ послѣдній процессъ при Петрѣ не заканчивается, но, развиваясь и утверждаясь на потребностяхъ фиска, получаетъ свою заключительную отдѣлку во время Екатерины II-й, когда завершается окончательно глубина неизмѣримой пропасти и величайшаго антагонизма интересовъ „благороднаго“ и „подлаго“, когда, выражаясь языкомъ Петровскаго законодательства и проф. В. О. Ключевскаго, жизнь создала удивительное приволье для „лежебокъ“ и „инвалидовъ“, для „тунеядцевъ и нахаловъ“... Эта третья формула гласитъ слѣдующее: „Спеціальныя повинности ратной службы и податнаго тягла, распространяясь на большее количество классовъ, постепенно превращались во всесословныя государственныя обязанности“. И процессъ дальнѣйшаго закрѣпощенія крестьянъ при Петрѣ начинается съ непосредственнаго при-

Возокъ (изъ книги Gruber und Geissler 1793 г.).

влеченія крестьянъ къ военной службѣ путемъ установленія рекрутчины, ставшей, благодаря бытовымъ условіямъ, чрезвычайнымъ бичомъ крестьянскаго класса. Стоитъ болѣе или менѣе явственно представить себѣ весь строй крѣпостныхъ дворянской вотчины и отчаянную систему веденія войнъ въ XVIII в., чтобы понять необычайную остроту этого бича, косвенно задѣвавшаго порой благородную бѣлую спину помѣщика. Кажется, что при изученіи экономическаго быта Россіи XVIII в. до сихъ поръ не обращали достаточно серьезнаго вниманія на роль рекрутскихъ наборовъ для крестьянскаго хозяйства. Крестьяне начали отбывать рекрутчину въ XVIII в.: это значитъ, что масса крестьянскихъ личностей навсегда изымалась изъ народнаго хозяйства; это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ факту военной службы даточныхъ изъ крестьянъ въ XVII в., выступавшихъ лишь на время и при особыхъ обстоятельствахъ. Указанное распространеніе дворянской повинности на крестьянъ, какъ уже было указано выше, знаменовало наклонъ къ тенденціи будущаго безсословнаго строя. Пока и крестьянинъ и дворянинъ начинаютъ военную службу рядовыми, и только послѣ Петра положеніе измѣнится. Крестьянинъ навсегда останется рядовымъ, дворянинъ будетъ служить рядовымъ только въ пеленкахъ. Правда, то было обычаемъ, а не закономъ, но вѣдь и крестьяне, какъ говоритъ актъ 19 февраля 1861 г., частью стали крѣпостными по обычаю. Не принимая мѣръ противъ обычая закрѣпощать крестьянъ, правительство пыталось вывести обычай производить дворянскихъ младенцевъ въ офицеры. Такъ въ 1763 г. было предписано не производить дворянскихъ малолѣтокъ въ офицеры безъ особливаго на то каждый разъ указа. Полковничья инструкція 1765 г установила 15 лѣтъ срокомъ поступленія на службу. Тѣмъ не менѣе, въ 1785 г. Военная коллегія при отставкѣ разнаго рода военныхъ чиновъ не могла не усмотрѣть, что многіе изъ нихъ еще въ младенческихъ лѣтахъ были записаны на службу и тяготы рядового никогда на себѣ не несли. Общесословная мѣра при старомъ порядкѣ не выдерживала сама себя: обычай, помимо закона, создавалъ привилегію, покуда не былъ изданъ грозный уставъ 1 января 1874 г., при которомъ изъятіе или исключеніе стало доступнымъ, да и то не безъ труда, только капиталисту. Этотъ уставъ, пройдя черезъ горнило крестьянской реформы, завершалъ собой военныя преобразованія Петра и впервые давалъ въ распоряженіе государства то, что можно назвать національной арміей по своему составу, дальнѣйшимъ этапомъ развитія которой могло бы явиться ея превращеніе въ армію народную.

Въ другой статьѣ читатель познакомился съ результатами введенія подушной подати и отмѣны холопства для крестьянъ *). Здѣсь приходится добавить немногое къ сказанному нами. Впервые при Петрѣ опредѣленно

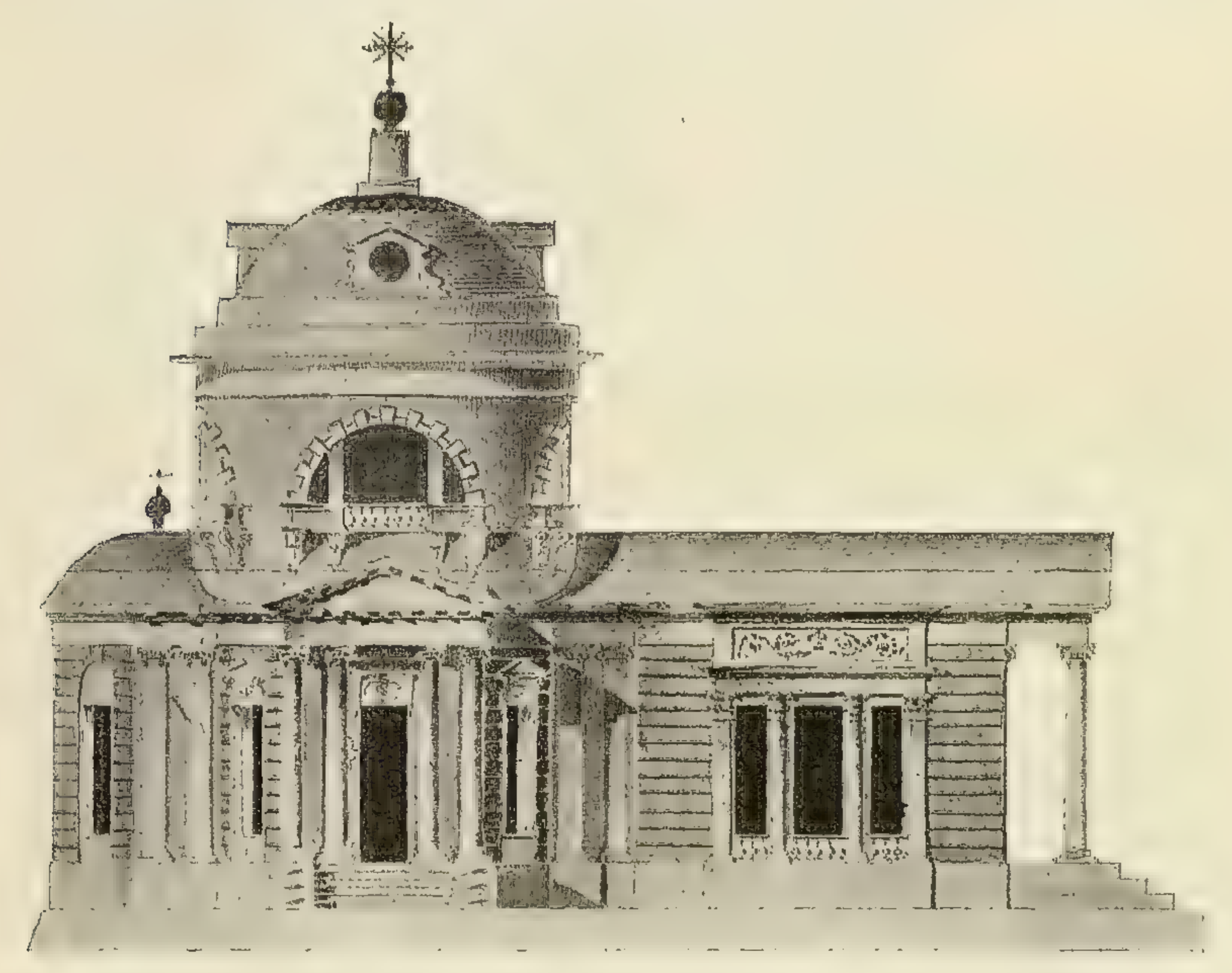
*) См. соотвѣтствующую статью М. М. Богословскаго.

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ. Господскій домъ.

и ясно устанавливается рабовладѣльческій принципъ, и такъ называемое крѣпостное право растетъ и количественно и качественно. Все, что стоитъ за предѣлами дворянства, духовенства и гражданства (посадскіе люди), должно или служить въ арміи, или превратиться въ подданныхъ помѣщиковъ. Государь-помѣщикъ становится теперь отвѣтственнымъ предъ государствомъ за своихъ особливыхъ подданныхъ. Государь-помѣщикъ есть не только подданный, но въ сущности рабъ государства, рабъ государя помѣщиковъ; зато у этого государя-помѣщика есть свои рабы, кадры которыхъ наполняются не одними только крестьянами-земледѣльцами, но самыми разнообразными группами населенія отъ задворнаго человѣка до холопа и церковнаго причетника включительно. Подушную подать вноситъ помѣщикъ, онъ отвѣчаетъ за исправное поступленіе. Крестьянинъ-подданный помѣщика расплачивается вдвойнѣ: онъ вноситъ помѣщику подушную подать, онъ отбываетъ на помѣщика барщину (или выплачиваетъ оброкъ). „Дворянамъ объявить,— говоритъ законъ,—чтобъ платили со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются (понеже, какъ намъ извѣстно учинилось, что нѣкоторые, закрывая отъ общаго государственнаго платежа, писали многихъ скотниками, садовниками, конюхами, псарями и симъ подобными, не взирая на оное), по восьми гривенъ съ персоны на два, или на три, или на четыре срока, какъ имъ удобнѣе, деньгами, а не иными вещами, для котораго сбора чтобъ по вся годы выбирали они сами въ декабрѣ мѣсяцѣ коммисара отъ земли и выборъ бы, подписывая своими руками, отдавали полковнику того полка, а по исшествіи того года должны они иного выбирать, а прежняго считать“. Изъ этой превосходной цитаты властнаго жаргона Петра явственно обрисовывается и новая роль государя-помѣщика, и роль дворянскихъ выборовъ, и, наконецъ, все значеніе подушной подати, которую законъ требуетъ уплачивать деньгами, а не натурой. Эта послѣдняя оговорка законодательнаго текста обращаетъ на себя особенное вниманіе, подчеркивая экономическія основы изучаемаго процесса. Государство заботливо бережетъ эту подушную подать, и ради нея оно готово итти на всяческія мѣры, лишь бы не оскудѣвалъ ея приливъ. Само собою разумѣется, что въ распоряженіи правительства не было никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ репрессивныхъ, съ которыми, какъ извѣстно, бываетъ трудно разстаться даже въ тѣ времена, когда наивность и непониманіе давно смѣнились канцелярскими злоупотребленіемъ и безмозглостью. Государство равно не терпѣло ни побѣговъ, ни голодовокъ: ни то, ни другое не было выгодно для собиранія подушной подати. Изъ этого источника вытекали нѣкоторыя права и обязанности помѣщиковъ въ отношеніи крѣпостныхъ. Помѣщикъ обязанъ кормить своихъ крестьянъ во время голодовокъ и снабжать ихъ сѣменами для посѣва. „Чтобъ они каждой,—говоритъ указъ 26 апрѣля 1734 года,—крестьянъ и людей своихъ въ

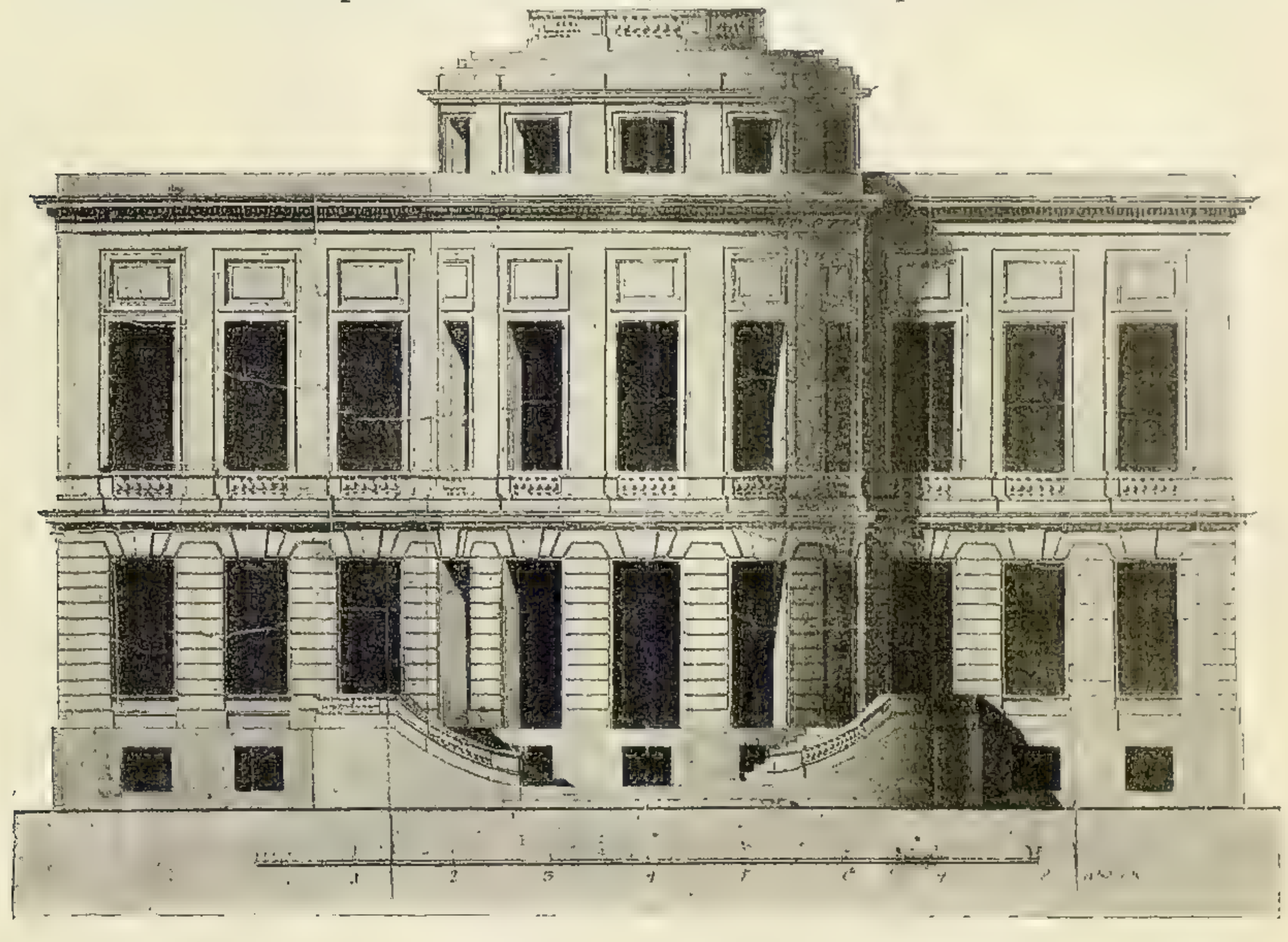
такое нужное время кормили готовымъ своимъ, и привозя изъ другихъ хлѣбныхъ мѣстъ, или покупнымъ хлѣбомъ, и по міру ходить для милостыни отнюдь не допускали и сѣменами снабдили неотложно; а ежели кто по сему нашему указу исполнять не будетъ, и тѣ ихъ люди и крестьяне за такимъ подтвержденіемъ для прокормленья своего по міру скитаться станутъ, и земли за недачею на сѣмена лѣто пролежатъ праздны, и то все взыскано будетъ на самихъ помѣщикахъ съ немалымъ штрафомъ". Пусть значеніе подобнаго

Церковь въ селѣ Богородицкомъ, имѣніи Бобринскихъ. Проектъ одобренъ Екатериной II (изъ архива гр. В. Н. Бобринской).

указа на практикѣ ничуть не было достаточно высокимъ; это нисколько не умаляетъ его юридическаго смысла, продиктованнаго вполнѣ опредѣленными задачами экономической политики правительства Анны и Бирона, въ данномъ случаѣ твердо стоявшаго на плечахъ Преобразователя. Помѣщики получали право по своей волѣ карать бѣглыхъ крестьянъ, и это право предоставлялось имъ опять-таки съ цѣлями хозяйственной предусмотрительности. Нельзя всѣмъ бѣглымъ безъ исключенія чинить безмѣрно жесточайшее наказаніе кнутомъ, кошками, плетьми или батогами. Иной „отъ хлѣбной скудости и

по подговорамъ отъ своего неразумія по какой-либо малой причинѣ побѣжитъ, и потомъ, раскаявся, возвратится въ скоромъ времени, что въ платежѣ податей никто за нихъ убытка не претерпитъ, таковые противъ первыхъ (т.-е. такихъ, которые учинили какое-либо злодѣйство и нанесли тяжелый матеріальный уронъ крестьянскому обществу) по натуральному праву меньше наказаны быть могутъ". Указъ 6 мая 1736 г. и предоставляетъ на волю помѣщиковъ мѣру наказанія за побѣгъ: „...крестьянамъ... помѣщиковымъ по волѣ помѣщичьей и повѣренныхъ отъ нихъ, кто кого которымъ наказаніемъ наказать пожелаютъ". И въ данномъ случаѣ законодатель не столько соблазняется создать право въ интересахъ государя-помѣщика, сколько обезпечить исправное поступленіе податей. Пусть помѣщикъ какъ хочетъ, такъ и расправляется съ крестьяниномъ за побѣгъ. Побѣгъ — нетерпимое и частое явленіе; за него надо карать наивозможно жестоко въ интересахъ государства столько же, сколько въ интересахъ помѣщика, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ помѣщикъ разберется, нужно ли заколотить бѣглеца до смерти или до увѣчья, или же будетъ гораздо хозяйственнѣе умѣренно всыпать бѣглецу, благо вернулся или не успѣлъ нанести большихъ убытковъ, и поскорѣе посадить

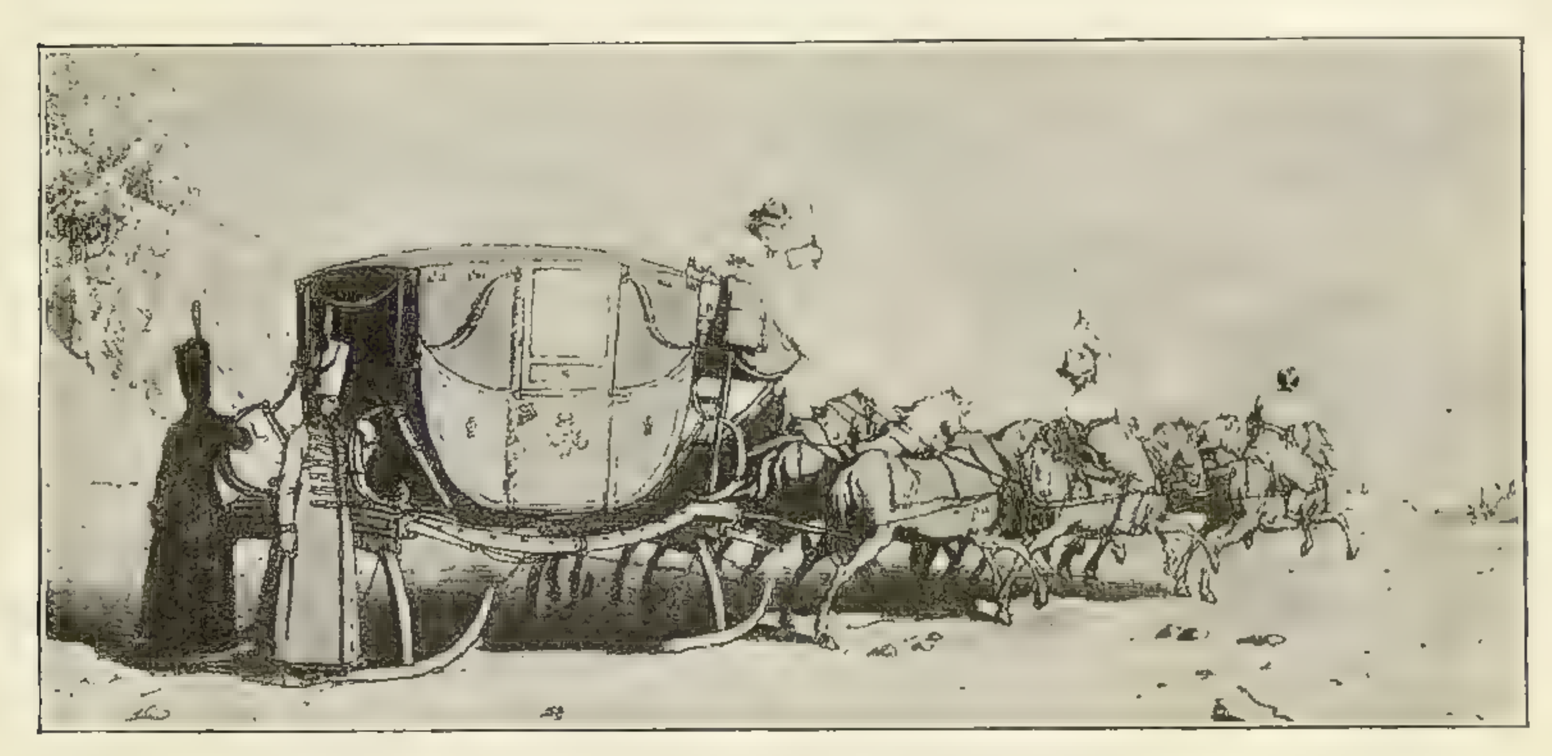
Помѣщичій домъ въ селѣ Богородицкомъ, имѣніи гр. Бобринскихъ (Тульской губ.). Проектъ одобренъ Екатериной II.

на барщину. Продиктованный соображеніями экономической политики законъ на практикѣ могъ получить болѣе широкое значеніе, превратившись въ помѣщичье право уголовной юрисдикціи, пьяной расправы или вотчинной инквизиціи. Бытовыя условія въ дальнѣйшемъ должны были содѣйствовать росту помѣщичьихъ правъ и упадку помѣщичьихъ обязанностей, и обратно: упадку правъ помѣщичьихъ подданныхъ и росту ихъ обязанностей. Самъ Преобразователь былъ типомъ не стѣсняющагося въ своихъ средствахъ вотчинника; его эпоха положила твердые устои рабовладѣнію XVIII столѣтія, и вскорѣ послѣ его смерти и „становится замѣтенъ обратный ходъ строенія русскаго общества", какъ было указано выше. Обрисовка схемы этого „обратнаго строенія" можетъ быть довольно простой. Господствующая роль экономическихъ основаній сплетается здѣсь, и притомъ довольно причудливо, съ революціонно-политическими выступленіями дворянской арміи, не разъ распоряжавшейся въ XVIII вѣкѣ внѣшними судьбами русскаго престола и подарившей странѣ продолжительное царствованіе Екатерины II, этой великой опоры численнаго роста крѣпостныхъ крестьянъ и развитія ихъ абсолютнаго безправія, охранявшагося дворянско-бюрократической юстиціей, этими организованными надругательствомъ надъ правомъ и элементарной справедливостью. Послѣдній актъ россійской соціально-политической трагедіи разыгрался очень быстро, всего на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ...

IV.

При Петрѣ крѣпостной человѣкъ могъ записаться въ военную службу, не предъявляя разрѣшительнаго письма отъ помѣщика; производя торговлю на извѣстную сумму, могъ записываться въ посады также безъ разрѣшенія помѣщика, при чемъ послѣдній не долженъ былъ брать съ него оброка больше, чѣмъ съ другихъ крестьянъ; особаго запрещенія приносить челобитныя на господъ, т.-е. жаловаться на нихъ, также не существовало. Теперь позволительно спросить, имѣя въ виду оговорки акта 19 февраля 1861 года, правда ли, что законодательство XVIII в. игнорировало крѣпостныхъ крестьянъ и что мѣсто закона „заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика". Совсѣмъ нѣтъ. Преданіе и обычай имѣли громадное значеніе въ дѣйствительности, но они не жили въ безпомощномъ состояніи. Законъ такъ или иначе стремился поспѣть за ними и легализовать множество отрицательныхъ явленій въ деревнѣ и помѣщичьей вотчинѣ, равнымъ образомъ упрочить верховную роль помѣщика. Въ маѣ 1742 г. „многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали" и били челомъ императрицѣ о записи ихъ въ военную службу. Результатъ просьбы былъ крайне поучительнымъ. „По указу ея императорскаго величества, подписанному собственною ея императорскаго величества рукою", этимъ непризнаннымъ просителямъ

учинено было „на площади съ публикою жестокое наказаніе", глядя по степени: однихъ били кнутомъ, плетьми или батогами, другихъ по наказаніи отдавали „помѣщикамъ ихъ во услуженіи по прежнему", третьихъ сослали въ Сибирь „на казенные заводы въ работу вѣчно". Описывая происходившее „на площади съ публикою", указъ императрицы Анны отъ 2 іюня 1742 г. „накрѣпчайше" предписываетъ, чтобъ „впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ въ военную службу нигдѣ не просили", въ противномъ случаѣ, они подлежали жестокому наказанію и ссылкѣ въ работу вѣчно. Хозяйственные интересы помѣщика не могли допускать такой крестьянской утечки въ военную службу; государство въ данномъ случаѣ дѣйствовало не только въ угоду дворянству,

Карета съ гайдуками. Изъ Аткинсона: Manners and customs of the Russians (кон. XVIII в.).

но и въ цѣляхъ предотвратить возможность повальнаго бѣгства крѣпостныхъ крестьянъ въ рекрута. Ссылка въ Сибирь, которой грозило правительство Анны, должна была получить болѣе широкое примѣненіе при императрицѣ Елизаветѣ, правительство которой заинтересовалось перспективами сибирской колонизаціи. Указъ 13 декабря 1760 г. начинается заявленіемъ, что въ Сибири „состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ". Въ XVIII в. всегда какъ-то случалось такъ, что гдѣ интересъ государственный, тамъ и дворянскій; они не сталкивались, а совпадали, если имѣть въ виду политическіе взгляды эпохи. Подчеркнувъ этотъ государственный интересъ, указъ продолжаетъ: „Кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ своихъ людей и крестьянъ, также и женскъ полъ, которые, вмѣсто должныхъ по своимъ званіямъ услугъ, воровствомъ, пьянствомъ и прочими непристойными продерзостными поступками многіе вредъ, разоренія, убытки и безпокойства приключаютъ и дру-

гимъ, подобнымъ себѣ, наивящшіе къ такимъ же вреднымъ поступкамъ примѣры подаютъ, таковыхъ за оныя непотребства, однакожъ годныхъ къ крестьянской и другой работѣ, не старѣя 45 лѣтъ, отдавать къ объявленному поселенію". Установивъ порядокъ ссылки въ Сибирь крестьянъ по волѣ помѣщиковъ, указъ не ограничивается извѣстной услугой дворянству въ дѣлѣ избавленія послѣдняго отъ невыгоднаго въ хозяйствѣ элемента, а даетъ рядъ такихъ привилегій, при которыхъ пользованіе закономъ на практикѣ могло быть крайне соблазнительнымъ. Ссылая крестьянина въ Сибирь на поселеніе (хотя бы и такого, у котораго „нѣкоторые члены и повреждены были, точію бъ къ работамъ не были помѣшательными"), помѣщикъ получалъ рекрутскую квитанцію для зачета въ будущій наборъ и, кромѣ того, деньгами за малолѣтнихъ членовъ семьи, если послѣдняя по желанію помѣщика должна была слѣдовать за своимъ главой. Если мы представимъ себѣ, что въ XVIII в. при извѣстныхъ условіяхъ все было можно, то не трудно понять, во что могло выродиться на практикѣ примѣненіе такого указа. Въ одномъ указѣ 1787 г. есть даже прямое указаніе на то, что въ Сибири появлялись крестьяне, сосланные помѣщиками за старость и увѣчье: многіе „оказались на поселеніи быть неспособны, будучи отъ 65 до 76 лѣтъ, а хотя нѣкоторые изъ нихъ и моложе оныхъ, по увѣчны и болѣзненны". Отъ ссылки въ Сибирь на поселеніе всего одинъ шагъ до каторжныхъ работъ, и правительство Екатерины II, дворянское правительство до мозга костей, не замедлило снабдить помѣщика соотвѣтственнымъ правомъ. „Буде кто изъ помѣщиковъ,—гласитъ указъ 17 января 1765 г.,—людей своихъ (въ петровскихъ указахъ они назывались еще болѣе выразительно: подданными), по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе, отдавать пожелаетъ для лучшаго воздержанія въ каторжную работу, таковыхъ Адмиралтейской коллегіи принимать и употреблять въ тяжкую работу на толикое время, насколько помѣщики ихъ похотятъ, и во всю ту оныхъ людей въ работѣ бытность довольствовать пищею и одеждою изъ казны равно съ каторжными". Само собою разумѣется, что законъ, разрѣшая помѣщикамъ карать своихъ крестьянъ каторгой, разрѣшалъ имъ брать обратно своихъ крестьянъ съ каторги, когда захотятъ. Ссылка въ Сибирь и на каторгу, всѣ возможныя и даже невозможныя формы тѣлесныхъ наказаній и пытки крестьянъ составляли ко времени Екатерины II несомнѣнное право дворянскаго класса. Крѣпостное право исчезло; установилось рабовладѣніе, и Екатерининскому законодательству принадлежитъ честь формальнаго установленія рабства путемъ абсолютнаго запрещенія крѣпостнымъ крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ: государство формально отказывало громадной части тогдашняго русскаго населенія въ своей защитѣ. Правда, и до указа 22 августа 1767 г. защита крѣпостныхъ крестьянъ государствомъ сводилась къ нулю, но все-таки существовала гдѣ-то смутная мысль, что голосъ крѣпостного

человѣка можетъ дойти до властей, что онъ въ состояніи причинить путемъ жалобы непріятность помѣщику и что помѣщикъ-дворянинъ можетъ быть отвѣтственнымъ передъ верховной властью, если крестьянская жалоба докажетъ его преступность. Время 1767 года есть время созыва коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и опубликованія либеральнаго Екатерининскаго Наказа коммиссіи. Но либерализмъ Наказа далеко не былъ похожъ на либерализмъ Екатерины въ жизни и законодательствѣ. „Да умолкнетъ вовсе крестьянскій жалующійся голосъ на помѣщика!“ сказала императрица, и стало такъ, стало въ тотъ моментъ, когда принимались за популяризацію идей Монтескье и одновременно за переводъ французскаго текста Наказа на русскій языкъ, мѣстами завѣдомо фальшивый... Указъ 22 августа 1767 г. представляетъ въ данномъ случаѣ не только чрезвычайный юридическій интересъ, но и бытовой. Правительство съ удивительной зоркостью слѣдило за каждымъ проявленіемъ хотя бы тѣни попытки крѣпостного крестьянства добиться элементарной защиты крестьянской личности; съ точки зрѣнія Екатерины II такая защита не соотвѣтствовала ни достоинству государства, ни интересамъ трона и помѣщиковъ. Крестьянинъ — рабъ, вещь, и, стало-быть, долженъ молчать. и только „имѣть къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное во всемъ послушаніе, какъ о томъ издревле отъ самодержавныхъ предковъ ея императорскаго величества узаконено, безъ всякой отмѣны“. Тутъ красуется уже ссылка на исторію, которой всегда пользуется правительство, желающее провести ту или другую особую мѣру. Такъ было положено до насъ, такъ пусть и остается въ вѣкъ неподвижно. Но было ли положено? — вотъ вопросъ, котораго правительство никогда обыкновенно не задаетъ, считая положеннымъ до насъ то, чего оно хочетъ въ данную минуту подъ непосредственнымъ давленіемъ правящаго класса. Челобитчиковъ тотъ же законъ

Екатерина II. (Портр. Левицкаго).

именуетъ преступниками, а подачи челобитной — преступленіемъ. Указъ обнаруживаетъ большое волненіе по поводу возможности пропаганды среди крестьянъ и лицемѣрную боязнь, что бѣдные крестьяне зря страдаютъ отъ подачи челобитныхъ... „Таковыя преступленія,—читаемъ въ указѣ,—большею частію происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣвающихъ вымышленные ими слухи о перемѣнѣ законовъ и собирающихъ подъ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды, которые вмѣсто того тѣми поборами корыстуются сами, а бѣдныхъ и незнающихъ законовъ крестьянъ, отвратя ихъ должнаго помѣщикамъ повиновенія, приводятъ въ разореніе и крайнее несчастіе“. Всякая жалоба крѣпостныхъ крестьянъ на помѣщиковъ, подъ прикрытіемъ исторіи, предковъ и крайней жалостливости къ крестьянамъ, была съ 1767 года запрещена подъ угрозой наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ сосланныхъ помѣщикамъ въ рекруты... Подобное наказаніе законъ обѣщаетъ не челобитчикамъ только, но и тѣмъ лицамъ, которые осмѣливались писать и сочинять крѣпостнымъ прошенія. Дальше итти было некуда, процессъ крестьянскаго закрѣпощенія законченъ, оставалось только содѣйствовать численному росту рабовъ, и царствованіе Екатерины II въ отношеніи раздачи населенныхъ имѣній превзошло всякія ожиданія. Масса свободныхъ людей была превращена въ рабовъ; помѣщикъ опредѣлилъ собой всю систему политическаго режима; дворянскій классъ, сдобренный бюрократическимъ элементомъ, игралъ роль правящаго класса.

V.

Остается теперь изучить направленіе, въ какомъ развивался за то же время этотъ правящій классъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, процессъ дворянскаго раскрѣпощенія. Не трудно отмѣтить моментъ, съ котораго начинается широкое развитіе соціально-экономическихъ привилегій русскаго дворянства. Моментъ этотъ—неудача такъ называемой конституціонной попытки русской знати при вступленіи на престолъ императрицы Анны, избранной послѣдней и, въ свою очередь, избравшей для поддержанія самодержавно-бюрократическаго строя Бирона Достаточно бѣглой справки съ законодательствомъ XVIII ст., чтобы представить себѣ ходъ дворянскаго раскрѣпощенія, обрисовывающагося на фонѣ крайняго упадка крестьянской личности. Условія борьбы, разыгравшейся на почвѣ такъ называемыхъ „пунктовъ“, предложенныхъ курляндской герцогинѣ Аннѣ, обезпечили первое завоеваніе дворянства: отмѣну въ 1731 г. ненавистнаго дворянству петровскаго закона о единонаслѣдіи; отмѣняя послѣдній, правительство явно угождало дворянству, не погнавшемуся въ цѣломъ за „пунктами“ въ той или иной редакціи, и

Охота помѣщика.

(Изъ альбома Hampeln'a).

О самомъ альбомѣ см. въ предисловіи. Hampeln даетъ очень жизненную сцену изъ помѣщичьяго быта, какъ свидѣтельствуютъ мемуары. Приведемъ выдержку изъ извѣстныхъ воспоминаній сельскаго священника («Русск. Ст.», 1880, мартъ, 481), которая очень близка къ тому, что изображаетъ намъ художникъ. «Араповъ держалъ огромную псарню. Выѣздъ его былъ—что выѣздъ Донского на Мамая: самъ онъ, какъ великій князь, съ огромнымъ войскомъ, а около него увиваются удѣльные, — мелкота, кто съ одной сворой, кто съ двумя, а кто и такъ, ради чести»... Псари и доѣзжачіе ѣдутъ съ кинжалами за поясомъ и плетьми. «За псарями слѣдовали сами господа. Ихъ ѣхало человѣкъ двадцать или больше верхомъ, и все въ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ фантастическихъ костюмахъ». За господами ѣхали мужики... «Всѣхъ верховыхъ, по всей вѣроятности, было болѣе ста» и т. д. И приведенное описаніе и рисунокъ Hampeln'a относится къ Николаевской эпохѣ. Конечно, все это можно съ такимъ же успѣхомъ отнести и ко второй половинѣ XVIII столѣтія.

спѣшило сдѣлать ему удовольствіе юридическимъ сліяніемъ помѣстья и вотчины. Помѣстье и вотчина—равно недвижимое имѣніе, помѣщики и вотчинники — одно цѣлое; ходячая терминологія стала забывать вотчинника, и въ новыхъ воспоминаніяхъ о временахъ крѣпостного права на первомъ планѣ поминается помѣщикъ. По существу отмѣна указа 23 марта 1714 г. была несомнѣннымъ дворянскимъ проигрышемъ, какъ указано было выше; къ тому же эта отмѣна влекла за собой и уничтоженіе той свободы выбора профессіи, которая до нѣкоторой степени предоставлялась шляхетству Петромъ I, привлекавшимъ кадетовъ въ гражданскую службу. На практикѣ указанная деталь закона 17 марта 1731 г. не могла получить особеннаго значенія, напротивъ, психологическое дѣйствіе этого закона должно было быть громаднымъ. Дворянство освобождалось, съ одной стороны, отъ стѣснительнаго, по его мнѣнію, порядка наслѣдованія земель, навязаннаго ему Преобразователемъ, а съ другой—оно наслаждалось тѣмъ, что его „притязательное" толкованіе указа о единонаслѣдіи въ смыслѣ пожалованія помѣстій въ наслѣдственную собственность владѣльцевъ превратилось въ законъ. Этимъ заключался неразрывный союзъ шляхетства съ государствомъ, сливались ихъ интересы, — и государство обрекало себя на мѣропріятія, укрѣпляющія дворянское землевладѣніе и облегчающія обязательную службу дворянства. „Изящный" даръ помѣстій въ вотчину былъ предзнаменованіемъ другихъ не менѣе „изящныхъ" завоеваній дворянства, о которыхъ современники вспоминали съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія. То же правительство императрицы Анны, которое не безъ нѣкотораго страха смотрѣло на движеніе 1730 г. и вынесло изъ „дѣтскихъ" пока броженій дворянскаго класса рядъ довольно опредѣленныхъ впечатлѣній, должно было понять, что дворянство болѣе чѣмъ тяготится своей безсрочной службой, соединенной къ тому же съ обязанностью начинать ее рядовыми, солдатомъ или матросомъ. Правительство должно было понять, что дворянство этого, въ концѣ-концовъ, не потерпитъ и что необходимо нѣчто „даровать" во избѣжаніе непріятностей со стороны своего естественнаго союзника, купить котораго, вслѣдствіе его политической неразвитости и зависимости отъ дарового крестьянскаго труда въ полѣ и въ домѣ, въ деревнѣ и въ столицѣ, было нетрудно. Необходимо, слѣдовательно, замѣтить, что иниціатива возбужденія вопроса объ ограниченіи срока обязательной службы дворянства принадлежитъ послѣднему. Изданный 31 декабря 1736 года указъ ограничилъ срокъ обязательной дворянской службы 25 годами и предоставилъ отцамъ изъ двоихъ или болѣе сыновей одного удерживать дома для хозяйства, не отдавая въ службу... Дворянъ потянуло въ деревню, и мнѣніе Волынскаго, что „ежели и вовсе волю дать... всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ", вовсе не было такимъ карикатурнымъ, какъ кажется на первый взглядъ. Пришлось на время пріостановить выдачу „абшитовъ", дабы не опустошить

офицерскіе кадры въ полкахъ, и возстановить въ полной силѣ законъ 31 декабря 1736 г. лишь при императрицѣ Елизаветѣ, также вступившей на престолъ при помощи арміи. Нормально вступившій на престолъ Петръ III съ перваго дня своего царствованія началъ увольнять въ отставку значительное число служащихъ дворянъ; говорятъ, что съ 25 по 31 декабря 1761 г. въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ было уволено болѣе 170 человѣкъ. Привязанный къ „дурной и глупой", какъ выражается князь Щербатовъ, гр. Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, Петръ III терпѣливо выслушивалъ вытверживанія гр. Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянской; вытверживанія эти, шедшія отъ цѣлаго кружка благородныхъ, начались еще въ царствованіе императрицы Елизаветы и осуществились, наконецъ, въ манифестѣ 18 февраля 1762 г. Инипіатива опять остается за дворянствомъ, и надо сказать, что крупные представители послѣдняго сумѣли вырвать изъ рукъ минутнаго царя вольность и свободу. Характерно, что императоръ, который на вѣчныя времена предоставилъ всему россійскому благородному дворянству свободу и вольность, не могъ усидѣть на престолѣ, палъ жертвой того же дворянства и принужденъ былъ уступить тронъ дворянской царицѣ, которая въ конечномъ счетѣ не могла не подтвердить основъ манифеста, изданнаго ея низвергнутымъ супругомъ. Актъ 19 февраля 1861 г.—запоздалое резюме акта 18 февраля 1762 г., и для историческаго глаза совершенно ясно, что иначе и быть не могло. Почти сто лѣтъ прошло отъ раскрѣпощенія дворянства до крестьянскаго освобожденія и почти 50 лѣтъ со времени послѣдняго до установленія въ странѣ хотя бы и призрачной конституціи... Проф. В. О. Ключевскій, приступая къ замѣчаніямъ о манифестѣ 18 февраля 1762 г., который окружаетъ большая любовная легенда съ княжной Ел. С. Куракиной въ ореолѣ, такъ перечисляетъ рядъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ дворянствомъ за тридцатилѣтіе передъ осуществленіемъ вытверживаній гр. Воронцова: 1) укрѣпленіе недвижимыхъ имуществъ на вотчинномъ правѣ со свободнымъ ими распоряженіемъ, 2) сословная монополія крѣпостного права, 3) расширеніе судебно-полицейской власти помѣщика надъ крѣпостными до тягчайшихъ уголовныхъ наказаній, 4) право безземельной продажи крѣпостныхъ, не исключая крестьянъ, 5) упрощенный порядокъ сыска бѣглыхъ, 6) дешевый государственный кредитъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, 7) право поступать въ военную службу прямо офицерами по образовательному цензу и 8) ограниченіе срока обязательной службы 25 годами. Манифестъ 18 февраля 1762 г. увѣнчивалъ это высокое зданіе дворянскихъ преимуществъ роскошнымъ куполомъ полной свободы отъ обязательной службы. Позднѣйшіе акты 1775 и 1785 гг., принадлежащіе времени Екатерины II, только подновили и разукрасили этотъ грандіозный куполъ рядомъ витіеватыхъ деталей. Проф. В. О. Ключевскій называетъ этотъ актъ „семинарски напыщеннымъ и канцелярски безграмотнымъ"... Но развѣ этой „семинарской напыщенности" и

канцелярскихъ представленій о прошломъ и будущемъ отечества нѣтъ въ актѣ 19 февраля 1861 г.? „По требованію исторической логики или общественной справедливости, — замѣчаетъ, слѣдуя установившимся взглядамъ, проф. В. О. Ключевскій,—на другой день, 19 февраля, должна была бы послѣдовать отмѣна крѣпостного права; она и послѣдовала на другой день, только спустя 99 лѣтъ; такой законодательной аномаліей завершился юридически несообразный процессъ въ государственномъ положеніи дворянства: по мѣрѣ облегченія служебныхъ обязанностей сословія расширялись его владѣльческія права, на этихъ обязанностяхъ основанныя". Увы! соотвѣтственнымъ исторической логикѣ надо признавать не то, что должно было бы быть, а что дѣйствительно было. „Все россійское благородное дворянство" получило вольность и свободу, правда, не безъ ограниченій, въ ночь, когда, по разсказу князя Щербатова, Петръ III, укрываясь отъ ревности „дурной и глупой" Воронцовой, занялся болѣе интересной Куракиной... Отнынѣ всѣ дворяне, состоящіе на какой-либо службѣ, могутъ ее продолжать, сколь долго пожелаютъ; только военные не могутъ просить объ отставкѣ во время войны или за три мѣсяца до нея; не служащій дворянинъ можетъ отправиться въ другія европейскія государства и даже поступить тамъ на службу съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ отечество быть принятымъ съ выслуженнымъ за границей чиномъ; только „когда нужда востребуетъ", всякій обязанъ по призыву правительства немедленно возвратиться изъ-за границы. Учиться дворяне попрежнему должны были, что подтвердилось словами, чтобъ „никто не дерзалъ безъ ученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ". Но манифестъ, тѣмъ не менѣе, и еще прибавляетъ: „Тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли... тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему прі-

Помѣщичьи сани XVIII в. (грав. Шефнера).

ѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ". Крѣпостное право вступало теперь въ новую эпоху своего историческаго бытія, и по существу нѣтъ никакихъ основаній утверждать сильно потертую временемъ и новыми историческими построеніями мысль, что крѣпостное право по освобожденіи дворянства отъ обязательной службы было „скорѣе неузаконеннымъ фактомъ, чѣмъ правомъ". Какъ разъ наоборотъ: никакое право нельзя считать правомъ, покуда оно не узаконено дѣйствительно жизнью. Не почерки пера творятъ право, а живая дѣйствительность, только она одна и даетъ возможность чернильному почерку превращаться въ орудіе легализаціи уже существующаго или назрѣвшаго.

Послѣдняя часть изучаемаго нами исторіографическаго построенія непосредственно примыкаетъ къ „учрежденію для управленія губерній Всероссійской имперіи" 7 ноября 1775 г. и къ „жалованной грамотѣ дворянству" 21 апрѣля 1785 г., наиболѣе популярнымъ и наиболѣе практически цѣннымъ актамъ Екатерининскаго царствованія, къ сожалѣнію, очень слабо изученнымъ въ деталяхъ. Учрежденіе о губерніяхъ—характернѣйшій памятникъ апоѳеоза сословности, среди которой первенствующее мѣсто принадлежитъ дворянству. Туманно и хвастливо написанное введеніе къ закону 7 ноября 1775 г. не подчеркиваетъ, правда, дворянской роли въ мѣстномъ управленіи, но, тѣмъ не менѣе, открываетъ благородному дворянству широкое и вліятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Такъ, учрежденіе о губерніяхъ— новый плюсъ въ сферѣ расширенія и развитія дворянскихъ привилегій и тѣмъ болѣе важный, что сама Екатерина справедливо приписывала крупное значеніе названному учрежденію. „Сіе наше постановленіе,—писала она въ манифестѣ,— какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій,—предписываетъ каждому мѣсту должности и правила,—доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное,—не токмо порядкомъ своимъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему внутреннему состоянію нашей имперіи, но еще наипаче противу прежняго надежно утверждаетъ общую тишину и безопасность, снабдѣвая разными выгодами частное и личное состояніе и пребываніе въ нѣдрахъ государства живущихъ разнаго рода и поколѣнія людей". Выборъ цѣлаго ряда мѣстныхъ должностныхъ лицъ отдается на души мѣстнаго дворянства. Жалованная грамота еще болѣе усиливаетъ мѣстное значеніе дворянства, создавая своего рода дворянское самоуправленіе. На практикѣ эта дворянская роль отцвѣтала, не начиная цвѣсти. Уродливый бутонъ подсохъ, и русскіе дворяне, съ одной стороны, предпочитали государственную службу, обюрократились, а съ другой, повидимому, очень скоро утратили понятіе о землѣ, какъ первичной основѣ дворянскаго бытія. „Дворянство,—пишетъ А. Романовичъ-Славатинскій, — начало отлынивать отъ мѣстной выборной службы, и на дворянскихъ выборахъ число нѣтчиковъ начинаетъ прибывать, какъ бывало на прежнихъ смотрахъ дворянскихъ недо-

рослей и въ прежнихъ полкахъ". Внутренняя классовая рознь, рѣзкая политическая невоспитанность дворянства и односторонность самаго закона довершили этотъ неуспѣхъ. Самоуправленіе сословное пришло нѣсколько поздно и по исконной привычкѣ россійскаго законодателя должно было, главнымъ образомъ, удовлетворять интересамъ узко-государственнымъ; самоуправленіе мѣстное, въ широкомъ смыслѣ этого термина, было слишкомъ чуждо екатерининскому государству, чуждо настолько, что это понятіе еще не превратилось въ надлежащій фактъ русскаго обихода XX столѣтія.

Послѣдній мигъ дворянскаго раскрѣпощенія былъ обставленъ необычайной словесной торжественностью; то былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній необычайно яркій и бьющій на чрезвычайный эффектъ комплиментъ государства по адресу благороднаго дворянства. Жалованная грамота дворянству 1785 г. начинается обширнымъ введеніемъ, въ которомъ пышно изъясненъ титулъ императрицы, описано величайшее пространство имперіи и цвѣтущее состояніе послѣдней „въ семъ знаменитомъ столѣтіи", сдѣланъ историческій экскурсъ въ прошлое, приводящій къ восхваленіямъ россійскаго дворянства. Въ языкѣ этого введенія не чувствуется ни сомнѣній ни робости; оно скорѣе болтливо, но довольно властно. Императрица начинаетъ съ лучшаго качества дворянства, съ его послушанія, а послушныхъ нельзя не награждать. „Не бысть бо въ свѣтѣ, — читаемъ здѣсь, — добрый начальникъ, который во свое время самъ повиноватися не пріобыкъ. Достигаютъ же до вышнихъ ступеней россійскаго дворянства знаменитыя особы, кои отличаются или службою, или храбростію, или вѣрностію, или искусствомъ, или же тѣ, что въ послушаніи терпѣливо пребывая, твердостію духа усердно преодолѣваютъ трудности и самое время, умножая опытами знаніе и способности свои въ частяхъ, знанію ихъ „предлежащихъ". Императрица „на вѣчныя времена и непоколебимо" постановляетъ и утверждаетъ статьи „въ память родовъ для

Егерь XVIII вѣка (изъ книги Аткинсона).

пользы россійскаго дворянства, службы нашей и имперіи",—статьи, продиктованныя справками съ исторіей. Первая статья жалованной грамоты въ буквальномъ смыслѣ слова пародируетъ тезисъ какой-нибудь исторической диссертаціи на степень доктора русской исторіи. Вотъ эта столько же замѣчательная, сколько курьезная статья: „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличавшихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное". На такой же тезисъ значительно походитъ и вторая статья, изъ существа которой, по утвержденію императрицы, и должны истекать всѣ поименованныя въ грамотѣ права благородныхъ. „Не токмо имперіи,—гласитъ эта вторая статья,—и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо,—и для того изстари, нынѣ, да и пребудетъ навѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются". Далѣе и слѣдуетъ перечисленіе сословныхъ правъ дворянства, сперва личныхъ, потомъ общественныхъ: наслѣдственность дворянскаго достоинства, неотъемлемость этого послѣдняго безъ суда, равно какъ неотъемлемость безъ суда чести, жизни и имѣнія, судимость своими равными, свобода отъ личныхъ податей и тѣлесныхъ наказаній, право заводить фабрики и заводы и заниматься торговлей, полное право собственности на все, что находится въ имѣніи дворянина (въ томъ числѣ и на крестьянъ, конечно). При перечисленіи этихъ правъ необходимо выдѣлить особо 17 и 18; статьи, какъ основныя для характеристики дворянской свободы и вольности: „Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ". Жалованная грамота 21 апрѣля 1785 года была послѣднимъ завоеваніемъ дворянства XVIII вѣка; та же грамота, въ концѣ-концовъ, отчетливо говоритъ о русскомъ дворянствѣ, какъ о дворянствѣ милостью короля, которое „изстари, нынѣ и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными", и о томъ, что Русская имперія управлялась и впредь будетъ управляться „издаваемыми отъ самодержавной нашей власти узаконеніями и постановленіями". Дворяне — *слуги престола*, не болѣе, они не граждане; они хотятъ — служатъ, хотятъ — лежатъ на печи; у нихъ нѣтъ ни участія въ политической власти ни права предъявлять требованія „въ нарушеніе узаконеній"; имъ нѣтъ никакого дѣла до другихъ сословій, кромѣ крестьянъ, коими они владѣютъ на правахъ собственности. Статьи 47 и 48 глухо говорятъ лишь о томъ, что 1) „собранію дворянства дозволяется представить генералъ-губернатору или губернатору о своихъ общественныхъ

Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

(Картина Лансере).

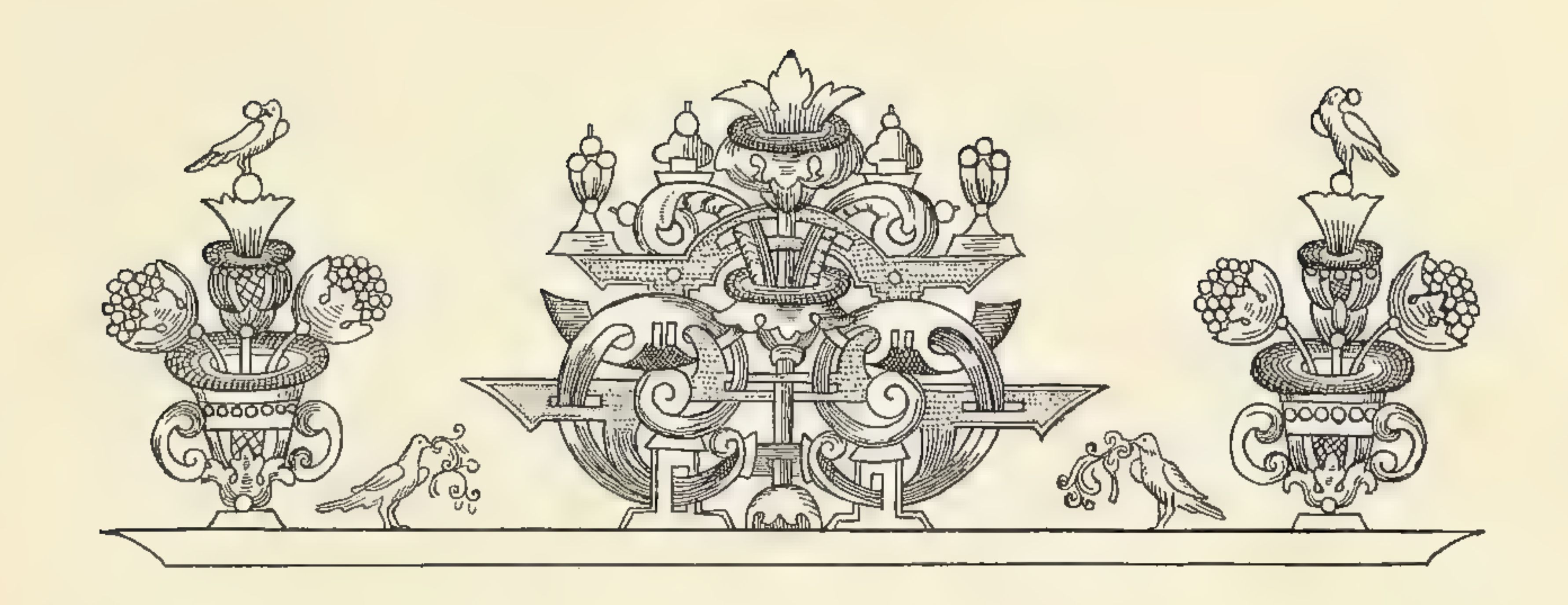

нуждахъ и пользахъ", и что 2) „подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и императорскому величеству на основаніи узаконеній". Политическій багажъ вольнаго дворянства былъ равенъ нулю, и зато оно самодержавствовало у себя въ деревнѣ, самодержавствовало до тѣхъ поръ, покуда желѣзные законы экономическаго развитія страны не положили предѣлъ этому самодержавію колокольни и правительство XIX вѣка не принуждено было заговорить съ „народомъ" недоступнымъ и лицемѣрно деликатнымъ языкомъ жалованной грамоты крѣпостнымъ... Крестьянство не сразу поняло, какъ его освободили; въ наукѣ не сразу оцѣнили пріемы освобожденія, и только очень недавно усвоили себѣ представленіе, что освобожденіе отъ обязательнаго дарового труда на помѣщика было завоевано крестьянствомъ и что крестьянская побѣда далеко не была національной, а только сословной... Новая война опять началась съ верхняго общественнаго строя, съ движенія декабристовъ, и только позднѣе перебросилась въ народъ, которому предстоитъ пережить еще очень много прежде, нежели онъ осуществитъ свою историческую миссію.

Итакъ, надо признать, что весь этотъ процессъ такъ называемаго раскрѣпощенія дворянъ и закрѣпощенія крестьянъ развивается въ XVIII столѣтіи на почвѣ тогдашнихъ экономическихъ условій страны. Можно сказать, что въ эту эпоху не наступило еще полное господство денежнаго хозяйства и звучитъ еще очень много натянутыхъ струнъ натурально-хозяйственныхъ отношеній, производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на сбытъ слабо, уровень развитія торгово-промышленной жизни не высокъ. Монархія, проникнутая замѣтно выраженными слѣдами ея порабощенія бюрократіей, откупается отъ выдачи политическихъ правъ дворянству закрѣпленіемъ за нимъ соціально-экономическихъ привилегій, не менѣе цѣнныхъ и для болѣе или менѣе крупныхъ слоевъ чиновничества. Это—фундаментъ для постройки всего гнуснаго зданія крестьянскаго рабства и, если хотите, всеобщаго политическаго рабства, утонченнаго произвола и грубаго безправія. 19 февраля 1861 года начало съ разгрома капитальнаго устоя вотчинно-полицейскаго государства—крестьянскаго рабства, 17 октября 1905 года—съ попытки послѣдовательнаго развитія политическихъ правъ въ странѣ, превратившейся въ капиталистическую и клокочущей средиярой классовой борьбы, сыгравшей тогда въ 1848 годъ и на время потонувшей въ дебряхъ реакціи...

Василій Сторожевъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи.

Прив.-доц. Н. П. Василенка.

Народное движеніе на Украйнѣ 1648—1654 гг., подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, закончилось отпаденіемъ Украйны отъ Польши и присоединеніемъ ея къ Московскому государству на переяславской радѣ 8 января 1654 года.

Территорія, присоединившаяся къ Москвѣ, обнимала собой земли, входившія въ составъ прежнихъ воеводствъ черниговскаго, кіевскаго и брацлавскаго, т.-е. приблизительно теперешнія губерніи: Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, значительную часть Подольской и Волынской. Днѣпромъ территорія эта дѣлилась на двѣ части—на Украйну правобережную и лѣвобережную.

Борьба Польши съ Москвой за Украйну продолжалась и послѣ 1654 г., и Москва принуждена была, въ концѣ-концовъ, пойти на компромиссъ, заключить въ 1667 г. договоръ въ Андрусовѣ, по которому правобережная Украйна возвращалась Польшѣ, за исключеніемъ г. Кіева и небольшой территоріи вокругъ него, обнимающей въ настоящее время среднюю и южную часть Кіевскаго уѣзда. Съ этой поры историческая жизнь правобережной и лѣвобережной Украйны идетъ различными путями. Судьба правобережной Украйны связана послѣ 1667 г. съ исторіей Польши. Сословный строй польскаго государства не признавалъ ни казачества, какъ особаго сословія, ни свободнаго крестьянства, между тѣмъ какъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ народнаго движенія на Украйнѣ 1648—1654 гг. было уничтоженіе сословной обособленности и рѣзкихъ границъ, отдѣлявшихъ одинъ

классъ населенія отъ другого. Естественно, поэтому, что правобережная Украйна не сразу примирилась съ положеніемъ, созданнымъ для нея андрусовскимъ договоромъ.

Послѣ долгой борьбы и неоднократныхъ стремленій снова соединиться съ лѣвобережной Украйной подъ властью Москвы, правобережная Украйна была, наконецъ, окончательно передана Польшѣ Петромъ I послѣ неудачнаго прутскаго похода. Население было переведено въ предѣлы лѣвобережной и слободской Украйны. Правобережная Украйна опустѣла и въ ней стало водворяться шляхетское землевладѣніе съ необходимой принадлежностью его—крѣпостнымъ правомъ. Необходимость для шляхты колонизовать опустѣвшую землю облегчала примѣненіе крѣпостныхъ порядковъ. Поселенцы созывались на слободы на льготныхъ условіяхъ, а затѣмъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, приходилось имъ волей-неволей подчиниться полному шляхетскому произволу. Другихъ отношеній для крестьянства не зналъ польскій государственный строй. Конечно, это не обходилось безъ народной реакціи. Она сказывалась въ рядѣ крестьянскихъ бунтовъ и затѣмъ въ цѣломъ своеобразномъ общественномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ „гайдамачины“.

Запорожецъ.

Гайдамаками назывались съ начала XVIII ст. разбойники, преимущественно изъ крестьянъ, образовывавшіе особыя разбойничьи ватаги. Гайдамаки находили поддержку въ Запорожьѣ и обыкновенно встрѣчали широкое сочувствіе и пособничество въ крѣпостномъ крестьянствѣ и въ другихъ элементахъ, недовольныхъ строемъ Рѣчи Посполитой. Спачала гайдамацкія ватаги

дѣйствуютъ обособленно, но съ 1734 г. гайдамацкія движенія принимаютъ широкіе размѣры. Наибольшей интенсивности они достигаютъ въ 1750 г.; въ особенности же въ 1768 г. въ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ колiивщины [1]), которое отличалось большой жестокостью по отношенію къ шляхтѣ, евреямъ, уніатскимъ и католическимъ священникамъ. Съ такой же жестокостью это движеніе было подавлено Польшей и Россіей, къ которой растерявшееся польское правительство обратилось за помощью.

Послѣ колiивщины массовыхъ народныхъ движеній уже не было. Жестокія репрессіи по отношенію къ участникамъ колiивщины и усиленіе полицейской бдительности исключали ихъ возможность.

Колiивщина имѣла вообще большое вліяніе на характеръ крѣпостного права въ юго-западномъ краѣ. Она повела къ чрезмѣрному увеличенію помѣщичьей власти и къ большему приниженію личности крестьянина не только при польскомъ правительствѣ, но и послѣ того, какъ въ 1793 г., по второму польскому раздѣлу, правобережная Украина, т.-е. теперешнія губерніи юго-западнаго края (Кіевская, Волынская и Подольская), была присоединена къ Россіи. Опасность повторенія гайдамацкихъ возстаній давала возможность шляхтѣ терроризировать правительство и развивать свою власть, можно сказать, вполнѣ безконтрольно [2]).

Иначе складывались отношенія послѣ 1654 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Малороссіи, въ теперешнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.

До 1654 г. въ Малороссіи, какъ и на правомъ берегу Днѣпра, преобладало крупное шляхетское землевладѣніе и землевладѣніе монастырское. Крестьяне находились въ зависимомъ отъ владѣльцевъ, крѣпостномъ положеніи.

Народное движеніе 1648—1654 гг. произвело въ этомъ отношеніи большія перемѣны. Крѣпостная зависимость крестьянства, равно какъ и всѣ сословныя перегородки были уничтожены. Хотя договорныя статьи 1654 г. и гарантировали шляхтѣ всѣ ея вольности, но на практикѣ это не имѣло значенія. Большинство шляхты осталось вѣрнымъ польскому правительству и ушло добровольно или было изгнано съ лѣваго берега Днѣпра; меньшинство, ставшее на сторону народныхъ массъ и перешедшее затѣмъ въ подданство Россіи, было настолько, по количеству, незначительно, что скоро

---

[1]) Обыкновенно производятъ отъ слова колоть. Отсюда колій—тотъ, который колетъ; колій—отрядъ возставшихъ.

[2]) Н. Новицкій, «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ юго-западн. Россіи въ XV—XVIII вв.». Кіевъ. 1877. (Архивъ юго-западн. Россіи, часть VI, т. I). В. Б. Антоновичъ, «Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII в. (1700—1799)» въ Архивѣ юго-западн. Россіи, ч. VI, т. II. Его же, «Послѣднія времена казачества на правомъ берегу Днѣпра». Кіевъ. 1868. (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. II). Его же, «О гайдамачествѣ (1700—1768)». Кіевъ. 1877. (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. III). Я. Н. Шульгинъ, «Очеркъ колiивщины». Кіевъ. 1890. («Кіев. Стар.», 1890). В. Б. Антоновичъ, «О мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ юго-западн. краѣ въ 1789 г.». (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. V).

растворилось въ общей массѣ казачества и не могло осуществить своихъ шляхетскихъ правъ и привилегій [1]).

Съ исчезновеніемъ шляхетства, все народонаселеніе Малороссіи стало распадаться на два крупныхъ общественныхъ класса — на казачество и посполъство. Основой для ихъ различія служилъ характеръ ихъ общественныхъ обязанностей и правъ. Казаки несли военную службу, участвовали въ выборѣ гетмана и другихъ административныхъ лицъ; они имѣли право занимать всякаго рода должности (уряды): военныя, административныя, судебныя; имѣнія ихъ освобождались отъ общественныхъ платежей и повинностей (кромѣ военной, конечно). Что касается посполъства, то подъ этимъ именемъ сначала разумѣлся вообще классъ, освобожденный отъ военной службы, но обязанный платить извѣстный налогъ въ общественную (войсковую) казну и отбывать рядъ общественныхъ (войсковыхъ) повинностей, напр., подводную, постойную и т. д. Сюда входили какъ жители городовъ, такъ и жители деревень — крестьяне. За первыми скоро усвояется названіе мѣщанъ, за вторыми остается названіе посполитыхъ, какъ спеціальное названіе крестьянъ. Ко времени составленія переписныхъ книгъ 1666 г., это различіе въ названіяхъ, повидимому, было уже вполнѣ установлено.

Гайдамакъ.

Между посполъствомъ, въ широкомъ смыслѣ, и казачествомъ, какъ классами, долгое время не было рѣзкой границы. Переходы изъ одного класса въ другой совершались постоянно, несмотря на запрещенія, которыя не одинъ разъ повторялись въ теченіе второй половины XVIII в., главнымъ образомъ, по отношенію къ крестьянамъ. Побудительной причиной для переходовъ изъ посполъства въ казачество могла служить большая свобода казаковъ отъ платежей и повинностей, а также большія политическія права

---

[1]) А. Я. Ефименко, «Малорусское дворянство и его судьба» въ сборникѣ ея сочиненій «Южная Русь». Спб. 1905, т. I. Д. П. Миллеръ, «Превращеніе казацкой старшины въ дворянство». Кіевъ. 1897. (Изъ «Кіевск. Стар.», 1897). А. М. Лазаревскій, «Замѣчанія на историческія монографіи». Д. П. Миллеръ, «О малорусскомъ дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ». Харьковъ. 1898.

казаковъ; но главная причина была все же экономическая. „Якъ осѣли люде,—говорится въ одномъ документѣ,—тогда можнѣйшіе пописались въ козаки, и подлѣйшіе остались въ мужикахъ". Военная служба, особенно при постоянныхъ войнахъ, наполняющихъ исторію Малороссіи во второй половинѣ XVII ст., требовала большихъ расходовъ для воина, который долженъ былъ самъ вооружаться и отправляться на войну. Хозяйство однихъ она разоряла, у другихъ она порождала желаніе уклониться отъ военной службы, уйти изъ казачества въ посполитые. Болѣе зажиточные, при такихъ условіяхъ, оставались казаками, а обѣднѣвшіе переходили въ посполитые. Искусственныя запретительныя мѣры малорусскаго правительства не могли пріостановить или задержать этотъ естественный процессъ, очень важный въ исторіи малорусскаго крестьянства

По своему матеріальному положенію, казачество, какъ классъ, не было, конечно, однороднымъ. Среди него рано уже начинаетъ выдѣляться группа лицъ, болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи, извѣстная подъ именемъ казацкой старшины. Группа эта, съ теченіемъ времени, увеличивается количественно, проникается общими классовыми интересами и получаетъ преобладающее значеніе въ малорусской жизни. Однимъ изъ существенныхъ ея классовыхъ интересовъ является стремленіе къ власти и борьба за власть. Отсюда стремленіе занимать войсковыя должности и созданіе ряда привилегированныхъ положеній, въ видѣ войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей.

Матеріальная сила казацкой старшины покоилась на землевладѣніи.

Народное движеніе 1648—1654 гг. не разрушило формъ землевладѣнія въ Малороссіи, но произвело въ нихъ существенныя измѣненія. Такъ какъ большинство шляхты—землевладѣльцевъ покинуло лѣвый берегъ Днѣпра, то ихъ имѣнія остались безъ владѣльцевъ и стали считаться собственностью войска. Что касается земельныхъ владѣній шляхты, перешедшей на сторону Москвы, и монастырей, то они были утверждены за прежними владѣльцами договорными статьями, гетманскими универсалами и царскими жалованными грамотами. Крупное землевладѣніе въ Малороссіи, такимъ образомъ, не было уничтожено; оно только уменьшилось въ размѣрахъ. Зато самымъ существеннымъ измѣненіемъ въ области землевладѣнія было признаніе права собственности на землю какъ за казаками, такъ и за посполитыми. Послѣ 1654 г. въ Малороссіи, на первыхъ порахъ, не было никакихъ ограниченій права собственности на землю, ни для кого изъ малорусскихъ обывателей.

Мы уже говорили, что казаки были обязаны военной службой; вслѣдствіе этого ихъ земли были освобождены отъ налоговъ и разнаго рода повинностей, которые падали на посполитыхъ. Первоначально, по договорнымъ статьямъ Богдана Хмѣльницкаго, предполагалось, что налоги будутъ взиматься деньгами въ казну и оттуда будетъ выплачиваться жалованье старшинѣ, занимающей уряды, а также расходы по содержанію учрежденій. Поэтому

въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго только на булаву гетманскую отводилось староство чигиринское; остальнымъ же урядникамъ, назначалось денежное жалованье и доходныя статьи — мельницы. На практикѣ отъ этого порядка вскорѣ было сдѣлано отступленіе, отчасти, надо полагать, подъ вліяніемъ неустройства финансоваго управленія въ Малороссіи, а отчасти, должно - быть, подъ вліяніемъ строя польскаго государства. По примѣру гетмана, которому было дано на булаву чигиринское староство, и другимъ старшинамъ начинаютъ отводить на содержаніе населенныя имѣнія.

Ивантенки, близъ Почепа, имѣніе гр. Гудовича. Изъ книги Гуна. „Изъ Москвы въ Малороссію" (1806).

Когда сталъ примѣняться этотъ порядокъ, трудно сказать съ точностью, но можно думать, что еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ, хотя А. М. Лазаревскій и настаивалъ на мнѣніи, что Богданъ Хмѣльницкій выдавалъ универсалы на населенныя имѣнія только монастырямъ [1]).

Имѣнія раздавались, кромѣ монастырей, разнымъ лицамъ изъ старшины и духовенства за заслуги предъ войскомъ или же въ виду службы въ войскахъ; затѣмъ на содержаніе опредѣленныхъ войсковыхъ должностей, на рангъ (ранговыя маетности), на содержаніе магистратовъ и отдѣльныхъ магистратскихъ должностныхъ лицъ (имѣнія ратушныя). Тѣ имѣнія (маетности), которыя не были еще никому розданы, считались свободными войсковыми,

---

[1]) Рецензія на монографіи Д. П. Миллера, стр. 6.

находящимися въ „диспозиціи войсковой“, въ видѣ запаснаго фонда, изъ котораго могла быть произведена раздача имѣній [1]).

Раздача населенныхъ имѣній въ первое время послѣ 1654 г. производилась, повидимому, въ скромныхъ размѣрахъ, но къ началу послѣдней четверти XVII в. приняла очень широкіе размѣры и сдѣлалась явленіемъ обычнымъ въ малорусской жизни. Количество не розданныхъ имѣній все уменьшалось [2]). Юридически имѣнія раздавались во временное пользованіе, но фактически они часто оставались во владѣніи цѣлаго ряда поколѣній и обращались почти въ наслѣдственныя. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы населенныхъ имѣній не ограничивались подтвержденіемъ своихъ правъ на владѣніе отъ каждаго новаго гетмана, но испрашивали себѣ подтвердительныя царскія жалованныя грамоты, въ которыхъ шла уже рѣчь о вѣчномъ и потомственномъ владѣніи.

Населеніе маетностей составляли посполитые. Они были людьми лично свободными, собственниками земли, на которой сидѣли и которую обрабатывали, въ правахъ ничѣмъ не ограниченными. При пожалованіи населенныхъ имѣній на получающаго маетность переносились поэтому не право на личность посполитыхъ и не право собственности на ихъ землю, а только право на часть ихъ труда, выражавшуюся въ извѣстнаго рода платежахъ и повинностяхъ [3]).

Закономъ платежи и повинности посполитыхъ не были опредѣлены разъ навсегда. Въ этомъ случаѣ игралъ роль обычай, и повинности разнообразились по мѣсту и времени. Въ гетманскихъ универсалахъ и полковничьихъ листахъ, которыми та или иная маетность жаловалась въ держаніе, о повинностяхъ посполитыхъ говорилось обыкновенно глухо: „позволяемъ... всякое отъ людей посполитыхъ послушенство и повинность звиклую дорочную отбирати“... или „повинни (посполитые) ему якъ до важення дровъ, такъ и до кошення и притягання сѣна быть послушными“, какъ говорится въ одномъ универсалѣ гетмана Самойловича 1679 г. [4]).

---

[1]) И. В. Лучицкій, рецензія на первый томъ «Описанія Старой Малороссіи» Лазаревскаго въ «Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ», 1890, № 12. В. Барвинскій, «Крестьяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII в.». Харьковъ. 1909, стр. 53 и слѣд.

[2]) В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVII столѣтіи», «Русск. Бог.», 1894, № 3, стр. 202 и слѣд. Его же, «Рецензія на Генеральное слѣдствіе Черниговск. полка», «Кіевск. Стар.», 1893, т. 42, стр. 366 и слѣд.

[3]) А. М. Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне (1642 — 1783) въ «Запискахъ Черниговск. статист. Комитета» за 1866, кн. I, 2 изд. Кіевъ. 1908. В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи», «Русск. Бог.», 1894, кн. 2—4. В. Барвинскій, «Крестьяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII вв.». Харьковъ. 1909.

[4]) Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне», 2 изд., стр. 22, прим. 43. В. Барвинскій, стр. 166—167.

Такая неопредѣленность давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Не всѣ, конечно, изъ нихъ доходили до свѣдѣнія высшей административной власти, но относительно нѣкоторыхъ гетманы принуждены были издавать спеціальные универсалы. Мазепа, напр., приказывалъ, „дабы нихто изъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и наборами вымышленными людей отягощати и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая, но извычайными дачами довольствуяся“ [1]). Иногда гетманы, въ отдѣльныхъ, правда, случаяхъ, старались точнѣе опредѣлить повинности посполитыхъ. По поводу, напр., жалобы посполитыхъ с. Смоляжи, Нѣжинскаго полка на своего державцу — сотника веркіевскаго Афанасьевича, Мазепа универсаломъ отъ 28 ноября 1701 г. предписывалъ требовать отъ посполитыхъ только по 2 дня въ недѣлю панщины (барщины) и по $^1/_2$ осмачки овса отъ каждой головы рабочаго скота, другихъ же платежей не взимать [2]). Но это было распоряженіе частное, общей силы не имѣвшее; обыкновенно повинности посполитыхъ были очень разнообразны: кромѣ панщины, посполитые платили деньгами, продуктами, хлѣбомъ, курами, яйцами, полотномъ и т. д.

Малороссійская мѣщанка (изъ книги Гупа).

Владѣніе населенными имѣніями, выгоды отъ занятія урядовъ, винокуреніе, торговля и т. д. способствовали росту экономической силы малорусской старшины. Монастыри также широко развивали свою хозяйственную дѣятельность и являлись едва ли не самыми крупными и богатыми земельными собственниками и капиталистами въ Малороссіи послѣ 1654 г. Наоборотъ, рядовое казачество и посполитство, благодаря постояннымъ войнамъ, междоусобіямъ и неустройствамъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка, благодаря военной службѣ, поборамъ, повинностямъ, наконецъ, ряду стихійныхъ бѣдствій (саранча), приходили все больше и больше въ экономическое

[1]) Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне», 2 изд., стр. 23.

[2]) Генеральное слѣдствіе Нѣжинскаго полка. Черниговъ. 1901, стр. 169. Лазаревскій, стр. 24.

разстройство. Къ началу послѣдней четверти XVII в. въ малорусской жизни ясно поэтому обрисовываются два класса съ противоположными экономическими интересами—сильный владѣльческій классъ и слабый въ матеріальномъ отношеніи, классъ рядового казачества и посполитства. При столкновеніи ихъ интересовъ, побѣда, естественно, должна была остаться на сторонѣ владѣльческаго класса, какъ болѣе сильнаго.

Земля и землевладѣніе въ Малороссіи опредѣляли хозяйственный строй страны. Понятно поэтому, что уже рано обнаружилось въ Малороссіи стремленіе у отдѣльныхъ лицъ сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше земли. Это стремленіе сдѣлалось затѣмъ характернымъ для всего землевладѣльческаго класса и монастырей. Всякій, скопившій себѣ капиталецъ, старался всѣми правдами и неправдами увеличить свои земельныя владѣнія; каждый вновь основанный монастырь, не говоря уже о старыхъ, ставилъ себѣ ближайшей цѣлью округленіе своихъ владѣній путемъ пріобрѣтенія земли.

Малороссійскій казакъ.

Для пріобрѣтенія земли пускались въ ходъ всякіе способы, какъ законные — даръ, мѣна, завѣщанія, залогъ и т. д., такъ и незаконные, до насилія включительно. Но главнымъ, преобладающимъ способомъ пріобрѣтенія земли была купля. Отсюда и самый процессъ мобилизаціи земли въ Малороссіи отъ рядового казачества и посполитства къ старшинѣ и другимъ владѣльцамъ и монастырямъ извѣстенъ въ исторической литературѣ подъ именемъ „скупли грунтовъ“. Благодаря скуплѣ, въ рукахъ старшины и монастырей сосредоточились крупныя пространства земли на правахъ полной собственности. Оборотной стороной этого процесса было обезземеленіе рядового казачества и посполитыхъ, продававшихъ свои земли

Такъ какъ обезземеленіе казачества дѣлало неспособнымъ его къ несенію военной службы, то малорусское правительство уже съ конца XVII столѣтія начинаетъ издавать распоряженія съ запрещеніемъ покупать земли казаковъ,

стараясь искусственно задержать процессъ обезземеленія казачества. Распоряженія эти не разъ повторялись затѣмъ въ XVIII в.

Что же касается посполитыхъ, то вопросъ объ ихъ землевладѣніи не интересовалъ малорусское правительство съ государственной точки зрѣнія и разрѣшался на почвѣ частныхъ отношеній.

Покупка державцами земли у посполитыхъ въ маетностяхъ, которыя отданы были имъ во временное владѣніе, вносила существенныя перемѣны въ характеръ временнаго державческаго владѣнія. Раньше собственникомъ земли оставался посполитый, державца имѣлъ право только на извѣстныя повинности, теперь же державца становился собственникомъ земли. Когда отбиралась отъ державцы маетность, купленная земля не могла быть отобрана и оставалась въ его владѣніи. Чѣмъ больше державца скупалъ земли у своихъ посполитыхъ, тѣмъ прочнѣе было его владѣніе маетностью.

Малороссійскій шляхтичъ.

Съ другой стороны, и въ положеніи посполитыхъ наступали большія перемѣны [1]). Продавая свою землю, посполитый могъ, конечно, уйти изъ маетности и переселиться въ другое мѣсто, но чаще всего, принужденный къ продажѣ земли своимъ экономическимъ разстройствомъ, онъ оставался на прежнемъ участкѣ, въ качествѣ арендатора, отдавая державцѣ извѣстную часть урожая и отбывая повинности по условію съ собственникомъ земли. Такимъ образомъ посполитые державческихъ маетностей обращались въ подсусѣдковъ. Такъ назывался разрядъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ или жившихъ въ чужихъ хатахъ, въ качествѣ арендаторовъ или работниковъ, получавшихъ обыкновенно вознагражденіе изъ части труда.

---

[1]) Для посполитыхъ тѣхъ маетностей, которыя были розданы и находились въ частномъ владѣніи старшины, употреблялось часто названіе подданные.

Подсусѣдки не были принадлежностью только державческихъ маетностей: они бывали и у казаковъ, и у посполитыхъ, равно какъ не только посполитые превращались въ подсусѣдки, но казаки и мѣщане, разъ они продавали свои земли и оставались жить на нихъ или же поселялись на чужихъ земляхъ и въ чужихъ хатахъ.

Разрядъ подсусѣдковъ появился въ Малороссіи рано и былъ вызванъ экономическимъ разстройствомъ населенія. Особенно онъ сталъ увеличиваться послѣ андрусовскаго мира (1667 г.), когда съ передачей лѣвобережной Украйны Польшѣ и опустошеніемъ ея масса населенія стала переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра. Эти переселенцы садились на земли войсковыя, частныхъ владѣльцевъ и монастырей, основывали слободы и получали при этомъ извѣстное число лѣтъ свободы отъ несенія платежей и повинностей. На свободныхъ войсковыхъ земляхъ переселенцы становились посполитыми, собственниками занятой земли. Что же касается частныхъ и монастырскихъ владѣній, то переселенцы на нихъ не пріобрѣтали земли, на которой селились, въ собственность, а дѣлались только арендаторами и, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, обращались въ обыкновенныхъ подсусѣдковъ, лично, конечно, свободныхъ, пользовавшихся всѣми гражданскими правами, могущихъ оставить владѣльца и уйти, а также пріобрѣтать движимость и недвижимость.

Къ концу XVII ст. въ Малороссіи, такимъ образомъ, существовало рядомъ два разряда крестьянъ—посполитые и подсусѣдки. Оба разряда были лично свободны, но посполитые были собственниками земли, подсусѣдки же сидѣли на чужой землѣ. Посполитые сохраняли государственное значеніе. Они обязаны были нести платежи и повинности въ пользу государства. Если государство предоставляло трудъ посполитыхъ въ пользованіе частныхъ лицъ, то дѣлало это, по идеѣ, въ государственныхъ цѣляхъ. Что же касается подсусѣдковъ, то это былъ особый видъ частныхъ отношеній. Положеніе подсусѣдковъ опредѣлялось частнымъ договоромъ съ владѣльцемъ. Какъ не имѣвшіе земельной собственности, а часто и своего хозяйства, подсусѣдки были свободны отъ государственныхъ платежей и повинностей.

Въ житейской практикѣ, однако, оба вида крестьянъ близко подходили другъ къ другу, и это не могло не отражаться на ихъ положеніи. Были подсусѣдки, владѣвшіе собственными землями; равно какъ и государственное значеніе посполитыхъ нерѣдко забывалось, и частноправная точка зрѣнія на владѣніе державцевъ посполитыми брала въ жизни перевѣсъ. Эта точка зрѣнія особенно сказывалась въ вопросѣ о правѣ посполитыхъ распоряжаться своимъ имуществомъ и о правѣ ихъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, на слободы или въ свободныя войсковыя маетности.

Посполитые были собственниками земли, на которой сидѣли и которой владѣли; они, слѣдовательно, имѣли право отчуждать ее кому угодно. Какъ

люди свободные, посполитые безъ разрѣшенія владѣльца маетности могли переселяться въ другія мѣста, переходить къ другимъ державцамъ, записывались въ казаки.

Подобная свобода была невыгодна для державцевъ, и они начинаютъ съ нею борьбу. Малорусская администрація, вышедшая изъ ихъ среды, поддерживаетъ ихъ интересы. Державцы прежде всего стремятся провести въ практику взглядъ, что посполитые безъ согласія державцы не имѣютъ права распоряжаться своими землями, равно какъ никто безъ разрѣшенія державцы не имѣетъ права покупать у посполитыхъ землю. Этотъ же взглядъ стала проводить и администрація. Въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1708 г. гетманъ Мазепа высказалъ уже офиціально мысль, что послѣ ушедшихъ изъ маетности посполитыхъ ихъ земли остаются во владѣніи державцы, а посполитые теряютъ на нихъ всякія права [1]).

Взглядъ этотъ шелъ еще въ разрѣзъ съ обычнымъ народнымъ воззрѣніемъ въ Малороссіи на права посполитыхъ. Онъ поэтому не сразу получилъ силу, и правительственная власть не одинъ разъ принуждена была давать ему юридическую санкцію, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [2]). Повидимому, только въ 1727 г. этотъ взглядъ восторжествовалъ окончательно, когда правители генеральной войсковой канцеляріи, признавъ за посполитыми право свободнаго перехода, постановили, что, уходя, посполитый можетъ забрать съ собой движимость; что же касается недвижимости, то она остается въ собственности державцы, хотя бы и была пріобрѣтена посполитымъ. На ряду съ этимъ шло и запрещеніе покупать, нанимать и принимать въ залогъ земли посполитыхъ безъ разрѣшенія державцы. Подобныя запре-

Малороссійская крестьянская дѣвушка въ праздничномъ нарядѣ (изъ книги Гупа).

[1]) А. М. Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне». Кіевъ. 1908 г., 2-е изд., стр. 20.

[2]) В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства», «Русск. Богат.», 1894 г., кн. 2, стр. 40—42. В. Барвинскій, цит. соч., стр. 143 и слѣд.

щенія встрѣчаются еще въ XVII в., но, главнымъ образомъ, они повторяются въ XVIII в. Повидимому, запрещеніе покупать земли посполитыхъ безъ разрѣшенія владѣльца постоянно нарушалось. Это запрещеніе было ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ Малороссіи 27 арт. IX разд. Литовскаго статута, отрицавшаго за крестьяниномъ право земельной собственности. Оно было внесено затѣмъ и въ проектъ свода малорусскихъ законовъ, составленный въ 1740 г. и носящій названіе „правъ, по которымъ судится малорусскій народъ" [1]).

Такимъ образомъ, къ срединѣ XVIII ст. посполитые, жившіе въ маетностяхъ частныхъ владѣльцевъ и монастырей, юридически были лишены права собственности на землю. Скоро они были лишены и права на движимость.

Сложнѣе и продолжительнѣе была борьба державцевъ и монастырей съ личной свободой посполитыхъ, главнымъ образомъ, съ правомъ перехода посполитыхъ отъ одного владѣльца къ другому.

Свѣдѣнія о попыткахъ парализовать въ отдѣльныхъ случаяхъ право перехода мы имѣемъ съ начала XVIII ст.; но, вѣроятно, они бывали и раньше. Въ 1705 г., напр., Черниговскій Борисоглѣбскій монастырь вошелъ въ сдѣлку съ однимъ изъ своихъ посполитыхъ, по которой этотъ послѣдній вмѣстѣ со своими сыновьями обязались „бути подданными вѣчними архіерейскими сами и потомкове" ихъ. Посполитые, продавая свои грунты Нѣжинскому и Благовѣщенскому монастырю въ 1718 г., обязуются жить на нихъ „не исходне", „до живота", „со всею семьею до животне".

Наиболѣе ранніе свѣдѣнія о подобнаго рода сдѣлкахъ находятся въ земельныхъ документахъ монастырей. Это даетъ изслѣдователямъ основаніе полагать, что въ дѣлѣ прикрѣпленія малорусскаго крестьянства къ землѣ монастыри шли впереди другихъ державцевъ и раньше другихъ начали практику въ этомъ отношеніи. За ними уже шли и свѣтскіе державцы, которые также старались всячески удержать у себя посполитыхъ и боролись съ ихъ переходами.

Помимо экономическихъ расчетовъ, этому способствовали и другія обстоятельства. Нормы Литовскаго статута, содержащія въ себѣ, какъ извѣстно, право шляхетское, стали примѣняться къ малорусскимъ отношеніямъ, за неимѣніемъ другого кодекса, и на нихъ все чаще и чаще начинаютъ ссылаться суды, административныя мѣста и державцы въ своихъ притязаніяхъ на свободу посполитыхъ. Литовскій статутъ не зналъ свободнаго крестьянства, и малорусская старшина, на основаніи „книги Статута", находила, что переходы крестьянъ противорѣчатъ „правамъ малороссійскимъ". Близкое всегда соприкосновеніе Малороссіи съ Польшей не могло также не отражаться на взглядахъ малорусской старшины. Въ Польшѣ господствовало крѣпостное

---

[1]) Изданъ покойнымъ проф. А. Ф. Кистяковскимъ (Кіевъ. 1879 г.).

право. Взгляды на посполитыхъ, какъ на крѣпостныхъ, приносили съ собой въ Малороссію и новые владѣльцы, иноземцы и великоруссы, которые появились въ Малороссіи послѣ прутскаго похода Петра Великаго.

До тѣхъ поръ владѣть маетностями въ Малороссіи могли только лица, которыя несли службу въ „войскѣ запорожскомъ", т.-е. занимали войсковые уряды въ Малороссіи. Послѣ же прутскаго похода появилась масса сербовъ и другихъ славянъ, грековъ, молдаванъ, которые оказали Петру I разныя услуги во время похода, и Петръ I приказалъ пожаловать имъ населенныя имѣнія въ Малороссіи. Такія же пожалованія получили кн. Меньшиковъ, гр. Головкинъ и другіе великорусскіе вельможи. Они не знали иного кре-

Бакланы, имѣніе гр. Разумовскаго. Домъ построенъ по образцу виллъ итальянскихъ вельможъ близъ Рима. (Изъ книги Гуна).

стьянства, кромѣ крѣпостного, и, естественно, переносили свои крѣпостническіе взгляды на малорусскихъ посполитыхъ. Взгляды эти вполнѣ совпадали съ экономическими интересами малорусскихъ державцевъ и способствовали интенсивности борьбы ихъ съ личной свободой и правомъ перехода посполитыхъ. Насилія надъ личностью посполитыхъ съ цѣлью предупредить переходы или удержать отъ нихъ въ XVIII в. учащаются. Появляются продажи имѣній „съ подданными". Въ 1728 г., вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, владѣльцы обратились къ нему съ просьбой о прикрѣпленіи крестьянъ, садившихся на купленныхъ владѣльцами земляхъ. Гетманъ отказалъ [1]).

[1]) «Кіевск. Стар.», 1891 г., т. XXXIV, стр. 285.

Ходатайства владѣльцевъ въ этомъ отношеніи не прекращались, однако, до самой смерти Даніила Апостола и послѣ нея, при чемъ владѣльцы старались теперь выставить на первый планъ вредъ отъ крестьянскихъ переходовъ не для своихъ частныхъ интересовъ, а для интересовъ государственныхъ. Ходатайства были до поры до времени безрезультатны. Державцы, однако, готовы были ухватиться за каждый удобный случай, чтобы добиться своего. 29 мая 1738 г. Сенатъ издалъ указъ, которымъ запретилъ принимать казаковъ и посполитыхъ, переходившихъ изъ слободскихъ полковъ, и велѣлъ возвращать ихъ на прежнія мѣста [1]). Генеральная войсковая канцелярія придала этому указу очень широкое толкованіе и примѣнила его къ Малороссіи, какъ запрещеніе обывателямъ переходить съ мѣста на мѣсто и какъ распоряженіе „сыскивать и отдавать на прежнія ихъ жилища" тѣхъ, которые сойдутъ. Это толкованіе майскаго указа 1738 г. сдѣлалось юридической нормой для урегулированія отношеній между владѣльцами и крестьянами въ Малороссіи, пока съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны не былъ изданъ (18 января 1742 г.) указъ, которымъ снова было возстановлено право свободнаго перехода малорусскихъ крестьянъ [2]). Планы державцевъ такимъ образомъ рушились; но державцы не отказались отъ своихъ притязаній.

На практикѣ они продолжали фактически борьбу съ крестьянскими переходами, силою удерживали крестьянъ, грабили ихъ имущество. Отстаивать же свои права въ судѣ крестьянамъ трудно было вслѣдствіе дороговизны процесса. Крестьяне поэтому уходили часто тайкомъ и увозили свое имущество. Переходъ такимъ образомъ приближался къ побѣгу.

19 февраля 1752 г. генеральная старшина обратилась къ гетману Разумовскому съ прошеніемъ о запрещеніи крестьянскаго перехода. Но прошеніе, повидимому, и на этотъ разъ не имѣло результата. Оно, однако, не было забыто старшиной. Въ 1759 г. возникъ въ миргородскомъ полку между владѣльцемъ Цертелевымъ и однимъ изъ его подданныхъ, ушедшихъ отъ него, споръ о движимости [3]). Дѣло восходило въ генеральную войсковую канцелярію, которая признала право на движимость крестьянина за державцей и, представляя все дѣло гетману, указывала на вредъ крестьянскихъ переходовъ, при чемъ ссылалась на прошеніе генеральной старшины 1752 года. Результатомъ доклада генеральной войсковой канцеляріи было изданіе гетманомъ Разумовскимъ универсала 20 апрѣля 1760 г., которымъ право собственности на движимость уходящаго крестьянина было признано за державцей;

---

[1]) П. С. Зак., № 7.588.

[2]) П. С. Зак., № 8.600.

[3]) Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства» въ «Русск. Бог.», 1894 г., № 3, стр. 220 и слѣд.

переходъ крестьянъ хотя и не уничтожался, но регулировался со стороны державцевъ, которые обязаны были выдавать отпуски крестьянамъ. Безъ отпусковъ нельзя было уходить съ мѣста, равно какъ и принимать посполитыхъ; если же державца отказывалъ въ отпускѣ, то посполитый могъ обратиться въ ближайшій урядъ, и послѣдній обязанъ былъ или понудить державцу къ выдачѣ отпуска, или же самъ выдать свидѣтельство на право перехода [1]).

Универсалъ 20 апрѣля 1760 г., естественно, долженъ былъ на практикѣ породить массу злоупотребленій, такъ какъ въ интересахъ державцевъ было не выдавать отпускныхъ посполитымъ. Но онъ, однако, не привелъ къ окончательному прикрѣпленію крестьянства. Юридически право перехода все-таки сохраняло свою силу.

Малороссійская крестьянка (изъ книги Гуна).

Универсалъ 20 апрѣля 1760 года былъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ малорусскаго правительства относительно перехода крестьянъ. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ отношеніи, приведшіе, въ концѣ-концовъ, къ окончательному прекращенію переходовъ и къ прикрѣпленію крестьянства въ Малороссіи, принадлежали уже русскому правительству.

На взгляды русскаго правительства въ отношеніи крестьянства имѣла, несомнѣнно, большое вліяніе записка Г. Н. Теплова, воспитателя гетмана Разумовскаго. Тепловъ жилъ съ Разумовскимъ и былъ ближайшимъ его совѣтникомъ по управленію Малороссіею. Записку свою о непорядкахъ въ Малороссіи Тепловъ подалъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, при чемъ старался доказать, что права и привилегіи Малороссіи отжили свой вѣкъ и являются только тормозомъ для правительственныхъ реформъ. Крестьянъ Тепловъ изображалъ въ этой запискѣ, какъ лѣнтяевъ, пьяницъ, страдающихъ отъ голода и бѣдности. Одну изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянъ Тепловъ видѣлъ въ крестьянскихъ переходахъ [2]).

---

[1]) «Кіевск. Стар.», 1885 г., т. 12 (кн. 7), стр. 477—483.

[2]) «Записки о южной Руси» П. А. Кулиша, т. 2, стр. 194—196.

Екатерина II была проникнута централистическими взглядами и враждебно настроена противъ малорусскихъ привилегій, но не сразу принялась за ихъ уничтоженіе. Первымъ актомъ ея относительно малорусскаго крестьянства былъ указъ отъ 15 декабря 1763 г., подтвердившій въ сущности то, что заключалъ въ себѣ универсалъ гетмана Разумовскаго 1760 г.: переходъ крестьянъ не уничтожался, но принимать ихъ можно было только съ отпусками отъ владѣльцевъ [1]). Въ 1764 г. гетманъ съ малорусскимъ шляхетствомъ обратились къ императрицѣ съ прошеніемъ о нуждахъ Малороссіи, въ которомъ просили о подтвержденіи правъ малороссійскихъ. И между прочимъ, объ отмѣнѣ крестьянскаго перехода, выставляя его какъ нововведеніе, противорѣчащее малорусскимъ правамъ [2]).

Прошеніе это въ своей политической части не соотвѣтствовало видамъ русскаго правительства и было, поэтому, не только оставлено безъ удовлетворенія, но и повлекло за собой неожиданные и роковые для Малороссіи результаты. Гетманская власть была уничтожена; во главѣ управленія Малороссіей была поставлена Малороссійская Коллегія подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, которымъ былъ назначенъ графъ П. А. Румянцевъ.

Въ инструкціи генералъ-губернатору Екатерина II рѣзко высказывалась противъ крестьянскихъ переходовъ и за необходимость ихъ окончательнаго пресѣченія [3]).

Вскорѣ затѣмъ въ 1767 г. была созвана Екатерининская законодательная коммиссія. Малороссія также должна была прислать депутатовъ. Въ наказахъ своимъ депутатамъ шляхетство совершенно не коснулось вопроса о крестьянахъ, и только Малороссійская Коллегія говорила въ наказѣ своему депутату Натальину о „простомъ народѣ", почти повторяя мысли, когда-то высказанныя Тепловымъ: народъ лѣнивъ, праздeнъ, голоденъ, пьяница, а способствуютъ этому переходы крестьянъ. Коллегія не предлагала запретить переходы, но рекомендовала ввести особый налогъ на землю посполитыхъ, допускать переходы пашенныхъ посполитыхъ только тогда, когда на мѣсто нихъ будетъ поставленъ новый работникъ; для непашенныхъ же крестьянъ допускался переходъ попрежнему съ отпусками отъ владѣльцевъ. Коллегія проектировала затѣмъ изданіе для крестьянъ особаго „поселянскаго" права, которое бы заключало въ себѣ „образъ суда и порядокъ въ хозяйствѣ и хлѣбопашествѣ".

Наказъ Коллегіи вызвалъ критику лубенскаго депутата Г. А. Полетики, одного изъ образованнѣйшихъ людей въ Малороссіи, критику очень характерную для взглядовъ малорусскаго шляхетства на крестьянскій вопросъ. Осно-

[1]) П. С. Зак., № 11, 987.

[2]) «Кіевск. Стар.», 1883 г., т. VI, стр. 342—343.

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. VI, стр. 381. «Русск. Арх.», 1863 г., стр. 433.

Крестьянскіе типы XVIII и начала XIX вв.

(Breton, „La Russie; moeurs, usages et costumes“. Paris, 1813).

вываясь на статьяхъ Литовскаго статута[1]), Полетика проводилъ мысль о полномъ прикрѣпленіи крестьянства, возражалъ противъ налога на землю посполитыхъ, отрицалъ за посполитыми право на владѣніе землей, „ибо въ такомъ случаѣ мужики уже не подданные своему господину, но равные ему владѣльцы были бы“; горячо возставалъ противъ особаго „поселянскаго“ права, какъ „вреднаго“ для мужика и „предосудительнаго“ для помѣщика потому, что „пока мужики будутъ почитаться неравными владѣльцамъ, то весь судъ и расправа мужиковъ должны быть при владѣльцахъ или ихъ повѣренныхъ“[2]) Такимъ образомъ, у шляхетства, насколько выразителемъ его взглядовъ является Г. А. Полетика, сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ на посполитаго, какъ на несвободнаго, безземельнаго, прикрѣпленнаго къ помѣщичьей землѣ человѣка.

Юридически переходы все-таки допускались, и владѣльцы принуждены были считаться съ этимъ. Они поэтому продолжаютъ вести упорную борьбу съ переходами, отказываютъ въ выдачѣ отпускныхъ, заключаютъ другъ съ другомъ договоры не принимать посполитыхъ безъ свидѣтельствъ; при помощи суда и административной власти, а то и самовольно стараются возвращать посполитыхъ, ушедшихъ безъ отпускныхъ. Это мало помогаетъ дѣлу. Переходы безъ отпускныхъ не только не уменьшаются, а скорѣй усиливаются. Малороссійская коллегія приходитъ на помощь владѣльцамъ и издаетъ, начиная съ 1765 г., рядъ запрещеній держать у себя болѣе сутокъ посполитыхъ, ушедшихъ безъ разрѣшенія, вообще принимать ихъ; предписываетъ представлять ихъ на уряды, возвращать на прежнія мѣста и т. д.

Частое повтореніе подобнаго рода распоряженій показываетъ недѣйствительность этихъ мѣръ на практикѣ. А между тѣмъ тайные переходы посполитыхъ, трудно поддающіеся учету, несомнѣнно, отражались на правильности поступленія сборовъ въ казну и увеличивали недоимку.

Вотъ эта фискальная сторона вопроса и послужила толчкомъ къ послѣдней заключительной мѣрѣ русскаго правительства въ отношеніи прикрѣпленія малорусскихъ крестьянъ. Въ 1781 г. генералъ-губернаторъ гр. П. А. Румянцевъ вошелъ къ Екатеринѣ II съ докладомъ о согласованіи особенностей Малороссіи съ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. Въ докладѣ онъ указывалъ, между прочимъ, и на необходимость „утвержденія здѣшнихъ крестьянъ на началахъ статутоваго права“ и уничтоженія такимъ образомъ права перехода и исковъ о казачествѣ[3]). Докладъ этотъ не прошелъ безслѣдно для малорусскаго крестьянства. 3 мая 1783 г. былъ изданъ Екатериной II указъ,

---

[1]) Разд. III арт. 38; разд. IX арт. 29; разд. XII арт. 12—24.

[2]) Наставленіе выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія и возраженіе депутата Гр. Полетики напечатаны въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ», 1858 г., кн. III, стр. 51—70, 71—102.

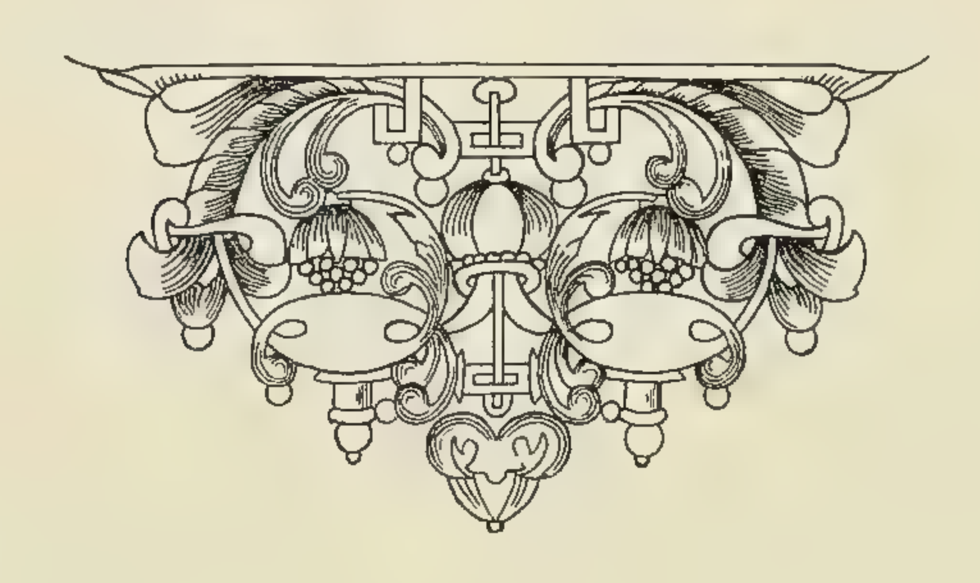
[3]) «Кіевская Стар.», 1884 г., № 12 (т. X), стр. 696.

въ которомъ повелѣно было „для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ кіевскомъ, черниговскомъ, новгородъ-сѣверскомъ и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селенія обывателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ“ [1]).

Этимъ указомъ совершилось юридически окончательное прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи, и малорусскіе посполитые слились въ общую массу крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ крѣпостными остальной Россіи.

Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи создавалось, такимъ образомъ, постепенно и явилось результатомъ всего хода внутренней жизни Малороссіи послѣ 1654 г. Первые и существенные шаги на почвѣ законодательства къ прикрѣпленію крестьянъ были сдѣланы малорусской администраціей подъ непосредственнымъ вліяніемъ и даже давленіемъ малорусской старшины. Вліяніе малорусскаго шляхетства сказалось и на русскомъ правительствѣ, которому принадлежитъ заключительный аккордъ въ исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи.

Ник. Василенко.

[1]) П. Собр. Закон., № 15, 724.

Поссесіонные крестьяне.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

I.

Внѣшняя политика Петра въ связи съ послѣдовавшими военными преобразованіями въ высшей степени болѣзненно отразились на расходномъ бюджетѣ XVIII вѣка, вызвавъ значительное увеличеніе расходовъ на военныя нужды. Правда, и въ допетровскихъ бюджетахъ XVII в. расходы на армію и устройство обороны границъ составляли значительный % общей суммы расходовъ, приблизительно около 50%, но уже въ бюджетѣ 1701 г. они составляютъ около 78%, а затѣмъ расходы на военныя нужды поднялись до 83%. Такое быстрое, чисто случайное, увеличеніе расходовъ не могло покрыться доходнымъ бюджетомъ, вслѣдствіе чего въ бюджетѣ появляются дефициты, ставшіе впослѣдствіи хроническими, и правительство было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ закрытіи несвоевременно образовавшихся финансовыхъ дыръ. Государственные доходы могли вырасти вслѣдствіе увеличенія производительности народнаго труда, но ждать этого можно было лишь въ сравнительно отдаленномъ будущемъ. Сложившіяся же обстоятельства, наоборотъ, требовали немедленной починки финансовыхъ прорѣхъ, и правительство Петра повышеніемъ старыхъ налоговъ и введеніемъ новыхъ сборовъ и платежей, какъ постоянныхъ, такъ экстраординарныхъ, а также черезъ ухудшеніе качества монеты отчасти достигало намѣченной цѣли: дефицитъ немного уменьшался. Въ первоначальныхъ финансовыхъ экспериментахъ Петра нѣтъ никакого финансоваго плана: веденіе го-

сударственнаго хозяйства было всецѣло разсчитано на удовлетвореніе только текущихъ нуждъ, и вполнѣ естественно, что въ скоромъ времени должны были сказаться отрицательные результаты такого первобытнаго финансоваго метода. Финансовая политика Петра, напрягавшая до крайности платежныя силы населенія и не считавшаяся съ состояніемъ народнаго хозяйства, довольно скоро обнаружила свою несостоятельность, такъ какъ недоимки по старымъ и новымъ налогамъ росли со сказочной быстротой. Ростъ недоимочности— превосходный показатель производительности народнаго труда, и наблюдательному политику подобное явленіе должно было показаться угрожающимъ. Петръ прекрасно понималъ, что старыми московскими пріемами и средствами трудно поднять производительность народнаго хозяйства, и потому, на ряду съ указанными способами выколачиванія денегъ съ населенія, Петръ принимаетъ рядъ мѣръ къ повышенію производительности народнаго труда.

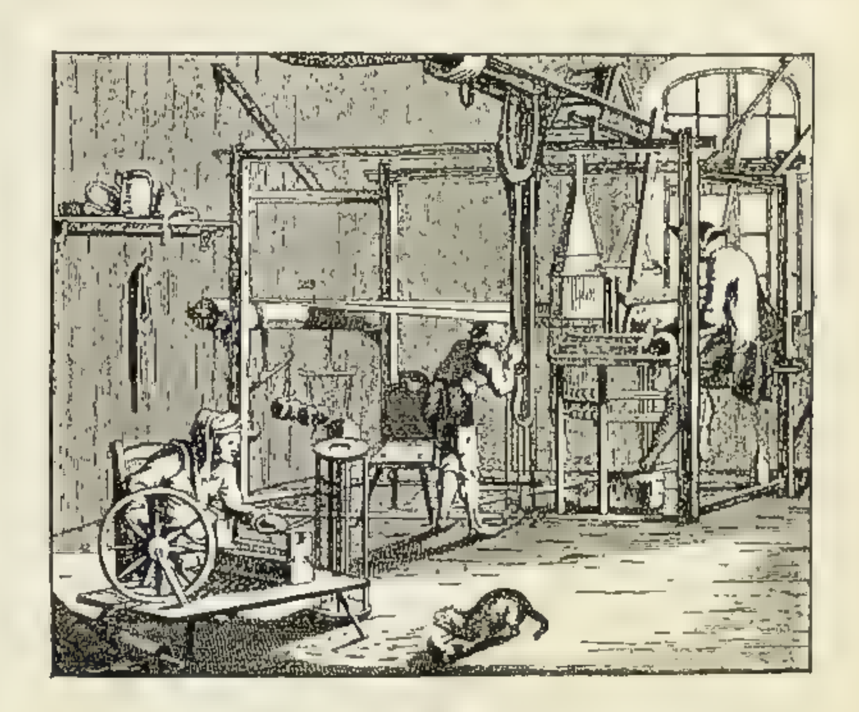
Демидовъ, Ник. Ак. (Съ портрета 1786 г.).

Экономическая политика Петра была направлена на развитіе торговли и промышленности, такъ какъ онъ надѣялся увеличить платежеспособность народной массы путемъ приложенія ея труда къ новымъ видамъ и формамъ хозяйственной дѣятельности. Развитіе торговли и промышленности было необходимо и для народнаго хозяйства и для государственнаго. Благодаря экономической отсталости Россіи отъ Европы, ей приходилось всѣ промышленные фабрикаты покупать за границей. Конечно, это вызывало отливъ за границу значительнаго количества металлической монеты; но для равновѣсія торговаго баланса страна ежегодно вывозила множество сырья на европейскіе рынки, такъ какъ дома многое изъ сырья не могло быть обработано. Во время Сѣверной войны наплывъ разныхъ фабрикатовъ сталъ еще значительнѣе благодаря спросу на сукно, шедшее на обмундировку арміи. Петръ превосходно понималъ, что перемѣна отношеній Россіи къ европейскому рынку измѣнитъ къ лучшему нашъ торговый балансъ и облегчитъ покрытіе дефицитовъ, а развитіе въ странѣ промышленности создастъ новыя отрасли для приложенія народнаго труда. Этимъ и объясняются всѣ заботы Петра о развитіи въ странѣ крупнаго производства, переходъ къ которому отчасти уже

Русская деревня на почтовомъ трактѣ XVIII в. (Съ гравюры Le Prince).

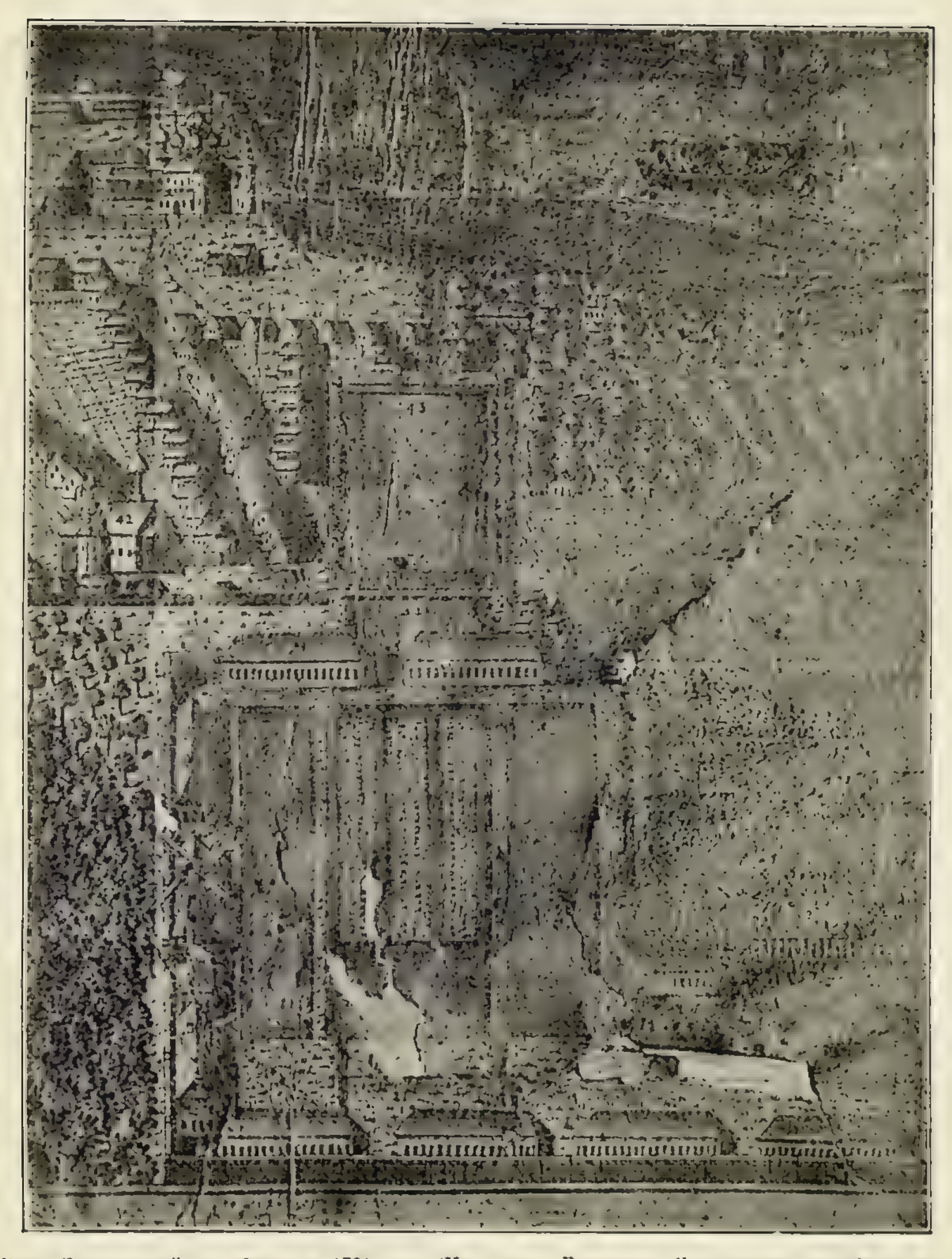
намѣчался въ предыдущемъ столѣтіи. Правительство само устраивало фабрики и заводы, поощряло развитіе частной инициативы, раздавало отдѣльнымъ лицамъ и образовавшимся промышленнымъ компаніямъ денежныя субсидіи, а иногда и передавало въ ихъ руки на правахъ аренды бывшее на полномъ ходу казенное предпріятіе. Но крупное производство по разнымъ причинамъ прививалось довольно туго: многія изъ организованныхъ предпріятій оказались мертворожденными, какъ по плохому состоянію своихъ фабрикатовъ, такъ и по отсутствію спроса на нихъ. Однимъ изъ тормозовъ для развитія крупнаго производства являлось отсутствіе рабочихъ рукъ. Страна, жившая въ рамкахъ крѣпостного уклада, не имѣла достаточнаго контингента свободныхъ рукъ, которыя можно было бы занять фабрично-заводскимъ трудомъ. Помѣщичьи крѣпостные крестьяне, бывшіе на оброкѣ, тоже были не вполнѣ подходящимъ элементомъ: характеръ крупнаго производства требовалъ предварительной долгой выучки, безъ которой рабочій не представлялъ никакой цѣнности. При наймѣ на фабрику помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей не было никакихъ гарантій въ томъ, что они пробудутъ на фабрикѣ продолжительное время и вознаградятъ фабрику своимъ трудомъ за предварительное ученіе: вѣдь помѣщикъ могъ во всякое время потребовать крестьянина домой. Поэтому правительству Петра приходилось думать и о снабженіи фабрикъ и заводовъ рабочими руками. Прецеденты для этого уже были, и Петръ воспользовался только уроками прошлаго, не внося пока отъ себя ничего новаго. Уже въ первой половинѣ XVII в., когда Андрей Виніусъ получилъ разрѣшеніе на постройку желѣзныхъ заводовъ около Тулы, онъ имѣлъ для копанія руды 50 человѣкъ изъ сосѣднихъ дѣдиловскихъ казаковъ и стрѣльцовъ. Затѣмъ онъ, вступивъ въ товарищество въ голландскимъ гостемомъ Акемою и Петромъ Марселисомъ, обратился къ правительству съ челобитной о припискѣ къ тульскимъ заводамъ крестьянъ. Челобитная была удовлетворена, и Соломенская дворцовая волость съ крестьянами, въ количествѣ 250 дворовъ и 347 душъ, со всѣми угодьями была приписана къ заводамъ. Въ 1657 г.—такую же волость съ крестьянами получили Акема и Марселисъ, устроившіе заводъ недалеко отъ Москвы. Заводчики были обязаны все желѣзо поставлять въ казну за опредѣленное вознагражденіе съ пуда, а крестьяне рубили дрова и

Шелковая фабрика при Петрѣ Великомъ (съ соврем. гравюры).

исполняли разнаго рода заводскія работы. Работали весною, осенью и лѣтомъ посмѣнно, а зимою всѣ способные, за что заводчики уплачивали въ казну за нихъ подати, преимущественно желѣзомъ. Петръ достаточно широко использовалъ историческій прецедентъ. Онъ не церемонился съ приписной крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ: фабрикантъ Тамесъ получилъ къ своимъ фабрикамъ село Кохму съ 641 крест. дворомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ; при постройкѣ въ Тулѣ казеннаго завода въ 1712 г. къ нему было приписано для работы около 500 дворовъ; въ 1700—1703 г. къ Олонецкимъ заводамъ было приписано—599 дворовъ и, кромѣ того, 834 двора сосѣднихъ монастырей. Эти приписки къ Олонецкимъ заводамъ съ теченіемъ времени увеличились, по мѣрѣ развитія производства; въ 1725 г. къ нимъ было приписано 48.818 душъ м. п. Такая же приписка крестьянъ шла и на Уралѣ. Въ 1700 году началась постройка казеннаго Невьяновскаго завода, спустя два года отданнаго Никитѣ Демидову съ условіемъ доставить въ казну за извѣстную цѣну воинскіе припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранатки. Сосѣдніе крестьяне должны были за извѣстное вознагражденіе исполнять необходимыя для завода работы, „а буде мужики станутъ противиться и покажутъ свое упрямство, ихъ къ возкѣ и сѣчкѣ дровъ принудить, чтобы тѣхъ заводовъ не остановить и не привесть въ разореніе“ (Семев., II, 298). Въ 1702 г. приписывались къ заводамъ Демидова крестьяне Алтской и Краснопольской слободъ, а Демидову разрѣшалось „бить батогами и плетьми, желѣзами только въ той мѣрѣ, чтобы чрезмѣрной жестокостью ихъ не разогнать“. Впослѣдствіи къ заводамъ Демидова приписали и монастырское село Покровское. За приписанные заводы Демидовъ долженъ былъ платить въ казну „желѣзомъ или деньгами“ все то, что „съ тѣхъ крестьянъ въ его великаго государя казну, а также и въ монастырь денегъ и хлѣба и всякихъ поборовъ собиралось“. Приписка крестьянъ къ заводамъ практиковалась и при преемникахъ Петра. Правительство не только приписывало къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ крестьянскія села и деревни. При передачѣ въ частныя руки устроенной на казенный счетъ фабрики, арендатору отдавались и казенные мастеровые: такихъ мастеровыхъ получила вмѣстѣ съ полотняными заводами въ 1711 г. компанія Цимбальщикова, въ 1720 — компанія Щеголина, въ 1724 г Микляеву была отдана казенная фабрика, заведенная въ 1714 г., съ мастеровыми „въ собственное содержаніе“. Но припиской крестьянъ и передачей вмѣстѣ съ предпріятіями казенныхъ мастеровыхъ людей правительство не удовлетворило спроса на рабочія руки.

Поэтому заводчикамъ и фабрикантамъ при открытіи фабрики большею частью давалась привилегія, по которой разрѣшалось имъ свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ „за достойную плату“. Приходилось нанимать всякій случайный элементъ „изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню“. Но

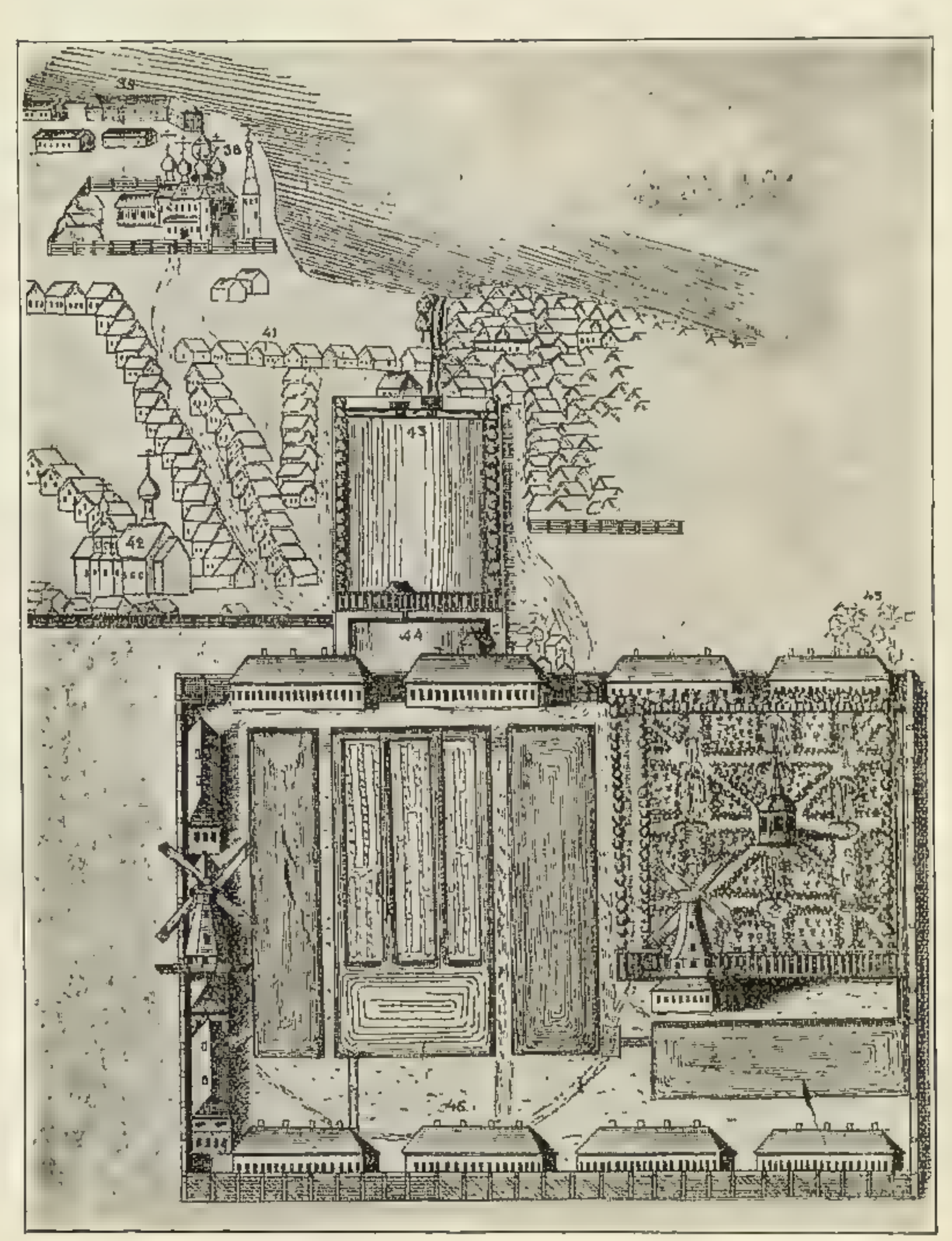
Видъ Ярославской мануфактуры 1731 года. (Изъ книги Грязнова „Ярославская мануфактура“).

едва ли не главнымъ контингентомъ были бѣглые люди, и правительство Петра въ видахъ поощренія промышленности отступило отъ началъ собственнаго законодательства, воспретивъ возвращеніе съ фабрикъ владѣльцамъ мастеровъ и учениковъ, „понеже интересенты фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ чинится остановка". Но даже такое снисходительное отношеніе къ фабрикантамъ не разрѣшило рабочаго вопроса. Тогда правительство начало приписывать къ фабрикамъ самые разнородные и подчасъ случайные общественные элементы въ надеждѣ этимъ хотя бы отчасти восполнить недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Въ 1719 году правительство предписало отослать на полотняныя фабрики Турчанинова „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны". Еще раньше Петръ предписалъ тюменскому воеводѣ назначать въ работу на кирпичныхъ заводахъ „татей, мошенниковъ и пропойцъ". Въ 1721 году эти случайныя мѣры были сдѣланы обязательными: женщины, виновныя въ разныхъ поступкахъ, отсылались для работы на фабрикахъ: продолжительность работы опредѣлялась по усмотрѣнію бергъ-или мануфактуръ-коллегіи. Позднѣйшее законодательство шло по тому же направленію: указомъ 1736 г. правительство предписывало, что „если подлые и неимущіе люди, кромѣ крестьянъ и дворовыхъ, муж. пола, а изъ женщинъ кто бы то ни была, будутъ праздно шататься и просить милостыню", то такихъ отдавать до 5 лѣтъ на фабрику съ согласія фабрикантовъ. Указомъ 1753 г. было предписано шатающихся по міру мужскаго пола разночинцевъ, кои въ службу не годны, а работать еще могутъ, отдавать на фабрики въ работу, „также бабъ и дѣвокъ и малыхъ ребятъ и изъ богадѣленъ, опредѣленныхъ на жалованіе отнюдь по міру ходить не пускать"; по сенатскому указу 1771 г. публичныя женщины отправлялись на фабрики, а въ 1762 г. были забраны солдатскія вдовы и матросскія жены и отосланы на фабрики по распредѣленію мануфактуръ-коллегіи. Всѣ эти элементы, неволей попавшіе на фабрики, впослѣдствіи были названы „вѣчно отданными на фабрику".

Въ общемъ, всѣ эти мѣры были чисто случайнаго характера и на удовлетвореніе спроса на рабочія руки онѣ имѣли незначительное вліяніе. Наконецъ, Петръ рѣшился на героическую мѣру, которая должна была разъ навсегда покончить съ жалобами фабрикантовъ на недостатокъ рабочихъ рукъ. Указомъ 17 января 1721 г. позволяется для размноженія заводовъ какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ-и мануфактуръ-коллегіи, „токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно". Далѣе законъ запрещалъ деревни, приписанныя къ фабрикамъ и заводамъ, „безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень

никому не отдавать"... Виновникъ нарушенія закона лишался пріобрѣтеннаго. Законодатель предусматривалъ возможность обхода со стороны „купецкихъ людей", могущихъ открыть „заводы для лица малые". Если соотвѣтствующія инстанціи замѣтятъ столь грубое правонарушеніе, то „по ихъ усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имущества". Въ регламентѣ мануфактуръ-коллегіи (ст. 17) указъ 17 янв. былъ вкратцѣ повторенъ.

Купечество, конечно, воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ, и скоро почти всѣ петровскія фабрики работали съ помощью крѣпостного труда, благодаря которому явилась возможность предварительнаго обученія рабочаго, безъ чего работа на мануфактурахъ не могла быть достаточно производительною. Къ концу царствованія Петра контингентъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ состоялъ изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ и отрабатывавшихъ тамъ слѣдуемыя съ нихъ подати, 2) бѣглыхъ крестьянъ, 3) купленныхъ фабрикантами, 4) вѣчно и временно отданныхъ на фабрику казенныхъ мастеровыхъ и крестьянъ, отданныхъ вмѣстѣ съ фабрикой и заводомъ частному предпринимателю. Первая группа рабочихъ въ теченіе XVIII вѣка рѣзко обособилась отъ остальныхъ: приписанные къ заводамъ составляли особый родъ государственныхъ крестьянъ, не находящихся ни въ какой юридической зависимости отъ фабриканта или заводчика. Всѣ остальные разряды рабочихъ находились въ той или другой степени зависимости отъ частнаго предпринимателя. Законодатель-

Видъ Яросл. мануф. 1731 г. (См. 131 стр.)

ство XVIII вѣка еще не нашло подходящаго термина, который объединилъ бы воедино указанные разряды фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Впрочемъ, такого термина пока и не могло быть, такъ какъ юридическое положеніе всѣхъ этихъ рабочихъ было неодинаково. Отсюда при преемникахъ Петра замѣчается среди фабрикантовъ стремленіе закрѣпостить за собою рабочаго и стать полноправнымъ вершителемъ его судьбы. Кое-чего изъ своихъ пожеланій фабриканту удалось добиться. Въ 1736 г. Анна Іоанновна, въ отвѣтъ на просьбу крупнѣйшихъ фабрикантовъ, опубликовала Высочайшій указъ, по которому всѣмъ, которые во время изданія указа 1736 года находились при фабрикахъ и обучились на нихъ какому-нибудь мастерству, велѣно оставаться „вѣчно" со всѣми своими семействами на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. Записанные въ подушный окладъ изъ него вычеркивались. Законъ далѣе подробно опредѣлялъ размѣры того вознагражденія, которое должны получить владѣльцы мастеровъ: помѣщики, казна дворцовое и синодальное вѣдомство. Мастеровые, владѣльцы которыхъ были неизвѣстны, оставались на фабрикѣ безплатно. Дѣти, прижитыя на фабрикѣ, не подлежали никакому вознагражденію. Всѣ бѣглые чернорабочіе немедленно возвращались обратно къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Наконецъ, законъ запрещалъ держать бѣглецовъ изъ вѣчно-отданныхъ, и виновники въ держаніи подвергались штрафу на общемъ основаніи въ размѣрѣ ста рублей по регламенту мануфактуръ-коллегіи (статья 12). Съ другой стороны, на будущее время законъ не позволялъ фабрикантамъ принимать и держать бѣглыхъ. Законъ не только юридически связывалъ вѣчно-отданныхъ людей съ фабрикантами, но и увеличивалъ личную зависимость отъ нихъ, разрѣшая послѣднимъ наказывать „домашнимъ порядкомъ" тѣхъ изъ вѣчно-отданныхъ, „которые явятся невоздержанные и ни къ какому ученію не прилежные", и отправлять въ коммерцъ-коллегію „для отсылки въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобъ другимъ былъ страхъ". Указъ 1736 г. во всякомъ случаѣ большая побѣда для фабрикантовъ и ихъ крѣпостнической политики.

Крѣпостническая политика заводчиковъ и фабрикантовъ совпала съ моментомъ возрастанія политическаго вліянія дворянства. Послѣднее было принуждено отрицательно реагировать на подобную политику правительства по многимъ соображеніямъ: дворянство не желало экономическаго усиленія торгово-промышленнаго класса, хорошо сознавая, что его усиленіе можетъ повлечь за собою уменьшеніе значенія дворянства, какъ представителя сельско-хозяйственнаго капитала; далѣе фабрика совершенно игнорировала запрещеніе принимать бѣглыхъ, высказанное рѣшительно въ указѣ 1736 г., да и администрація довольно равнодушно смотрѣла на нарушеніе закона со стороны фабрикантовъ. Въ указанномъ направленіи и началась борьба дворянства съ купечествомъ, и въ конечномъ результатѣ купечество потерпѣло пораженіе по всѣмъ пунктамъ. Сенатскій указъ 1752 г. сильно затруднилъ покупку къ

фабрикамъ поссессіонныхъ крестьянъ, опредѣливъ максимумъ рабочихъ рукъ, которыхъ фабрикантъ могъ прикупить. Фабрикантамъ было разрѣшено покупать 12—42 душъ къ каждому стану, и на одну домну по сту, да къ двумъ молотамъ къ каждому по тридцати дворовъ—итого 160 дворовъ, а владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ мѣди 50 дворовъ. Петръ III указомъ отъ 20 марта 1762 г. совершенно запретилъ дальнѣйшую покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, какъ съ землей, такъ и безъ земли. Указъ Петра былъ подтвержденъ его преемницей. И въ вопросѣ о бѣглыхъ фабриканты и заводчики потерпѣли пораженіе. Правда, первыя попытки Елизаветы Петровны остановить бѣгство крестьянъ на фабрики и заводы кончились неудачей, такъ какъ отправка ихъ на родину могла оказаться разорительной для фабриканта и привести многія фабрики „въ совершенное разореніе и одичаніе“. Только въ 1754 году дворянство добилось указа о возвращеніи на родину бѣглыхъ, даже обученныхъ мастерству, со взысканіемъ за держаніе штрафа въ пользу помѣщика въ размѣрѣ 100 рублей за мужчину и 50 р. за женщину за каждый годъ держанія. Но и тутъ правительство сдѣлало исключеніе для фабрикъ, открытыхъ въ промежутокъ времени отъ 1736 г. по 1744 г. Правительство разрѣшило фабрикантамъ оставлять у себя крестьянъ, записанныхъ на фабрики во время второй ревизіи при условіи уплаты вознагражденія за каждую душу мужского и женскаго пола и взысканія пожилыхъ денегъ за круглый годъ держанія. Но фабриканты и заводчики не хотѣли сдаваться безъ боя. Въ наказахъ 1767 г. купечество отстаивало право

Торговый ярлыкъ Ярославской мануфактуры XVIII вѣка.

покупки крестьянъ, „понеже безъ крѣпостныхъ людей никакимъ образомъ заводы и фабрики содержать не мочно". Конечно, дворянство держалось противоположной точки зрѣнія, настаивая на сохраненіи въ силѣ указа о запрещеніи покупки къ фабрикамъ крестьянъ и деревень и предлагая фабрикантамъ работать вольнонаемнымъ трудомъ. Пренія въ законодательной комиссіи еще рѣзче подчеркнули противоположность точекъ зрѣнія дворянства и купечества по вопросу о правѣ покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Лидеръ дворянства, кн. М. М. Щербатовъ, настаивая на запрещеніи не дворянамъ владѣть мастеровыми и крестьянами, указывалъ на тяжелое положеніе крѣпостныхъ рабочихъ, изъ которыхъ одни „содержатся почти какъ невольники, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ отно-

Барка съ запряжкой въ XVIII в. (Аткинсонъ).

сительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе, и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ". И правительство, въ лицѣ депутата отъ мануфактуръ-коллегіи, высказалось противъ крѣпостного труда на фабрикахъ. Законъ остался въ силѣ, но Павелъ I отступилъ отъ политики отца и матери, разрѣшивъ въ 1798 г. вновь покупать фабрикантамъ крестьянъ, но съ сохраненіемъ нормъ, опредѣленныхъ въ Сенатскомъ указѣ 1754 года. И только при Александрѣ I окончательно была запрещена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ.

Восемнадцатый вѣкъ не выработалъ общаго термина для обозначенія всѣхъ разрядовъ крестьянъ, работавшихъ на фабрикѣ принудительнымъ трудомъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ фабрики и заводы, получившіе отъ казны

пособія въ людяхъ, земляхъ, лѣсахъ и рудникахъ, къ которымъ были куплены крѣпостные люди, хотя собственники ихъ были лица недворянскаго происхожденія, стали называться „поссессіями“. Поэтому все ихъ населеніе можетъ быть названо „поссессіонными крестьянами“. Владѣльцами поссессіонныхъ фабрикъ могли быть дворяне и купцы. Правительство неоднократно передавало казенные заводы въ дворянскія руки. Законодательство рѣзко отличало поссессіонныхъ крестьянъ отъ крестьянъ помѣщичьихъ: первыхъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрики, закладывать, отпускать на волю и даже переводить съ одной фабрики на другую. Впрочемъ, послѣднее приходится признать съ извѣстнымъ ограниченіемъ, такъ какъ регламентомъ бергъ-коллегіи переводы крестьянъ съ завода на заводъ принципіально были разрѣшены, хотя, конечно, требовалось на это спеціальное разрѣшеніе, получить которое составляло большія затрудненія. Поссессіонные крестьяне имѣли право жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ, и такія жалобы не всегда оставались безрезультатными, а по закону 1803 г. поссессіонные крестьяне отбирались въ казну, если жалоба на притѣсненія дѣйствительно окажется справедливой. Поссессіонныхъ крестьянъ нельзя было отдавать въ рекруты за крѣпостныхъ, а дѣвушки и вдовы поссессіонныхъ крестьянъ могли выходить замужъ за постороннихъ лицъ, не спрашивая разрѣшенія фабриканта или заводчика.

Плеть для наказанія XVIII в. Изъ кн. Грязнова „Яросл. мануф.“.

Но на практикѣ фабриканты нарушали категорическія заявленія закона, обращаясь съ фабричными рабочими какъ своими крѣпостными, требуя выводныхъ денегъ, когда дѣвушка или вдова выходила замужъ за посторонняго человѣка, отпускали рабочихъ на оброкъ, нарушали запрещеніе употреблять крестьянъ не на поссессіонныя работы. Да и законодательство отчасти содѣйствовало тому же: уже Петръ В. разрѣшалъ наказывать домашними средствами крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ; послѣдующее законодательство увеличило дисциплинарную власть заводчиковъ надъ купленными и вѣчно отданными людьми. Такъ по указу 1736 г. разрѣшалось мастеровыхъ и рабочихъ, которые не исправятся вслѣдствіе домашнихъ наказаній, доставлять въ коммерцъ-коллегію, въ которой съ 1731 г. были сосредоточены вѣдомства мануфактуръ- и бергъ-коллегій, откуда ихъ отсылали „въ дальніе города или въ Камчатку на работу“. Этотъ законъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Ссылали за пьянство, игру въ кости и карты.

Наказаніе кнутомъ на заводахъ (Аткинсонъ).

Разрѣшивъ въ 1760 году помѣщикамъ отправлять своихъ людей на поселеніе съ зачетомъ рекрутовъ, правительство въ 1763 г. распространило дѣйствіе закона и на фабрикантовъ, но для такой отправки требовалось разрѣшеніе центральной власти въ лицѣ мануфактуръ-коллегіи, куда фабриканты должны были обращаться съ просьбами[1]. Поссессіонные крестьяне были освобождены отъ платежа подушной подати и рекрутской повинности, но такая свобода была непродолжительна. По указу 1747 г. мастеровые и работные люди, данные по указамъ и купленные, которые по прежнимъ указамъ въ подушномъ окладѣ не состояли, должны были числиться въ одномъ семигривенномъ окладѣ, тогда какъ государственные крестьяне платили 1 р. 10 коп. Такимъ образомъ поссессіонные и помѣщичьи крестьяне платили подушную подать въ одинаковомъ размѣрѣ. Воинская повинность была распространена на нихъ по указу 1754 года. Законъ предписывалъ брать рекрутовъ со всѣхъ разрядовъ рабочаго населенія, но при этомъ мастеровые и рабочіе, дѣйствительно употреблявшіеся въ дѣло, были свободны отъ рекрутчины, но должны были заплатить за каждаго рекрута по 100 рублей, если при фабрикахъ не было деревень, или разрѣшалось брать дополнительныхъ рекрутовъ съ деревень, приписанныхъ и купленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Фабриканты могли

[1] Въ 1827 году и это право подверглось нѣкоторому ограниченію: ссылка на поселеніе была возможна, но безъ зачета въ рекруты.

отдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ работѣ, но годныхъ къ военной службѣ, или даже покупать крестьянъ для этой цѣли. Въ 1766 г. плата за рекрута поднялась до 120 рублей, но фабриканты потеряли право покупки крестьянъ, а въ 1783 г. она равнялась 500 руб. [1]).

Общій надзоръ по управленію поссессіонными фабриками и заводами находился въ вѣдомствѣ мануфактуръ- и бергъ-коллегіи. Вѣдомству первой подлежали вообще всѣ заводы и фабрики, въ вѣдомствѣ же бергъ-коллегіи исключительно сосредоточилось управленіе горными заводами. Выше названныя центральныя учрежденія не только слѣдили за тѣмъ, чтобы предприниматель не измѣнялъ условій производства, на основаніи которыхъ онъ полу-

Наказаніе батогами на заводахъ (Аткинсонъ).

чилъ разрѣшеніе открыть фабрику, но также и за тѣмъ, чтобы „мастеровыхъ людей, учениковъ и обрѣтающихся въ оныхъ служителей порядочно содержали“ (Регл. ман.-кол., 24).

Кромѣ того, мануфактуръ-коллегія должна была, согласно регламенту, рѣшать споры „между мастерами, учениками и прочими, въ фабрикахъ обрѣтающимися, работными людьми“ (ст. 26). Ей же подлежалъ разборъ жалобъ мастеровыхъ на фабрикантовъ.

---

[1]) Законъ 1818 г. освободилъ приписныхъ и покупныхъ крестьянъ отъ поставки рекрутъ натурой за мастеровыхъ. Отнынѣ они были обязаны нести эту повинность только за самихъ себя, а съ мастеровыхъ попрежнему брали опредѣленную закономъ сумму. Впрочемъ, законъ 1818 г. повторилъ и разрѣшеніе сдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ работамъ, но годныхъ къ военной службѣ, съ замѣною ими очередныхъ рекрутовъ съ приписныхъ и покупныхъ крестьянъ, состоящихъ на поссессіонномъ правѣ.

II.

Общее число поссессіонныхъ рабочихъ къ концу XVIII вѣка доходило до 80.000 душъ муж. пола: изъ нихъ болѣе 52.000 приходилось на долю горныхъ заводовъ, и около 28.000 душъ муж. пола работало на остальныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ и заводахъ. По даннымъ мануфактуръ-коллегіи отъ 1803 г. количество послѣднихъ увеличилось до 32.000 тыс., что приходится поставить въ связь съ извѣстнымъ уже указомъ Павла I, вновь разрѣшившимъ не дворянамъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Поссессіонные рабочіе распредѣлялись по разнымъ родамъ производства далеко неравномѣрно. Большая часть изъ нихъ была прикрѣплена къ суконнымъ фабрикамъ. На послѣднихъ работало около 17.000 рабочихъ, въ томъ числѣ около 1.200 человѣкъ безземельныхъ. Такое обиліе рабочихъ рукъ, занятыхъ въ суконной промышленности, объясняется особеннымъ ея значеніемъ въ исторіи нашего крупнаго производства. Благодаря созданію регулярной арміи постоянно чувствовалась потребность въ сукнѣ; вполнѣ понятно, почему правительство особенно покровительствовало суконному производству. Затѣмъ на долю полотняныхъ фабрикъ приходилось около 8.000 душъ муж. пола, а остальное количество распредѣлялось между бумажными, стеклянными, шелковыми, ситцебумажными и другими фабриками, фактически имѣвшими небольшое значеніе въ нашемъ крупномъ производствѣ XVIII вѣка.

Всѣ владѣльцы поссессіонныхъ суконныхъ фабрикъ находились въ особыхъ обязательственныхъ отношеніяхъ къ казнѣ, опредѣлявшей то количество сукна, которое владѣлецъ фабрики былъ обязанъ ежегодно доставлять

Работы на пристани въ XVIII в. (Аткинсонъ).

Работы на пристани (Аткинсонъ).

въ казну. Правительство строго слѣдило за выполненіемъ взятыхъ фабрикантами на себя обязательствъ, и въ случаѣ ихъ невыполненія фабрика отбиралась и отдавалась другому. Но число фабрикъ, не выполнившихъ своихъ обязательствъ, постепенно увеличивалось, и Павелъ I отдалъ распоряженіе „описать въ казну“ неисправныя фабрики.

Придавая такое значеніе суконному производству, правительство, въ видахъ его успѣшности, не могло не вмѣшиваться во внутренній распорядокъ жизни фабрикъ; въ результатѣ этого вмѣшательства въ 1741 г. былъ изданъ „регламентъ суконнымъ и каратейнымъ фабрикамъ“, — очень цѣнный документъ для характеристики быта суконщиковъ.

Регламентъ очень неодобрительно отзывается о фабричныхъ зданіяхъ, содержащихся въ такомъ видѣ, „что теча отъ снѣгу и дождя и валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ людямъ работу въ рукахъ портитъ и мараетъ“; полы не были выстланы ни досками, ни кирпичомъ, ни камнемъ, а если гдѣ и были выстланы, „то тѣ гнилы и въ доскахъ множество скважинъ, и кирпичи или камни въ разныхъ мѣстахъ выломаны“. Въ помѣщеніяхъ такъ мало свѣта, „что ткачи насилу и столько деннаго свѣта имѣли, дабы тканье свое точно высмотрѣть“ (ст. 1). Уставъ требуетъ содержанія фабрики въ чистотѣ, „чтобы работа отъ пыли и сору хорошо сберегалась“ (3). Регламентъ рекомендуетъ покупку мѣднаго колокола для призыва рабочихъ на работу, постройку особыхъ казармъ для надзирателей, мастеровыхъ и работныхъ людей „на ихъ囲 коштѣ“ а также для больныхъ завести

„гошпиталь, въ которомъ они лучшее призрѣніе имѣть и въ извѣстныхъ болѣзняхъ другъ отъ друга заражаться не могутъ" (6).

По „рабочимъ регуламъ" съ марта по октябрь рабочій день равнялся 14 часамъ; рабочій являлся на фабрику въ 4 утра, уходилъ въ девятомъ часу вечера; отъ 10—12 ч. былъ перерывъ для обѣда и отдыха. Зимой работа оканчивалась въ восьмомъ часу, но зато перерывъ для обѣда былъ только одинъ часъ. Въ субботу работа заканчивалась въ полдень. Въ общемъ, рабочему приходилось работать въ недѣлѣ 77 часовъ (ст. 1). Задѣльная плата должна выдаваться по субботамъ, при чемъ удерживается съ нея четвертая часть. Удержанныя деньги въ случаѣ исправности рабочаго возвращаются при окончательномъ мѣсячномъ расчетѣ (ст. 10); рабочіе должны свои инструменты и платье содержать въ чистотѣ, „съ немытыми руками, въ мокромъ или нечистомъ платьѣ, въ грязныхъ башмакахъ или сапогахъ въ работные покои не вступать" (ст. 2). За игру на деньги и появленіе на улицѣ въ пьяномъ видѣ рабочіе подвергаются штрафу (ст. 4). Караются штрафомъ рабочіе и за прогульные дни (ст. 5). Споры между рабочими разбираются содержателемъ фабрики или переносятся въ коммерцъ-коллегію (въ то время въ ней были сосредоточены вѣдомство мануфактуръ- и бергъ-коллегій) (ст. 7). За непослушаніе „своимъ начальникамъ" и за грубыя слова—рабочій подвергался слѣдующему наказанію: въ первый разъ — плетьми, во второй разъ „батожьемъ съ вычетомъ заслуженной платы за три мѣсяца, въ третій разъ ссылкою на одинъ годъ въ каторжную работу"; „а ежели кто дерзнетъ" начальниковъ „рукою или побоями оскорбить, того бить кнутомъ и, по обстоятельству дѣла, осудить въ каторжную работу на нѣсколько годовъ или вѣчно" (ст. 8). Наконецъ „рабочіе регулы" требовали, „мастеровымъ и работнымъ людямъ отнюдь не допущать, чтобы жены ихъ и дочери, кои работать въ состояніи будутъ, дома праздны пребывали, или гуляли" (ст. 6).

Таковъ былъ общій уставъ о рабочихъ и фабрикахъ. На дѣлѣ онъ никогда не примѣнялся, и каждый фабрикантъ устраивалъ по-своему внутренній распорядокъ жизни на фабрикѣ. Фабриканты произвольно уменьшали расцѣнки сдѣльной работы, подвергали рабочихъ по всякимъ поводамъ штрафамъ, заставляли ихъ исполнять свои частныя работы. Все это создавало въ высшей степени ненормальныя условія для жизни поссессіонныхъ рабочихъ; нѣкоторые изъ нихъ не выносили фабричнаго гнета и убѣгали, а оставшіеся обращались съ петиціей въ соотвѣтствующія инстанціи. Судьба этихъ петицій въ высшей степени любопытна. Правительство съ ними считалось, и довольно часто требованія рабочихъ удовлетворялись: возстановлялась прежняя расцѣнка труда, при чемъ незаконно удержанная плата возвращалась рабочимъ, отмѣнялись вычеты по различнымъ статьямъ, напр., случайной поломки инструмента. Конечно, на практикѣ фабрикантъ не исполнялъ резолюцій высшихъ инстанцій и продолжалъ держаться въ отношеніи

Работы въ помѣщичьихъ усадьбахъ. (Изъ книги Гуна).

рабочихъ старой политики, такъ что въ общемъ даже удовлетвореніе просьбъ рабочихъ мало измѣняло фактическое положеніе рабочаго. Бѣгство рабочихъ съ фабрикъ стало хроническимъ явленіемъ. Правда, ихъ ловили, возвращали на старыя мѣста, наказывая плетьми, но это производило на рабочихъ слабое впечатлѣніе, и бѣгство не прекращалось.

Иногда мѣропріятія фабриканта вызывали въ рабочихъ болѣе активный протестъ, и на фабрикѣ начинались волненія. Такъ въ 1772 г. происходили волненія на Ярославской мануфактурѣ по слѣдующей причинѣ: владѣльцу мануфактуры не нравилось, что многіе рабочіе жили въ своихъ домахъ въ загородной слободѣ, поэтому онъ рѣшилъ перевести рабочихъ поближе къ фабрикѣ подъ предлогомъ чумной эпидеміи въ городѣ. Для этой цѣли были выстроены дома „въ полѣ". Рабочіе не пожелали исполнить желаніе владѣльца. Тогда послѣдній, окруживъ фабрику рогатками и поставивъ стражу, никого не выпускалъ со двора фабрики. Рабочіе прекратили работы и отправили губернатору прошеніе. Результаты прошенія оказались для рабочихъ нѣсколько неожиданными. Губернская администрація нашла всѣ мѣропріятія фабриканта вполнѣ цѣлесообразными, а въ поведеніи рабочихъ усмотрѣло „законамъ государственнымъ противное собраніе". На фабрику былъ посланъ военный отрядъ, при видѣ котораго „всѣ они пришедъ въ страхъ, и всѣ работники на свои работы сѣли безпрекословно". Работы возобновились, а подавшихъ петицію четырехъ рабочихъ было велѣно, „учинивъ при публикѣ, въ собраніи народа, наказаніе плетьми, отдать на фабрику, съ подтвержденіемъ, чтобы они впредь такихъ своевольствъ не чинили".

Съ конца XVIII вѣка волненія рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ стали хроническимъ явленіемъ и въ большинствѣ случаевъ вызывались тяжелымъ экономическимъ положеніемъ. Такъ началась борьба за повышеніе заработной платы, размѣры которой вслѣдствіе повышенія цѣнъ на съѣстные припасы были ниже средствъ существованія. Волненія часто начинались послѣ того, какъ всѣ средства къ мирному разрѣшенію вопроса были исчерпаны, когда „стонъ вопля и плача" не трогалъ фабрикантовъ. Изъ петицій, поданныхъ рабочими, и изъ данныхъ мануфактуръ-коллегіи видно, что мѣсячная заработная плата въ началѣ XIX в. была слѣдующая: для суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ она равнялась 4 рублямъ въ мѣсяцъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что огромный % рабочихъ не были безземельными и отпускались лѣтомъ на 1—2 мѣсяца для полевыхъ работъ, дававшихъ имъ дополнительныя средства къ существованію. Но эта плата иногда понижалась.

На шелковыхъ фабрикахъ мѣсячное вознагражденіе рабочаго поднималось до 5 руб., а на стеклянныхъ и ситце-бумажныхъ до 8 р. 50 к. Женскій трудъ былъ болѣе всего развитъ на суконныхъ фабрикахъ. Заработокъ женщинъ колебался отъ 1 р. 55 до 3 р. въ мѣсяцъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, преимущественно бумажныхъ, ситцевыхъ, отчасти стеклянныхъ и шелковыхъ,

Помѣщичья усадьба конца XVIII в. (изъ колл. П. И. Щукина).

примѣнялся дѣтскій трудъ. Средній заработокъ въ мѣсяцъ малолѣтнихъ рабочихъ равнялся 1 р. 80 к.

Рабочіе платили сами за себя подушную подать, но встрѣчались фабрики, преимущественно суконныя, гдѣ подати платилъ за рабочихъ фабрикантъ. Владѣльцы маленькихъ фабрикъ не только платили за рабочихъ подати, но вообще содержали ихъ на готовой пищѣ и одеждѣ. За то они не давали имъ за работу никакого денежнаго вознагражденія.

На нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ главный контингентъ рабочей силы составляли казенные мастеровые, переданные вмѣстѣ съ фабрикой частнымъ лицамъ. Передача казенныхъ заводовъ практиковалась уже при Петрѣ и его преемникахъ. Немало заводовъ было передано и продано при Елизаветѣ Петровнѣ. Фабрики вмѣстѣ съ казенными мастеровыми попадали и въ руки разныхъ вельможъ, которые сразу поставили дѣло нѣсколько по другому. Обыкновенно „шляхетскіе“ фабриканты понижали расцѣнку труда, чѣмъ доводили рабочихъ до нищенскаго состоянія, а затѣмъ свои помѣщичьи нравы и обычаи стали примѣнять въ обращеніи съ мастеровыми людьми.

Колодники (изъ Гейслера).

Казенные мастеровые не оставались равнодушными къ подобной политикѣ. Они стойко отстаивали свои интересы и свое юридическое состояніе. Въ результатѣ рядъ продолжительныхъ и упорныхъ волненій.

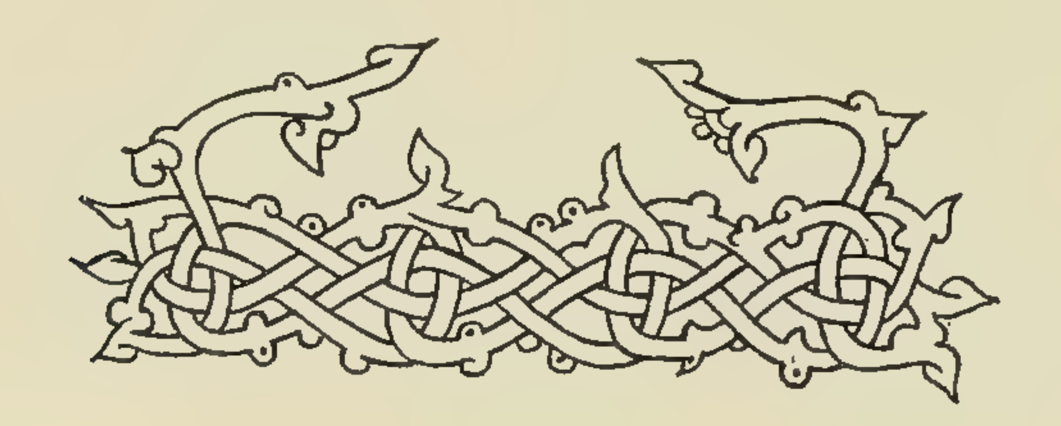
Въ 1754 г. кн. Репнинъ получилъ въ содержаніе три казенныхъ завода въ тогдашней Воронежской губерніи. Заводы были переданы Репнину съ имѣющимися при нихъ мастеровыми, рабочими и ихъ дѣтьми, со всѣми матеріалами и припасами. Управляющіе Репнина сразу понизили расцѣнку труда; вмѣсто денегъ стали платить разными вещами и припасами, посылали на разныя работы и строго наказывали. Терпѣніе рабочихъ скоро истощилось, и въ 1760 г. они подали на повѣреннаго кн. Репнина челобитную въ воронежскую губернскую канцелярію. Челобитчики жаловались на пониженіе заработной платы съ 5 коп. лѣтомъ и 4 зимой до 2—3 коп. въ день. Заработную плату имъ выдавали косами, ножами, рукавицами, воскомъ, ладаномъ и лошадьми. Помимо заводскихъ работъ они исполняли и другія работы: жгли уголь и копали руду, несли безплатно караулы, безплатно работали на бакчахъ; за выдачу „дѣвокъ“ замужъ платили выводныя деньги. Рабочіе также жаловались на жестокія на-

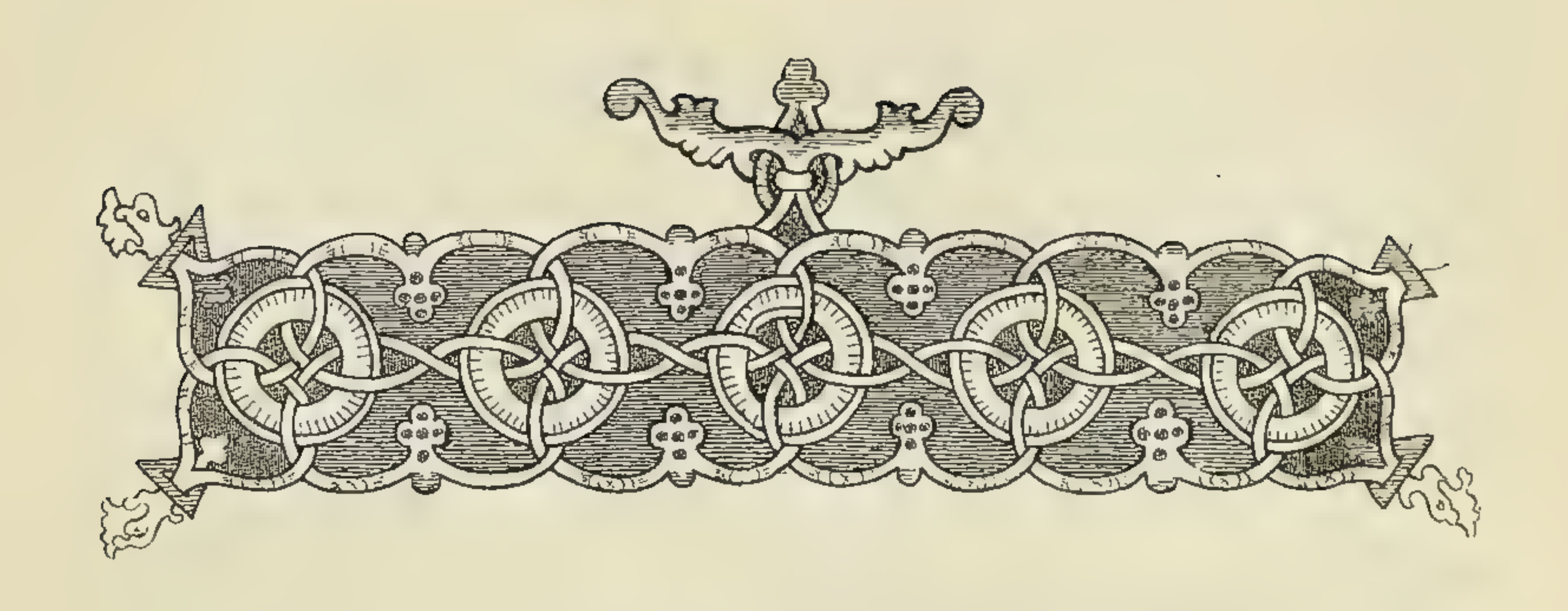
казанія, кончавшіяся смертью. Воронежская губернская канцелярія отослала челобитчиковъ въ бергъ-коллегію, а послѣдняя обратно въ губернскую канцелярію, не обратившую никакого вниманія на справедливость высказанныхъ жалобъ.

Рабочіе же, между тѣмъ, отказались работать, и канцелярія позаботилась о посылкѣ на заводы поручика съ командою съ предписаніемъ „наказать нещадно плетьми" 19 мастеровыхъ за ихъ „противности и озорничество" и за просьбу о взятіи ихъ отъ князя Репнина. Произведенная экзекуція не достигла своей цѣли, рабочіе стояли на своемъ, оказывая активное и пассивное сопротивленіе управляющимъ и приказчикамъ, неоднократно посылая ходоковъ въ столицу. Мытарства рабочихъ кончились только въ 1769 г., когда фабрики были возвращены обратно казнѣ въ уплату долга казнѣ, а за вещи и припасы Репнину было выдано наличными деньгами. Послѣ этого волненій на заводахъ уже не было въ продолженіе всего царствованія Екатерины II. Стремленіе закрѣпостить казенныхъ мастеровыхъ — это политика вообще всѣхъ заводчиковъ, но и на другихъ заводахъ она вызывала волненія, кончавшіяся не всегда такъ удачно, какъ для рабочихъ Репнина. Казеннымъ мастеровымъ красносельской бумажной фабрики удалось отстоять право считаться казенными людьми, а не крѣпостными, „изъ казеннаго вѣдомства уже вышедшими въ партикулярное владѣніе людьми". Еще затруднительнѣе было отстоять мастеровымъ возстановленія своихъ правъ, когда на фабрикѣ или заводѣ они составляли меньшинство, растворяясь въ массѣ купленныхъ и вѣчно отданныхъ крестьянъ. Рабочія волненія часто кончались неудачно для мастеровыхъ.

Въ такихъ же точно чертахъ рисуется положеніе рабочаго и на уральскихъ горныхъ заводахъ. Беззастѣнчивая эксплуатація труда, низкая заработная плата, продолжительный рабочій день (12—13 ч.), жестокое обращеніе, произвольные штрафы, попытки обращенія съ мастеровыми, какъ съ крѣпостными, — все это служило причиной безконечныхъ волненій на уральскихъ горныхъ заводахъ и опредѣлило ихъ отношеніе къ Пугачевщинѣ.

В. Пичета.

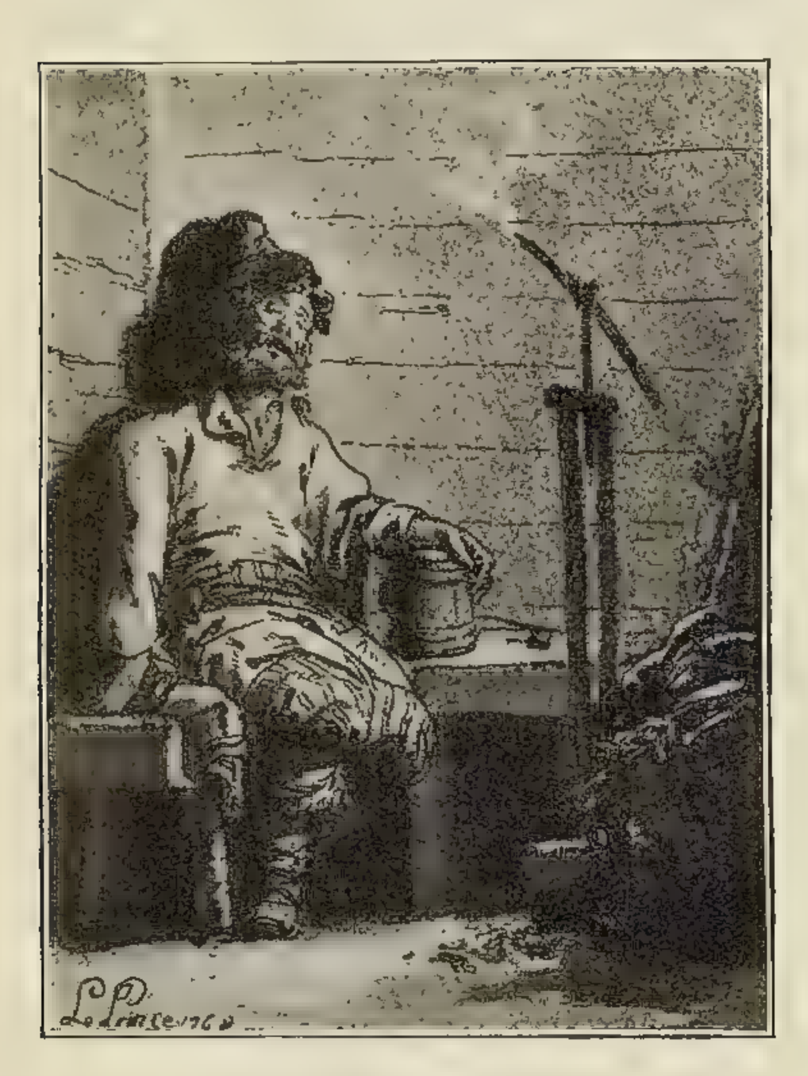

Крестьяне церковныхъ вотчинъ.

Д. А. Жаринова.

По даннымъ второй ревизіи (1742—1746 г.) въ составѣ крѣпостного населенія церковныхъ вотчинъ насчитывалось 728.736 душъ крестьянъ монастырскихъ, 37.426 душъ синодальныхъ, 116.376 архіерейскихъ, 23.767 соборныхъ и церковныхъ. Эти въ общей суммѣ 906.305 душъ составляли 14,1% сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. По даннымъ третьей ревизіи (1761—67 г.) церковныхъ крестьянъ оказалось 991.761 душъ, что составило 13,8% всего сельскаго населенія. Мужскіе монастыри были значительно богаче крестьянами, чѣмъ женскіе. Въ половинѣ XVIII в. самый богатый женскій монастырь — московскій Вознесенскій, имѣлъ 15.581 душу, между тѣмъ какъ Саввинъ-Сторожевскій, имѣвшій 16.047 душъ, по количеству крестьянъ занималъ среди мужскихъ монастырей лишь пятое мѣсто. Крестьянское населеніе церковныхъ вотчинъ еще въ XVII в. распадалось на нѣсколько разрядовъ, различавшихся по хозяйственному быту и отношенію къ казенному тяглу. Сліянію всѣхъ этихъ разрядовъ въ однородную крѣпостную массу въ значительной степени содѣйствовала перепись 1710 г., произведенная по распоряженіямъ Монастырскаго приказа и Царскаго разряда. При переписи разные виды крестьянства на церковныхъ вотчинахъ были уравнены по раскладкѣ государственныхъ податей; то же объединяющее вліяніе оказали и указы о подушной подати, когда церковные крестьяне сравнялись съ государственными по отношенію къ подушному окладу и оброку

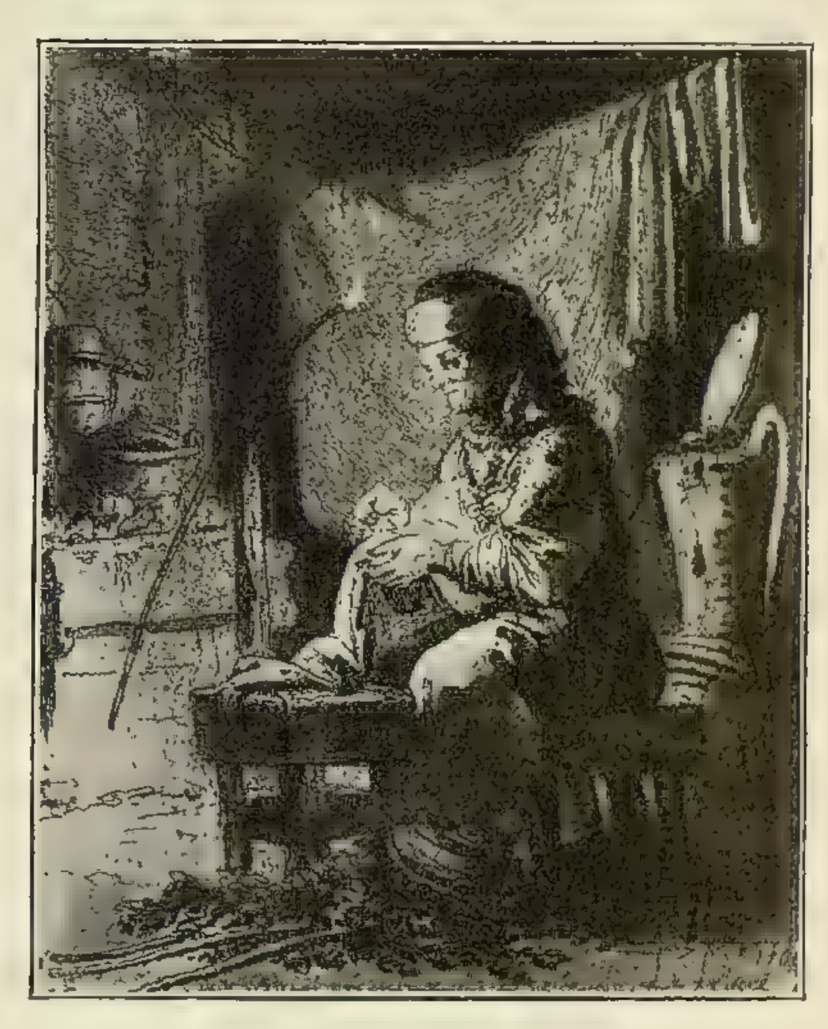
Повидимому, уже въ XVI—XVII вв. повинности церковныхъ крестьянъ не были легки, и населеніе привлекалось на церковныя земли лишь перспективой полученія ссуды на обзаведеніе и облегченія казеннаго тягла. Положеніе ухудшается по мѣрѣ приближенія къ XVIII в.: государство отмѣнило финансовыя льготы церкви, а оброки и повинности крестьянъ церковныхъ вотчинъ или остаются прежними, или растутъ. Для средины XVIII в., по вычисленію Семевскаго, стоимость наиболѣе обыкновенныхъ повинностей или нормальнаго оброка съ крестьянъ церковныхъ вотчинъ можно принять въ 1 рубль; но, несомнѣнно, церковныя власти иной разъ значительно превышали эту норму. По даннымъ таблицы, представленной императору Петру III 1 января 1762 г., выходитъ, что, кромѣ барщины, сбора столовыхъ и иныхъ запасовъ, поставки подводъ и цѣлаго ряда другихъ статей, архіерейскіе крестьяне вносили ежегодно въ среднемъ по 49 коп. и 2,6 четверик. хлѣба съ души, монастырскіе—по 26 коп. и по 3,1 четверика, крестьяне Троицко-Сергіевской лавры и другихъ ставропигіальныхъ монастырей—по 43 коп. и по 2,3 четверика. Барская запашка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оказывается все-таки выше, чѣмъ на церковныхъ; но явленіе это можно поставить въ связь съ тѣмъ, что при множествѣ безпорядковъ въ жизни церковныхъ учрежденій XVIII в. имъ было трудно организовать надлежащій надзоръ за крестьянами при полевомъ хозяйствѣ.

При лучинѣ въ XVIII в. Изъ альбома Le Prince (1764 г.).

Главнымъ юридическимъ отличіемъ класса церковныхъ крестьянъ отъ крестьянъ другихъ владѣльцевъ должна была быть ихъ неотъемлемость и неотчуждаемость: это было имущество церкви, предназначенное на удовлетвореніе ея нуждъ. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ это основное положеніе часто нарушалось, и церковныя земли бывали въ XVIII в., да и раньше, предметомъ нѣкоторыхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Церковныя земли часто закладывались разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. И наоборотъ монастыри сами выдавали ссуды подъ землю. Въ XVIII столѣтіи бывали случаи, что въ залогъ принимали не монастыри, а отдѣльные монахи, при чемъ другіе монахи расписывались при заключеніи сдѣлки въ качествѣ свидѣтелей. Въ погонѣ за

мірскимъ богатствомъ церковныя власти не останавливаются иногда и передъ прямымъ насиліемъ: въ Кіевской епархіи въ XVIII в. сами монастыри отнимали другъ у друга земли. Развивается сутяжничество, достигшее въ XVIII в. такихъ размѣровъ, что издержки на тяжбы были одной изъ видныхъ причинъ упадка нѣкоторыхъ монастырей кіевской епархіи. Гамалѣевскій монастырь въ половинѣ XVIII в. одновременно ведетъ до 100 тяжебныхъ дѣлъ. Архимандритъ, переведенный въ другой монастырь, предпринималъ дѣло противъ того монастыря, который только что покинулъ. Тяжбы смѣнялись подчасъ вооруженными столкновеніями. Въ половинѣ XVIII в экономы рязанскаго архіерейскаго дома и рязанскаго же Богословскаго монастыря для рѣшенія спора о землѣ собрали цѣлыя арміи, вооружили ихъ рогатинами, ружьями, дрекольемъ и стали драться, несмотря на то, что для разбора дѣла былъ присланъ майоръ Рагозинъ и межевщикъ. „Полководцы“ отдали подчиненнымъ приказъ бить противниковъ до смерти.

При лучинѣ въ XVIII в. Изъ альбома Le Prince.

У монастырей было обширное хозяйство; но не всѣ отрасли этого хозяйства отвѣчали достоинству церкви: въ Кіевской епархіи было сильно развито винокуреніе, и монастыри строили здѣсь свое благополучіе на возможно большемъ сбытѣ вина. Сверхъ разрѣшаемаго правительствомъ количества шинковъ, открывались и недозволенные: такихъ у кіевскаго Михайловскаго монастыря было 3, у Выдубицкаго — 2, у Кіево-Софійскаго даже 7. Какъ хозяева-вотчинники, церковныя власти все болѣе и болѣе усваивали себѣ образъ жизни и тонъ мірскихъ землевладѣльцевъ. У монаховъ заводилась своя прислуга, на крестьянъ и даже на служащихъ по вольному найму начинали смотрѣть, какъ на орудіе къ удовлетворенію прихотей. Въ вотчинѣ Муромскаго собора, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, одинъ священникъ съ согласія протопопа, „забывъ страхъ Божій и не чувствуя священство, имѣя законную жену, наглостью своею беретъ изъ деревень дѣвокъ и женъ молодыхъ, держитъ у себя недѣли по двѣ и по мѣсяцу и съ ними прелюбодѣйствуетъ“. Въ 1730 г. письмоводителю черниговскаго архіерея, іеромонаху

Герману понравился наемный писарь Погарской протопопіи, и онъ вытребовалъ его къ себѣ. Для бѣднаго писаря началось „скрибентійское послушаніе“, въ которомъ, собственно, „скрибентійскаго“ было очень мало. Писарь всю ночь подавалъ вино, водку, пиво, разсказывалъ по приказу начальника „мерзкія басни“; днемъ послѣ обѣда іеромонахъ укладывался спать, а писарь долженъ былъ салфеткой мухъ отгонять, въ жаркіе дни прохлаждать воздухъ, а то и чесать хозяину пятки. Совсѣмъ какъ въ патріархальной помѣщичьей усадьбѣ. За проступки церковные крестьяне подвергались суровымъ наказаніямъ. Въ 1734 г. архимандритъ Лужецкаго монастыря Діонисій билъ за какую-то вину плетьми крестьянина Ивана Матвѣева и „прибилъ до смерти“, „отъ которыхъ его побой оной крестьянинъ умре“. „Онъ же, архимандритъ,—какъ доноситъ Духовная дикастерія Сыскному приказу,—тому назадъ четвертый годъ, заставилъ дворника Якова Никитина въ монастырскомъ саду косить траву, который, кося траву, не усмотря, подкосилъ осиновыхъ подростковъ. И за то его, дворника, онъ, архимандритъ, взялъ колъ, прибилъ до смерти, о чемъ вѣдомо было того монастыря всей братіи“ Архимандритъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря самовольно сжиналъ въ свою пользу крестьянскій хлѣбъ, отнималъ скотъ, морилъ крестьянъ голодомъ, забивалъ до-смерти, томилъ въ заключеніи. Отъ голода 13 человѣкъ умерло, 24 разбрелось. Возрастающее обмірщеніе церковныхъ учрежденій разстраивало всю ихъ духовную жизнь и давало иногда поводъ правительству обращаться къ такимъ способамъ возстановленія церковнаго благочинія, которые, въ свою очередь, вносили новый соблазнъ. Въ 1733 г. бывшій стряпчій московскаго Вознесенскаго монастыря „съ товарищи“, въ числѣ которыхъ были и монастырскія старицы, подали на игуменью Евстолію доносъ—объ употребленіи ею на свои расходы монастырскихъ денегъ и „о излишнихъ съ крестьянъ по прихотямъ сборахъ“ Игуменью вытребовали въ Петербургъ, а смотрѣть за порядкомъ въ этомъ женскомъ монастырѣ поручено было сначала капитану Ланскому, а потомъ Ладыгину. Но соблазнительныя для церковнаго благочинія явленія становились опасными, поскольку содѣйствовали побѣгамъ и волненіямъ крестьянъ. Еще въ писцовой книгѣ 1629 г. значится, что населеніе вотчинъ Карачевскаго монастыря выбѣжало „отъ городскихъ податей, и отъ татарской войны, и отъ игумена Варсонофія“. Въ XVII в. встрѣчаются и случаи волненій монастырскихъ крестьянъ. Въ XVIII в. побѣги и волненія усилились—и усиленіе это обнаруживалось преимущественно въ періоды, когда правительственный контроль надъ хозяйственной жизнью церкви ослабѣвалъ. Случаи побѣговъ церковныхъ крестьянъ были, повидимому, нерѣдки; волненія если и уступали по силѣ волненіямъ на дворянскихъ земляхъ, то все же внушали опасенія. Въ вотчинахъ московскаго Новоспасскаго монастыря волненіе продолжалось съ 1753 по 1761 г. Противъ крестьянъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, была послана военная команда, но она была захвачена

Внутренность избы въ XVIII в. (Аткинсонъ).

крестьянами въ плѣнъ—и при этомъ раздавались знаменательные возгласы, что пора бы не только монастырскихъ властей, но и всѣхъ бояръ перевести, „чтобъ ихъ на свѣтѣ не было". Волненіе было усмирено, когда прислали значительный военный отрядъ съ пушкой. Съ 1753 г. то и дѣло возникаютъ спеціальныя слѣдственныя коммиссіи для разбора столкновеній вотчинныхъ крестьянъ съ тѣми или другими архіерейскими домами и монастырями. Въ концѣ царствованія Елисаветы во многихъ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскіе бунты сдѣлались такъ часты и жалобы крестьянъ такъ многочисленны, что кабинетъ счелъ необходимымъ учредить при Сенатѣ и въ зависимости отъ него особую постоянную коммиссію для разбора этихъ дѣлъ. При восшествіи на престолъ Екатерины II приходилось приводить къ повиновенію вотчинныхъ крестьянъ въ 5 архіерейскихъ домахъ и 23 монастыряхъ, а затѣмъ для успокоенія ихъ издать манифестъ 8 января 1763 г. и цѣлыхъ три указа.

Къ двумъ причинамъ секуляризаціи: возрастанію матеріальныхъ нуждъ правительства и общества и ряду безпорядковъ во внутренней жизни церковныхъ учрежденій присоединяется съ начала XVIII в. и другія—разладъ между правительствомъ и нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, представителями церкви въ вопросахъ какъ внутренняго управленія, такъ и общаго руководства жизнью подданныхъ, и упадокъ церковнаго авторитета въ связи съ проникновеніемъ въ жизнь новыхъ просвѣтительныхъ идей. Въ XVII в., несмотря на ударъ, нанесенный церковной самостоятельности соборомъ 1666—67 г., церковь признавалась важной помощницей пра-

вительства, поскольку она молилась за государя и народъ, подкрѣпляя своей молитвой всякое начинаніе. Высоко ставя эту помощь „государственныхъ богомольцевъ", свѣтская власть многое прощала въ церковныхъ нестроеніяхъ, и какъ ни рѣзко ставила требованія, чтобы земля изъ службы не выходила, сама все-таки давала церкви и льготы и имущества. Эпоха преобразованій приноситъ новые политическіе идеалы: свѣтская власть, вмѣсто религіозной, усвоиваетъ себѣ раціоналистическую основу, поступаетъ самоувѣреннѣе и круче и въ значительной степени перестаетъ нуждаться въ религіозной санкціи своихъ дѣйствій. Въ извѣстномъ „Объявленіи о монашествѣ" Петръ устами Өеофана Прокоповича свелъ къ нулю заслуги духовныхъ, какъ государевыхъ богомольцевъ: „что говорятъ, молятся, то и всѣ молятся: что же прибыли обществу отъ сего?" Постъ и молитва, сами по себѣ, помимо сопровождающихъ ихъ добрыхъ дѣлъ, перестали казаться заслугой. Въ половинѣ XVIII в. пользовался большимъ успѣхомъ русскій переводъ философскаго романа Вольтера — „L'homme aux quarante écus" — „Человѣкъ въ 40 талеровъ". Два собесѣдника ведутъ рѣчь о монахахъ, и одинъ ставитъ имъ въ заслугу молитву. „Изрядно, — говоритъ другой собесѣдникъ, — такъ и я за нихъ молиться буду, а денежки дѣлить станемъ вмѣстѣ". Но церковь не только потеряла обаянье, какъ посредница между людьми и Богомъ: она возбуждаетъ и недовѣріе правительства, поскольку, при случаѣ, по своей близости къ населенію, можетъ повліять на массы въ направленіи, нежелательномъ для свѣтской власти. При Петрѣ духовенство поддерживало Алексѣя: при Аннѣ, несмотря на отказъ Синода принять участіе въ замыслѣ верховни-

Въ избѣ XVIII в. (Le Prince).

ковъ, духовенство подвергалось гоненію по подозрѣнію въ агитаціи противъ нѣмцевъ; Екатерина старалась ладить съ духовенствомъ, но подъ условіемъ полнаго его подчиненія своей власти. Если церковь признается полезной и важной, то единственно со стороны благотворительности и распространенія просвѣщенія: и, кромѣ того, въ томъ и другомъ не церковь должна руководить правительствомъ, какъ это было въ допетровской Руси, а правительство—церковью. Имущественная самостоятельность церкви, являвшаяся притомъ источникомъ всякихъ безпорядковъ, плохо мирилась съ такими взглядами— и настоятельность секуляризаціи представлялась съ тѣмъ большей ясностью.

Въ ходѣ секуляризаціи выступаютъ, съ одной стороны, законодательныя мѣры, устанавливающія общія нормы хозяйственной жизни церкви, а съ

Крестный ходъ (Груберъ и Гейслеръ).

другой — административныя, расчищающія обыкновенно путь отъ одной законодательной мѣры къ другой. По основнымъ точкамъ зрѣнія, на которыхъ стояло правительство, законодательныя и административныя мѣры можно распредѣлить на три періода: 1) періодъ до Петра, когда свѣтская власть, ограничивая и отмѣняя финансовыя льготы церкви, въ вопросы о землевладѣніи старалась только предотвратить его ростъ и примирить его съ нуждами людей служилыхъ и тяглыхъ; 2) періодъ съ Петра до Екатерины II, когда власть, признавъ имущественную самостоятельность церкви, несовмѣстимой съ интересами государственными и общественными, обязала, тѣмъ не менѣе, церковь, кромѣ заботъ о благотворительности и просвѣщеніи, содѣйствовать свѣтской власти при управленіи послѣдней церковными вотчинами въ ка-

Типы крестьянъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

зенныхъ интересахъ; и, наконецъ, 3) царствованіе Екатерины, когда управленіе церковными вотчинами, вмѣстѣ съ самими вотчинами и крестьянами на нихъ, было передано отъ церкви свѣтской власти.

Какъ только началась Сѣверная война, Петръ обратилъ вниманіе на церковныя вотчины. Въ 1701 г., по совѣту и по мысли извѣстнаго прибыльщика Курбакова, возстановленъ съ болѣе широкими полномочіями Монастырскій приказъ, спеціально предназначенный къ проведенію въ жизнь тѣхъ новыхъ взглядовъ, какіе усвоила себѣ на церковь свѣтская власть. Указомъ 30 декабря 1701 г. — „не ради разоренія монастырей, но ради лучшаго исполненія монашескаго обѣщанія“ — предписано доходы съ церковныхъ имуществъ собирать въ Монастырскій приказъ, а въ общежительство монаховъ выдавать по 10 рублей денегъ и 10 четвертей хлѣба на каждаго и дрова „въ довольность ихъ“. Слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставить самое малое число. Расходы по содержанію церковныхъ учрежденій должны были покрываться доходомъ съ одной части вотчинъ, такъ называемыхъ „опредѣленныхъ“; доходы съ остальной части вотчинъ—„заопредѣленныхъ“ поступали на нужды благотворительности и просвѣщенія. Управленіе вотчинами было ввѣрено чиновникамъ и вѣдомствамъ приказа. Съ учрежденіемъ Св. Синода порядокъ мѣняется: управленіе передано опять церковнымъ властямъ съ обязательствомъ осуществлять его въ казенныхъ интересахъ. Монастырскій приказъ, переименованный въ Камеръ-контору синодальнаго правительства, превратился въ хозяйственное отдѣленіе при Синодѣ. Въ промежутокъ между учрежденіемъ Монастырскаго приказа и возвращеніемъ церковныхъ вотчинъ Синоду до 6.407 дворовъ

успѣли уже непосредственно перейти отъ церкви въ свѣтскія руки. Вотчины московскаго Новодѣвичьяго монастыря, вмѣстѣ съ самымъ монастыремъ, переданы въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, который и отправлялъ съ нихъ всѣ государственныя требованія; нѣсколько вотчинъ тверского архіепископа и Волоколамскаго монастыря приписаны къ ямскому дѣлу, въ распоряженіе Ямского приказа; однѣ вотчины отбирались на государя, другія отписывались въ казну, присоединялись къ городамъ. Въ 1720 г. приказано было выслать въ Москву изъ монастырей разные историческіе матеріалы, „курьозныя письма оригинальныя"—и къ этимъ „курьознымъ письмамъ", подлежавшимъ отсылкѣ въ Москву, были причислены и жалованныя грамоты. Лишившись части имуществъ и управляя остальной частью въ интересахъ казны, церковь, тѣмъ не менѣе, должна была помогать правительству въ дѣлѣ благотворительности и просвѣщенія. Въ вѣдѣніе Монастырскаго приказа перешло содержаніе Славяно-греко-латинской академіи; при нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ открылись школы. Но, повидимому, при наличности у государства настоятельныхъ матеріальныхъ нуждъ заботы о просвѣщеніи не внѣдрялись глубоко во внутреннюю жизнь церкви. Другое дѣло—благотворительность, въ которой такъ нуждалась разоренная войной страна. Въ 20 годахъ передъ Петромъ носились грандіозные планы—превратить всѣ монастыри въ богадѣльни и больницы, часть братіи оставить въ качествѣ слугъ, а остальныхъ перевести на пашню, „дабы сами хлѣбъ себѣ промышляли". Планъ не осуществился, но монастырями широко воспользовались для призрѣнія отставныхъ военныхъ. Въ 1723 г. въ Св. Синодъ принято для разсылки по монастырямъ 535 чел. Отставные поступали прежде всего въ монастыри, гдѣ были „убылыя мѣста", т.-е. гдѣ братіи было меньше, чѣмъ предполагалось по опредѣленному Мо-

Типы крестьянокъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

пастырским приказом штату; доли казеннаго содержанія, приходившіяся на убылыхъ, шли теперь на содержаніе отставныхъ. Если монастырей съ убылыми мѣстами не оказывалось, то вакансіи должны были создаваться переводомъ трети или половины братіи въ другіе монастыри, не получавшіе жалованья, но жившіе рукодѣліемъ и другими трудами. Въ погонѣ за убылыми мѣстами Петръ не остановился передъ рѣшительнымъ стѣсненіемъ свободы постриженія. 28 января 1723 г. велѣно было составить „въ самой скорости" во всѣхъ монастыряхъ, какъ епархіи, такъ и синодальной области, вѣдомость о наличномъ числѣ монаховъ, „дабы впредь никого не постригать, а сколько изъ обрѣтающагося нынѣ числа оныхъ монаховъ и монахинь будетъ убывать, о томъ въ Синодъ рапортовать во вся мѣсячно, а на тѣ убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ". Свобода постриженія была возстановлена лишь при Елисаветѣ; результатъ петровской политики, усвоенной и его ближайшими преемниками, былъ тотъ, что общее число монаховъ во внутреннихъ епархіяхъ съ 8.976 человѣкъ при Петрѣ убавилось къ 1739 г. до 5.670; по отдѣльнымъ епархіямъ убыль превышала половину. Въ монастыри поселялись не одни военные, но и сумасшедшіе и колодники. Указомъ 19 сентября 1701 г. присланы для поселенія въ монастыри „въ вѣчной работѣ" двое крестьянъ, „которые въ Преображенскій приказъ за старостью и за увѣчьемъ для ссылки въ каторгу не приняты". Церковь несла двойное тягло — по управленію имуществомъ и по благотворительности, но она же несла съ своихъ вотчинъ рекрутскую и военно-конскую повинности, привлекалась къ строенію рогатокъ и несенію при нихъ сторожевой службы; въ случаѣ экстренныхъ казенныхъ нуждъ послѣднія удовлетворялись, какъ и раньше, тоже на счетъ церкви. Въ 1705 году, по случаю шведской войны, велѣно выдать жалованье монастырямъ съ убавкою вполовину; война прошла, а монастыри остались при сокращенномъ жалованьѣ. Изъ положенныхъ на штатъ Св. Синода 15.327 р. 89½ коп. въ 1740 г. могло быть выдано только 1.582 р., а остальное, согласно Высочайшимъ указамъ, было израсходовано на выдѣлку ружей въ Тулѣ.

Въ 1726 г. Св. Синодъ былъ раздѣленъ на два апартамента — для дѣлъ духовныхъ и хозяйственныхъ, при чемъ второму апартаменту указомъ 26 сентября 1726 года велѣно именоваться „Коллегіей экономіи синодальнаго правленія". По мысли законодательницы, учрежденіе это должно было стать высшей инстанціей по управленію синодальными, монастырскими и архіерейскими вотчинами, но фактически оно скоро сравнялось въ полномочіяхъ съ Камеръ-конторой синодальнаго правительства, которая и была въ 1727 г. закрыта. Въ 1738 г. Коллегія экономіи поставлена въ зависимость отъ Сената; наоборотъ, въ 1744 г. церковныя вотчины переданы опять въ вѣдѣніе Синода, при которомъ, въ зависимости отъ него, учреждена „Канцелярія синодальнаго экономическаго правленія". Начавшіеся въ церковныхъ вотчинахъ

безпорядки привели затѣмъ правительство къ мысли предоставить управленіе вотчинами вмѣсто церковныхъ властей отставнымъ военнымъ.

Всѣ эти колебанія управленія вотчинами, какъ и требовательность правительства по отношенію къ церковнымъ учрежденіямъ, тяжело ложились на церковныхъ крестьянъ. Еще Петръ отмѣтилъ, что хотя церковные крестьяне „за равныхъ съ прочими признаются, но гражданскіе управители не въ равенствѣ ихъ содержатъ... обрѣтаются оные не токмо въ какомъ призрѣніи, но какъ отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній несносныхъ зѣло разорены". Съ другой стороны, церковныя власти временно возвращая себѣ вліяніе на управленіе вотчинъ, спѣшили использовать благопріятный моментъ для пополненія убытковъ предшествующаго періода. Въ общемъ, симпатіи крестьянъ лежали гораздо болѣе къ Коллегіи экономіи, чѣмъ къ монастырямъ; въ 1762 г. вспыхнули волненія единственно изъ-за передачи крестьянъ опять церковному вѣдомству. Источникомъ бѣдствій для крестьянъ было и взысканіе недоимокъ, иногда получавшихся потому, что разные управители присваивали собранное себѣ. Крестьянамъ приходилось подчасъ платить двойные сборы. Въ концѣ-концовъ все-таки получались недоимки. Послѣ ряда взысканій въ апрѣлѣ 1738 г. въ недоимкѣ числилось за церковными вотчинами 47.857 р. 71 коп.; а послѣ облегченія правительственнаго надзора за церковью при Елисаветѣ, въ 1764 г. недоимокъ оказалось на 154.407 р. 96 коп. Правительству нужны были деньги: въ 1763 г. Екатерина разсчитываетъ вмѣшаться въ польскія дѣла и жалуется на недостатокъ для этого средствъ въ письмѣ къ графу Кайзерлингу, русскому послу въ Варшавѣ.

Императоръ Петръ III.
(Съ портрета Антропова).

Реформѣ 1764 г. предшествуютъ и непосредственно ее подготавливаютъ мѣры Петра III. Указомъ 21 марта 1762 г. для управленія церковными вотчинами учреждается подъ вѣдомствомъ Сената въ Москвѣ Коллегія экономія, а въ С.-Петербургѣ отъ той коллегіи контора. Коллегія и контора должны назначить въ губерніи и провинціи по штабъ-офицеру, а въ приписные го-

рода съ состоящими при нихъ церковными вотчинами по оберъ-офицеру—какъ для управленія вотчинами, такъ и „для защищенія крестьянъ отъ всякихъ обидъ“: „прежнимъ же не токмо изъ монашествующихъ и прочихъ духовныхъ персонъ, но и изъ монастырскихъ служекъ управителями не быть и до того ихъ не допускать, а кои есть, тѣхъ всѣхъ отрѣшить“. Крестьяне облагаются, сверхъ подушнаго оклада, рублевымъ оброкомъ, который должны, вмѣстѣ съ подушными, платить въ городахъ, „гдѣ которые донынѣ тѣ подушныя деньгу платятъ, въ одно время равно, какъ и съ государственныхъ крестьянъ тѣ рублевыя деньги собираются; и для того онымъ крестьянамъ и пашенную въ тѣхъ вотчинахъ землю, которую они на архіереевъ, монастыри, соборы, церкви и пустыни пахали, отдать“; оставшуюся за надѣленіемъ крестьянъ землю, какъ и другія оброчныя статьи, сдавать желающимъ въ оброкъ, а собирать оброчныя деньги штабъ- и оберъ-офицерамъ; духовенству довольствоваться, кромѣ жалованья духовнымъ сановникамъ и добавочныхъ ассигновокъ на разныя экстренныя нужды, содержаніемъ по „апробованному Петромъ В. 1724 г. мая 22 штату“ Дѣла о крестьянскихъ волненіяхъ, кромѣ случаевъ убійствъ, всѣ „отставить и уничтожить“; „однакожъ, что съ тѣхъ крестьянъ, кромѣ получаемыхъ въ монастырѣ доходовъ службами монастырскими, излишними во взятьи окажется, оные опредѣленнымъ къ правленію офицерамъ, съ нихъ взыскавъ, возвратить крестьянамъ немедленно“. Реформа начала было приводиться въ дѣйствіе, но 28 іюня 1762 г. наступило новое царствованіе.

Вступленіе свое на престолъ императрица мотивировала необходимостью защитить православную вѣру отъ поруганія и церкви отъ разрушенія; присутствуя въ Сенатѣ послѣ воцаренія, она признала „отобраніе имѣній мѣрой необдуманной“ Но ученица Вольтера не могла отказаться отъ уже намѣченной реформы—и вопросъ былъ только въ ея болѣе обстоятельной разработкѣ и болѣе тактичномъ проведеніи. Въ отвѣтъ на ходатайство Синода о возвращеніи въ его вѣдѣніе вотчинъ Сенатъ, по порученію императрицы, составилъ докладъ 16 іюня 1762 г., по которому постановилъ: 1) имѣнія возвратить церкви, 2) со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, брать рубль, изъ которыхъ 50 коп. пойдутъ въ казну по содержанію инвалидамъ, а 50 архіереямъ, монастырямъ и другимъ учрежденіямъ, куда крестьяне будутъ возвращены, 3) крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которыхъ будутъ ежегодно выбирать сами крестьяне. На конференціи Сената съ Синодомъ духовенство согласилось съ первымъ и послѣднимъ пунктомъ, но вмѣсто второго предложило уплачивать въ казну на дѣла благотворительности 300.000, съ предоставленіемъ всѣхъ остальныхъ доходовъ въ пользу церкви. По вопросу о штатахъ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ, по предложенію Дмитрія Сѣченова, учреждена была комиссія 29 ноября 1762 г. изъ трехъ духовныхъ

и пяти свѣтскихъ лицъ, въ руководство которой одинъ изъ ея участниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Тепловъ, составилъ обширную инструкцію. Требовалось собрать описи церковныхъ имѣній съ обстоятельной провѣркой этихъ описей черезъ губернаторовъ и воеводъ; управителямъ дать по хозяйственнымъ вопросамъ инструкціи, каждую волость и деревню опредѣлить или на земледѣліе, или на оброкъ; для каждой епархіи составить штаты съ выясненіемъ размѣра суммъ, нужныхъ на поддержку церквей и церковныхъ строеній. На ряду съ этимъ требовалось выдѣлить средства: на заведеніе при епархіяхъ школъ и при двухъ-трехъ монастыряхъ каждой епархіи „малыхъ гимназій", съ латинскимъ и русскимъ языкомъ и на учрежденіе при

Сценка изъ жизни крестьянъ (Груберъ и Гейслеръ).

архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ особливыхъ инвалидныхъ домовъ для призрѣнія престарѣлыхъ, раненыхъ, увѣчныхъ и пропитанья не имущихъ; остатки суммъ, если бы таковые оказались, предписывалось обратить на образованіе пенсіоннаго фонда для выдачи пенсій, „присоединенныхъ къ установленію какого-либо ордена, жалуемаго за вѣру и любовь къ отечеству и за отличныя и знатныя въ немъ заслуги". Съ половины 1763 г комиссія, нѣсколько измѣненная въ своемъ личномъ составѣ, переѣхала вмѣстѣ съ дворомъ изъ Москвы въ Петербургъ, до 1766 г., когда опять вернулась въ Москву. На долю ея выпалъ трудъ по разработкѣ отдѣльныхъ деталей реформы и по ея общему теоретическому обоснованію. Но обстоятельства не позволяли медлить: начавшіяся крестьянскія волненія заставили указомъ 12 мая 1763 г. возстановить для хозяйственнаго управленія вотчинами Коллегію экономіи;

а 26 февраля 1764 г., еще до окончанія работы комиссіи 29 ноября, послѣдовалъ и указъ о секуляризаціи имѣній.

По указу 26 февраля вотчины, за исключеніемъ небольшого количества земли, оставленной для архіерейскихъ домовъ и монастырей на выгонъ скота, поступили въ полное вѣдѣніе Коллегіи экономіи. Церковные крестьяне, сравненные съ государственными, получили въ свое распоряженіе земли и сѣнокосы, какіе обрабатывали и косили прежде на церковныя учрежденія, за исключеніемъ только отстоящихъ болѣе, чѣмъ на 20 верстъ, отъ селеній; послѣднія земли, „яко за дальностью къ пахотѣ и сѣнокосу имъ неподручныя, отдавать съ торгу внаймы онымъ же или постороннимъ крестьянамъ". Отъ Коллегіи экономіи указомъ 13 августа 1764 г. поставлены были по бывшимъ церковнымъ вотчинамъ казначеи, являвшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и депутатами по дѣламъ крестьянъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ 1770 г. между казначеями и Коллегіей экономіи возникли и посредствующія учрежденія—экономическія правленія въ Ярославлѣ, Казани, Ельцѣ и Вологдѣ. 4 апрѣля 1771 г. экономическія правленія получили подробную инструкцію. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе пункты 6: „О раздѣленіи крестьянъ на тягла" и 7: „О снабдѣніи крестьянъ землею и о переводѣ оныхъ во многоземельныя селенія". Въ пунктѣ 6 предписывается распредѣлять землю при общинныхъ передѣлахъ не по ревизскимъ душамъ, а по тягламъ, „потому что нерѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ 5 мужеска пола душахъ, одинъ только находится работникъ, а 4, въ томъ числѣ или малолѣтные или же престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества, исправлять не могущіе, однакожъ долженъ тотъ одинъ работникъ, какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и престарѣлыхъ заплатить"... Въ пунктѣ 7 предписывается переводить крестьянъ, въ случаѣ ихъ желанія и на ихъ собственный счетъ, изъ малоземельныхъ мѣстностей въ многоземельныя, „полагая для крестьянъ земли пропорцію такую, дабы на каждую ревижскую душу пашенной земли было въ каждомъ полѣ по одной,

Продавецъ иконъ.
(Изъ Грубера и Гейслера).

ской, Смоленской и Новгородской даже 5 дес. Изъ получаемыхъ съ крестьянъ доходовъ Коллегіи экономіи на содержаніе духовенства назначены были штаты, мало убавившіе доходы епархіальныхъ учрежденій, но значительно сократившіе доходы монастырей. Въ 1786 г. секуляризація была распространена на губерніи Кіевскую, Черниговскую, Новгородъ-Сѣверскую, а затѣмъ и на остальныя губерніи, не захваченныя реформой 1764 г. Мѣра сопровождалась упраздненіемъ цѣлаго ряда мелкихъ монастырей, переданныхъ въ распоряженіе военной коллегіи для войсковыхъ постоевъ. Указомъ 12 августа 1775 г. московскому оберъ-полицмейстеру велѣно обратить въ рабочій домъ для шляющихся и просящихъ милостыни молодыхъ и способныхъ къ труду женщинъ упраздненный въ Москвѣ Андреевскій монастырь; въ маѣ 1788 г. мѣсто и зданія московскаго Симонова монастыря были отданы въ распоряженіе главнаго кригсъ-комиссаріата для устроенія госпиталя. Число упраздненныхъ монастырей доходило вообще до 418. Сокращено было и количество монастырскихъ и архіерейскихъ служителей; излишнихъ должна была разобрать Коллегія экономіи, желающихъ

Челобитная калязинскихъ монаховъ.

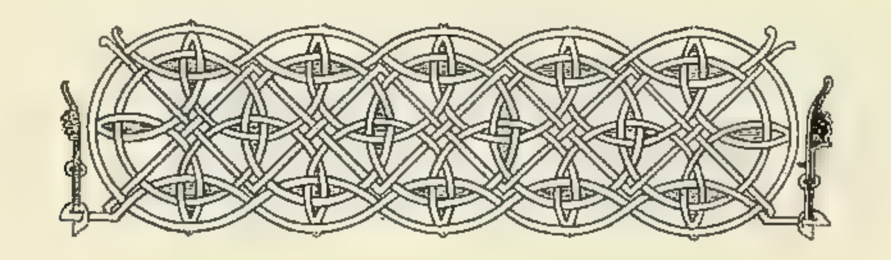
Калязинская картина гравирована мастеромъ Чуваевымъ и была пущена съ Высочайшаго соизволенія въ народъ съ цѣлью подготовить къ указу объ отобраніи монастырскихъ земель. Текстъ заимствованъ изъ рукописи XVII в. Калязинскіе клирошане жалуются архіепископу на то, что арх. Гавріилъ сталъ у нихъ въ монастырѣ новые, безобразные порядки заводить: всѣхъ старыхъ и пьяныхъ разогналъ, такъ что въ монастырѣ некому ни пива сварить, ни меду насытить, ни винца купить. Архимандритъ, жалуются челобитчики, „мало съ нами пьетъ, да часто насъ бьетъ ременными плетьми“. Неразумными своими распоряженіями архимандритъ много убытковъ монастырской казнѣ сдѣлалъ, и лучше было бы церковь замкнуть и колокола снять, да въ г. Кашинъ послать на вино, да на пиво промѣнять (см. Ровинскій „Рус. Нар. Карт.“, стр. 235—238).

записаться въ цехи и купечество отослать въ магистратъ, а остальныхъ распредѣлить на пашню въ тѣ села и деревни, гдѣ они положены въ подушный окладъ.

Реформа 1764 г. не покончила съ церковнымъ землевладѣніемъ: указомъ 18 декабря 1797 г. монастырямъ было отмежевано по 30 десятинъ земли

Въ 1838 г. монастырямъ было предоставлено право имѣть лѣсныхъ дачъ отъ 50 до 150 десятинъ; далѣе монастырское землевладѣніе начало опять расти. Но церковному рабовладѣнію былъ нанесенъ рѣшительный ударъ—экономическіе крестьяне слились съ государственными, и если попадали въ частныя руки, то лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Въ общемъ, бывшіе церковные крестьяне были достаточно обезпечены, и если въ настоящее время надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ среднемъ, выше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, то В. И. Семевскій объясняетъ это тѣмъ, что въ составъ государственныхъ крестьянъ вошли экономическіе. Изъ современниковъ реформы нѣкоторые отнеслись, повидимому, сочувственно къ ней. Но находились и противники. „Могла ли корона,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій извѣстный защитникъ дворянскихъ интересовъ Щербатовъ,—лишить монастыри тѣхъ деревень, которыя онѣ отъ набожья приватныхъ людей получили? Сіи деревни были отданы въ монастыри для поминовенія душъ дателей и, слѣдственно, съ нѣкоимъ родомъ условія. Духовенство по новымъ духовнымъ штатамъ убавлено, многіе монастыри упразднены, поминовеніе перестало, а деревни н е к ъ т ѣ м ъ в о з в р а т и л и с ь, к о т о р ы х ъ п р е д к и р а з о р и л и для сысканія рая души своей". Въ чемъ разгадка такого сочувствія церкви со стороны человѣка, европейски образованнаго, осуждавшаго на страницахъ своей „Россійской исторіи" „духъ неумѣренной набожности" русскихъ князей, изъ-за котораго они въ XIII в. „переставали имѣть понятіе о томъ, что мірскимъ и свѣтскимъ называется, но единственно стремились къ вѣчной жизни?" Разгадка, очевидно, въ послѣдней фразѣ приведенной выписки: дворянство являлось главнымъ жертвователемъ въ монастыри; теперь былъ удобный случай оттягивать пожертвованія въ дворянскія руки; но... деревни „не къ тѣмъ возвратились", чьи предки разорились на пожертвованія.

Д. Жариновъ.

1. Вольтеръ.
2. Монтескье.
3. Дидро.
4. Гриммъ

Екатерина II и крестьянскій вопросъ.

Академика А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Политическій переворотъ, благодаря которому императрица Екатерина II заняла „престолъ всероссійскій самодержавный“, казалось, долженъ былъ повліять не только на направленіе высшей политики, но и на судьбу низшихъ классовъ населенія: вступая на престолъ, Екатерина Алексѣевна сознавала, что „естественный законъ повелѣваетъ ей заботиться о благополучіи всѣхъ людей“; она стремилась поставить себѣ „общую цѣль“ — „счастье своихъ подданныхъ“; она интересовалась и историческими судьбами русскаго народа, и современнымъ его состояніемъ; она не могла равнодушно отнестись и къ тяжелому положенію низшихъ слоевъ населенія, смутныя ожиданія котораго обнаружились хотя бы въ крестьянскихъ волненіяхъ, наступившихъ въ то время въ разныхъ уѣздахъ [1]).

Въ царствованіе Екатерины II крестьянскій вопросъ, т.-е., собственно говоря, вопросъ о томъ, какъ отнестись къ крѣпостной зависимости человѣка отъ человѣка, дѣйствительно, получилъ гораздо большее значеніе: критеріи его оцѣнки стали выясняться; вмѣстѣ съ тѣмъ право дворянъ владѣть крѣ-

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11678 и др.; ср. «Сенат. Арх.», т. XIII, с. 235.

постными, сосредоточившееся почти исключительно въ ихъ рукахъ, уже не было обусловлено ихъ обязательною службою, и крѣпостная зависимость стала все болѣе пріобрѣтать частноправовой характеръ; принимая его во вниманіе [1]), сама императрица поставила крестьянскій вопросъ и предала его гласному обсужденію русскаго общества.

При постановкѣ крестьянскаго вопроса императрица Екатерина II должна была, конечно, выяснить себѣ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ онъ подлежалъ обсужденію. Нельзя сказать, однако, чтобы государыня придерживалась вполнѣ однородныхъ началъ въ своихъ взглядахъ и въ законодательной политикѣ: при обсужденіи крестьянскаго вопроса въ теоріи она обнаружила, особенно на первыхъ порахъ, нѣкоторую склонность принять во вниманіе общіе принципы справедливости и права, но въ своемъ законодательствѣ она руководилась и такими политическими соображеніями, которыя далеко не благопріятствовали окончательному его разрѣшенію; все болѣе считаясь съ ними, она кончила тѣмъ, что, подъ вліяніемъ реакціи, сняла съ очереди вопросъ о крѣпостномъ правѣ и даже способствовала дальнѣйшему его развитію.

Съ точки зрѣнія отвлеченныхъ религіозно-нравственныхъ и естественно-правовыхъ началъ, Екатерина Алексѣевна разсуждала о свободѣ и рабствѣ уже въ тѣхъ замѣткахъ, которыя она дѣлала для себя до вступленія своего на престолъ; въ духѣ либеральныхъ идей своего времени, она, подобно Монтескье, писала, напримѣръ, что всѣ люди рождаются свободными и что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать ихъ невольниками“ [2]). Вообще, придерживаясь взглядовъ подобнаго рода, императрица должна была прійти къ мысли о крестьянской свободѣ и къ отрицанію права человѣка распоряжаться человѣкомъ почти такъ же, какъ „скотомъ“. Крѣпостной, по ея мнѣнію, такой же человѣкъ, какъ и его господинъ: „есть-ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человѣкъ, но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію намъ отъ всего свѣта приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“ [3]). Итакъ, крѣпостной не только человѣкъ, но и „персона“: онъ долженъ быть лицомъ, надѣленнымъ правами: „естественная вольность“ даже въ средѣ крестьянъ должна подлежать возможно меньшимъ стѣсненіямъ. Впрочемъ, составительница Наказа могла подойти къ аналогичному (въ формальномъ смыслѣ) заключенію и на основаніи позитивно-правовой теоріи;

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 84, гл. V, съ весьма важной поправкой, указанной г. Чечулинымъ въ академическомъ изданіи Наказа, с. LXXX; ср. еще Сбор., ib., с. 153.

[2]) Montesquieu, Esprit des lois, liv. VIII, ch. 3; говоря о такомъ равенствѣ, авторъ прибавляетъ, однако: „mais ils n'y sauraient rester“. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 84; ср. еще А. Пыпинъ, Екатерина II и Монтескье въ «Вѣстн. Евр.» 1903 г. Май, с. 292.

[3]) С. Соловьевъ, И. Р., комп. изд., кн. VI, с. 378.

слѣдуя Монтескье, она писала: „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ", а ихъ свобода—въ томъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ возможность дѣлать то́, что ему „надлежитъ хотѣть" [1]); но и съ такой точки зрѣнія вопросъ о правомѣрности крѣпостного права вставалъ самъ собою. Рѣшеніе его должно было, очевидно, состоять въ освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ отъ „порабощенія".

Сама императрица Екатерина II врядъ ли могла, однако, остановиться на столь радикальной для ея времени постановкѣ крестьянскаго вопроса: въ большинствѣ статей Наказа, составленнаго подъ вліяніемъ Монтескье и другихъ писателей, а также въ темѣ, предложенной Вольно-экономическому обществу, она высказывается гораздо менѣе рѣшительно.

Екатерина II.

Въ проектѣ Наказа императрица, кажется, еще не оставила мысли о „волѣ" крѣпостныхъ; одну изъ его статей она начала было со словъ: „можно также установить, чтобы на волѣ...", но зачеркнула написанное, оставивъ только статью о томъ, что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества"; нѣкоторыя изъ ея предположеній, напримѣръ, объ установленіи въ законѣ условій, ограничивающихъ поступленіе въ крѣпостную зависимость и облегчающихъ ея прекращеніе, дѣйствительно, не получили дальнѣйшей формулировки: статьи о запрещеніи вольноотпущеннымъ закрѣпощать себя, объ опредѣленіи въ законѣ размѣра выкупа на свободу, объ освобожденіи семейства изнасилованной женщины, а также отрывокъ объ учрежденіи сельскаго суда не попали въ окончательный текстъ; въ немъ остались, однако, ея пожеланія о томъ, чтобы избѣгать случаевъ при-

[1]) Montesquieu, Esprit des lois, liv. VIII, chap. 3; liv. XI, ch. 3; Наказъ, ст. 34 и 37.

водить людей въ неволю; чтобы предоставлять крестьянамъ свободу вступать въ бракъ; чтобы ограждать ихъ права на имущество; чтобы предписать особымъ закономъ помѣщикамъ съ большимъ разсмотрѣніемъ располагать свои поборы и брать такіе изъ нихъ, которые менѣе мужика отлучали бы отъ его дома и семейства; наконецъ, чтобы отвращать путемъ закона „злоупотребленія рабства", т.-е. наказывать помѣщиковъ, мучащихъ своихъ крестьянъ [1]).

Въ постановкѣ, какую императрица Екатерина II сочла нужнымъ придать крестьянскому вопросу при обсужденіи его въ Вольно-экономическомъ обществѣ, мысль объ освобожденіи крестьянъ также не совсѣмъ исчезла, но выражена еще менѣе ясно, въ связи съ утилитарными соображеніями государственнаго характера; упуская изъ виду, что, „когда тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ", покровительница общества, въ письмѣ, доложенномъ 1 ноября 1766 года, обратила особое вниманіе на одни только имущественныя права крестьянъ; вѣроятно, подъ вліяніемъ мысли, что „земледѣльство", столь важное для государства, не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ земледѣлецъ „не имѣетъ ничего собственнаго", и что порабощеніе убиваетъ соревнованіе и, значитъ, убыточно государству, она предложила слѣдующую тему: „въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца: въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ"? Такимъ образомъ, императрица считала возможнымъ, не предрѣшая вопроса о крестьянской свободѣ или о томъ, на какомъ правѣ господинъ владѣетъ крѣпостнымъ, обсуждать вопросъ о томъ, какое право крѣпостной имѣетъ на землю, которую онъ обрабатываетъ, и на движимость; въ поставленномъ ею вопросѣ она, кромѣ того, едва ли ясно разграничивала „общенародную пользу" отъ государственнаго интереса, который можно было понимать и въ гораздо болѣе узкомъ смыслѣ.

Такая постановка крестьянскаго вопроса не предвѣщала полнаго его разрѣшенія, въ смыслѣ упраздненія крѣпостного права, и, въ лучшемъ случаѣ, открывала возможность принять мѣры, которыя лишь смягчили бы тяжелую участь крѣпостныхъ.

Дѣйствительно, подъ вліяніемъ принятой ею политической теоріи и другихъ обстоятельствъ, императрица Екатерина II не рѣшилась остановиться на мысли объ освобожденіи крестьянъ, хотя бы постепенномъ, — мысли, разумѣется, тѣсно связанной съ понятіемъ о крестьянскихъ правахъ: она стала преимущественно настаивать на одномъ только ограниченіи крѣпостного права. Въ самомъ дѣлѣ, императрица высоко цѣнила ту теорію монархическаго строя, которая проповѣдывала, что дворянство должно естественно исполнять

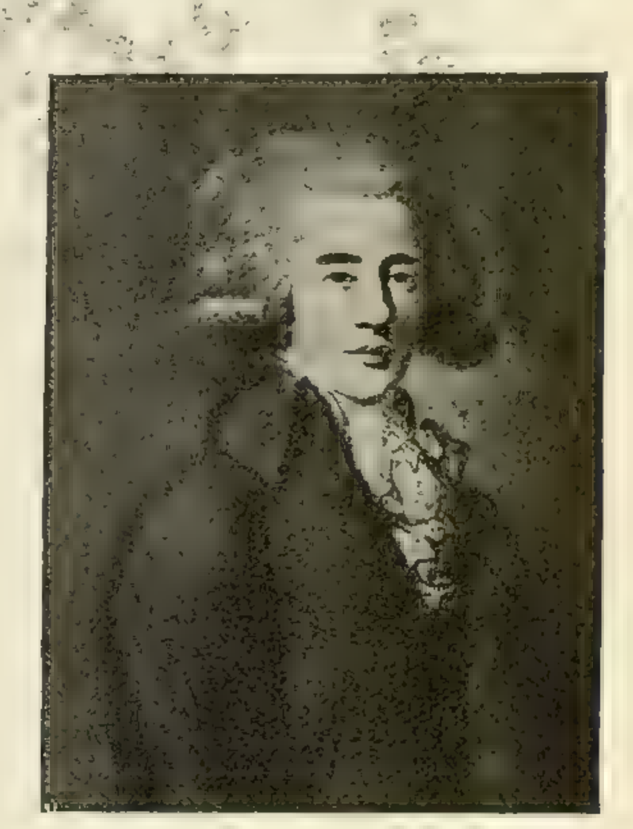
---

[1]) Пам. Рус. Закон., № II: Наказъ, сс. XI, XII, XXIX — XL, LXXVI; ст. 259, 261, 269, 275, 279, 288.

Архангельское, имѣніе Юсуповыхъ.

роль посредствующей власти между верховною властью и народомъ. Согласно съ мнѣніемъ „лучшаго о законахъ писателя“, государыня полагала, что нарушеніе прерогативъ привилегированныхъ слоевъ общества (les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes) приводитъ къ водворенію въ странѣ демократическаго или деспотическаго государства [1]); смотря на дворянство, какъ на опору монархіи, она уже съ такой сословной точки зрѣнія едва ли рѣшилась бы покончить съ его правомъ владѣть крѣпостными, тѣмъ болѣе, что сама была не мало ему обязана своимъ воцареніемъ. Впрочемъ, признавая тѣсную связь между монархомъ и дворянами, а также между дворянами и крестьянами, императрица охотно ссылалась, при обсужденіи крестьянскаго вопроса, и на другія утилитарно-политическія соображенія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ генералъ-прокурору, вызванномъ намѣреніемъ сената издать суровый законъ противъ крестьянъ, убившихъ помѣщика, она, напримѣръ, указываетъ на то, что люди, не имѣющіе обороны „ни въ законахъ и нигдѣ“, изъ-за всякой малости могутъ впасть въ отчаяніе, и что „въ подобныхъ случаяхъ“ надо „быть весьма осторожну“, дабы не ускорить и „безъ того довольно грозящую бѣду“, ибо „положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что, окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями, (бунта ихъ) ничѣмъ избѣгнуть не можно“; а „есть-ли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ воли сами оную возьмутъ, рано или поздно“ [2]). Съ такой точки зрѣнія, скорѣе политической, чѣмъ юридической, императрица приходила къ мысли объ ограниченіи крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что и высшіе сановники, и ея приближенные, Панинъ, Голицынъ, Сиверсъ и другіе, въ лучшемъ случаѣ, предлагали преимущественно подобнаго же рода частныя мѣры или полумѣры

Н. И. Панинъ, портретъ Вуаля (Маронно).

Въ самомъ дѣлѣ, не признавая возможнымъ „черезъ общее узаконеніе вдругъ сдѣлать великое число освобожденныхъ“, императрица стала, главнымъ образомъ, думать не о постепенномъ осуществленіи такой реформы, а только объ ограниченіи крѣпостного права. Въ „Начертаніи“ она уже высказалась

---

[1]) Пам. Рус. Закон., № II: Наказъ, с. XVIII.

[2]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 101; ср. ib., т. XIII, с. 370. «Осьмнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартеневымъ, т. III, с. 390; ср. А. Пыпинъ, Op. cit., ib., с. 299.

именно въ такомъ смыслѣ, но настаивала вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможно болѣе „нечувствительномъ" осуществленіи предполагаемыхъ улучшеній: подъ вліяніемъ Монтескье, видимо, не сочувствуя смѣшенію „существенной покорности, соединяющей крестьянъ неразлучно съ участкомъ данной имъ земли",— съ „личной", она предлагала комиссіи о государственныхъ родахъ изыскать средства для того, чтобы „привязать къ землѣ и утвердить на ней самихъ земледѣльцевъ", преимущественно такія, „въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется" и которыя могли бы „произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода поправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества" [1]).

Гр. Я. Е. Сиверсъ, портретъ Левицкаго.

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ императрица Екатерина II рѣшилась на мѣру, которая фактически повлекла за собою освобожденіе довольно значительнаго числа владѣльческихъ крестьянъ: въ манифестѣ отъ 26 февраля 1764 года она всенародно объявила о секуляризаціи церковныхъ имѣній. Отобраніе ихъ въ казну было подготовлено цѣлымъ рядомъ предшествующихъ попытокъ русскаго правительства и входило въ программу, предложенную Вольтеромъ, что, конечно, побудило императрицу и давало ей основаніе, не откладывая, приступить къ осуществленію такой мѣры, въ сущности имѣвшей преимущественно фискально-полицейскій характеръ. Секуляризація духовныхъ имѣній, конечно, выгодно отразилась на положеніи почти милліона сельскаго населенія, которое стало приравниваться къ государственнымъ крестьянамъ, но она не внесла ничего новаго по существу въ крѣпостническія отношенія, царившія на остальныхъ владѣльческихъ земляхъ [2]).

[1]) Montesquieu, Esprit des lois, liv. XV, ch. 18. Наказъ, ст. 260; та же мысль о различіи «покорностей» или «неволи» выражена и въ «Начертаніи», но оцѣнка ихъ здѣсь менѣе опредѣленна; см. П. С. З., т. XVIII, № 13095.

[2]) П. С. З., т. XVI, № 12060; вслѣдъ за указомъ 26 февраля о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири, въ 1786 и 1788 гг. появились указы, распространившіе ее на губерніи: Кіевскую, Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. П. С. З., т. XXII, №№ 16375, 16649 и

Императрица Екатерина II.

По оригиналу художн. *И. Н. Крамского.*

Императрица Екатерина II хотѣла воздѣйствовать на нихъ другимъ путемъ, а именно, путемъ одного только ограниченія крѣпостного права; подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ началъ своего времени, а также въ виду политическихъ соображеній, она стремилась ослабить его и „положить границы" власти помѣщиковъ относительно ихъ крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еще до обнародованія Наказа императрица Екатерина II попыталась осуществить преимущественно тѣ изъ своихъ предположеній объ ослабленіи „домашней тираніи", начала которыхъ были вслѣдъ за тѣмъ указаны въ печатномъ его текстѣ. Во время своего путешествія въ Прибалтійскомъ краѣ сама она замѣтила, „въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне", и вызвала извѣстныя правила ограниченія помѣщичьей власти, постановленныя лифляндскимъ ландтагомъ и опубликованныя 12 апрѣля 1765 года; но его правила могли имѣть только мѣстное значеніе, да и не оказали большого вліянія даже на положеніе лифляндскихъ крестьянъ [1]). Съ аналогичной точки зрѣнія вопросъ объ ограниченіи крѣпостного права былъ затронутъ и въ большой комиссіи, созванной для составленія проекта новаго уложенія; но пренія депутатовъ показали, насколько трудно было законодательнымъ путемъ „положить границы" помѣщичьей власти. На засѣданіяхъ большой комиссіи, куда владѣльческіе крестьяне были лишены возможности прислать своихъ депутатовъ, представители разныхъ слоевъ общества, вопреки „плачу холоповъ" [2]), старались добиться права владѣть крѣпостными; значительное большинство дворянъ, въ томъ числѣ и люди съ извѣстнымъ образованіемъ, признавали крѣпостное право явленіемъ болѣе или менѣе нормальнымъ, согласнымъ съ монархической формой правленія и „расположеніемъ народа", или не считали возможнымъ обойтись безъ него; они недовѣрчиво относились къ крестьянской свободѣ; они указывали на опасность „вкоренить въ крестьянъ умствованіе равенства" и на то, что лишь тогда, когда низшій классъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы, но и въ такомъ случаѣ они не знали, „откуда взять земли", на которыя крестьяне могли бы получить право собственности; далѣе они вообще

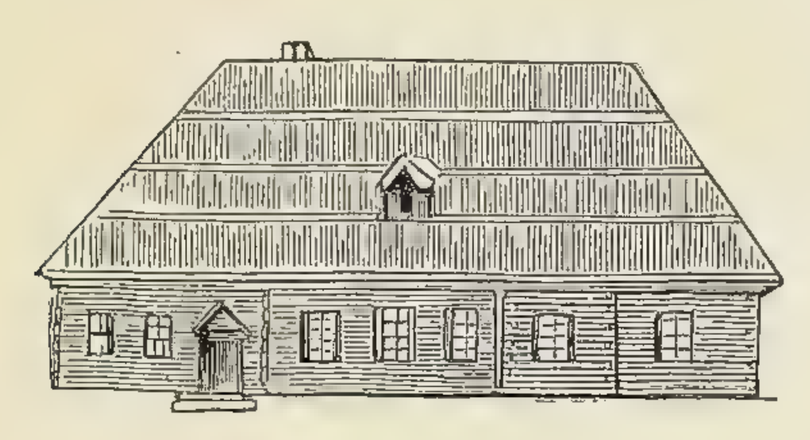
16650. См. еще А. Завьяловъ, «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II», Спб., 1900 г., сс. 123 и сл.; о крестьянскихъ волненіяхъ въ имѣніяхъ духовенства см. тамъ же, сс. 125 и сл. Слѣдуетъ замѣтить, что императрица, вѣроятно, опасавшаяся возможныхъ со стороны духовенства нареканій, почти не производила пожалованій изъ экономическихъ крестьянъ, о чемъ см. В. Семевскій, «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II», Спб., 1906 г., сс. 26—28.

[1]) В. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I, гл. 2; впрочемъ, между Наказомъ и правилами ландтага можно замѣтить и отличія; они отчасти объясняются разными задачами, какія преслѣдовались при ихъ составленіи.

[2]) «Плачъ холоповъ прошлаго вѣка», изд. Н. Тихонравовымъ въ сборникѣ «Починъ» на 1895 г., сс. 11—14; здѣсь, между прочимъ, холопы жалуются на то, что «бояре въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ, холопей въ депутаты за тѣмъ не выбираютъ».

идеализировали свои отношенія къ крестьянамъ и въ частности думали, что положеніе ихъ достаточно обезпечено интересомъ, какой владѣльцы имѣютъ въ поддержаніи ихъ благополучія; они считали, наконецъ, вмѣшательство государственной власти въ отношенія свои къ крѣпостнымъ оскорбительнымъ нарушеніемъ своихъ привилегій и вреднымъ для государственнаго „благоденствія и спокойствія“ [1]).

Подъ вліяніемъ настроенія, обнаружившагося въ комиссіи, императрица Екатерина II должна была, конечно, сильнѣе почувствовать и тѣ затрудненія, которыя лежали на пути осуществленія предполагаемаго ею ограниченія крѣпостного права; вмѣстѣ съ тѣмъ занятія большой комиссіи были прерваны турецкою войной, временно отвлекшей вниманіе государыни отъ внутреннихъ реформъ. При такихъ условіяхъ она еще разъ измѣнила постановку крестьянскаго вопроса: вмѣсто того, чтобы устанавливать предѣлы помѣщичьей власти, она предпочла суживать сферу примѣненія крѣпостного права, что̀, отчасти могло быть вызвано также ея желаніемъ образовать „третій родъ людей“ (tiers état) и, разумѣется, было гораздо легче осуществить въ законодательствѣ: она попыталась преимущественно сократить источники крѣпостного состоянія, но оставила безъ существенныхъ перемѣнъ способы его прекращенія [2]).

Помѣщичій домъ 1763 г. (изъ зап. Болотова).

Въ своемъ Наказѣ императрица Екатерина II уже высказала правило: „за исключеніемъ развѣ крайней государственной необходимости, избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю“ [3]); хотя сама она не всегда соблюдала это правило, напримѣръ, при пожалованіи населенныхъ имѣній, однако, все же во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, старалась провести его въ жизнь.

Съ такой точки зрѣнія государыня обратила особенное вниманіе, напримѣръ, на одинъ изъ самыхъ опасныхъ способовъ закрѣпощенія, а именно, на добровольную или принудительную записку людей при ревизіи за тѣми, кто хотѣлъ ихъ „взять“ и кто соглашался отвѣчать за ихъ платежную исправность. Правительство попыталось ослабить принципъ подобнаго рода прежде всего примѣнительно къ такимъ категоріямъ случаевъ, которые легче было

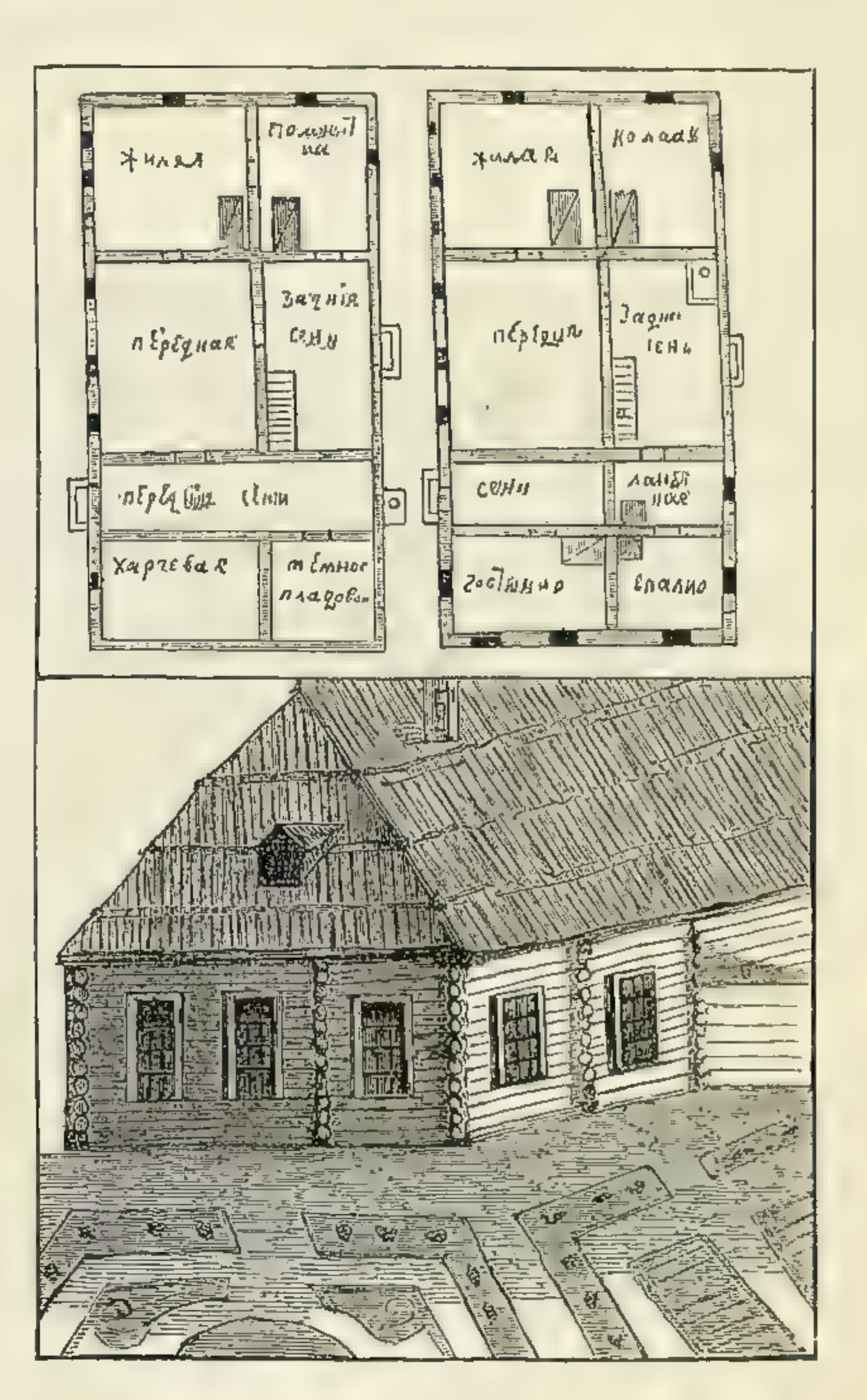
---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 85—86 и мн. др. Ср. W. Coxe, Travels etc., ч. II, p. 117: „An almost general peajudice seams at present to prevail with respect to the incapacity of the presants for receiving their liberty“.

[2]) А. Лаппо-Данилевскій, «Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи» въ сборн. «Крест. строй», Спб., 1905, т. I, сс. 101—105 и др.

[3]) Пам. Рус. Закон., № II: Наказъ, сс. XXX, XXXIV; ст. 253.

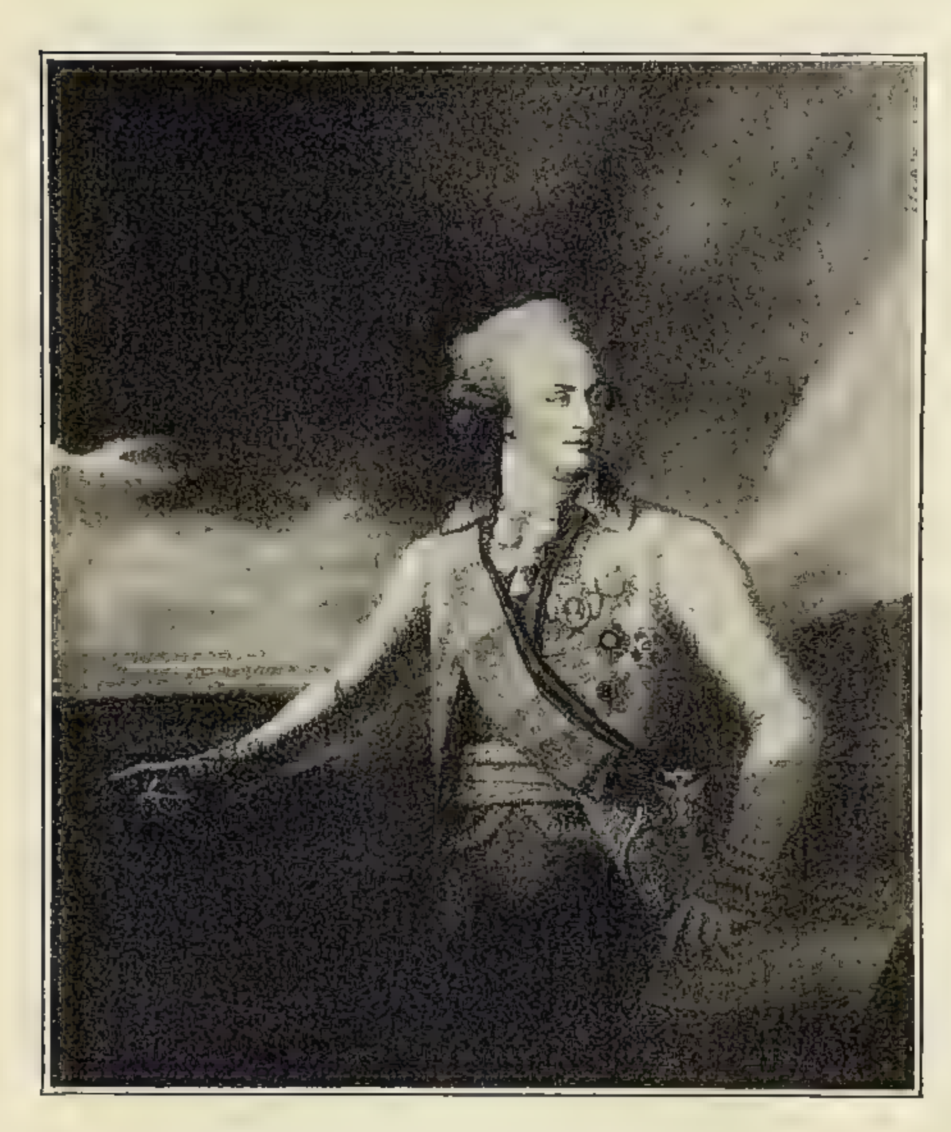
исключить изъ прежняго правила о запискѣ. Въ высочайше утвержденномъ въ 1763 году проектѣ воспитательнаго дома было постановлено, что воспитанныя въ немъ лица обоего пола, ихъ дѣти и потомки должны оставаться вольными и никому изъ партикулярныхъ людей ни подъ какимъ видомъ закабалены или укрѣплены быть не могутъ; воспитаннымъ въ домѣ было даже запрещено вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми. Впрочемъ, тѣ же начала были отчасти приняты и относительно такихъ незаконнорожденныхъ, которые не попадали въ воспитательный домъ. Уже въ 1767 году, по поводу предложенія слободско-украинской губернской канцеляріи вернуться къ прежнему порядку записки незаконнорожденныхъ за тѣми, кто будетъ держать ихъ у себя, сенатъ приказалъ „написаніемъ“ ихъ въ окладъ за такими лицами „обождать“ впредь „до генеральнаго о томъ учрежденія“; кромѣ того, въ 1783 году велѣно было незаконнорожденныхъ отъ свободныхъ матерей причислять къ государственнымъ селеніямъ, заводамъ и промысламъ по разсмотрѣнію казенныхъ палатъ и по ихъ собственному желанію, а въ установленіи о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ 1787 года разрѣшено незаконнорожденныхъ, не принятыхъ ихъ матерями „на воспитаніе“, отдавать тѣмъ, кто пожелаетъ принять ихъ, но только на „опредѣленныя лѣта“. Почти въ

Помѣщичій домъ въ провинціи 1763 г. (изъ записокъ Болотова).

то же время стремленіе ограничить значеніе записки обнаружилось и относительно малолѣтнихъ сиротъ. Въ инструкціи слободскому губернатору 1765 года встрѣчается слѣдующее правило: отдавать малолѣтнихъ совершенныхъ сиротъ, не имѣющихъ пропитанія, тому изъ „тамошнихъ жителей“, кто пожелаетъ, но не иначе, какъ до двадцатилѣтняго возраста, а если воспитатель обучитъ пріемыша какому-нибудь мастерству, то и до тридцати лѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1775 году была принята еще одна мѣра относи-

тельно сиротъ, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія: приказы общественнаго призрѣнія должны были заботиться о нихъ; вышеприведенная статья изъ установленія о сельскомъ порядкѣ 1787 года относилась и къ малолѣтнимъ сиротамъ, лишеннымъ пристанища; значитъ, они уже не записывались въ вѣчную крѣпость за своими воспитателями и, послѣ извѣстнаго срока, могли пользоваться правами, предоставленными вольноотпущеннымъ, что и было разъяснено однимъ изъ позднѣйшихъ указовъ [1]). Аналогичныя постановленія были сдѣланы и относительно безмѣстныхъ церковниковъ. Уже въ 1766 году было предписано „излишнихъ", оставшихся за распредѣленіемъ къ церквамъ по разбору 1754 года и праздноживущихъ церковниковъ, даже тѣхъ, которые были записаны въ окладъ въ томъ же 1766 году, выключить изъ оклада, при чемъ годныхъ взять въ военную службу, а также въ денщики, погонщики и т. п., объ остальныхъ же, неспособныхъ ни къ какой службѣ, и „сколько при нихъ женска пола", прислать особыя вѣдомости въ сенатъ; указъ о разборѣ 1769 года уже не содержитъ повелѣнія о запискѣ безмѣстныхъ церковниковъ, не взятыхъ въ солдаты, за помѣщиками, а послѣ учрежденія о губерніяхъ они охотно принимались на канцелярскія должности, еще позднѣе въ учителя народныхъ школъ и т. п. [2]). Слѣдовательно, правило о запискѣ потеряло прежнее значеніе относительно вышеуказанныхъ разрядовъ незаконнорожденныхъ и малолѣтнихъ сиротъ, а

Кн. Г. А. Потемкинъ (портр. Лампи).

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, пп. 4 и 5; т. XVII, № 12430, п. 6; т. XVIII, № 12987, п. 2; т. XX, № 14392, ст. 380, 385; т. XXII, № 16603, отд. IV, ст. 8—9; т. XXXIII, № 25947, п. 6. Въ 1764 г. было также запрещено всѣмъ и каждому, какимъ бы то ни было образомъ, записывать и утверждать себѣ въ крѣпостные художниковъ, мастеровъ, получившихъ воспитаніе въ Академіи Художествъ, ихъ дѣтей и потомковъ; см. П. С. З., т. XVI, № 12275; ср. еще ib., т. XII, № 9250.

[2]) П. С. З., т. XVII, № 12586 (судя по контексту, указъ относился и къ дѣтямъ излишнихъ церковниковъ); т. XVIII, № 13236; ср. П. Знаменскій, Приходское духовенство и проч., сс. 296 и сл.

также безмѣстныхъ церковниковъ; но такая перемѣна могла произойти и подъ вліяніемъ общаго принципа о незапискѣ вольныхъ людей, получившаго сравнительно болѣе позднюю формулировку.

Впрочемъ, императрица Екатерина II уже въ 1775 году высказала это правило, но только въ болѣе частномъ видѣ, примѣнительно къ вольноотпущеннымъ. Согласно съ одной изъ необнародованныхъ статей Наказа, она манифестомъ отъ 17 марта, дѣйствительно, дозволила всѣмъ вольноотпущеннымъ „ни за кого не записываться"; имъ было предоставлено добровольно избирать для себя или мѣщанское (а также купеческое) состояніе или родъ государственной службы; тогда же было разъяснено, что присутственнымъ мѣстамъ запрещается укрѣплять за кѣмъ-либо такихъ людей, „несмотря на объявленное иногда собственное желаніе ихъ". Наконецъ, въ 1783 году, въ именномъ указѣ отъ 20 октября, императрица придала тому же правилу общее значеніе: она велѣла примѣнять его къ „разныхъ народовъ вольнымъ людямъ" вообще, „безъ изъятія рода и закона" [1]).

Графъ К. П. Разумовскій (1766 г.), работы Баттони.

При производствѣ ревизіи 1781—1782 гг. большинство вышеизложенныхъ правилъ уже было принято во вниманіе. Правительство желало произвести ревизію „со всевозможною выгодностью для народа" и поручило нижнимъ земскимъ судамъ, въ случаѣ неисправности и подозрѣнія въ утайкѣ, свидѣтельствовать поданныя имъ сказки о численности населенія въ уѣздахъ; освидѣтельствованіе же вѣдомостей, составленныхъ нижними судами, было вмѣнено въ обязанность казеннымъ палатамъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учрежденія 1775 года не были еще введены, губернскимъ канцеляріямъ [2]). Такой надзоръ нѣсколько обезпечивалъ

[1]) П. С. З., т. XX, №№ 14275, п. 46; 14294, п. 11; 15070; т. XXI, №№ 15277, п. 3; 15278, п. 11 и 15853; въ указѣ 20 октября нѣтъ словъ: «несмотря на... желаніе ихъ»; т. XXII, № 16188 (город. пол., ст. 79).

[2]) П. С. З., т. XXI, №№ 15278, п. 7; 15405, п. 22.

примѣненіе новыхъ правилъ относительно людей, не подлежавшихъ вѣчному укрѣпленію, и, можетъ-быть, облегчилъ введеніе послѣдовавшихъ за нимъ узаконеній 1783—87 гг.

Почти одновременно съ ослабленіемъ значенія „записки" императрица Екатерина II содѣйствовала и тому, что плѣнъ пересталъ служить источникомъ крѣпостной зависимости, если военно-плѣнные, какой бы они вѣры и закона прежде не были, принимали православіе; по принятіи ими „православнаго закона" велѣно было объявлять ихъ вольными людьми и предоставлять имъ избирать такой родъ жизни, какой они сами заблагоразсудятъ; впрочемъ, вышеизложенное правило получило окончательную и общую формулировку лишь въ именномъ указѣ отъ 19 ноября 1781 года[1]).

Въ царствованіе императрицы Екатерины II и нѣкоторые способы сообщенія крѣпостного состоянія подверглись ограниченіямъ: извѣстное правило, согласно которому дѣти крѣпостныхъ признавались также крѣпостными, правда, сохранило прежнее свое значеніе; но бракъ, въ качествѣ такого именно способа, подвергся довольно существеннымъ ограниченіямъ.

Старинное правило „по робѣ холопъ...", напримѣръ, потеряло силу примѣнительно къ случаямъ, когда питомецъ воспитательнаго дома, вопреки запрещенію, вступалъ съ крѣпостною въ бракъ, устроенный „какимъ обманомъ" (1763 г.), а также къ воспитанникамъ Академіи Художествъ или, надо думать, и къ ихъ потомкамъ (1764); всѣ люди, которые были отпущены своими помѣщиками съ отпускными на волю, били челомъ въ вѣчное услуженіе къ другимъ помѣщикамъ и поженились на ихъ крѣпостныхъ, но по ихъ прошенію до манифеста 1775 года рѣшенія не учинено и выписей о укрѣпленіи для владѣнія ими не дано, были признаны свободными вмѣстѣ съ ихъ женами (1780 г.); военно-плѣннымъ, захваченнымъ въ Польшѣ, но оставшимся въ Россіи, по принятіи ими православнаго закона съ женами ихъ, „хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ-либо женщинахъ или дѣвкахъ женаты были", также велѣно было дать свободу (1781 г.). Въ вышеприведенныхъ случаяхъ бракъ съ крѣпостной не только не сообщалъ вольному человѣку крѣпостного состоянія, но и его жену освобождалъ отъ такого состоянія; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это освобожденіе было поставлено въ нѣкоторую зависимость отъ уплаты выводныхъ денегъ помѣщику (законы 1763 и 1780 гг.). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что обратное правило: „по холопу раба",

[1]) П. С. З., т. XIX, № 13450; т. XX, № 14444; т. XXI, № 15282. Въ томъ же году сенатъ подалъ докладъ государынѣ о польскихъ военно-плѣнныхъ, находящихся въ Казанской губерніи: они восприняли православіе, но, по ихъ желанію, были отданы въ вѣчное услуженіе разнымъ помѣщикамъ, а затѣмъ просили свободы отъ нихъ; 28 іюля императрица повелѣла, въ сходство указа отъ 10 января 1773 года «всѣмъ таковымъ плѣннымъ, оставшимся въ Россіи, по принятіи православнаго нашего закона съ женами ихъ, хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ-либо женщинахъ или дѣвкахъ женаты были, съ дѣтьми ихъ быть свободными»; см. П. С. З., т. XXI, № 15198.

на соблюденіи котораго настаивали нѣкоторые депутаты большой комиссіи, подверглось лишь ничтожнымъ ограниченіямъ: оно было лишено силы по отношенію къ воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ воспитательнаго дома и изъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ монастырѣ; въ отличіе отъ воспитанницъ воспитательнаго дома, воспитанная въ мѣщанскомъ училищѣ, въ случаѣ выхода замужъ за крѣпостного, по крайней мѣрѣ, при согласіи помѣщика на такую именно женитьбу, могла даже сообщить своему мужу свободное состояніе [1]).

Останкино, господскій домъ. Съ фотографіи.

Итакъ, можно сказать, что императрица Екатерина II нѣсколько сузила способы установленія и сообщенія крѣпостного состоянія; но она не сдѣлала почти никакихъ перемѣнъ въ способахъ его прекращенія; хотя она и склонялась къ тому, чтобы въ „сомнительныхъ случаяхъ рѣшать дѣла въ пользу воли" [2]), однако, воздержалась отъ рѣшительныхъ мѣръ, можетъ-быть, въ виду того, что нововведенія подобнаго рода гораздо больше затронули бы интересы дворянства, и что владѣльцы въ то время злоупотребляли отпускомъ на волю,

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (с. 950); т. XX, № 15070; т. XXI, №№ 15198 и 15282; ср. еще П. С. З., т. VI, № 3697, и т. XIV, № 10233, п. 21.

[2]) Гос. Арх., X, 19, л. 382; здѣсь, въ своихъ замѣткахъ, Екатерина II писала: «во всѣхъ случаяхъ, гдѣ сумнительно, вольной ли или невольной, то надлежитъ рѣшить въ пользу воли, и уже никто не можетъ на волю отпущеннаго крѣпить».

избавляясь такимъ образомъ отъ содержанія своихъ людей и крестьянъ, „приведенныхъ ими по разнымъ случаямъ въ сущее безсиліе", и отъ уплаты за нихъ податей.

Способы прекращенія крѣпостного состоянія по волѣ владѣльцевъ дѣйствительно, остались почти въ прежнемъ видѣ: хотя, напримѣръ, пошлины съ явки отпускныхъ на людей, отпускаемыхъ на волю, были упразднены, но самый отпускъ крестьянъ на волю и размѣры выкупа продолжали зависѣть отъ воли владѣльца [1]).

Способы прекращенія крѣпостной зависимости по закону также остались безъ существенныхъ перемѣнъ [2]): сохранивъ прежніе принципы, регулировавшіе выходъ изъ нея, правительство попыталось лишь нѣсколько лучше воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ. Въ числѣ обычныхъ способовъ подобнаго рода, напримѣръ, поступленіе въ военную службу по рекрутскому набору, весьма тяжелое, впрочемъ, для населенія, продолжало играть довольно видную роль: крестьяне, отданные въ рекруты, должны были вмѣстѣ съ ихъ женами „быть свободными отъ помѣщиковъ"; но инструкція пѣхотнаго полка полковнику, 1764 года, содержитъ еще дальнѣйшій выводъ изъ этого правила, а именно, постановленіе о томъ, что и дѣти, родившіяся за время службы ихъ отцовъ, „яко солдатскія дѣти", должны быть „опредѣляемы въ силу указовъ"; инструкція коннаго полка полковнику, 1766 года, формулируетъ то же правило яснѣе: такія дѣти должны быть „опредѣляемы въ школы въ силу указовъ" [3]). Въ связи съ стремленіемъ расширить способы выхода изъ крѣпостной зависимости можно, пожалуй, отмѣтить одно изъ постановленій, касавшихся предоставленія свободы, въ случаѣ особенныхъ преступленій владѣльца, а именно, указъ 1763 года, о подачѣ рекрутскихъ сказокъ; въ сущности онъ не былъ нововведеніемъ, но безъ прежнихъ ограниченій предоставлялъ свободу прописнымъ людямъ, которые сами явятся въ судебныя мѣста и докажутъ, что они были утаены помѣщикомъ. Въ то же время и способъ прекращенія крѣпостной зависимости, путемъ обращенія крѣпостныхъ людей въ распоряженіе правительства, нѣсколько шире примѣнялся особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство предоставляло, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, крѣпостнымъ, „самовольно отлучившимся

[1]) П. С. З., т. XX, № 14625; манифестъ 1777 года, іюня 28, п. 8.

[2]) В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, стр. 386, 387, 400 и сл.; отмѣтимъ: воспріятіе православія, если владѣлецъ не христіанскаго закона; возвращеніе изъ плѣна; нарушеніе помѣщикомъ указовъ, повелѣвавшихъ ему содержать своихъ крѣпостныхъ во время голода; поступленіе крѣпостного въ военную службу по рекрутскому набору и ссылку его въ Сибирь на поселеніе по требованію помѣщика съ зачетомъ въ рекруты; по закону въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ крѣпостные освобождались вмѣстѣ съ женами; см. еще ниже текстъ, стр. 176—177.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6; ср. P. de Passenans, La Russie et l'esclavage, Par. (1822), t. I, p. 102.

Группа крестьянъ XVIII в.

(Картина Эриксена).

изъ отечества“, и бѣглымъ изъ-за помѣщиковъ, свободу селиться на окраинахъ, съ зачетомъ ихъ въ рекруты и т. п., или когда оно прибѣгало къ превращенію крѣпостныхъ въ мѣщанъ, путемъ покупки нѣкоторыхъ селеній у владѣльцевъ [1]).

Итакъ, можно прійти къ заключенію, что императрица Екатерина II остановилась касательно крѣпостныхъ на довольно скромныхъ начинаніяхъ: вмѣсто того, чтобы постепенно освобождать помѣщичьихъ крестьянъ или ограничить крѣпостное право, она, главнымъ образомъ, нѣсколько стѣснила способы закрѣпощенія, почти не расширивъ способы прекращенія крѣпостной зависимости; между тѣмъ послѣднее, съ точки зрѣнія, не чуждой императрицѣ въ началѣ ея царствованія, казалось, всего болѣе заслуживало ея вниманіе: сама она, еще до вступленія своего на престолъ, мечтала о томъ, что можно было бы уничтожить крѣпостное право, объявляя при продажѣ имѣнія новому владѣльцу крестьянъ (записанныхъ за прежнимъ его владѣльцемъ) свободными; а отъ позднѣйшаго времени сохранилось извѣстіе о проектѣ закона, въ силу котораго всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 года, должны были получить свободу [2]). Въ дѣйствительности, однако, императрица Екатерина II предпочла скорѣе ограничить источники крѣпостной зависимости, чѣмъ расширить способы ея прекращенія.

Вообще принятыя ею мѣры имѣли довольно мало значенія; оно умалялось еще тѣмъ, что эти мѣры очень плохо прививались [3]).

Такимъ образомъ, императрица Екатерина II сузила сферу примѣненія крѣпостного права, но оставила разнородную сущность крѣпостного строя безъ коренныхъ измѣненій; вопреки ожиданіямъ самихъ крестьянъ, она даже усилила крѣпостное право и способствовала дальнѣйшему его распространенію.

Въ самомъ дѣлѣ, императрица Екатерина II не была въ состояніи привести въ согласованную систему тѣ противорѣчивые элементы, которые входили въ составъ крѣпостной зависимости, благодаря скорѣе фактическому, чѣмъ юридическому ея развитію: въ то время владѣльческій крестьянинъ отчасти продолжалъ оставаться субъектомъ правъ, но оказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и объектомъ правъ.

Сама составительница Наказа, конечно, цѣнила „всеобщихъ питателей“ — „земледѣльцевъ“ и сознавала вредныя для государства послѣдствія ихъ „порабощенія“; съ такой точки зрѣнія государыня не желала лишить владѣльческаго крестьянина всѣхъ его правъ: согласно прежнимъ, но и теперь не отмѣненнымъ узаконеніямъ, онъ продолжалъ признаваться въ законѣ отчасти

---

[1]) П. С. З., т. XVI, №№ 11755, п. 3; 11815; т. XX, № 14870; ср. № 14937; т. XXII, № 16281, п. 3. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 10; ср. еще ib., т. XLII, с. 440—441 и выше, с. 170. См. еще K. Blum, Ein russischer Staatsmann, B. II, SS. 359, 360, 365.

[2]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 84; ср. ниже сс. 188—189.

[3]) P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 83—84; t. II, p. 61 и др.

субъектомъ правъ. Въ извѣстной мѣрѣ охраняя его жизнь, законъ признавалъ за нимъ, напримѣръ, право на вознагражденіе за безчестье и увѣчье, одинаковое съ тѣмъ, какое было назначено для казеннаго крестьянина, право самого за себя искать и отвѣчать на судѣ, право быть свидѣтелемъ на судѣ, впрочемъ, ограниченное воинскимъ уставомъ; въ области имущественныхъ правъ законъ, въ отмѣну прежняго указа, допустилъ его къ винному откупу, въ случаѣ, если „надежный" помѣщикъ поручится за него въ исправномъ платежѣ денегъ [1]). Крѣпостной осуществлялъ, однако, свои права часто лишь въ зависимости отъ благоусмотрѣнія помѣщика; имѣя „собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ", „подданный" помѣщика могъ, конечно, съ его же дозволенія обладать, пользоваться и распоряжаться имуществомъ, вступая въ сдѣлки, въ сущности далеко не всегда обезпеченныя закономъ; онъ могъ даже купить на имя своего господина крѣпостныхъ, фактически обладая ими и даже населеннымъ имѣніемъ, или записаться, съ его разрѣшенія, въ купечество и т. п.; но и въ только что перечисленныхъ, и въ остальныхъ проявленіяхъ своей дѣятельности владѣльческій крестьянинъ всегда могъ почувствовать гнетъ помѣщичьей власти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пользовался организаціей крестьянскаго міра, или тѣми, впрочемъ, весьма скудными и рѣдкими улучшеніями; какія помѣщикъ вздумалъ бы ввести въ „благочиніе" и „благоустройство" своего имѣнія [2]).

Крестьянка XVIII в. (Аткинсонъ).

Вообще очень мало выяснивши права крѣпостныхъ, императрица Екатерина II, разумѣется, обратила больше вниманія на ихъ государствен-

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 153. П. С. З., т. XIX, № 14123; ср. ib., т. XXII, № 16188, ст. 24, п. 23, № 16535. В. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I, изд. 2, сс. 381 и сл.

[2]) П. С. З., т. XX, № 14632; впрочемъ, сборъ съ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ еще указомъ отъ 15 декабря 1763 года былъ значительно повышенъ (за паспортъ на годъ и меньше съ 2 коп. на 10, а за 2—3 года—по 50 коп. и 1 руб.), что должно было стѣснять передвиженія населенія; см. П. С. З., т. XVI, № 11988, п. 10. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 260—301, 340 и сл.

ныя обязанности, состоявшія, главнымъ образомъ, въ уплатѣ подушной подати и отбываніи рекрутской повинности; но, отправляя ихъ въ качествѣ членовъ государства, крестьяне все же продолжали чувствовать свою зависимость отъ владѣльцевъ, обязанныхъ, подъ страхомъ нѣкоторой отвѣтственности, наблюдать за тѣмъ, чтобы они аккуратно вносили подати и „точно исправляли" другія повинности [1]).

Такимъ образомъ, императрица Екатерина II могла, конечно, ссылаться на то, что владѣльческіе крестьяне остаются по закону надѣленными нѣкоторыми правами и отправляютъ податныя обязанности, и что они подлежатъ общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ, въ смертныхъ убійствахъ, разбояхъ, воровствахъ и побѣгахъ [2]); тѣмъ не менѣе, она не избѣгла того, что право владѣть крѣпостными во многихъ отношеніяхъ превращало государственныхъ подданныхъ въ помѣщичьихъ „подданныхъ" и стало близко подходить къ праву частной собственности.

Г. Н. Тепловъ (портр. Левицкаго)

Въ самомъ дѣлѣ, съ той сословно-политической точки зрѣнія, которой императрица Екатерина II придерживалась, она не могла ослабить привилегіи дворянства, а значитъ, и его „посредствующую власть" между „верховною властью и народомъ": сама государыня напоминала дворянству, что его „благодарность, отличность и знатность передъ народомъ истекаетъ отъ единой существенной надобности непремѣннаго содержанія

[1]) П. С. З., XVII, № 12522; т. XVIII, № 13300, п. 6; при неуплатѣ недоимокъ въ теченіе года указъ 1769 года требуетъ, чтобы имѣніе помѣщика бралось во временный секвестръ; а въ случаѣ если недоимки не покроются изъ его доходовъ и если онъ служитъ, даже вычитать половину его жалованья; исключеніе было сдѣлано лишь для состоящихъ въ службѣ въ воинскихъ чинахъ ниже «штаба» и для находящихся «нынѣ» (1769) при арміяхъ въ походахъ; ср. еще п. 8.

[2]) П. С. З., т. XVIII, № 13373; т. XIX, №№ 13758 и 13951. Можно думать, однако, что законъ относительно кражи примѣнялся лишь въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій не былъ крѣпостнымъ того же помѣщика; ср. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, с. 190; ср. ниже, с. 180.

онаго въ порядкѣ" [1]); но, продолжая подчинять крестьянъ помѣщикамъ, она все болѣе превращала ихъ изъ гражданъ въ помѣщичьихъ „подданныхъ": помѣщикъ былъ „законодателемъ, судьею, исполнителемъ своего рѣшенія и, по желанію своему, истцомъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не могъ", а подвластный ему крестьянинъ чаще всего оказывался „въ законѣ мертвымъ, развѣ по дѣламъ уголовнымъ"; впрочемъ, и по такимъ дѣламъ онъ легко ускользалъ изъ-подъ власти правительства [2]).

Преимущественно съ той же сословно-политической точки зрѣнія императрица Екатерина II готова была даже усилить мѣры, обезпечивающія „безпрекословное повиновеніе" крестьянъ своимъ помѣщикамъ: она расширила карательную власть господина надъ его крѣпостными. Указомъ отъ 17 января 1765 года государыня дозволила ему за „продерзости", т.-е., значитъ, помимо колонизаціонныхъ цѣлей, отсылать своихъ „людей" на каторжныя работы, „на толикое время, на сколько онъ захочетъ", и брать ихъ обратно, когда пожелаетъ, при чемъ судъ „не могъ даже спросить его о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло" [3]); она также подтвердила право помѣщика ссылать своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты и въ любое время отдавать ихъ въ рекруты [4]); въ учрежденіи о губерніяхъ она еще предоставила помѣщику право требовать заключенія, на своемъ содержаніи, крѣпостного въ смирительный домъ, но прописавъ причину, по которой онъ ссылается туда [5]). По поводу дѣла вдовы генералъ-майора Эттингера сама императрица, правда, указала на то, что „власть судейская должна быть охраняема отъ особенныхъ вступленій въ оной" помѣщиковъ по дѣламъ, которыя (подобно, напримѣръ, воровству и побѣгамъ) не подлежатъ домашнему слѣдствію и наказанію, при чемъ выразила пожеланіе, чтобы ко-

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, сс. 423, 426; въ рескриптѣ А. И. Бибикову императрица употребила тѣ же выраженія, но вмѣсто словъ: «непремѣннаго содержанія» написала: «непремѣннаго содержанія и обузданія»; см. ib., с. 369.

[2]) P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 89, 92. Авторъ «размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и проч.» пишетъ, между прочимъ, что владѣльцы «обязаны платить выти за разбой, грабежи, кражи и наглости и за владѣніе земель, учиненное ихъ крестьянами»; впрочемъ, въ дѣйствительности такой платежъ, вѣроятно, перелагался на тѣхъ же крестьянъ: см. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., 1861 г., кн. III, с. 133.

[3]) П. С. З., т. XVII, № 12311; ср. ib., № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, п. 24. Указъ 23 февраля 1773 года постановилъ «написаніе въ солдаты» помѣщичьихъ крестьянъ, виновныхъ въ кражѣ ниже 20 руб., предоставлять на волю ихъ помѣщиковъ, «хотятъ ли съ зачетомъ себѣ отдавать въ рекруты или нѣтъ»; см. П. С. З., т. XIX, № 13951.

[4]) П. С. З., т. XVII, № 12556 (впрочемъ, правительство предоставило себѣ право изъ ссылаемыхъ опредѣлять годныхъ въ драгунскую службу); № 12557; о временной пріостановкѣ дѣйствія этихъ указовъ см. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 186 и сл.; указъ 1787 г. требовалъ, чтобы помѣщики при ссылкѣ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ все же соблюдали указъ 1760 г., декабря 13; см. ib., т. XXII, № 16602; ср. еще т. XVII, № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, гл. I, п. 13.

[5]) П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 391.

миссія, составлявшая проектъ новаго уложенія, „сдѣлала положеніе, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ"; но, несмотря на заявленіе юстицъ-коллегіи, уже указавшей на то, что нѣтъ точнаго закона „относительно тѣхъ случаевъ, когда крѣпостные вскорѣ помрутъ" послѣ жестокихъ наказаній и побоевъ, императрица не настояла на осуществленіи своего намѣренія и, вмѣсто изданія закона, ограничилась тѣмъ, что поручила намѣстникамъ „обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, указомъ отъ 22 августа 1767 года, утвердивъ докладъ сената, государыня уже запретила крѣпостнымъ, подъ страхомъ суроваго наказанія, подавать „недозволенныя на помѣщиковъ, своихъ челобитныя, а паппаче въ собственныя ея руки", хотя сама знала, конечно, случаи пристрастныхъ допросовъ и тяжкихъ наказаній, какимъ они иногда подвергались [2]).

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ).

Вышеприведенными указами императрица Екатерина II не столько прямо ограничивала права или увеличивала обязанности владѣльческихъ крестьянъ, сколько предоставляла относительно больщій просторъ помѣщичьей власти; благодаря ея развитію, крѣпостное право, издавна связанное съ рабовладѣніемъ, стало все болѣе приравниваться къ праву частной собственности.

Такое пониманіе крѣпостного права оставалось, правда, безъ точной формулировки въ законѣ, и сама императрица, кажется, нигдѣ не высказала его; но въ ея время оно, видимо, уже пользовалось нѣкоторымъ признаніемъ, а затѣмъ проникло и въ законодательство. Сторонніе наблюдатели русскаго общественнаго строя, напримѣръ, не разъ утверждали, что крѣпостные или „рабы" составляютъ частную „собственность ихъ господъ, отъ которыхъ они вполнѣ зависятъ", и указывали только на нѣкоторую неопредѣленность понятія объ объектѣ такого права: „на крѣпостныхъ, по ихъ словамъ, смотрятъ иногда какъ на недвижимую собственность, а иногда и какъ на собственность дви-

[1]) П. С. З., т. XIX, №№ 13516 и 13758.
[2]) П. С. З., т. XVIII, № 12966; ср. В. Семевскій, Op. cit., т. I, сс. 370—379.

жимую"; съ послѣдней точки зрѣнія они принадлежатъ своимъ владѣльцамъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и хозяйственный инвентарь или стада домашнихъ животныхъ признаются ихъ собственностью [1]). Такое же пониманіе крѣпостного права отразилось и въ одномъ изъ позднѣйшихъ указовъ: устанавливая правила взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ лично съ должниковъ и „изъ ихъ имѣнія", сенатъ въ указѣ 7 октября 1792 года, между прочимъ, заявилъ, что „крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія" и что на нихъ „по продажамъ отъ одного къ другому и купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ... такъ, какъ и на прочее недвижимое имѣніе" [2]).

Слѣдовательно, можно сказать, что законъ давалъ основаніе приравнивать крѣпостныхъ чуть ли не къ хозяйственному инвентарю, составлявшему принадлежность имѣнія. Съ подобной точки зрѣнія естественно, напримѣръ, что и до появленія вышеуказанной формулы законъ уже утверждалъ за помѣщикомъ цѣлый рядъ правъ, проистекавшихъ изъ такого пониманія крѣпостной зависимости. Законъ признавалъ, напримѣръ, за помѣщикомъ право распоряжаться своими крестьянами, и императрица Екатерина II почти ничего не сдѣлала для того, чтобы ослабить его; напротивъ, сама она дарила деньги своимъ приближеннымъ для того, чтобы они могли „приторговать" себѣ крестьянскія души [3]). Въ ея царствованіе можно было покупать или продавать крѣпостныхъ съ землею и безъ земли, цѣлыми семьями или порознь, на мѣстѣ или на площади, что̀ уже сами современники называли „сущимъ невольничествомъ". Въ своей жалованной грамотѣ дворянству, вообще расширившей его имущественныя права, государыня предоставила ему право „покупать деревни" [4]); даже относительно права продавать крѣпостныхъ, которое многіе изъ дворянскихъ депутатовъ готовы были нѣсколько ограничить, запретивъ продажу ихъ порознь съ разлученіемъ семей, она не рѣшилась обнародовать общій законъ: собственноручно писаннымъ указомъ она только повелѣла „конфискаціи и всѣмъ аукціонистамъ" „однихъ людей безъ земли съ молотка не продавать", что̀ истолковано было сенатомъ въ томъ смыслѣ, чтобы „людей безъ земли (т.-е. безземельныхъ) не продавать съ молотка", а не чтобы „вовсе ихъ не продавать" [5]); она также запретила продавать

---

[1]) Chappe d'Auteroche, Voyage en Sibérie, t. I, Par., 1768, pp. 125—126. M. Tooke, Histoire de l'empire de Russie, éd. 1801, t. III, pp. 257. W. Coxe, Travels etc., v. II, pp. 96, 111. W. Richardson, Anecdotes, of the Russian Empire, Ld., 1784, p. 193. A. Burja, Observations etc., 1785, p. 18. P. de Passenans, Op. cit., t. I, p. 79 и др.

[2]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; впрочемъ, указъ 7 октября состоялся по поводу продажи «описныхъ безъ земли», т.-е. безземельныхъ крестьянъ за долги ихъ владѣльцевъ.

[3]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, с. 298.

[4]) П. С. З., т. XXII, № 16187, Жал. грам. дворянству, ст. 26.

[5]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, с. 143; записка императрицы С. Козьмину, напечатанная въ т. XLII, с. 345, вѣроятно, относится къ тому же дѣлу. П. С. З., т. XIX, № 13634 (этотъ указъ, между прочимъ, былъ посланъ канцеляріи и конторѣ конфискаціи, но въ

людей въ рекруты; но такое запрещеніе сводилось лишь къ тому, что купчія на крестьянъ нельзя было совершать со времени публикованія указа о наборѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ [1]). Въ остальныя права, предоставленныя крѣпостникамъ, даже въ очень тягостныя для крестьянъ права владѣльцевъ вліять на вступленіе ихъ въ бракъ, перечислять ихъ въ дворовые и безконтрольно эксплуатировать ихъ трудъ императрица Екатерина II не внесла и такихъ ограниченій: она почти не стѣснила господскихъ правъ и оставила обязанности крѣпостныхъ относительно ихъ „государей" чуть ли не въ полной зависимости отъ обычая или отъ ихъ усмотрѣнія.

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

При столь широкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мало опредѣленныхъ правахъ помѣщикъ, за исключеніемъ развѣ права казнить крѣпостного смертью, могъ располагать его личностью и имуществомъ, „обладая имъ, какъ скотомъ", и не давая ему „власти надъ тѣмъ, что онъ наживетъ", если только крестьянину не удавалось бѣжать или запрятать то, что онъ скопилъ, подальше отъ господскихъ глазъ; сама императрица характеризовала такой „порядокъ" слѣдующими словами: „землевладѣлецъ, кромѣ смертной казни, дѣлаетъ въ своемъ имѣніи все, что ему заблагоразсудится" [2]).

Власть помѣщика надъ его крестьянами разрасталась, значитъ, и благодаря тому, что онъ не былъ стѣсненъ въ отношеніи къ нимъ почти никакими обязанностями; хотя сама

указѣ императрицы главной дворцовой канцеляріи рѣчь идетъ только о конторѣ); т. XXIII, № 17076. Толкованіе сената возникло по поводу разрѣшенія имъ продажи и «описныхъ безъ земли», т.-е. безземельныхъ крестьянъ нѣсколькихъ владѣльцевъ за долги послѣднихъ, при чемъ сенатъ предписалъ продавать ихъ людей, принимая отъ допущенныхъ «къ торгу» цѣны ихъ «на письмѣ», значитъ, безъ употребленія молотка; послѣдующій указъ императора Павла I отъ 16 февраля 1797 года, можетъ-быть, и намекаетъ на такую форму торга по запискамъ, настаивая на правилѣ—дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка «или съ подобнаго на сію продажу торга»; см. П. С. З., т. XXIV, № 17809; ср. т. XX, № 18353.

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, гл. I, п. 1; т. XVIII, № 13103; ср. ib., № 13287.

[2]) W. Coxe, Travels etc., v. II, p. 155. «Рус. Арх.», 1880 г., № 3, стр. 6—7.

императрица Екатерина II, по случаю „заразы Пугачевскаго злодѣйства", напоминала дворянству о нихъ, однако, не много сдѣлала для того, чтобы точнѣе установить ихъ: съ 1762 года она не разъ подтверждала старинное правило, въ силу котораго помѣщикъ долженъ былъ кормить и содержать своихъ крестьянъ во время голода, и пыталась удержать его отъ разоренія и мучительства своихъ подданныхъ подъ страхомъ попасть въ опеку, быть „обузданнымъ" намѣстникомъ или подвергнуться другому наказанію; но мѣры подобнаго рода слишкомъ мало достигали цѣли и рѣдко осуществлялись въ дѣйствительности [1]).

Такимъ образомъ, ограничивъ объемъ понятія о крѣпостномъ правѣ, императрица Екатерина II, въ сущности, усилила его содержаніе: исходя изъ разсужденій о „свободѣ—душѣ всѣхъ вещей", она пришла къ тому, что въ своемъ законодательствѣ чуть ли не приравнивала крестьянскую душу къ „бездушнымъ вещамъ"; не обезпечивъ правъ крѣпостного, императрица не могла оградить его и отъ злоупотребленій со стороны помѣщика, доводившихъ его иногда до полной утраты его „гражданскаго званія", а иногда и до отчаянія.

Составительница Наказа впала еще въ одно противорѣчіе: она высказала правило „избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю", но сама же отказалась отъ его соблюденія; не пріостановивъ процесса усиленія крѣпостного права въ Великороссіи, она способствовала дальнѣйшему его распространенію частью на такія группы населенія, положеніе которыхъ по закону отличалось отъ положенія крѣпостныхъ, частью и на новыя области государственной территоріи, гдѣ оно до того времени еще не успѣло утвердиться.

Законъ проводилъ, напримѣръ, довольно строгое различіе между крѣпостными и людьми, прикрѣпленными къ тѣмъ частно-владѣльческимъ фабрикамъ, которыми владѣли на „посессіонномъ" правѣ; хотя такіе люди, главнымъ образомъ, крестьяне, получившіе названіе „посессіонныхъ", пользовались нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ крѣпостными, и въ составъ ихъ, послѣ указа отъ 29 марта 1762 года, должны были входить „вольные наемные за договорную плату люди", а не купленные, въ дѣйствительности съ ними часто обращались, какъ съ крѣпостными [2]).

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 153—154; т. XXVII, с. 122. П. С. З., т. XIX, № 13767; т. XX, № 14392, Учрежд. о губ., гл. IV, ст. 84; т. XXI, № 15603 и др.; «Осьмнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартенева, т. I, с. 175; P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 81, 93; ср. В. Семевскій, Крестьяне и пр., т. I, сс. 216—229, 379—381.

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11638; одинъ указъ 1763 г. запретилъ владѣльцамъ посессій «препятствовать женскому населенію ихъ фабрикъ выходить замужъ, за кого они хотятъ, хотя бы за лицъ совершенно постороннихъ»; см. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 479, 480—482 и др.

Крѣпостной строй не могъ не коснуться и той части крестьянъ, которые по закону были свободны отъ крѣпостной зависимости, а именно крестьянъ государственныхъ, число которыхъ значительно увеличилось по секуляризаціи имѣній духовенства и по присоединеніи къ нимъ однодворцевъ (1764 г.), а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ разрядовъ населенія. Государственные крестьяне, правда, оставались относительно свободными; въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ императрица выразила даже намѣреніе „освободить всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ, кой часъ положеніе будетъ сдѣлано, какъ имъ быть“; но полнаго ихъ „освобожденія“ не послѣдовало; напротивъ, и они принуждены были испытывать на себѣ нѣкоторое вліяніе крѣпостныхъ порядковъ. Помимо того, что казна, главнымъ образомъ, въ виду фискальныхъ цѣлей, стала стѣснять ихъ права распоряженія на землю и что казенные чиновники, завѣдывавшіе ими, переносили крѣпостническія привычки и на людей, которыми они не владѣли на крѣпостномъ правѣ [1]), начала его получали къ нѣкоторымъ изъ нихъ особаго рода примѣненіе: государственные крестьяне отчасти служили контингентомъ для образованія класса „приписныхъ“ къ заводамъ и для пожалованія. Приписные изъ казеннаго вѣдомства, въ особенности къ горнымъ заводамъ, перешедшимъ вмѣстѣ съ ними въ частное владѣніе, попадали въ тяжелую фактическую зависимость отъ владѣльцевъ [2]), а пожалованные становились,

П. П. Шуваловъ (портретъ де Велли).

---

[1]) W. Coxe, Travels etc., Ld., 1784, v. II, p. 111; здѣсь авторъ называетъ ихъ „petty tyrants“. Сама Екатерина II работала надъ проектомъ объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей, въ силу котораго, между прочимъ, никто изъ поселянъ не могъ быть наказываемъ иначе, какъ по приговору суда, составленнаго изъ избираемыхъ самими поселянами лицъ; но проектъ не былъ приведенъ къ осуществленію; см. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XX, с. 467.

[2]) В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. II, сс. 361—399.

конечно, крѣпостными тѣхъ, кому они были пожалованы [1]). Впрочемъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, вскорѣ послѣ волненій крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ, приписка государственныхъ крестьянъ къ частнымъ заводамъ прекратилась, и многіе частные горные заводы были возвращены въ казну; извѣстный манифестъ отъ 21 мая 1779 года и нѣкоторые другіе указы также содѣйствовали улучшенію быта крестьянъ, приписанныхъ изъ вѣдомства казеннаго къ казеннымъ и частнымъ заводамъ [2]); но число пожалованій возрастало и, несмотря на предположеніе императрицы оставлять „мужиковъ" жалуемыхъ деревень „вольными", они продолжали попадать, такимъ образомъ, въ частную зависимость отъ владѣльцевъ [3]).

Сфера вліянія крѣпостного права не ограничивалась, однако, тѣмъ, что оно затронуло государственныхъ крестьянъ: благодаря нѣкоторымъ указамъ императрицы Екатерины II, оно утвердилось и въ новыхъ областяхъ. Въ 1775 году, напримѣръ, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ подалъ сенату рапортъ о томъ, что во ввѣренныхъ ему бѣлорусскихъ губерніяхъ „между тѣми, кои имѣютъ право пользоваться недвижимыми имѣніями, бываютъ продажи и разныя крѣпостныя сдѣлки, посредствомъ которыхъ люди и крестьяне выводятся въ другія смежныя и отдаленныя губерніи"; въ виду того, что „бѣлорусское шляхетство издавна не имѣло обыкновенія продавать крестьянъ безъ земли" (за исключеніемъ развѣ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Россіи), такія сдѣлки вызвали подозрѣніе генералъ-губернатора, не продаютъ ли владѣльцы, подъ видомъ собственныхъ крестьянъ, бѣглыхъ изъ Россіи; сообщая о своемъ подозрѣніи въ сенатъ и указывая на то, что сдѣлки подобнаго рода могли повести и къ другимъ злоупотребленіямъ и затрудненіямъ, генералъ-губернаторъ предлагалъ, до окончанія предписаннаго правительствомъ разбора бѣжавшихъ и до будущаго о нихъ постановленія, запретить продажу крестьянъ безъ земли „для вывода въ Россію", дозволивъ ее „только внутри оныхъ губерній". По разсмотрѣніи доклада бѣлорусскаго генералъ-губернатора сенатъ пришелъ, однако, къ иному заключенію: на томъ основаніи, что, „по публикованному въ Бѣлоруссіи плакату, жители тѣхъ губерній и владѣльцы, какого бы роду и званія они ни были, приняты въ подданство ея императорскаго величества, и имъ дано право пользоваться тѣми же привилегіями, какими и все россійское дворянство пользуется", онъ не счелъ возможнымъ отнимать у нихъ

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, сс. 108—110; т. XLII, сс. 472, 477—478, 478—482 и др.; см. В. Семевскій, «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II», Спб., 1906 г.; судя по вычисленіямъ автора, императрица Екатерина II раздала «приблизительно 425.000 д. м. п. или около 850.000 д. обоего пола»; четвертая часть ихъ досталась «случайнымъ людямъ»; см. сс. 18 и 46.

[2]) П. С. З., т. XX, № 14878 и др.

[3]) Гос. Арх., X, 19, л. 383. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 32—33; т. XXVII, с. 174. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, сс. 354—356 и др. В. Семевскій, Пожалованія и проч., сс. 56 и сл.

свободу въ продажѣ людей безъ земли. Такимъ образомъ, право продавать людей безъ земли было распространено и на владѣльцевъ бѣлорусскихъ губерній, что соотвѣтственно усилило, конечно, крѣпостную зависимость отъ нихъ бѣлорусскихъ крестьянъ [1]). Вскорѣ правительство утвердило ее и въ малорусскихъ губерніяхъ. Малороссійскіе державцы давно уже стремились обратить крестьянъ въ „вѣчныхъ своихъ подданныхъ" и успѣли выхлопотать себѣ извѣстный универсалъ отъ 20 апрѣля 1760 года, который они называли „ордеромъ о непереходѣ подданныхъ съ подъ владѣльца въ другое владѣніе". Русское правительство, привыкшее къ крѣпостнымъ порядкамъ, не замедлило уравнять въ данномъ отношеніи малороссійскія губерніи съ великороссійскими: сама императрица Екатерина II считала сохраненіе автономіи Мало-

Крестьяне и крестьянки на плотомойнѣ (Груберъ и Гейслеръ).

россіи „глупостью" и не сочувствовала крестьянскимъ переходамъ, а при производствѣ переписи Румянцева „простой малороссійскій народъ", по словамъ одного современника, уже пришелъ къ заключенію, „что ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записаннымъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ". Впрочемъ, извѣстнымъ указомъ отъ 3 мая 1783 года императрица Екатерина II, кажется, скорѣе имѣла въ виду введеніе подушной подати въ Малороссію, чѣмъ установленіе здѣсь крѣпостного права во всей его полнотѣ; но ея повелѣніе каждому поселянину въ намѣстничествахъ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ „остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи" естественно

[1]) П. С. З., т. XX, № 14376.

приводило къ водворенію крѣпостныхъ порядковъ; само правительство признало малорусскихъ крестьянъ также крѣпкими тѣмъ владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ они были поселены и за кѣмъ они, въ четвертую ревизію, были записаны; но продажа крестьянъ безъ земли не получила здѣсь окончательнаго признанія; она была запрещена уже послѣ смерти императрицы, указомъ ея преемника [1]). Процессъ распространенія крѣпостного права захватилъ, наконецъ, и южно-русскія области: въ томъ же указѣ 1783 года сельское населеніе Слободской украйны, уже вскорѣ по учрежденіи коммиссіи для преобразованія слободскихъ полковъ въ особливую губернію въ 1765 году, потерявшее право перехода, было приравнено къ малороссійскимъ владѣльческимъ крестьянамъ, а вскорѣ по смерти императрицы вышелъ указъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и указъ 3 мая 1783 года, запретившій „своевольные переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто" и на южной окраинѣ; для того, чтобы „утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца" и поставить преграду къ побѣгу крестьянъ „изъ самыхъ внутреннихъ губерній", указъ 12 декабря 1796 года распространилъ крѣпостные порядки на губерніи: Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и на область Таврическую, а также на Донъ и на островъ Тамань [2]).

При томъ усиленіи и распространеніи крѣпостного права, какое оно постепенно получило въ царствованіе императрицы Екатерины II, трудно было ожидать отъ правительства удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго ею крестьянскаго вопроса: вмѣсто того, чтобы приступить къ реформѣ, оно принялось за усмиреніе пугачевскаго бунта и стало все болѣе придерживаться реакціонной политики и относительно крестьянскаго вопроса. Впрочемъ, сама императрица даже въ позднѣйшее время еще не вполнѣ утратила интересъ къ его обсужденію. Въ 1781 году, напримѣръ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ прислалъ при своихъ донешахъ манифесты Іосифа II о личномъ освобожденіи крестьянъ и о дозволеніи имъ выкупать свои земли; теперь этихъ манифестовъ нѣтъ при депешахъ; вмѣсто нихъ вложена бумажка съ надписью: „сіи приложеніи не были возвращены изъ дворца". Вслѣдъ за тѣмъ, судя по позднѣйшему извѣстію, былъ составленъ вышеупомянутый проектъ освобожденія всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ, которыя родятся послѣ 1785 года. Авторъ одного разсужденія, написаннаго, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ обнародованія учрежденія о губерніяхъ, указывалъ и на „высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе", состоящее въ томъ, чтобы „найти

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, сс. 348 и 381; ср., однако, сс. 389—390; т. XXVII, с. 255. П. С. З., т. XXI, № 15724, ст. I, п. 8; Св. Зак., изд. 1832 г. Зак. о сост., ст. 552; ср. выше сс. 115 и сл.

[2]) П. С. З., т. XVII, № 12430; т. XIX, № 13573; т. XXI, № 15724, ст. II, п. 8; т. XXIV, № 17638; законъ 1796 года имѣлъ въ виду поселянъ, записанныхъ тамъ по пятой ревизіи; см. Св. Зак., изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 556.

средства къ уравненію владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ черезъ то отъ другихъ непослушаній" [1]). Итакъ, можно думать, что императрица Екатерина II все еще не совсѣмъ охладѣла къ вопросу о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ и объ ослабленіи „домашней тираніи"; но она уже не питала твердой увѣренности въ возможности его разрѣшенія. Въ 1777 году, напримѣръ, въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ она, между прочимъ, замѣтила, что крестьянскій вопросъ—дѣло очень трудное: „гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается", а по поводу увѣщаній Радищева къ помѣщикамъ—добровольно освободить крестьянъ—не удержалась отъ восклицанія: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не

Купанье лошадей (Аткинсонъ).

послушаетъ!" Впрочемъ, потерявъ вѣру въ возможность успѣшно разрѣшить крестьянскій вопросъ путемъ законодательства или частной инициативы, составительница Наказа утѣшала себя мыслью, что „лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной" [2]). Съ такой точки зрѣнія обсужденіе ихъ „судьбы" со стороны частныхъ лицъ становилось излишнимъ; по словамъ одного изъ иностранцевъ, писавшаго въ 1790 годахъ, „теперь нельзя было касаться вопроса о несправедливости крѣпостного строя, не подвергаясь (согласно предуказаніямъ самой императрицы) опасности быть высланнымъ за границу"; а печальная участь Радищева, въ

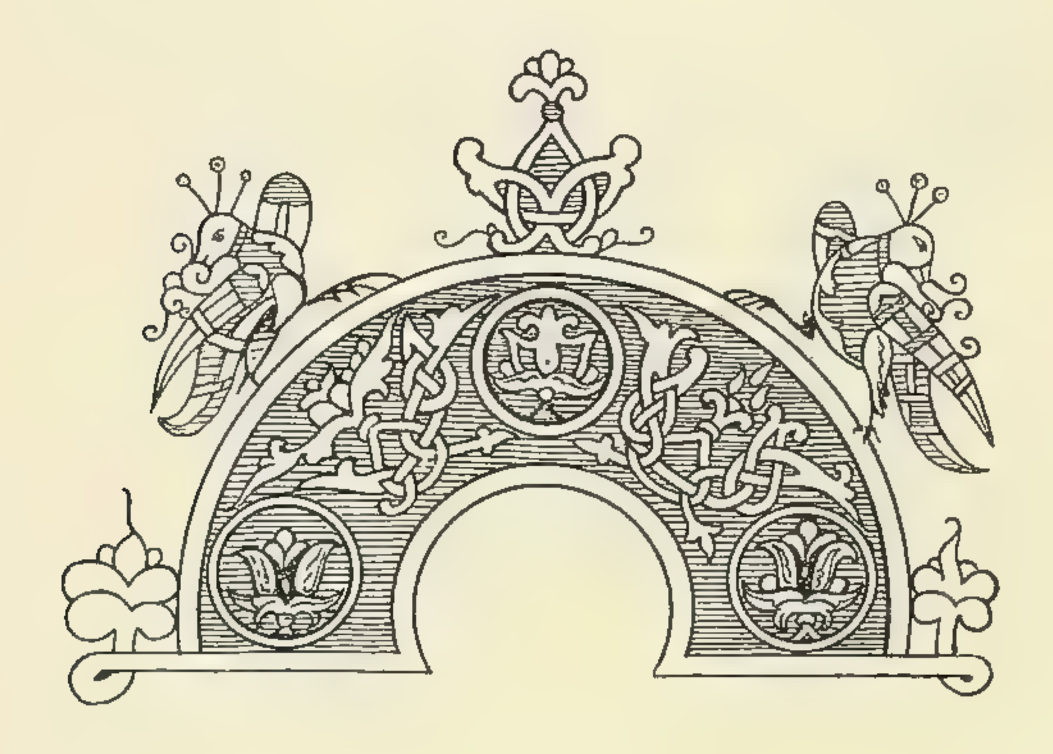
[1]) «Рус. Арх.», 1865 г., с. 248. А. Трачевскій, Союзъ князей и проч. Спб., 1877 г., с. 17.

[2]) «Рус. Стар.», 1876 г., т. XVII, с. 14 (Бесѣды императрицы Екатерины II съ Далемъ). Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., 1865 г., кн. III, Смѣсь, сс. 71 и 75.

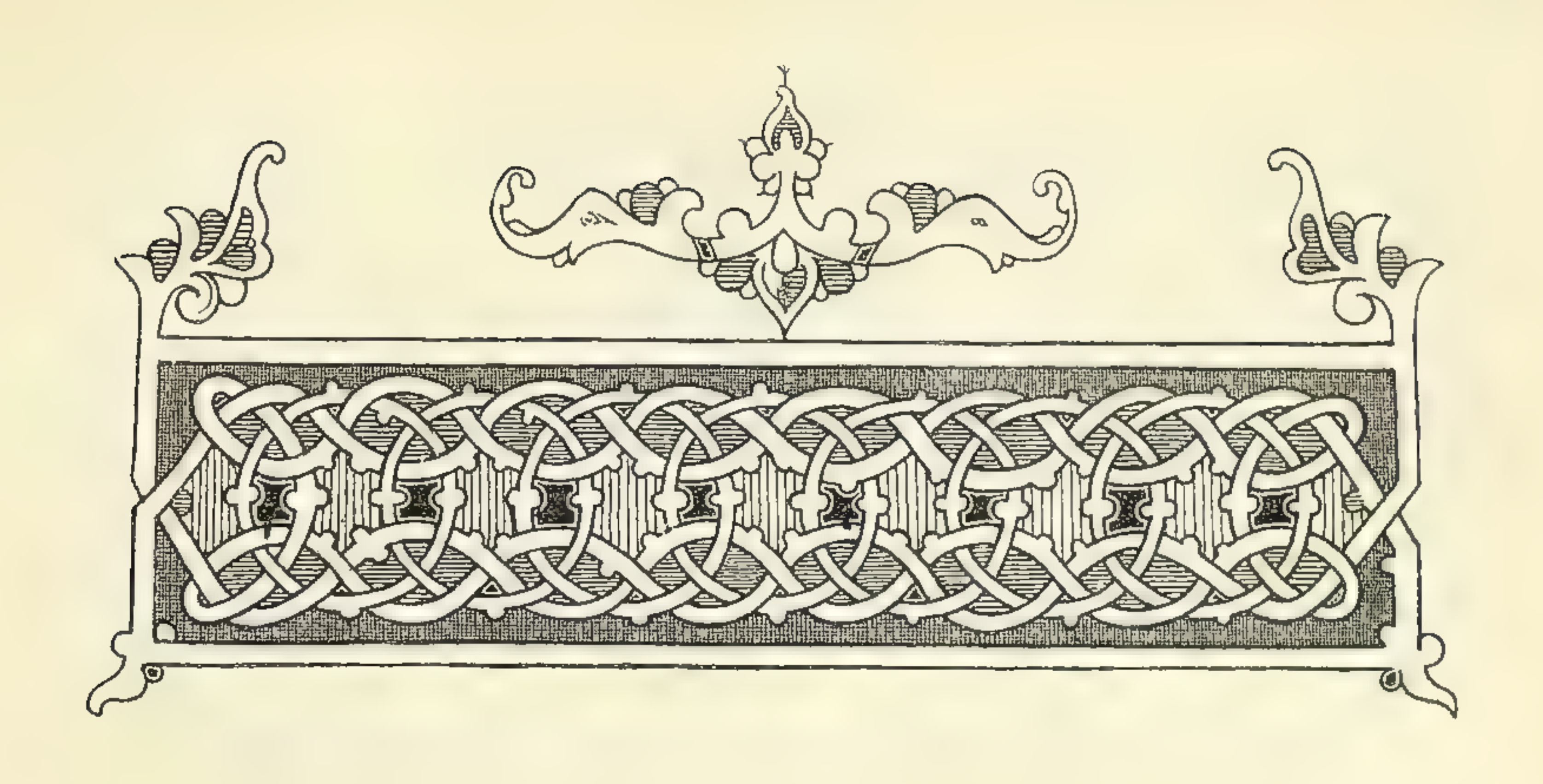
сочиненіи котораго она ничего не усмотрѣла, „кромѣ раскола и разврата", показала, что нельзя было и русскому гражданину свободно обсуждать его внутри имперіи, не рискуя подвергнуться самому суровому наказанію [1]).

Такимъ образомъ, хотя сама императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія пыталась поставить крестьянскій вопросъ и значительно содѣйствовала пробужденію общественнаго интереса къ его обсужденію, но она все же немного сдѣлала для того, чтобы подготовить его рѣшеніе: государыня лишь нѣсколько ограничила способы возникновенія крѣпостного состоянія, но слишкомъ мало позаботилась о способахъ его прекращенія; она много разсуждала о вредныхъ послѣдствіяхъ „порабощенія", но не коснулась его сущности; она хотѣла улучшить положеніе владѣльческихъ крестьянъ, но кончила тѣмъ, что способствовала дальнѣйшему усиленію помѣщичьей власти и распространенію крѣпостного права. Въ теченіе долголѣтняго ея царствованія большинство населенія продолжало пребывать въ рабствѣ у привилегированнаго меньшинства и напрасно ожидало мѣропріятій, которыя существенно измѣнили бы „порядокъ", „противный справедливости", зловредный для культуры и пагубный для всего общественнаго и государственнаго строя.

А. Лаппо-Данилевскій.

[1]) [A. v. Bernhardi], Züge zu einem Gemälde des Russischen Reiches..., 2-er Theil (1798), SS. 171—172. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XLII, с. 84.

Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ наказахъ.

Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова.

Извѣстно, какъ императрица Екатерина, выработавъ себѣ опредѣленные основные принципы будущаго законодательства и изложивъ ихъ въ Наказѣ, задалась цѣлью создать новую стройную систему русскаго законодательства. Она созвала въ Москву къ 30 іюля 1767 г. многолюдное собраніе 565 депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ разрядовъ населенія Россійской имперіи для переработки дѣйствующаго русскаго права въ проектъ новаго уложенія согласно съ принципами Наказа, съ одной стороны, желаніями и нуждами населенія, съ другой. Депутаты созывались, „дабы лучше узнать было можно нужды и чувствительные недостатки народа". Подъ „народомъ" разумѣлось только свободное населеніе. Характерно при этомъ, что присылка депутатовъ отъ дворянъ и горожанъ считалась необходимой, а свободному сельскому населенію было только дано право прислать такихъ ходатаевъ о своихъ нуждахъ. Къ тому же дворяне и горожане посылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда и города, сельское же населеніе отъ цѣлыхъ провинцій, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ городовъ съ уѣздами. Понятно, что въ составѣ комиссіи преобладали численно городскіе и дворянскіе депутаты (208 и 161). Имъ было обезпечено доминирующее вліяніе благодаря прежде всего ихъ численности, а затѣмъ пестротѣ состава сельскаго свободнаго населенія, разбитаго на разнородныя бытовыя группы—черносошныхъ крестьянъ, однодворцевъ,

казаковъ, разныхъ службъ служилыхъ людей, не кочевыхъ инородцевъ. Большая часть крестьянства—не меньше 77%—крѣпостные помѣщичьи, дворцовые, экономическіе, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, поссессіонные—остались безъ представительства: они не сподобились монаршаго приглашенія —обдумать и выразить свои нужды. Сословное различіе было проведено и въ порядкѣ выборовъ: дворянство и горожане получили свою предвыборную организацію съ предводителями дворянства и городскими головами, но руководство выборами отъ всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія осталось всецѣло въ рукахъ мѣстной администраціи. При такомъ строѣ выборовъ и складѣ коммиссіи главнымъ источникомъ, откуда правительство могло почерпнуть „свѣтъ и свѣдѣнія" о нуждахъ и положеніи крѣпостной крестьянской массы,

Остатокъ дворца К. П. Разумовскаго въ Батуринѣ.

оказывались заявленія дворянъ-помѣщиковъ и, болѣе случайно, представителей другихъ сословій. Перечисленные разряды свободнаго сельскаго населенія жили въ особыхъ, мѣстныхъ условіяхъ, слишкомъ рѣзко обособленные отъ закрѣпощенной массы, чтобы прибавить много существеннаго къ дворянскому пониманію нуждъ „народа"

Депутаты, посылаемые въ коммиссію, должны были привести съ собою отъ избирателей своихъ „наказы", съ изложеніемъ общественныхъ нуждъ. Составленіе этихъ наказовъ, порученное коммиссіямъ человѣкъ въ пять отъ отдѣльныхъ избирательныхъ группъ, заставило эти группы, по мѣрѣ силъ и умѣнья, вдуматься въ свое положеніе, въ свои нужды и желанія и формули-

ровать ихъ. Наказовъ получилось больше, чѣмъ было депутатовъ, такъ какъ при двух- и трехстепенности большей части выборовъ, заявленія первичныхъ избирательныхъ коллегій не всегда сводились въ одно цѣлое, и депутаты привозили въ этихъ случаяхъ по нѣскольку наказовъ. Получился богатый матеріалъ для ознакомленія съ настроеніями и воззрѣніями различныхъ группъ— мѣстныхъ и соціальныхъ. И въ матеріалѣ этомъ всего больше данныхъ для вопросовъ, касающихся положенія дворянства и крестьянства: соціальный строй тогдашней Россіи нашелъ себѣ яркое отраженіе въ наказахъ.

Дворянское сословіе много пережило въ первую половину XVIII в. Изъ стараго служилаго класса оно выросло въ привилегированное сословіе, въ

Деревня XVIII в. (Изъ Le Prince).

землевладѣльческій классъ, сильный вліяніемъ на правительство и господствомъ надъ крѣпостной крестьянской массой. Оно называло себя правящимъ классомъ, благороднымъ шляхетствомъ, корпусомъ дворянства, и вѣрило въ свое призваніе играть руководящую роль во всѣхъ областяхъ жизни страны. Это сословное самосознаніе дворянства выразилось въ депутатскихъ наказахъ ярче и шире, чѣмъ въ заявленіяхъ, съ какими шляхетство выступило въ 1730 г.: тамъ слышался почти исключительно голосъ дворянскихъ верховъ, вельможныхъ и столичныхъ, тутъ заговорила провинціальная помѣщичья масса. Къ тому же истекшія десятилѣтія принесли коренное измѣненіе политическихъ условій. При избраніи на престолъ Анны Ивановны шляхетство стремилось обезпечить себѣ вліяніе на верховную власть, чтобы направить ея дѣятель-

ность на служеніе своимъ интересамъ. Тутъ съ предположеніями о новой формѣ правленія наспѣхъ соединялись выраженія отдѣльныхъ сословныхъ требованій. Теперь дворянство успѣло убѣдиться въ выгодѣ союза съ монархической властью, послѣдовательно служившей классовымъ интересамъ шляхетства и развивавшей въ разныхъ направленіяхъ его привилегіи съ того момента, какъ императрица Анна „учинилась въ суверенствѣ". Мысль помѣстнаго дворянства сосредоточилась на мѣстныхъ сословныхъ интересахъ, на частныхъ вопросахъ мѣстнаго сословнаго быта, почти не порываясь подняться до болѣе общихъ государственныхъ и общественныхъ задачъ. Конечно, и власти блюли за тѣмъ, чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ и въ наказахъ не подымалось сколько-нибудь острыхъ политическихъ вопросовъ: попытка малороссійскаго дворянства выставить требованіе возстановленія автономіи Малороссіи была рѣшительно подавлена. Но у насъ нѣтъ основаній предполагать сколько-нибудь замѣтное движеніе политической мысли въ средѣ великорусскаго дворянства, не говоря уже о другихъ сословіяхъ. Его интересы сосредоточены на сословномъ дворянскомъ вопросѣ.

Вопросъ этотъ имѣлъ двѣ существенныхъ стороны. Онъ касался положенія дворянства въ государствѣ и положенія его относительно другихъ сословій. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи дворянство разсматриваетъ себя какъ одно цѣлое, какъ „корпусъ дворянства", стремясь придать большую опредѣленность и устойчивость своему составу. Это было необходимо, съ сословной точки зрѣнія, какъ условіе опредѣленности и прочной гарантіи сословныхъ правъ, на которой строился въ ту эпоху идеалъ правомѣрнаго порядка: „всякаго рода людямъ, — такъ выражаетъ это требованіе одинъ изъ дворянскихъ наказовъ,—какъ дворянству, такъ и купечеству, равнымъ образомъ, и разночинцамъ, чтобы пожалованы были генеральныя привилегіи, дабы каждый родъ имѣлъ свои преимущества и одинъ въ другого прерогативы не вступалъ и всякій бы пользовался тѣмъ, чѣмъ будетъ привилегированъ". Чтобы отдѣлить „корпусъ дворянства" правами и преимуществами „отъ прочихъ разнаго рода и званія людей" и закрѣпить ихъ актомъ самодержавной власти, надо было придать возможно большую опредѣленность этому „корпусу", какъ субъекту дарованныхъ правъ. Все, что въ жизни затушевывало намѣченную демаркаціонную линію, должно было отпасть — и прежде всего пріобрѣтеніе дворянства путемъ службы. Цѣна права на дворянство должна быть повышена съ повышеніемъ самыхъ правъ дворянскихъ. Простое исполненіе служебныхъ обязанностей, награждаемое повышеніемъ въ чинахъ и назначеніемъ на высшія должности, „обыкновенная служба и должное всякому гражданину поведеніе" не должны вести къ перечисленію въ высшій сословный разрядъ; туда открывать могутъ доступъ лишь „отмѣнныя" заслуги, путемъ особаго на каждый случай акта верховной власти, жалующей не-дворянина въ дворяне за какія-либо исключительныя дѣянія и дарованія.

Дворянство стремится замкнуться въ аристократической корпоративности, возможно больше ограничивая доступъ въ свою среду стороннимъ элементамъ. Оно требуетъ для себя и корпоративной организаціи, чтобы усилить свое значеніе и вліяніе: „расписать все дворянство по городамъ,—предлагаетъ оно,—учредить ежегодныя собранія дворянства во всякой провинціи“. Это желаніе дворянства осуществилось созданіемъ уѣздныхъ и губернскихъ, дворянскихъ обществъ. Для какой цѣли нужна мѣстная сословная организація правящему сословію? Первое, чего оно требуетъ,—это передачи дворянскимъ обществамъ веденія списковъ дворянства: оно стремится взять въ свои руки контроль надъ измѣненіемъ своего состава, притокъ новыхъ элементовъ подчинить наблюденію и согласію дворянскихъ обществъ. Рядомъ съ описанной

Кусково. Видъ на дворецъ съ озера. (Съ фотографіи.)

тенденціей дворянства къ самоопредѣленію и обособленію естественно поставить требованія личныхъ преимуществъ для членовъ благороднаго сословія: освобожденія ихъ отъ „неприличныхъ ихъ природѣ“ наказаній—„отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ“, отъ смертной казни.

Какую же роль въ государствѣ отводитъ себѣ сословіе, проникшееся столь повышеннымъ сознаніемъ своего достоинства и значенія? Оно давно забыло политическія вожделѣнія 1730 г. Теперь оно—опора престола и фактически правящая сила, въ виду дворянскаго характера и русскаго офицерства и русской бюрократіи XVIII в. Ко времени составленія наказовъ правила „табели о рангахъ“ были уже сильно смягчены признаніемъ за дворянами

преимущественнаго права на производство въ чины, а стало-быть, и на занятіе должностей. Дворянской была вся іерархія органовъ управленія имперіей. Но на этомъ значеніи дворянства слишкомъ сильно лежала печать его происхожденія изъ класса служилыхъ людей государевыхъ: оно было слѣдствіемъ не привилегированности благороднаго сословія, а лежавшей на немъ до 1762 г обязательной службы. Послѣ грамоты о вольности дворянства оно стремится полнѣе развить и осуществить свой характеръ помѣстнаго класса. Требуя себѣ организаціи въ мѣстныя сословныя общества, оно мечтаетъ объ ослабленіи централизаціи управленія въ пользу вліятельнаго, властнаго положенія этихъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ въ руководствѣ провинціальной жизнью. Сословное самосознаніе выражается въ противопоставленіи дворянства мѣстнымъ административнымъ властямъ, въ стремленіи освободить его отъ подчиненія имъ и, наоборотъ, подчинить мѣстное управленіе „первому сословію въ государствѣ". Нѣкоторые наказы весьма далеко идутъ въ выраженіи этой тенденціи. Дворянинъ, живущій въ уѣздѣ, долженъ быть „независимъ ни отъ кого, кромѣ того уѣзда дворянъ", и никакія власти не должны имѣть права призвать его къ суду, назначить на какую-либо должность или возложить на него какія-либо порученія помимо дворянской корпораціи. Но эта узкосословная мысль въ большей части наказовъ уступала мѣсто другой: о необходимости общей административной реформы съ представленіемъ уѣзднымъ дворянскимъ обществамъ значительной роли въ дѣлахъ управленія. Дворянство, какъ помѣстный классъ, тяготилось крайней централизаціей всего управленія, требовало расширенія полномочій органовъ мѣстнаго управленія, переноса многихъ функцій управленія изъ центра въ провинцію. Какъ „первое сословіе", оно стремилось преобразованное мѣстное управленіе взять въ свои руки или, по крайней мѣрѣ, подчинить своему вліянію и контролю. Одни наказы предлагаютъ вовсе замѣнить всѣ назначаемыя центральнымъ правительствомъ власти выборными отъ дворянства воеводами и комиссарами, другіе—поставить рядомъ съ коронным воеводой выборнаго воеводскаго товарища. Дворянское общество должно стать въ возможно большей степени органомъ мѣстнаго управленія, вѣдать не только избраніе должностныхъ лицъ, но и властный контроль надъ ними, съ правомъ, по нѣкоторымъ наказамъ, требовать отъ нихъ отчета, давать имъ указанія, штрафовать и даже смѣщать ихъ съ должности. При этомъ дворянство настойчиво выдвигаетъ въ противовѣсъ дѣятельности старой администраціи, почти всецѣло поглощенной преслѣдованіемъ казеннаго интереса и вообще исполненіемъ требованій центральныхъ учрежденій,—общественныя, земскія задачи мѣстнаго управленія. Наказы говорятъ объ организаціи врачебной помощи населенію, объ улучшеніи путей сообщенія, борьбѣ съ эпидеміями, о продовольственномъ дѣлѣ, объ охранѣ безопасности жителей и вообще полицейскаго порядка, обо всемъ, что они считаютъ основными задачами мѣстнаго управленія. Органы этого мѣстнаго управле-

нія должны быть защитниками населенія отъ притѣсненій при отбываніи имъ повинностей, особенно при расквартированіи въ данномъ уѣздѣ войскъ или прохожденіи черезъ него военныхъ командъ. Всѣ заботы по устройству мѣстнаго быта, удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ и опекѣ надъ мѣстной жизнью дворянство готово возложить на свои уѣздныя общества, если въ его руки передана будетъ вся уѣздная администрація. Всѣ эти требованія въ значительной мѣрѣ были выполнены, но опытъ ряда десятилѣтій послѣ административной реформы 1775 г. далеко не оправдалъ ожиданій и обѣщаній, высказанныхъ дворянствомъ въ наказахъ 1767 г.: передача всего уѣзднаго управленія въ руки мѣстнаго дворянства дала весьма мало результатовъ. Тѣмъ не менѣе, заявленія 1767 года очень важны, ибо въ нихъ ярко сказалось сознаніе дворянствомъ своего значенія, какъ мѣстной правящей силы.

Крестьяне въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ).

Отграничиваясь отъ другихъ разрядовъ населенія и потянувшись къ усиленію вліянія своего на мѣстное управленіе, дворянство горячо и настойчиво хлопочетъ въ наказахъ о расширеніи правъ и преимуществъ въ сферѣ имущественныхъ и экономическихъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія почти исключительно смотритъ оно на свое положеніе среди другихъ сословій. Ко второй половинѣ XVIII вѣка подъ вліяніемъ общихъ условій экономическаго быта страны, вступившей на путь болѣе интенсивнаго развитія денежнаго хозяйства и торгово-промышленной дѣятельности, дворянство тянется къ новымъ источникамъ матеріальнаго благосостоянія. Большинство дворянъ далеко отъ точки зрѣнія, высказанной лишь въ одномъ наказѣ, что дворянству не должно владѣть фабриками, чтобы „купечество съ дворянствомъ между собою никакого бы смѣшенія не имѣли". Не раздѣляетъ оно и мнѣнія императрицы, что противно существу и торговли и самодержавнаго правленія, чтобы дворянство занималось торговлей. Напротивъ, наказы требуютъ не только права для дворянъ владѣть фабриками и заводами, но настаиваютъ на освобожденіи промышленной предпріимчивости отъ опеки бергъ- и мануфактуръ-коллегій. Дворянство желаетъ свободно пользоваться правомъ открывать фабрики и

заводы, отчуждать ихъ, сдавать въ аренду и т. п., безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія коллегіи, какъ это требовалось по прежнему порядку. Была среди дворянства даже мысль признать содержаніе заводовъ всякаго рода привилегіей одного только дворянства, подобно тому, какъ такой привилегіей было винокуреніе. Отстаиваютъ многіе наказы и право дворянъ-помѣщиковъ заниматься торговлей, то вообще доказывая, что „торгъ любитъ волю“, то требуя для себя права и даже монополіи на торговлю хлѣбомъ и всѣми продуктами земледѣльческаго хозяйства. Отстаивая свое право на участіе въ торговомъ оборотѣ, дворянство протестуетъ и противъ устарѣлой черты вексельнаго устава, признававшаго право обязываться векселями только за купечествомъ.

Но если въ вопросѣ о торгово-промышленной дѣятельности дворянство отчасти борется противъ сословной специализаціи, то оно твердо стоитъ въ наказахъ на своей землевладѣльческой монополіи. „Необходимо, — говоритъ оно, — запретить владѣніе деревнями не-дворянамъ всякаго чина и чтобъ, кромѣ природныхъ дворянъ, деревнями, землями, людьми и крестьянами никто не владѣлъ“. Въ этомъ отношеніи бѣльмомъ на глазу у дворянства были фабриканты и заводчики, покупавшіе деревни къ заводамъ и фабрикамъ. Многіе наказы говорятъ о необходимости запретить фабрикантамъ покупать населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей, рекомендуя имъ производить работу вольными наемными людьми. Дворянство настолько дорожитъ своей землевладѣльческой и крѣпостнической привилегіей, что иногда настаиваетъ даже на отобраніи у фабрикантовъ населенныхъ имѣній, уже состоящихъ въ ихъ владѣніи. Оно даже готово возложить на уѣздную дворянскую администрацію обязанность пріискивать для фабрикъ вольнонаемныхъ рабочихъ, въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ. Помѣстный земельный фондъ и крѣпостной трудъ должны быть въ исключительномъ распоряженіи дворянства. Охраняя свои владѣльческія привилегіи, какъ монополію, дворянство въ то же время стремится расширить связанныя съ ними имущественныя права. Оно желаетъ пріобрѣсти больше свободы въ распоряженіи земельнымъ капиталомъ, откликаясь и въ этомъ отношеніи на новый укладъ экономической жизни. Въ наказахъ встрѣчаемъ пожеланія о расширеніи „власти“ дворянина надъ его имѣніемъ, безъ различія „движимаго отъ недвижимаго и родового отъ наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго“, о расширеніи до полной свободы права распорядиться имѣніемъ какъ при жизни, такъ по завѣщанію. Острое недовольство безпорядочнымъ состояніемъ законодательства о земельномъ имуществѣ, устарѣлыми правилами наслѣдованія по закону, неудовлетворительной постановкой межевого дѣла вызываетъ рядъ требованій дворянства относительно пересмотра, упорядоченія и упрощенія всей системы поземельнаго права и поземельной политики.

Такъ широко и многосторонне ставится въ наказахъ дворянскій вопросъ и тѣмъ ярче выступаетъ одна особенность дворянскихъ наказовъ. Они въ

Останкино. Церковь и часть сада. Рис. Дела-Барта XVIII в. (собр. Дашкова).

сущности вовсе не затрагиваютъ крестьянскаго вопроса, видимо, не считая „вопросомъ" положенія крѣпостныхъ крестьянъ подъ властью помѣщика и отношенія къ нимъ государственной власти. Наказы много говорятъ о различныхъ нуждахъ крестьянства, отстаиваютъ его интересы тамъ, гдѣ они сталкиваются съ интересами другихъ сословій, но въ общей основѣ своей крестьянскій вопросъ для нихъ рѣшенъ навѣки и ненарушимо: новому уложенію остается только подтвердить, что „узаконенная издревле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ донынѣ было, такъ и впредь будетъ". „Не обинуясь,—читаемъ въ другомъ наказѣ,—должны быть крестьяне въ безотрицательномъ повиновеніи у своихъ владѣльцевъ и въ полной ихъ власти, дабы тишина и спокойствіе общества господствовали, и экономія бы прилежнымъ трудамъ хозяина распространяема была во всѣхъ ея частяхъ безпрепятственно". Развитіе власти помѣщичьей достигло такой крайней полноты, что мечтать о ея расширеніи не приходилось. И лишь весьма немногіе наказы отчасти допускаютъ мысль, что власть эта должна быть ограничена въ томъ или другомъ отношеніи. Нѣкоторые высказываются, напримѣръ, за запретъ торговли людьми на вывозъ, за ограниченіе продажи крестьянъ за предѣлами уѣзда, за ограниченіе продажи ихъ

въ рекруты и сохраненіе единства крестьянскихъ семей при раздѣлѣ наслѣдствъ. ✓ Но общее настроеніе иное: не ограничивать власти и полномочій помѣщика, узаконить фактическое право наказанія, вплоть до того, чтобы смерть крестьянина отъ суровости тѣлеснаго наказанія за побѣгъ не ставилась помѣщику въ вину. Не измѣненіе или развитіе и, тѣмъ болѣе, не ограниченіе владѣльческихъ правъ помѣщика признается насущной потребностью въ дворянской средѣ, а ихъ охрана. Владѣніе крѣпостными далеко отъ полнаго спокойствія. Помѣщики „стали примѣчать, что люди и крестьяне помѣщикамъ своимъ послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ". Многіе наказы жалуются на постоянные побѣги крестьянъ и дворовыхъ, которые обращаются нерѣдко къ разбою и грабежу, чинятъ насилія надъ прежними господами, „съ великимъ свирѣпствомъ возлагаютъ на нихъ руки", такъ что многіе помѣщики „черезъ немногое время жалостно лишены жизни" Кромѣ прямой опасности отъ бѣглыхъ, побѣги] разорительны. И наказы требуютъ усиленныхъ мѣръ по розыску бѣглыхъ крѣпостныхъ, установленія болѣе крупныхъ штрафовъ, задержаніе ихъ помѣщиками, суровыхъ каръ за ту же вину приказчикамъ и старостамъ, не говоря уже о наказаніяхъ для самихъ бѣглецовъ. Взглянуть прямо въ корень дѣла, признать побѣги неизбѣжной стороной закрѣпощенія, а ожесточеніе крестьянъ слѣдствіемъ безконтрольнаго и безграничнаго властвованія помѣщика надъ личностью крестьянина—дворянство не хотѣло, хотя

Продажа рыбы въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

Сценка изъ помѣщичьяго быта.

(Изъ альбома Hampeln'a).

повальные побѣги за литовскую границу изъ пограничныхъ губерній сами наказы объясняютъ тѣмъ, что крестьяне считаютъ положеніе зарубежныхъ хлоповъ болѣе легкимъ, чѣмъ крѣпостныхъ на Руси. Описывая широкое развитіе побѣговъ, какъ сущее бѣдствіе не только для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, разорявшихъ при побѣгѣ свое экономическое положеніе, и для народнаго хозяйства вообще, наказы, однако, не признаютъ, чтобы нужна была для устраненія причинъ тяжелаго явленія серьезная крестьянская реформа.

Всестороннему освѣщенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ наказахъ мѣшалъ односторонне-сословный ихъ характеръ. Голоса самого крестьянства въ нихъ не слыхать: „представителями" крѣпостной деревни съ ея бѣдами и нуждами были только помѣщики. И лишь рѣдко прозвучатъ въ

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

отдѣльныхъ наказахъ отголоски жалобъ на разореніе и угнетеніе крестьянъ произволомъ помѣщичьей власти. Зато въ вопросахъ экономическихъ, гдѣ интересы помѣщика и крестьянъ совпадали, дворянство много и охотно говоритъ о крестьянской нуждѣ и о средствахъ ей помочь: крещеная собственность должна быть зажиточна, какъ основа помѣщичьяго благосостоянія. Видное мѣсто занимаютъ жалобы на обремененіе крестьянъ казенными платежами и повинностями. Относительно подушной подати въ общемъ нѣтъ недовольства. Только два наказа, стоящіе совсѣмъ одиноко, ходатайствуютъ о замѣнѣ ея—одинъ косвенными налогами, другой поземельной податью. Зато есть много ходатайствъ о болѣе правильной постановкѣ дѣла ревизіи, о производствѣ ея въ болѣе частые сроки, упрощеннымъ способомъ, „не присылая ревизоровъ, по подаваемымъ сказкамъ", о немедленномъ выключеніи изъ

оклада убылыхъ за смертью, побѣгомъ, рекрутчиной, ссылкой. Больше возраженій по поводу рекрутской повинности: не мало наказовъ проситъ о замѣнѣ ея вербовкой вольныхъ людей на деньги отъ сбора, который населеніе будетъ платить взамѣнъ рекрутчины. Въ яркихъ краскахъ рисуютъ наказы бѣдствія крестьянъ отъ насилій военныхъ командъ во время постоевъ, прося отмѣнить или хоть упорядочить эту повинность. Удовлетвореніе разнообразныхъ казенныхъ требованій по доставкѣ обывательскихъ подводъ для перевозки казенныхъ грузовъ, по доставкѣ фуража для арміи, по обязательнымъ работамъ при сооруженіи казенныхъ построекъ, при ремонтѣ дорогъ и мостовъ, при нарядахъ для содержанія карауловъ у казенныхъ складовъ и тюремъ и т. п. вызываетъ нареканія прежде всего своей неравномѣрностью. Крайне тягостная для населенія той мѣстности, гдѣ она нужна, такая повинность вовсе не касается другихъ мѣстъ и не можетъ быть расположена уравнительно. Всѣ подобныя потребности казеннаго хозяйства удовлетворялись принудительными нарядами, хотя отчасти и за плату, но минимальную, по казенной таксѣ и давали поводъ для разнообразныхъ вымогательствъ и притѣсненій. Наказы желали бы полнаго устраненія этихъ принудительныхъ работъ и нарядовъ и перехода къ подрядному или хозяйственному способу ихъ исполненія, такъ чтобы „крестьяне, кромѣ узаконяемой государственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ". Выступая на защиту крестьянства отъ казенной эксплуатаціи, наказы повѣствуютъ о томъ, какія бѣды терпитъ крестьянинъ, „бѣдный для претерпѣнія созданный трудникъ", въ годину неурожая, когда онъ, „съѣвъ свой и господскій хлѣбъ", распродаетъ скотъ и имущество и идетъ по-міру; даже въ урожайные годы, напр., на югѣ, не остается запасовъ на годы бѣдствія, потому что хлѣбъ весь вывозится на продажу. Дѣло народнаго продовольствія наказы желаютъ сдѣлать государственнымъ, настаивая на устройствѣ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для ссуды населенію въ неурожайные годы. Помѣщики признаютъ свою несостоятельность въ организаціи этого дѣла частными усиліями и понимаютъ, что оно должно стать одной изъ существенныхъ задачъ мѣстнаго управленія: они вводятъ его въ программу дѣятельности того мѣстнаго дворянскаго управленія, о которомъ рѣчь была выше. На защиту крестьянскихъ интересовъ выступаютъ наказы и въ вопросѣ о правѣ крестьянъ заниматься торговлей. Усилившееся значеніе денегъ въ экономической жизни страны, уплата денежныхъ казенныхъ сборовъ и все возраставшаго денежнаго помѣщичьяго оброка—толкали сельское населеніе къ занятію промыслами и торговлей, и на этомъ пути оно, естественно, встрѣчало сочувствіе и покровительство своихъ господъ-помѣщиковъ. Лишь немногіе наказы требуютъ запрета крестьянамъ отдаваться торговлѣ въ городахъ и уѣздахъ, „ибо оный торгъ принадлежитъ до купечества". Другіе желаютъ разрѣшить крестьянамъ не только ярмарочную торговлю хлѣбомъ и всякими деревенскими продуктами,

лѣсомъ, дровами, досками, холстомъ, но и занятіе разными мастерствами (плотничьимъ и столярнымъ, кирпичнымъ и печнымъ и т. п.) въ городахъ, а также дозволеніе имъ вступать „съ поручительствомъ ихъ господъ" въ соотвѣтственные подряды. Оброчное крестьянство должно было получить возможно больше свободы, съ вѣдома и разрѣшенія помѣщика, развивать свои заработки, хотя бы и внѣ крѣпостной деревни.

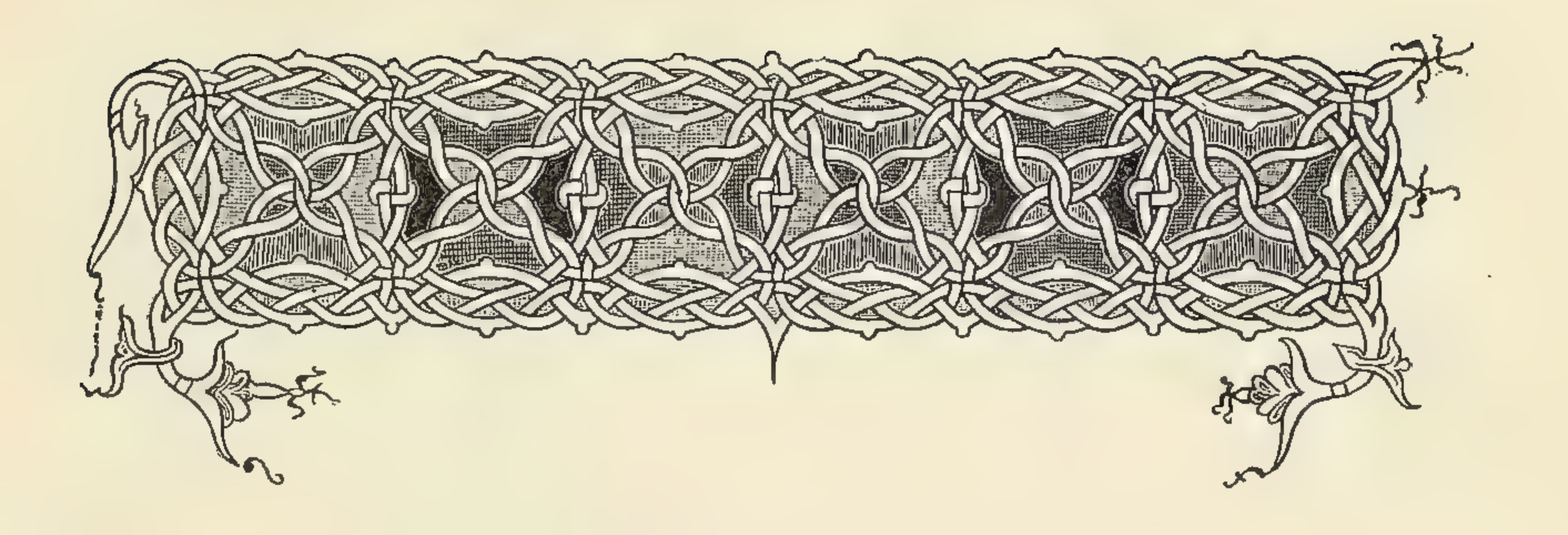
Крестьянскій вопросъ затронутъ въ дворянскихъ наказахъ лишь частично, только съ точки зрѣнія интересовъ помѣщика-дворянина. Другія сословія, призванныя къ изложенію своихъ нуждъ и желаній, не были заинтересованы въ иной, болѣе широкой его постановкѣ: въ ихъ средѣ преобладаетъ стремленіе добиться участія въ дворянскомъ правѣ—владѣть крѣпостными.

Крѣпостной строй выступаетъ законченнымъ явленіемъ въ Екатерининскую эпоху. Законодательство Екатерины подвело ему итогъ въ духѣ дворянскихъ наказовъ. Но онъ выросъ на почвѣ болѣе элементарныхъ условій и потребностей народнаго хозяйства. Вѣяніе новыхъ теченій экономической жизни уже успѣло отразиться въ тѣхъ же наказахъ. Крѣпостной строй народнаго хозяйства и соціальныхъ отношеній тормозитъ и стѣсняетъ ихъ развитіе. Въ Екатерининскую эпоху пробуждается сознаніе глубокаго вреда крѣпостного права для экономическаго быта, общественнаго развитія и государственности русской. Оно сказалось въ преніяхъ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія и въ литературѣ Екатерининской эпохи. Но въ наказахъ 1767 г. еще нѣтъ его проблесковъ.

А. Прѣсняковъ.

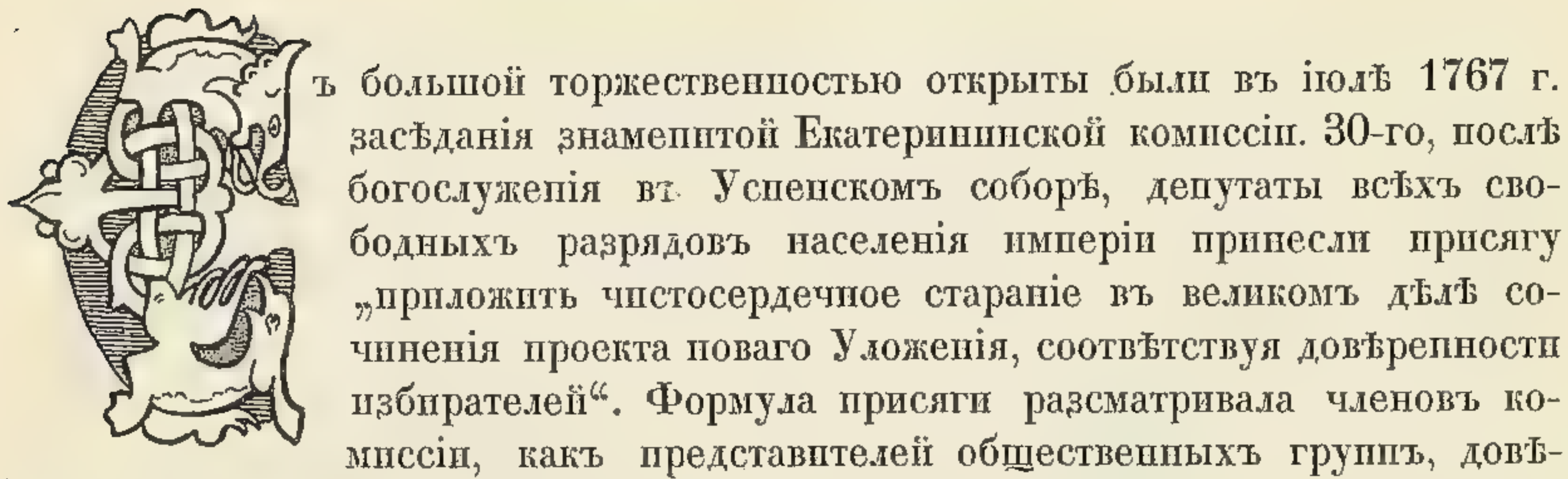

На дровяномъ складѣ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ Екатерининской комиссіи.

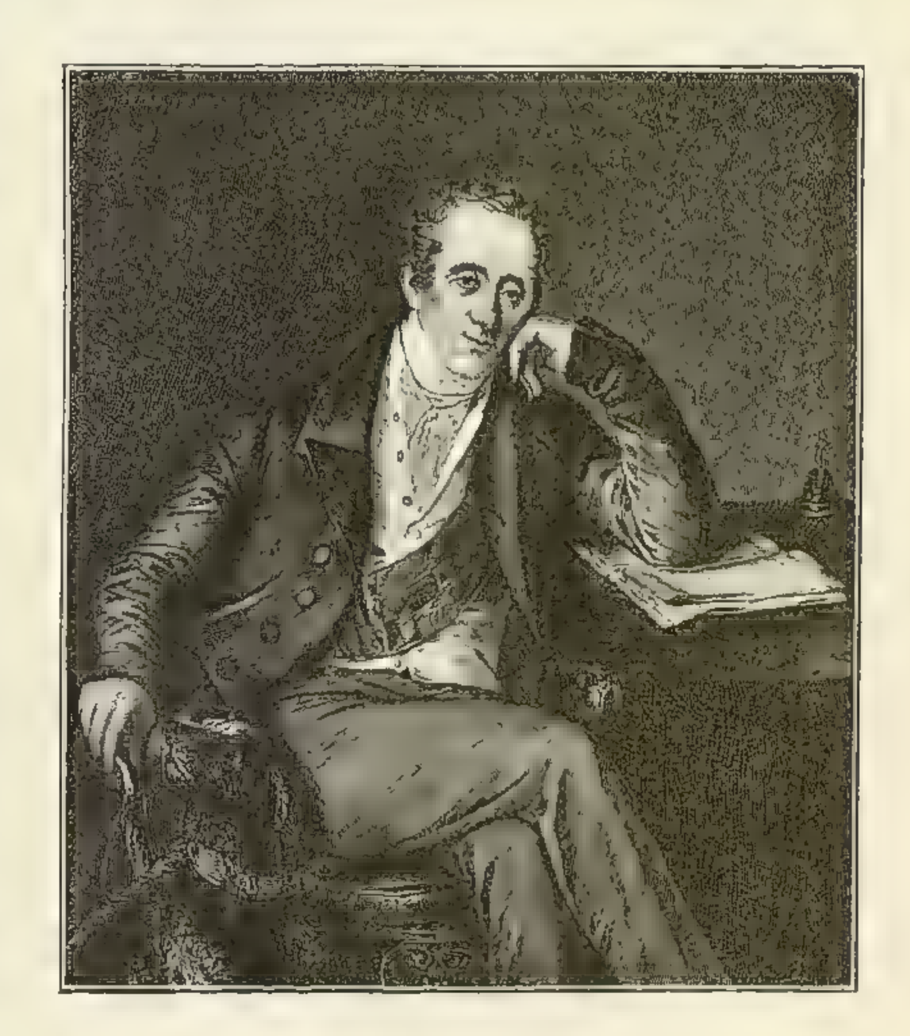
Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова.

Съ большой торжественностью открыты были въ іюлѣ 1767 г. засѣданія знаменитой Екатерининской комиссіи. 30-го, послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, депутаты всѣхъ свободныхъ разрядовъ населенія имперіи принесли присягу „приложить чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго Уложенія, соотвѣтствуя довѣренности избирателей“. Формула присяги разсматривала членовъ комиссіи, какъ представителей общественныхъ группъ, довѣренности которыхъ, изложенной въ депутатскихъ наказахъ, они должны „соотвѣтствовать“. Но такое понятіе о представительствѣ не проводилось послѣдовательно. Достаточно вспомнить исторію нѣжинскаго депутата, который, подъ давленіемъ генералъ-губернатора, круто измѣнилъ послѣ избранія свое мнѣніе о вопросахъ, наиболѣе важныхъ для избирателей, не принялъ ихъ наказа и настаивалъ на другомъ, который самъ составилъ; попытка избрать новаго депутата встрѣтила протестъ генералъ - губернатора, и Сенатъ разрѣшилъ споръ противъ избирателей, на томъ основаніи, что депутатъ, разъ избранный, „со дня его выбора единственно уже подъ протекціей Ея Императорскаго Величества состоитъ“. Возможность такихъ случаевъ показываетъ, что наказы, по крайней мѣрѣ, формально не связывали депутатовъ. Въ комиссіи могли возникнуть и возникали вопросы, избирателями непредвидѣнные, выражались депутатами мнѣнія, не всегда согласныя и съ духомъ наказовъ. Въ спорахъ и преніяхъ встрѣчаются иногда

укоризны тому или иному депутату, что онъ ведетъ защиту мнѣнія, на которое его избиратели отнюдь не уполномочивали; но такія заявленія рѣдки и имъ, видимо, особаго значенія не придавалось. Наказы имѣли значеніе не директивъ, а матеріаловъ, откуда полезно черпать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и нуждахъ населенія.

Сами депутаты созывались не для участія въ законодательствѣ, а для исполненія сложныхъ подготовительныхъ работъ, вѣнцомъ которыхъ, если бы ихъ удалось довести до конца, былъ бы „проектъ" новаго Уложенія. По словамъ манифеста 14 декабря 1766 г., они созывались „не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, *но и допущены быть имѣютъ* въ коммиссію, которой дадимъ наказъ для заготовленія проекта новаго Уложенія" По мысли императрицы, въ основу работы должны были лечь руководящія идеи ея Наказа, а допущеніе представителей общества къ сотрудничеству при воплощеніи этихъ идей имѣло цѣлью избѣжать чрезмѣрной оторванности законодательнаго творчества отъ дѣйствительныхъ житейскихъ условій: „ибо законы, весьма наиболѣе сходственные съ естествомъ, суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены". Во второмъ засѣданіи коммиссіи приступили къ чтенію Наказа. Извѣстно, что приспособленіе идей императрицы къ „расположенію народа" началось еще до этого момента, такъ какъ составительница Наказа нашла нужнымъ пропустить его черезъ предварительную цензуру нѣсколькихъ приближенныхъ и нѣкоторыхъ депутатовъ; по свидѣтельству Екатерины Наказъ утратилъ при этомъ значительную часть своего содержанія, тѣхъ „аксіомъ", о которыхъ Н. И. Панинъ отозвался, что онѣ способны даже стѣны разрушить Выпало почти все, что было въ первоначальной реакціи сказано относительно положенія крѣпостныхъ крестьянъ: о „великомъ злоупотребленіи" смѣшенія крестьянской зависимости съ холопской, о необходимости ограничить произволъ помѣщичьей власти и признать за крестьянами имущественныя права и „привести

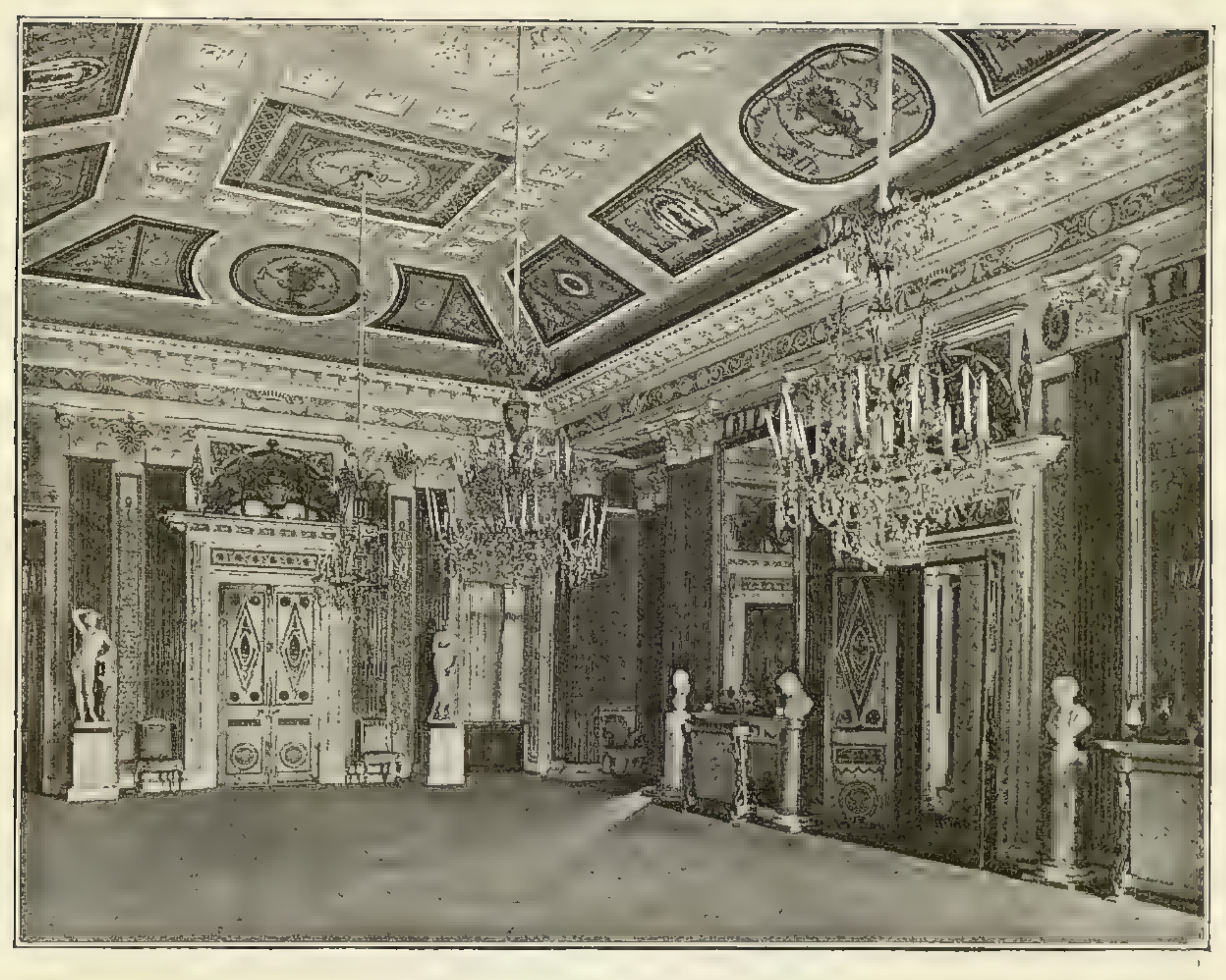
Ник. П. Панинъ (порт. Тропинина).

ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу" съ опредѣленіемъ по закону размѣра выкупа и т. п. По крестьянскому вопросу остались лишь немногія осторожныя замѣчанія. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ въ свѣтъ, Наказъ не давалъ комиссіи повода ставить этотъ вопросъ по существу и сколько-нибудь широко. Если онъ былъ поднятъ въ преніяхъ общаго собранія, то лишь попутно, въ связи съ помѣщичьими жалобами на побѣги крестьянъ; возникъ, вызвалъ нѣсколько оживленныхъ споровъ и погасъ въ силу „расположенія" того „народа", который былъ занятъ своими нуждами въ „комиссіи".

Однако основная законодательная задача — составленіе новаго, полнаго и стройнаго Уложенія—должна была привести къ сознательной формулировкѣ въ статьяхъ закона, а, стало-быть, и къ обдуманному пересмотру основъ русскаго соціальнаго строя. Отчасти это и произошло въ трудахъ тѣхъ спеціальныхъ комиссій, которымъ поручена была разработка различныхъ отдѣловъ законодательнаго матеріала. По общей организаціи занятій отъ этихъ „частныхъ комиссій" и надо было ожидать наиболѣе плодотворныхъ результатовъ. Къ тому же именно въ нихъ сильно сказывалось руководящее вліяніе правительства, бдительно слѣдившаго и за ихъ составомъ и за ихъ дѣятельностью. Попытка поднять вопросъ объ опредѣленіи и измѣненіи отношеній между помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ могла быть сдѣлана въ

Народныя гулянія (Houbigant Moeurs et Costumes des Russes, 1821).

Останкино (имѣніе Шереметьевыхъ). Гостиная.

ходѣ самой работы. Организація этой работы получила такой видъ: руководящая роль возложена на особую „дирекціонную" комиссію, во главѣ которой стояли вліятельныя орудія монаршей воли — маршалъ большой комиссіи А. И. Бибиковъ и генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій. Эта комиссія организовала частныя комиссіи для разработки отдѣльныхъ отраслей законодательства (по вопросамъ вотчиннымъ, судебнымъ, сословнымъ и т. д.) изъ членовъ полнаго собранія по баллотировкѣ, слѣдила за ходомъ ихъ работъ, получая отъ нихъ еженедѣльно меморіи—отчеты, указывала имъ всѣ замѣченныя уклоненія отъ указанныхъ правилъ веденія дѣла, разсматривала законченные ими проекты съ точки зрѣнія согласія съ Наказомъ императрицы и государственной цѣлесообразности. Рядомъ съ нею стояла редакціонная комиссія (она получила названіе „экспедиціонной"), выправлявшая труды другихъ, чтобы въ изложеніи проектовъ не осталось ничего неяснаго, двусмысленнаго и противорѣчиваго. Частныя комиссіи состояли изъ пяти членовъ, избранныхъ полнымъ собраніемъ, но къ работамъ онѣ могли привлекать и другихъ

лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ: правительство часто пользовалось этимъ, чтобы ввести въ составъ комиссій желательныхъ лицъ, такъ какъ членамъ указывалось, иногда отъ имени самой императрицы, кого они должны призвать къ сотрудничеству. Полному собранію надлежало обсуждать выработанные проекты и, послѣ сложнаго обмѣна мнѣніями съ комиссіями частными и дирекціонной, разсматривать ихъ въ окончательномъ видѣ и опредѣлять свое отношеніе къ нимъ голосованіемъ. Но, кромѣ того, императрица указала собранію другое дѣло: чтеніе и обсужденіе тѣхъ законовъ, „въ поправленіи коихъ болѣе настоитъ нужда по правиламъ большаго Наказа и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ представляется“, а также выписокъ изъ депутатскихъ наказовъ, заготовленныхъ особой „комиссіей разбора депутатскихъ наказовъ“, разбиравшей наказы и проекты „по матеріямъ“. Мнѣнія полнаго собранія по дѣйствующимъ законамъ и требованіямъ депутатскихъ наказовъ сообщались черезъ дирекціонную комиссію въ соотвѣтственную частную, какъ матеріалъ для ея работъ, но не были обязательны для частныхъ комиссій. При такой постановкѣ дѣла роль полнаго собранія оказалась бы болѣе значительной только при завершеніи работъ въ окончательной редакціи, при рѣшительномъ голосованіи. Но до этого дѣло ни по одному вопросу не дошло. Благодаря своеобразному направленію занятій полнаго собранія маршаломъ, не получилось никакихъ мнѣній большой комиссіи, принятыхъ большинствомъ голосовъ. Дѣло свелось къ разсужденіямъ депутатовъ по разнымъ вопросамъ, разсужденіямъ, не сведеннымъ ни къ какому общему выводу.

Останкино (статуя).

Занятія полнаго собранія начались съ чтенія депутатскихъ наказовъ, притомъ не въ систематическихъ выпискахъ „по матеріямъ“, а цѣликомъ, въ случайномъ порядкѣ; въ 15 засѣданій прочли 12 крестьянскихъ наказовъ, затѣмъ перешли къ чтенію законовъ о дворянскихъ правахъ и посвятили этому 10 засѣданій; не закончивъ этого дѣла, обратились на 36 засѣданій къ чтенію законовъ о купечествѣ, а 11 засѣданій потратили на чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, потомъ читали законы о юстиціи, а когда ихъ дочитали, то поступилъ отъ дирекціонной комиссіи „проектъ правамъ благородныхъ“, обсужденіе котораго заняло 20 засѣданій; сдавъ его со

всѣми замѣчаніями депутатовъ въ частную комиссію, полное собраніе обратилось къ законамъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и занималось ими до 18 декабря 1768 г., когда его засѣданія были отсрочены на неопредѣленное время, чтобы никогда болѣе не возобновляться. Все это ознакомленіе полнаго собранія съ разнаго рода матеріалами сопровождалось болѣе или менѣе оживленными преніями. Собраніе не относилось пассивно къ возникавшимъ вопросамъ: болѣе двухсотъ депутатовъ (изъ общаго числа 565) выступали съ рѣчами, мнѣніями и предложеніями. Но все высказанное осталось разрозненнымъ, какъ бы случайнымъ. Маршалъ-предсѣдатель не доводилъ ни одного вопроса до обобщающей формулировки, пренія обрывались случайно, и разсмотрѣнные законодательные матеріалы сдавались въ частныя комиссіи со всѣми замѣчаніями отдѣльныхъ депутатовъ или согласныхъ группъ, но безъ какого-либо мнѣнія большой комиссіи, такъ какъ на ея голосованіе и не ставилось никакихъ резолюцій.

Князь А. А. Вяземскій.

Подобная обстановка занятій полнаго собранія сильно принизила не только ихъ дѣловое значеніе, но и значеніе происходившихъ въ немъ преній для историка русской общественности: передъ нимъ рядъ очень интересныхъ и показательныхъ мнѣній, но это мнѣнія отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ группъ, не прошедшихъ огненной пробы общаго голосованія, стало-быть, безъ учета степени сочувствія имъ въ депутатской массѣ и силы ихъ вліянія на нее.

Общій характеръ преній выступаетъ въ „дневныхъ запискахъ“ полнаго собранія весьма опредѣленно. Основная ихъ черта—борьба сословныхъ притязаній и стремленіе двухъ первенствующихъ сословныхъ группъ — дворянства и купечества — отграничиться другъ отъ друга, съ возможно большей выгодой каждаго за счетъ другого. Третья, меньшая группа—представители разныхъ группъ государственныхъ крестьянъ—имѣла мало поводовъ для столкновенія съ дворянами, но отстаивала свои интересы тамъ, гдѣ они перекрещивались съ купеческими, посвящая главное вниманіе внутреннимъ нуждамъ своей бытовой среды.

Немного новаго, сравнительно съ содержаніемъ депутатскихъ наказовъ, вносятъ пренія въ освѣщеніе дворянскаго вопроса. Въ нихъ только рѣзче проявились назрѣвшіе антагонизмы какъ внутри дворянской среды, такъ и между дворянствомъ и другими разрядами населенія. Въ рѣчахъ ораторовъ

высшаго дворянскаго слоя съ большой опредѣленностью звучитъ стремленіе укрѣпить и оформить значеніе столбового, родового дворянства, какъ землевладѣльческой аристократіи, тяготящейся тою печатью служилаго сословія, которая лежитъ на всемъ благородномъ шляхетствѣ. Только что освобожденное отъ обязательной службы, родовитое дворянство стремится довести до конца разрывъ между своей сословностью и службой, добиваясь отмѣны правилъ Петровской „табели о рангахъ“. Оно рѣшительно и настойчиво противополагаетъ себя выслужившемуся офицерству и чиновничеству. И въ аргументаціи этого противоположенія дворянскіе ораторы рядомъ съ теоретическими доводами вскрываютъ весьма реальные интересы, какъ мотивъ своихъ притязаній. Они требуютъ отмѣны „права, сравнивающаго это сословіе со всякимъ, кто бы какимъ бы то ни было образомъ ни достигъ офицерскаго чина“. Иначе, говорятъ одни, принижается уровень дворянскихъ традицій, которымъ чужды выслужившіеся искательствомъ передъ начальствомъ и получившіе дворянство „безъ разсмотрѣнія ихъ поступковъ и мыслей“. Другіе оберегаютъ отъ выходцевъ „изъ подьяческихъ, посадскихъ и прочихъ подобнаго рода людей“ не столько „благородство“ дворянское, сколько землевладѣльческую монополію: новые люди — опасные конкуренты въ области экономическихъ выгодъ, такъ какъ „покупаютъ большія деревни, размножаютъ фабрики и заводы, а черезъ то дѣлаютъ подрывъ природному дворянству въ покупкѣ деревень: когда дворянинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ и трудомъ своимъ пріобрѣтя деньги, пожелаетъ купить по сосѣдству деревни по цѣнѣ умѣренной, то нѣкоторые не изъ дворянъ, имѣя большія суммы, возвышаютъ на нихъ цѣну втрое и болѣе“. Ростъ цѣнъ на землю, несомнѣнно, обострялъ дворянское сословное чувство и ораторы первенствующаго сословія настаивали на устраненіи конкурентовъ, не только тѣхъ, „которые не изъ дворянъ достигнутъ службою штабъ- и оберъ-офицерскихъ чиновъ“, но и владѣльцевъ фабрикъ или заводовъ, пріобрѣтавшихъ имѣнія къ своимъ предпріятіямъ. Но цѣнны были въ то время не столько земли сами по себѣ,

Развлеченіе крестьянъ въ XVIII в. (Winkles).

Кусково. Господскій домъ (съ фотографіи).

сколько земли населенныя, и дворянство отстаиваетъ свою привилегію на крещеную собственность не менѣе горячо, чѣмъ исключительность своихъ землевладѣльческихъ правъ. Спросъ на рабочія руки начинаетъ замѣтно отвлекать крестьянъ изъ крѣпостной деревни въ города и на трудъ промышленный. И дворянство помѣстное стоитъ въ недоумѣніи передъ явными, хотя еще блѣдными, признаками новаго уклада народно-хозяйственной жизни. Они готовы требовать, чтобы не допускалась продажа помѣщиками крѣпостныхъ на фабрики: этимъ отнимаются рабочія руки отъ земли, а „должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ". Изъ всѣхъ ограниченій крѣпостного права на крестьянъ наиболѣе пріемлемымъ въ дворянской средѣ оказывается запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли. Дворянскій ораторъ готовъ устыдиться одной мысли, „чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиночкѣ былъ продаваемъ". Въ теоріи онъ даже признаетъ, что вольнонаемный трудъ производительнѣе и экономически-выгоднѣе. Но онъ будетъ всѣми силами отстаивать требованіе, чтобы право владѣть крѣпостными оставалось привилегіей родового дворянства, не распространяясь на другія сословія. И все-таки землевладѣльцамъ конца XVIII в. трудно устоять на защитѣ сельскаго хозяйства въ борьбѣ за рабочія руки съ промышленно-

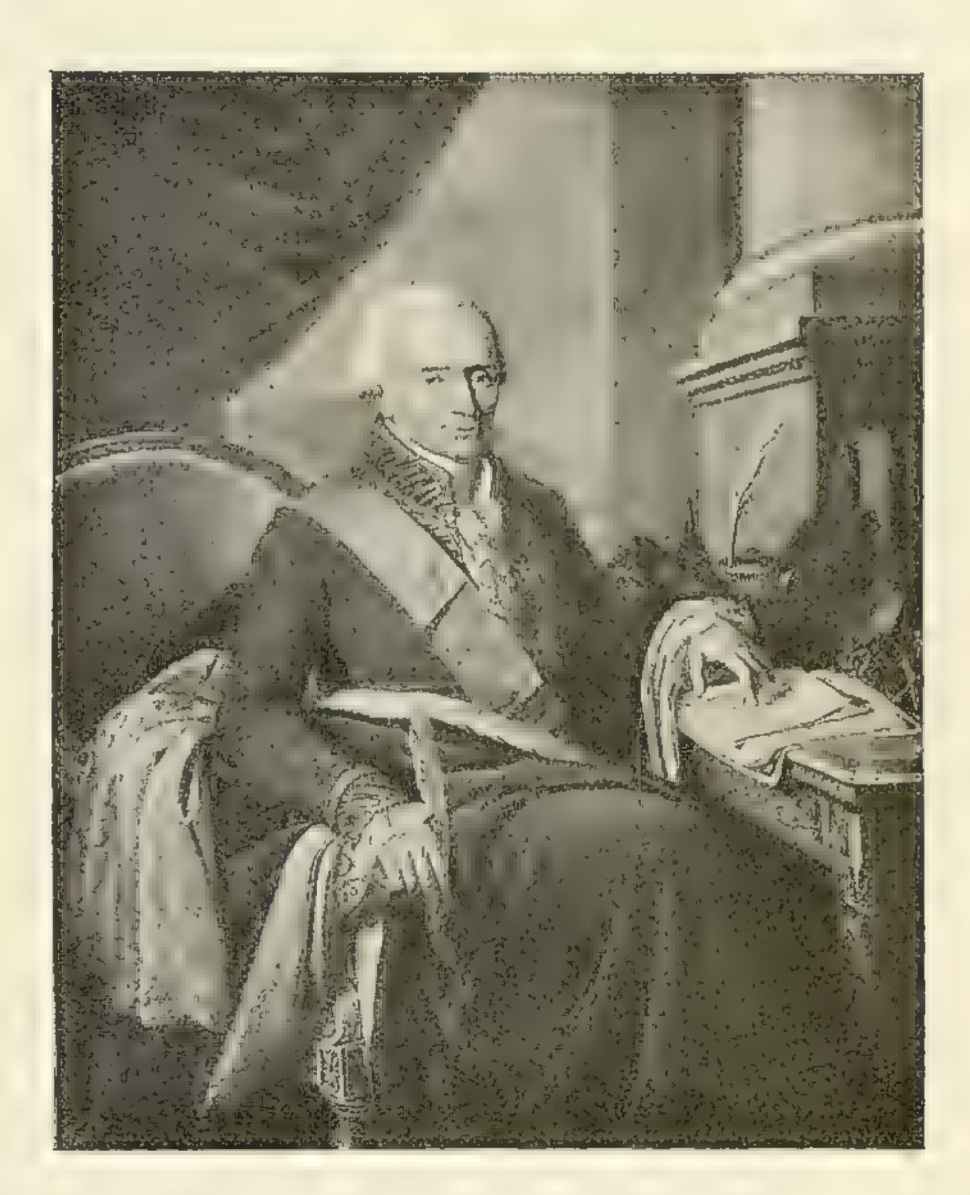
стью и торговлей: имѣнія недостаточно доходны при вѣрности чисто-земледѣльческому хозяйству. Отстраняя другихъ отъ своихъ правъ на крѣпостной трудъ, дворяне сами готовы направить его на новые пути. Самая „сущность" фабрикъ и заводовъ, по мнѣнію того же дворянскаго депутата, часто свидѣтельствуетъ о томъ, что естественно заводить ихъ дворянамъ; напр., „принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды родятся въ землѣ и передѣлываются черезъ огонь, не должна ли составлять одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ". Положеніе дворянства, какъ оно обрисовывается въ преніяхъ комиссіи,— боевое. Оно стремится укрѣпить свою позицію, придать ей больше устойчивости. Рядъ явленій русской жизни своимъ развитіемъ грозитъ пошатнуть обособленность и привилегированность „перваго сословія въ государствѣ". Необходимо подчеркнуть эту обособленность, обезпечить привилегіи, подвести четкій итогъ всему, что завоевано предыдущимъ развитіемъ, потому что въ двери старины еще нерѣшительно, но весьма ощутительно стучится новая жизнь. Дворянство то пробуетъ отстоять старый укладъ отношеній, то тянется къ новымъ источникамъ силы и богатства. Эта борьба съ усложнившимися условіями жизни вызываетъ въ родовомъ дворянствѣ стремленіе урѣзать права другихъ общественныхъ группъ въ свою пользу, оттолкнуть ихъ отъ соперничества съ собой въ пріобрѣтеніи житейскихъ преимуществъ. Оно чувствуетъ потребность сплотиться и замкнуться, чтобы сохранить и прочно обезпечить за собою господствующее положеніе.

А. И. Бибиковъ.

Сословный эгоизмъ родового дворянства не остался безъ отпора въ преніяхъ комиссіи. Его ораторамъ сторонники выслуги указывали, что „достоинство дворянское не рождается отъ природы, но пріобрѣтается добродѣтелью и заслугами", что въ составѣ русскаго дворянства большинство „за воинскія дѣла... получило это достоинство". Оно выросло изъ служилаго класса, и ему ли „пренебрегать служащими какъ по гражданской, такъ и по военной части?" Аристократическую тенденцію эти критики

сводили къ корыстному желанію родовитыхъ людей, „чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности своему монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ не оказали, лишить этого преимущества навсегда". Въ противовѣсъ сословно-аристократическимъ притязаніямъ защитники новаго дворянства выставляли воззрѣніе, что только служба государству есть основа и оправданіе дворянскихъ привилегій. Прозвучало въ преніяхъ даже осужденіе ихъ наслѣдственности, пожеланіе, чтобы сословное преимущество „не доставалось по наслѣдству, но чтобы всякій старался достигать его по заслугамъ", чтобы потомство, которое „само не возобновитъ своего дворянства", теряло право на привилегіи. Такъ защищалось офицерство и чиновничество, службой пробившее себѣ дорогу къ дворянскимъ привилегіямъ, противъ притязаній родовитыхъ людей, стремившихся обосновать свое положеніе на иныхъ, не служилыхъ основаніяхъ. Нарождался антагонизмъ между сословностью и бюрократизмомъ, пока лишь въ своеобразной формѣ борьбы двухъ слоевъ внутри дворянскаго сословія. И Наказъ Екатерины съ его воззрѣніемъ на дворянство, какъ на служилую силу, какъ бы предвѣщалъ попытку монархической власти эмансипироваться отъ служенія сословнымъ интересамъ дворянства, твердо опереться на бюрократическую организацію управленія, и на самый сословный строй дворянства смотрѣть, какъ на административное орудіе правительства.

Князь Щербатовъ (портр. де Куртейль).

Не одни выходцы изъ другихъ сословій въ ряду дворянства протестовали противъ исключительныхъ притязаній родовитыхъ группъ. Всѣ разряды свободнаго населенія, представленные въ комиссіи, нападали на дворянскую монополію по части господства надъ рабочими руками и требовали себѣ

права владѣть крѣпостными, заставляя дворянскихъ ораторовъ договариваться до защиты вольнонаемнаго труда и свободной конкуренціи. Зато рѣшительный отпоръ встрѣчали дворянскія попытки приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни и выйти за предѣлы земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства на путь промышленнаго и торговаго предпринимательства. Одинъ изъ купеческихъ депутатовъ далъ такую мѣткую характеристику крѣпостной фабрики: „Когда купецъ,—говорилъ онъ,—строитъ фабрику, то всѣ окрестные крестьяне отъ нея удовольствуются, продаютъ лѣсъ, лубья, тесъ и т. п., нанимаются къ постройкамъ, получая зато большую плату, и тутъ же продаютъ произведенія своей земли, нанимаются для привоза на нее матеріаловъ и развозятъ ея произведенія на продажу; помѣщики, строя фабрику, начинаютъ съ того, что назначаютъ съ каждаго двора привезти потребное количество лѣса, лубья, дору и тесу, и всякій крестьянинъ, оставя хлѣбопашество, долженъ съ плачемъ ѣхать и поставить то, что съ него назначено; послѣ того ихъ принуждаютъ строить фабрику безденежно, заставляютъ работать на ней тоже безденежно“; а дѣло идетъ плохо, потому что владѣлецъ „вести фабрику секрета не знаетъ“. А между тѣмъ дворянству „надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ“. Тутъ роли мѣнялись. Дворянъ ихъ оппоненты побивали тѣми же доводами, какіе они сами выставляли противъ разрѣшенія купцамъ покупать крѣпостныхъ къ фабрикамъ и заводамъ: это де разоряетъ земледѣліе и создаетъ для крестьянъ худшій, самый тяжелый видъ неволи, изнуряющій ихъ силы. Такъ во взаимныхъ обличеніяхъ представителей противоположныхъ интересовъ выступала темная правда жизни, горькая судьбина порабощеннаго крестьянства.

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

Вопросъ о положеніи крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ возникъ въ комиссіи по поводу обсужденія мѣръ для прекращенія ихъ побѣговъ, когда одинъ изъ городскихъ депутатовъ предложилъ разсмотрѣть, въ чемъ состоятъ причины непомѣрнаго ихъ развитія, не бываетъ ли имъ „вымогательства из-

лишнихъ и большихъ податей, взысканія всегдашнихъ безпремѣнно работъ, чиненія почасту напрасныхъ побоевъ, необыкновенной строгости и другихъ жестокостей". Вопросъ не заглохъ, такъ какъ нашелъ поддержку среди депутатовъ не-дворянъ: на защиту крѣпостныхъ выступили два однодворца, Кипенскій и Масловъ, солдатъ Жеребцовъ, черносошный крестьянинъ Чупровъ, но особенно потому, что среди дворянскихъ депутатовъ двое, Коробьинъ и Козельскій, къ великому негодованію собратій, сдѣлали попытку стать на сторону праваго дѣла. Маршалъ Бибиковъ сильно преувеличилъ смыслъ этихъ преній, утверждая въ своихъ запискахъ, будто „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства". О полномъ уничтоженіи крѣпостного права не говорилъ никто. Рѣчь шла только объ ограниченіи помѣщичьей власти и опредѣленіи закономъ отношеній между крестьянами и владѣльцами. Предстатели за крѣпостныхъ имѣли за себя Наказа императрицы. Крестьянскій депутатъ говорилъ въ духѣ Наказа, настаивая, что „господа-депутаты не на то собраны, чтобы чести себя приписывать", но для работы надъ общими узаконеніями для всего государства, и „потому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщиковыхъ крестьянъ". А Коробьинъ, когда его встрѣтили попыткой зажать ротъ ссылкой на то, что

Церковь въ Кусковѣ (съ фотогр.).

полученный имъ Наказъ не даетъ ему полномочій затѣвать крестьянскую реформу, искалъ опоры въ трехъ статьяхъ Наказа, гдѣ говорилось, что желательно „учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества", „предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы", и что стремленіе держать подданныхъ въ убожествѣ, обременяя ихъ данями, причиняетъ гибель государствамъ. Ссылался онъ и на статью: „не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго". Дѣйствительно, все, что предлагалъ Коробьинъ, можно назвать развитіемъ этихъ неопредѣленныхъ намековъ Наказа. Ко-

робьинъ говорилъ въ комиссіи весьма осторожно, иногда уклончиво и явно не высказалъ сколько-нибудь полно своихъ мыслей по крестьянскому вопросу. На первый планъ онъ выдвинулъ не личную зависимость крестьянъ, а ихъ имущественное положеніе. Даже подчеркнулъ, что не возражаетъ противъ помѣщичьей власти „въ разсужденіи правленія"; быть-можетъ, онъ и тутъ считался съ Наказомъ, гдѣ есть такая мысль: „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Настаивалъ Коробьинъ только на государственномъ вредѣ такого порядка, при которомъ пріобрѣтаемый трудомъ крестьянскій достатокъ не обезпеченъ отъ уничтоженія помѣщичьимъ произволомъ. Онъ полагалъ необходимымъ обезпечить имущественныя права крестьянъ, установивъ закономъ опредѣленный размѣръ для крестьянскихъ платежей, деньгами или натурой, въ зависимости отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, а также признать за крестьянами право собственности на имущество, такъ, чтобы они только часть его считали не своимъ, а помѣщичьимъ, а другою располагали бы свободно, независимо. Опредѣленнѣе и смѣлѣе развилъ ту же точку зрѣнія Козельскій. По его мнѣнію, вопросъ о защитѣ имущественныхъ правъ крестьянъ назрѣлъ потому, что „удрученіе рабства" принижаетъ крестьянъ, умаляя производительность ихъ труда, а число помѣщиковъ, которые „во вредъ себѣ и обществу разоряютъ своихъ крестьянъ... едва ли не умножается": отъ его вниманія не ушло усиленіе эксплуатаціи крѣпостныхъ, вызванное общимъ усложненіемъ экономической жизни. Козельскій также настаивалъ на подчиненіи отношеній между крестьянами и помѣщиками законной нормѣ, ссылаясь на то, что „сама верховная власть по самодержавію своему не требуетъ болѣе опредѣленной всякой службы", а права крестьянъ на движимое и недвижимое имущество опредѣляетъ какъ потомственное владѣніе, „безъ участія помѣщиковъ". Земли онъ предлагаетъ раздѣлить и отмежевать такъ, чтобы крестьяне, живущіе „за владѣльцами" въ слободахъ, владѣли „принадлежащими къ тѣмъ слободамъ землями вообще для того, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводиться и постояннѣе жить могли". Въ то же время и Козельскій считаетъ, что власть помѣщика надъ крестьянами надо сохранить, чтобы они, „подъ наблюденіемъ своихъ помѣщиковъ всегда будучи, остались въ прежнемъ страхѣ и почитаніи ихъ, какъ они имъ и крѣпки". Уничтоженіе этой власти пугало и казалось путемъ къ общей анархіи; не вѣрилось въ возможность замѣнить ее государственной администраціей: „правительство за такою пространною монархіею усмотрѣть не можетъ, -говорили защитники помѣщичьей власти,—нынѣ же дворяне, владѣя своими деревнями, лучшій присмотръ дѣлаютъ". Едва ли не одинъ однодворецъ Масловъ считалъ своевременнымъ и необходимымъ устранить цѣликомъ помѣщичью власть во всемъ ея составѣ, взявъ, какъ это было сдѣлано съ церковными крестьянами, помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ управленіе особой

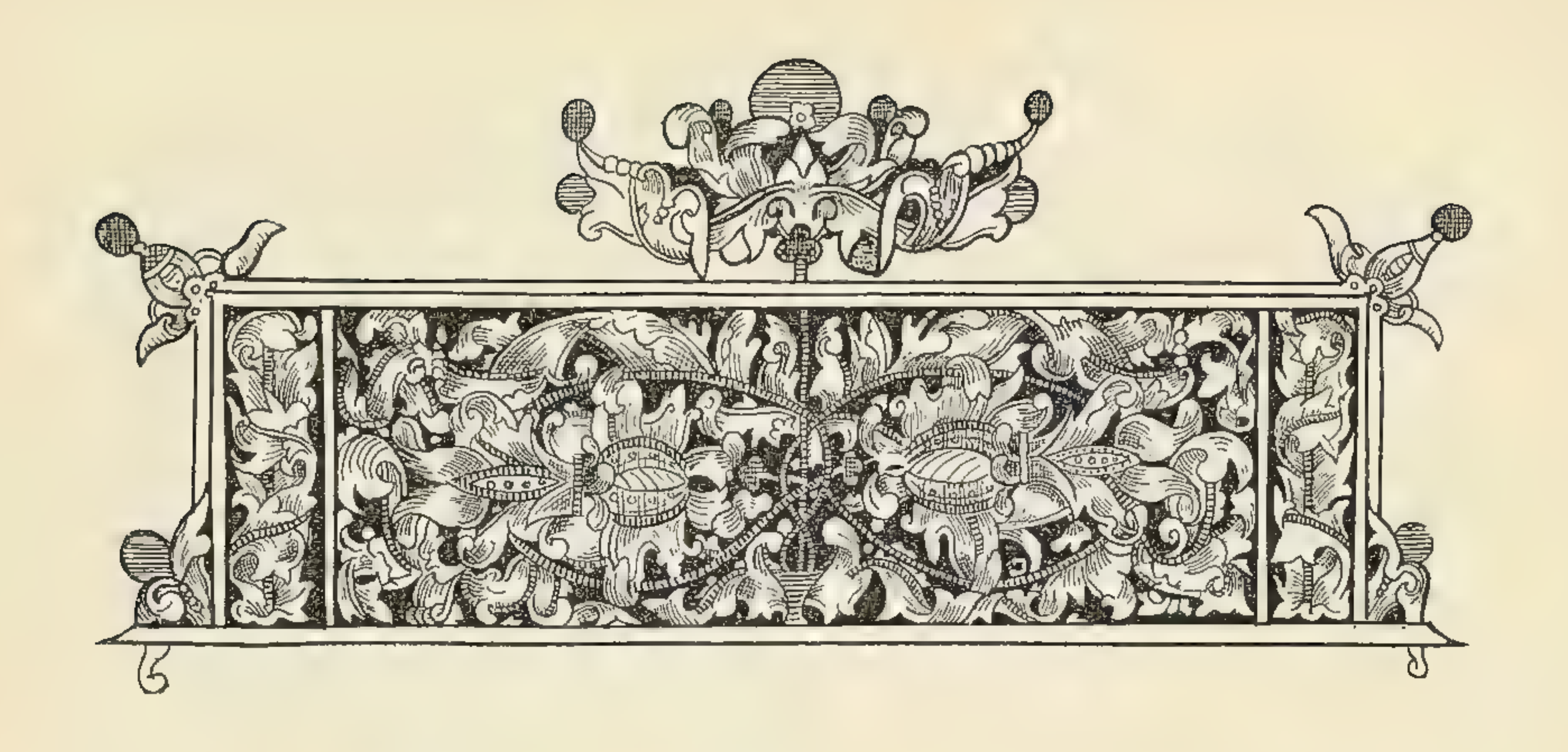
Видъ с. Грузина. Съ рис. Неѣлова 1812 г.

правительственной коллегіи съ подчиненными ей правленіями или канцеляріями по уѣздамъ. Эти учрежденія должны были, по его мысли, вѣдать не только всѣ государственные платежи и повинности крестьянъ, но и сборы съ нихъ въ пользу помѣщика, а также весь судъ и расправу по дѣламъ крестьянскаго населенія.

Дворянство, напротивъ, высказалось почти единогласно даже противъ предположенія дозволить помѣщикамъ переводить свои крѣпостныя деревни на право деревень свободныхъ (допустимымъ считалось лишь освобожденіе отдѣльныхъ крестьянъ), а большинство признавало немыслимымъ снять съ крѣпостной массы помѣщичью опеку, ожидая отъ такой мѣры общаго разстройства всего общественнаго порядка и разоренія самого крестьянства. Настроеніе, господствовавшее въ дворянской средѣ, не дало обсужденію крестьянскаго вопроса развиться сколько-нибудь широко. И сама императрица въ 1768 г., намѣчая въ „Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія“ задачу будущихъ законовъ о крестьянахъ, говоритъ о немъ совсѣмъ робко: она готова признать, что существуютъ причины, не дозволяющія сдѣлать всѣхъ земледѣльцевъ свободными, и только спрашиваетъ: „Нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества?“ Но такого „основанія“ не нашлось. Законодательство Екатерины, руководясь „свѣтомъ и свѣдѣніями“, какіе дала ей коммиссія 1767 г., пошло по пути не ограниченія, а углубленія и расширенія крѣпостного права.

А. Прѣсняковъ.

Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени.

Проф. В. И. Семевскаго.

Екатерина II, не рѣшаясь раздражать русское дворянство, которому она была обязана престоломъ, задумала первоначально попробовать улучшить бытъ крестьянъ лишь въ той окраинѣ имперіи, гдѣ помѣщиками являлись не русскіе, а почти исключительно нѣмцы. Не было поэтому случайнымъ явленіемъ, что первая серьезная статья по крестьянскому вопросу при Екатеринѣ II появилась въ печати на нѣмецкомъ языкѣ и посвящена была описанію положенія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ.

Въ 1764 г. въ историческомъ сборникѣ, издаваемомъ въ Петербургѣ академикомъ Гер. Фрид. Миллеромъ («Sammlung Russischer Geschichte»), была напечатана, безъ имени автора, статья подъ заглавіемъ „Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патріотомъ“. Авторомъ ея былъ пасторъ Эйзенъ, уже давно занимавшійся крестьянскимъ вопросомъ и еще при Петрѣ III представившій государю записку объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Хотя онъ справедливо утверждалъ, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ остальной Россіи (т.-е. въ Великороссіи, гдѣ была очень развита оброчная система) было благопріятнѣе, чѣмъ въ Лифляндіи, русскіе читатели его статьи могли найти сходныя черты въ бытѣ русскихъ и лифляндскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Самымъ важнымъ

зломъ въ жизни крестьянина въ Лифляндіи авторъ считалъ то, что онъ не имѣетъ права собственности не только на недвижимое, но и на движимое имущество. Господинъ могъ лишить его земли, могъ взять изъ его пожитковъ все, что ему угодно, и тотъ не имѣлъ права жаловаться на это суду. Помѣщики, по словамъ Эйзена, такъ обременяли крестьянъ работою, что они не успѣвали во - время ни сжать свой хлѣбъ ни убрать сѣно; они могли продавать крестьянъ не только цѣлыми семьями, но и поодиночкѣ; они подвергали ихъ суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и крестьяне обыкновенно не рѣшались жаловаться, если господинъ превышалъ размѣръ кары, опредѣленный закономъ. Авторъ указывалъ на невыгодность крѣпостного труда и предлагалъ замѣнить барщину денежнымъ оброкомъ, который дастъ возможность помѣщику нанимать рабочихъ; кромѣ того, крестьяне должны получить въ наслѣдственное пользованіе столько земли, сколько могутъ обработать. Онъ совѣтовалъ правительству и помѣщикамъ испробовать эти мѣры и выражаетъ увѣренность, что они скоро признаютъ ихъ полезность.

Редакторъ сборника въ концѣ статьи прибавилъ выраженіе надежды, что со временемъ совершенно исчезнетъ предразсудокъ, будто бы важнѣйшее преимущество дворянства должно состоять во владѣніи крѣпостными крестьянами. Эта надежда подкрѣплялась указаніемъ на то, что „многія европейскія государства опередили насъ на нѣсколько столѣтій въ уничтоженіи крѣпостного права, и, насколько извѣстно, нигдѣ въ этомъ не раскаялись“. Статья эта была извѣстна имп. Екатеринѣ II и какъ бы заранѣе оправдывала тѣ предложенія, которыя въ 1765 г. сдѣлало русское правительство лифляндскому ландтагу относительно улучшенія быта тамошнихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ какъ пасторъ Эйзенъ имѣлъ въ 1764 г. аудіенцію у императрицы, а съ 1765 г. подготовлялъ измѣненіе положенія крестьянъ [1]) въ Ропшѣ, имѣніи гр. Григорія Орлова, то, вѣроятно, его статья читалась петербургскимъ обществомъ.

Въ томъ же 1764 г., когда былъ изданъ сборникъ Миллера, появилась книга преподавателя сухопутнаго шляхетнаго корпуса Золотницкаго „Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы россійскаго общества“. Въ „натуральномъ состояніи“ то „совершенное домовое подданство“, при которомъ человѣкъ „во всемъ“ обязанъ своему господину „вѣчною службою“, такъ, что и потомство его отъ нея не освобождается, авторъ производитъ изъ договора между господиномъ и рабомъ; по его мнѣнію, господинъ имѣетъ право понуждать рабовъ ко всему, что не превышаетъ ихъ силъ „и не соединено бы было съ особливымъ ихъ разореніемъ“, которое „законъ натуральный запрещаетъ, представляя во уваженіе общее всѣмъ равенство въ разсужденіи человѣчества“. Слѣдовательно, Золотницкій проте-

[1]) Раздачу имъ земель въ наслѣдственное пользованіе съ опредѣленіемъ размѣра оброка. Предположенія эти не осуществились.

ствуетъ только противъ „особливаго разоренія рабовъ“ и умалчиваетъ о мнѣніи Пуффендорфа, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рабами дѣлаются не вслѣдствіе войны, а въ силу договора о пропитаніи, естественная справедливость и уваженіе къ свободѣ скорѣе заставляютъ предполагать, что съ прокормленіемъ родителей связано и пропитаніе дѣтей, а потому послѣднія должны считаться свободными. Вообще, по мнѣнію Пуффендорфа, человѣколюбіе всегда благопріятствуетъ свободѣ потомковъ. Такимъ образомъ болѣе полное изученіе естественнаго права, которое преподавалось не только въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, но и въ московскомъ университетѣ, и съ которымъ можно было познакомиться и по русскимъ печатнымъ и рукописнымъ переводамъ сочиненій Пуффендорфа, должно было содѣйствовать возникновенію мысли о необходимости не только смягченія крѣпостного права, но даже постепенно и совершеннаго его уничтоженія.

Екатерина II (раб. Торелли).

Неизмѣримо болѣе важное значеніе въ литературѣ Екатерининскаго времени по крестьянскому вопросу, чѣмъ статья Эйзена и книга Золотницкаго, имѣло опубликованіе Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1766 г. (по негласной инпціативѣ самой императрицы Екатерины II) задачи на премію (въ 100 червонцевъ и двѣ медали) за рѣшеніе вопроса: „Что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ Въ петербургскомъ обществѣ было, конечно, хорошо извѣстно, кто прислалъ 1000 червонцевъ на раздачу наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, плату переводчикамъ и проч. Еще важнѣе было появленіе въ печати въ 1767 г. Наказа коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, въ которомъ и послѣ сокращенія главы, посвященной крестьянскому вопросу, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ тогда имп. Екатерину, все же уцѣ-

лѣли указанія на необходимость нѣкоторыхъ мѣръ относительно крѣпостныхъ крестьянъ, а именно, предписанія помѣщикамъ, чтобы они брали болѣе умѣренный оброкъ, наказанія тѣхъ изъ нихъ, которые мучаютъ своихъ крѣпостныхъ, предоставленія послѣднимъ правъ на имущество и свободы жениться по своему усмотрѣнію.

Въ 1768 г. Вольное Экономическое Общество издало увѣнчанный главною преміею отвѣтъ на задачу о собственности крестьянъ француза Беарде-де-Лабея вмѣстѣ съ тремя сочиненіями, признанными наиболѣе близкими по достоинству къ премированной статьѣ (всего двѣ статьи на французскомъ языкѣ и двѣ на нѣмецкомъ [1]). Беарде-де-Лабей, послѣ подготовительныхъ мѣръ съ цѣлью сдѣлать крестьянъ достойными свободы, совѣтовалъ даровать имъ личное освобожденіе и право собственности на движимое имущество; завершеніемъ же дѣла считалъ надѣленіе крестьянина маленькимъ клочкомъ земли въ собственность, не обезпечивающимъ вполнѣ его существованія, и при которомъ онъ вынужденъ былъ бы брать въ аренду землю помѣщика. Другой отвѣтъ на французскомъ языкѣ былъ написанъ противникомъ физіократовъ Граслсномъ, который считалъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. Вотъ основное положеніе теоретической части его разсужденія: „Общественное благо требуетъ, чтобы земля была собственностью единственно и исключительно тѣхъ, кто ее воздѣлываетъ". Если нельзя еще думать объ измѣненіи устройства общества согласно этому принципу, если нельзя отдать землю однимъ земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ права на поземельную собственность, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для общества. Авторъ отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ, Вёльнеръ, предлагаетъ, чтобы помѣщики дали Вольному Экономическому Обществу полномочіе составить, съ разрѣшенія государыни, законъ, по которому, съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ (?), земля должна была быть передана крестьянину въ „собственность" и обезпечено ему спокойное пользованіе ею, пока онъ надлежащимъ образомъ ее обрабатываетъ. Но онъ долженъ остаться въ подданствѣ и послушаніи господину и нести за нее платежи во вдвое большемъ размѣрѣ. Авторъ четвертаго печатнаго отвѣта (на нѣмецкомъ языкѣ), лифляндскій дворянинъ фонъ-Мекъ, предлагаетъ помѣщикамъ раздать лучшимъ и зажиточнѣйшимъ крестьянамъ землю въ „собственность" подъ условіемъ отбыванія за нее разъ навсегда опредѣленной работы съ тѣмъ, чтобы участокъ не могъ быть отдѣленъ отъ всего имѣнія и чтобы обрабатывающій его крестьянинъ не могъ его покинуть. Очевидно, авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ подъ правомъ „собственности" на землю разумѣли лишь постоянное пользованіе ею на извѣстныхъ условіяхъ.

---

[1]) Русскій переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея былъ напечатанъ, кромѣ того, въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества».

И объявленіе задачи Вольнаго Экономическаго Общества о правѣ собственности крестьянъ, и либеральные параграфы Наказа о крестьянскомъ вопросѣ до извѣстной степени развязывали въ этомъ дѣлѣ руки писателямъ и показывали, что они могутъ говорить въ печати на эту тему. Въ высшихъ сферахъ въ первые годы царствованія Екатерины II неблагопріятно относились къ злоупотребленіямъ крѣпостнымъ правомъ, какъ это видно и изъ того, что А. П. Сумароковъ (старавшійся въ возраженіяхъ на Наказъ, представленныхъ императрицѣ, изобразить положеніе крѣпостныхъ въ радужномъ свѣтѣ, а также явившійся энергическимъ защитникомъ крѣпостного права въ письмѣ въ Вольное Экономическое Общество по поводу объявленной имъ

Кусково.

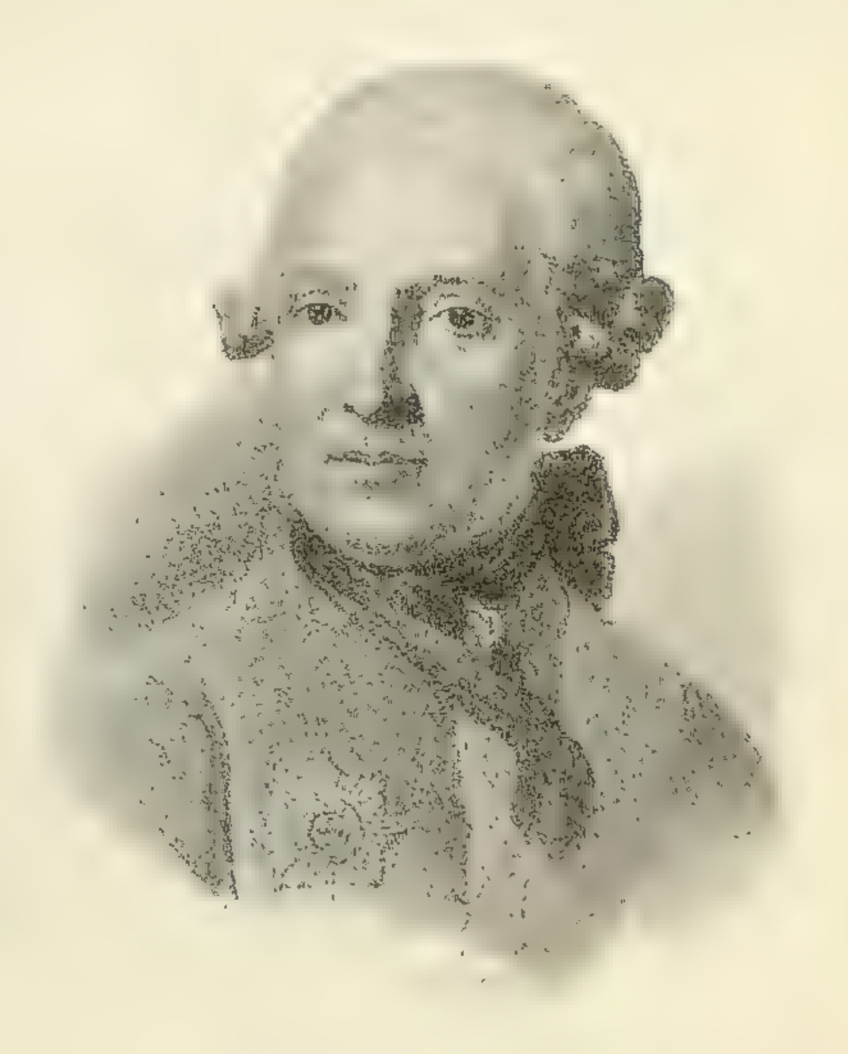
задачи) въ одномъ изъ „хоровъ", написанныхъ имъ къ большому маскараду въ Москвѣ (1763 г.), сравнивая заграничные порядки съ нашими, говоритъ:

«Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ».

Крѣпостное право Сумароковъ обличалъ и въ нѣкоторыхъ сатирахъ и притчахъ.

Писатели поспѣшили воспользоваться возможностію обличать главное зло тогдашней русской жизни. Самую важную роль сыграли въ этомъ отношеніи въ первую половину царствованія Екатерины II сатирическіе журналы. Даже во „Всякой Всячинѣ" (1769 г.), которую издавалъ секретарь Екатерины II

Козицкій при участіи въ журналѣ самой государыни, встрѣчаемъ упоминаніе о ежедневномъ наказаніи господиномъ своихъ людей на конюшнѣ. „Адская Почта“ Эмина (1769 г.) указываетъ на разныя уловки, съ помощію которыхъ обходили запрещеніе торговли людьми во время рекрутскаго набора. Но наиболѣе тяжелые удары крѣпостному праву были нанесены двумя журналами, издаваемыми Н. И. Новиковымъ. Въ его „Живописцѣ“ (1772 г.) было указано на то, что нѣкоторые помѣщики заставляютъ сначала убрать весь господскій хлѣбъ и только тогда позволяютъ крестьянамъ приняться за свою работу, другіе требуютъ отъ нихъ по пяти дней барщины въ недѣлю. „Трутень“ Новикова обличаетъ сѣченіе недоимщиковъ и скрытую торговлю рекрутами. „Живописецъ“ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что результатомъ крѣпостного права являлась народная нищета. „Бѣдность и рабство,—говоритъ авторъ статьи „Отрывокъ путешествія“, — повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ“. Описавъ далѣе плохія жилища крестьянъ, малое количество у нихъ скота, дурной урожай хлѣба, онъ говоритъ, что вездѣ разспрашивалъ „о причинахъ бѣдности крестьянской и, слушая ихъ отвѣты, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами были тому виною“. Издатель журнала, защищая его отъ нападокъ крѣпостниковъ, указывалъ и на вредъ для всего государства отъ „худого раченія“ помѣщиковъ о своихъ крестьянахъ, на то, что слѣдствіемъ этого являются недоимки въ податяхъ, бѣдность народа, неурожаи хлѣба. Но всѣ эти объясненія мало помогали, и приходилось исключать изъ статей о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторыя мѣста, а затѣмъ и надолго замолкнуть. Сатирическіе журналы, издававшіеся въ первой половинѣ царствованія Екатерины II, не пережили Пугачевщины.

А. П. Сумароковъ (раб. Аѳанасьева).

Отвѣты на задачу Вольнаго Экономическаго Общества о правѣ собственности крестьянъ, написанные на иностранныхъ языкахъ и одобренные обществомъ, были напечатаны, кромѣ сочиненія Беарде-де-Лабея, только въ подлинникахъ. Но въ 1772 г. появился русскій переводъ перваго тома обширнаго сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, энергично нападавшаго на

крѣпостное право: это былъ трудъ Юсти „Основаніе силы и благосостоянія царствъ или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія“ [1]). Къ сожалѣнію, переводъ не всегда удачно передаетъ подлинникъ. Авторъ считаетъ „великою погрѣшностію“ то, „когда крестьяне не имѣютъ собственныхъ земель“; это вредно для государства. „Пока крестьяне не будутъ совершенно владѣть населяемыми ими землями“, у нихъ не будетъ сильнаго побужденія къ лучшей ихъ обработкѣ, такъ какъ они должны всегда опасаться, что сами они или ихъ дѣти будутъ лишены земли владѣльцемъ села или деревни [2]). Здѣсь, слѣдовательно, дѣло идетъ о предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности. Но Юсти не находитъ возможнымъ настаивать на рѣшеніи крестьянскаго вопроса законодательнымъ путемъ: по его мнѣнію, „встрѣтились бы... великія препятствія въ такомъ случаѣ, когда вздумали бы требовать отъ нынѣшнихъ помѣщиковъ, дабы они дачи свои уступили мужикамъ въ вѣчное владѣніе: ибо какъ скоро наложили бы они на свои помѣстья высокую цѣну и предъявили бы, что никто къ покупкѣ оныхъ не является, то правленію едва ли бы можно было безъ крайне само-

Н. П. Новиковъ (съ портр. Левицкаго).

---

[1]) Нѣмецкій оригиналъ появился въ 1760 г.

[2]) «Крѣпости на людей (Leibeigenschaft),—продолжаетъ Юсти,—суть уже сами по себѣ столь несправедливы и такъ противны свойству и существу царствъ (eines Staats), что превеликаго удивленія достойно, какъ могутъ они быть еще въ употребленіи въ такія, какъ нынѣшнія, просвѣщенныя времена. Свобода мѣщанъ (des Bürgers) и всѣхъ членовъ государства есть, такъ сказать, первое существенное свойство всѣхъ гражданскихъ строительствъ (Verfassungen), и потому тѣ державы, гдѣ одинъ родъ людей раболѣпствуетъ другому или находится у него въ подданствѣ, имѣютъ такое чудное (т.-е. безобразное, monströse) установленіе, которое могло начало свое получить только въ самыя непросвѣщеннѣйшія времена, по коего благонравные и разумные люди (Zeiten) безъ посрамленія себя не могутъ оставить на прежнемъ основаніи». Отсутствіе свободы крестьянъ вредно и для самихъ

вольнаго покушенія на собственность владѣльцевъ приступить впредь къ другимъ мѣрамъ". Авторъ предпочитаетъ воздѣйствовать въ этомъ отношеніи посредствомъ повышенія налоговъ: пусть верховная власть возвыситъ подать „со всѣхъ такихъ крестьянскихъ дачъ", гдѣ не живутъ сами помѣщики, и узаконитъ, чтобы окладъ этотъ платили не крѣпостные люди и не мужики, берущіе въ оброкъ земли у своихъ господъ, но самъ помѣщикъ изъ своихъ доходовъ, и „вскорѣ всѣ крестьянскія дачи припишутся въ вѣчное владѣніе (eigenthümlich) самимъ мужикамъ". Юсти сторонникъ мелкаго землевладѣнія и предлагаетъ содѣйствовать его развитію увеличеніемъ обложенія земли не пропорціонально увеличенію ея размѣра, а введеніемъ прогрессивнаго налога. Но онъ утверждаетъ, что области, гдѣ крестьяне крѣпостные или берутъ пашни въ оброкъ у дворянъ, неизмѣримо далеки „отъ прямыя устройки" (Cultur) и, пока не перемѣнятъ своего состоянія, не могутъ достигнуть „совершенства сельскаго домостроительства". Правительство должно стараться сдѣлать крестьянъ „собственниками" обрабатываемыхъ ими земель.

Кусково. Паркъ.

На ряду съ либеральными мнѣніями въ русской оригинальной и переводной печати Екатерининскаго времени по крестьянскому вопросу высказывались также и консервативныя. Въ 1768 г. вышло въ свѣтъ изданіе „Судебника", приготовленное къ печати извѣстнымъ историкомъ В. Н. Татищевымъ, умершимъ въ 1750 г. Въ одномъ изъ примѣчаній къ „Судебнику" Татищевъ признаетъ полезность личной свободы, свободы перехода крестьянъ для современной ему Европы и для

«владѣльцевъ мужичьихъ дачъ», такъ какъ они получаютъ отъ нихъ весьма малый доходъ, а крестьяне не могутъ «наилучшимъ образомъ пользоваться землями. Помѣщики не претерпѣли бы никакого убытка и отъ того, если бы уступили имъ свои дачи въ вѣчное владѣніе (vollkomene Eigenthum), а получаемые отъ оныхъ малые доходы предоставили бы себѣ яко поголовный оброкъ или окладъ (наслѣдственный ежегодный оброкъ, jährlicher Erbzins), ибо мужики могли бы, сверхъ того, исправлять и боярскія работы такъ, какъ водится въ Саксоніи и другихъ областяхъ, гдѣ они имѣютъ полную власть надъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ».

Россіи XVI вѣка, но для Россіи своего времени считаетъ невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостного права: „Вольность крестьянъ и холопей... съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно".

Въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества" (1770—71 гг.) появлялись иногда и прямо крѣпостническія заявленія по крестьянскому вопросу [1]). Членъ Общества Клингштетъ въ своей статьѣ говоритъ: „Вольность и собственное владѣніе имѣніемъ своимъ должно, безъ сомнѣнія, почитать наисильнѣйшимъ поощреніемъ человѣческаго труда. Но когда въ самое то жъ время взирать на бѣдственное состояніе столь многихъ чухонскихъ и украинскихъ жителей, хотя они и всѣ люди вольные, то признаться должно, что вольность тѣмъ людямъ, которые ею по надлежащему не умѣютъ пользоваться, больше бываетъ вредною, нежели полезною, и что одна только вольность не въ силахъ препятствовать лѣности и предупреждать происходящую отъ ней бѣдность". Впрочемъ, консервативныя мнѣнія по крестьянскому вопросу были въ первую половину царствованія Екатерины II довольно рѣдкимъ явленіемъ въ печати.

Типъ крестьянки (Gruber).

Во вторую половину ея царствованія крѣпостное право рѣдко обличается въ журналистикѣ съ тою силою, какъ это дѣлалось въ „Трутнѣ" и „Живописцѣ". Въ „Вечерней Зарѣ", издаваемой также Новиковымъ (1782 г.), представленъ въ одномъ стихотвореніи баринъ, который бранитъ и бьетъ слугу и въ то же время думаетъ, что тотъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, такъ какъ его кормятъ и одѣваютъ; выраженіе же дворовымъ протеста противъ дурного съ нимъ обращенія ведетъ къ наказанію его на конюшнѣ. Въ другомъ стихотвореніи того же журнала авторъ указываетъ, что тогдашніе вольтеріанцы способны были, разоривъ крестьянъ, продать или заложить ихъ,

[1]) Такъ, авторъ статьи объ управленіи помѣщичьими вотчинами въ отсутствіи господина говоритъ: «Прежде всего надлежитъ стараться, чтобъ земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной своей пользы упражняются въ земледѣліи... но тѣмъ обязаны служить, во-первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу и быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ».

а деньги проиграть въ карты. Въ другомъ изданіи Новикова „Покоющійся Трудолюбецъ“ (1785 г.) было напечатано стихотвореніе „Письмо къ другу“, принадлежащее перу женщины, гдѣ авторъ говоритъ о крайне утомительной работѣ крѣпостныхъ для ихъ праздныхъ господъ. Въ эпиграммѣ „Боярская щедрость“ рѣчь идетъ о томъ, какъ господинъ хочетъ полтиной вознаградить слугу, котораго онъ постоянно наказывалъ плетьми, и который, несмотря на то, спасъ ему жизнь. Въ стихотвореніи „Жадность къ богатству“ сребролюбіе побуждаетъ господина „рабовъ работой угнетать“ и драть оброкъ съ крестьянъ.

Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“ (1789 г.), который издавало въ Петербургѣ общество „Друзей словесныхъ наукъ“, было напечатано „Завѣщаніе уѣзднаго дворянина своимъ дѣтямъ“, гдѣ отецъ даетъ имъ такія наставленія объ отношеніи къ крѣпостнымъ: „Сихъ душъ не почитайте вы подлыми: онѣ кормятъ благородныхъ. Все учреждайте къ ихъ благосостоянію... Многіе нынѣ изъ дворянъ, грабя своихъ крестьянъ, пресыщаютъ собакъ“. Одинъ помѣщикъ „почти до смерти засѣкъ было“ своего повара за то, что тотъ нечаянно обварилъ его любимую гончую. Авторъ завѣщанія оставляетъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство деревни лишь подъ условіемъ, что они не станутъ мучить своихъ крестьянъ, будутъ брать съ нихъ умѣренный оброкъ, во время набора ставить рекрута не иначе, какъ по жребію, и не присвоятъ себѣ небольшого капитала, назначеннаго для помощи крестьянамъ въ ихъ промыслахъ [1]).

Въ журналѣ „Сатирическій Вѣстникъ“, издаваемомъ въ Москвѣ Страховымъ (1790—92 г.), авторъ письма изъ города М. сообщаетъ, что тамъ на 5.000 жителей-дворянъ находится „болѣе нежели до 100.000 чел. парикмахеровъ, поваровъ, камердинеровъ, слугъ и служанокъ, которыхъ господа питаютъ и одѣваютъ богато на счетъ глада и наготы несчастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ“. Въ другомъ письмѣ рѣчь идетъ о помѣщикѣ, который сумѣлъ побоями довести крестьянъ до того, что, несмотря на всѣ его притѣсненія, они повторяютъ: „Много довольны и пожалованы“. Тотъ же журналъ обличаетъ продажу крестьянъ въ рекруты. Мотъ продаетъ крестьянина и собираетъ съ имѣнія оброкъ за пять лѣтъ впередъ.

Крестьянскій вопросъ затрогивали и журналы, издававшіеся въ провинціальныхъ городахъ. Такъ, въ „Уединенномъ Пошехонцѣ“, выходившемъ въ свѣтъ въ Ярославлѣ, было указано (1786 г.) на необходимость измѣненія положенія крестьянъ ради улучшенія земледѣлія: „Гдѣ народъ,—говоритъ авторъ статьи „О земледѣліи и земледѣльцѣ“ (быть-можетъ, подъ вліяніемъ книги Юсти),—держимъ въ своемъ отечествѣ собственностью и безопаснымъ имѣніемъ своихъ владѣній и доходовъ, тамъ земли суть въ наилучшемъ со-

[1]) Мы увидимъ далѣе, что въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ» принялъ участіе А. Н. Радищевъ.

стоянiи. Когда не будутъ давать преимуществъ однимъ городамъ, селамъ же рабство, тогда увидятъ каждаго владѣльца восхищающагося наслѣдiемъ предковъ своихъ". Даже въ журналѣ, издававшемся въ Тобольскѣ на средства приказа общественнаго призрѣнiя подъ заглавiемъ: „Иртышъ, превращающiйся въ Ипокрену", находимъ весьма сильное нападенiе на злоупотребленiя крѣпостнымъ правомъ, хотя въ Сибири было очень мало крѣпостныхъ. Здѣсь помѣщена (въ 1790 г.) довольно тяжеловѣсная по формѣ „Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ" Ив. Бахт. (Бахтина): одинъ плохо кормитъ и одѣваетъ своихъ слугъ, другой нещадно сѣчетъ крѣпостныхъ, и крестьяне его питаются иногда мякиною вмѣсто хлѣба. Авторъ [1]) выражаетъ надежду, что „сила просвѣщенiя" значительно уменьшитъ число такихъ „уродовъ".

Архангельское. Имѣнiе Юсуповыхъ.

Весьма значительныя вылазки противъ крѣпостного права были сдѣланы И. А. Крыловымъ въ издаваемыхъ имъ тогда журналахъ. Въ „Почтѣ Духовъ" (1789 г.) онъ изображаетъ помѣщика, который по случаю своей женитьбы облагаетъ большую вотчину поборомъ по 20 р. съ души, тогда какъ въ это время наиболѣе обычный оброкъ былъ въ четыре раза менѣе. Другой для удовлетворенiя страсти къ мотовству закладываетъ свои села и деревни или продаетъ въ рекруты дворовыхъ. Француженка, владѣтельница магазина,

[1]) Вѣроятно, его Радищевъ разумѣетъ въ заглавiи своего произведенiя («Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ»), написаннаго по поводу открытiя въ Петербургѣ памятника Петру В. въ 1782 г.

говоритъ: „Одна наша лавка можетъ разорить въ году до ста тысячъ крестьянъ". Крыловъ изображаетъ въ своихъ статьяхъ и жестокое обращеніе съ крѣпостными. Еще сильнѣе обличаетъ онъ крѣпостное право и нравы помѣщиковъ-крѣпостниковъ въ другомъ своемъ журналѣ „Зритель" (1792 г.), въ талантливой статьѣ „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ". Герой еще въ дѣтствѣ привыкъ мучить прислугу; выйдя въ отставку и поселившись въ деревнѣ онъ всецѣло посвятилъ себя охотѣ за зайцами, топча при этомъ хлѣбъ своихъ крестьянъ, которыхъ, наконецъ, довелъ до совершеннаго разоренія, такъ что они мрутъ съ голоду. Крѣпостное право затрогивается и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ „Зрителя", и въ издававшемся Крыловымъ вмѣстѣ съ Клушинымъ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" (1793 г., въ стихотвореніи кн. Хованскаго).

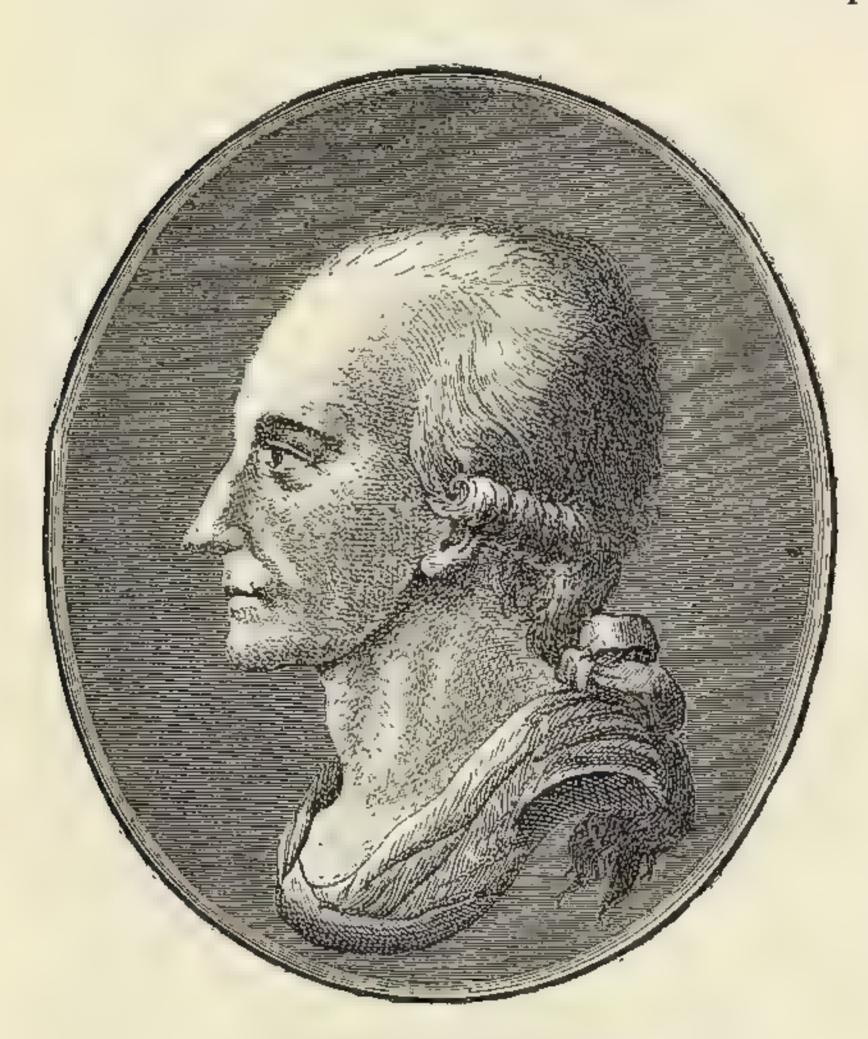

И. А. Крыловъ (съ гравюры Гедама).

Драма Екатерининскаго времени и тогдашняя сцена также внесли свою лепту въ дѣло подготовки рѣшенія крестьянскаго вопроса. Примѣръ обличенія въ этой области крѣпостного права показала сама императрица своею комедіею „О время" (1772 г.). Здѣсь Ханжихина такъ проводитъ день: послѣ утренней молитвы она чешетъ свою кошку, при чемъ поетъ стихъ „Блаженъ, кто и скоты милуетъ", а между тѣмъ и горничныхъ миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ". Здѣсь же Екатерина II указываетъ на то, что крѣпостные не пользуются свободою въ заключеніи брака: Ханжихина въ негодованіи, что одинъ изъ дворовыхъ просьбою о женитьбѣ помѣшалъ ей молиться, приказываетъ строго наказать его. Въ другой комедіи того же автора „Имянины госпожи Ворчалкиной" (1772 г.) слуга говоритъ: „Какой вздоръ, будто

можно побоями человѣческой перемѣнить нравъ... У Невѣждова всякой день, то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ, и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаетъ, а люди всѣ и воры, и пьяницы".

Княжнинъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты" (1779 г.) обличаетъ и торговлю рекрутами, и вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ по волѣ господина. Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ пишетъ своему приказчику: „Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты?.. Нахватай ихъ и продай" [1]). — „Боже мой, какъ мы несчастливы! — жалуется въ той же комедіи молодой парень.—Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли".

Я. Б. Княжнинъ (съ портр. Ферапонтова).

Въ „Недорослѣ" Фонвизина, напечатанномъ въ 1783 г., предаются осмѣянію жестокіе помѣщики. „Все сама управляюсь"..., — говоритъ Простакова. „Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладаю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ домъ и держится". Еремѣевна, по ея словамъ, получаетъ жалованья „по пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день". Скотининъ умѣетъ взыскивать оброкъ съ крестьянъ, и Простакова проситъ брата научить ее этому искусству, а то, говоритъ она, „съ тѣхъ поръ, какъ все то, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!" Простакова основываетъ свое право расправляться съ крестьянами на манифестѣ о вольности дворянства. Напротивъ, Стародумъ заявляетъ, что „угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно". Изображеніе мрачныхъ сторонъ быта крѣпостныхъ скрашивается въ комедіи Фонвизина выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и восхваленіемъ намѣстника, который „съ ревностію помогаетъ страждущему человѣчеству".

---

[1]) Къ тому же мотиву Княжнинъ возвращается и позднѣе, въ комедіи «Хвастунъ» (1786 г.), гдѣ Простодумъ скопилъ деньги, «кстати въ рекруты торгуючи людьми».

Мих. Вас. Поповъ, самъ вышедшій изъ народа, свою комическую оперу „Анюта“ (поставленную на сценѣ въ 1772 г.) начинаетъ пѣсенкой мужика Мирона, въ которой, несмотря на нѣкоторую нескладность формы, хорошо обрисована эксплуатація крѣпостныхъ ихъ помѣщиками. Онъ обращается къ другимъ крестьянамъ съ такими словами:

„Зачѣмъ вы не дворяне?
Вы сахаръ бы зобали
Такъ славно бы, какъ медъ,
И пили бы вы ледъ [1]),
Да деньги огребали
Изъ рода въ родъ и родъ;
Лежали бъ на печи
Да ѣли колачи.
Про васъ бы работали,
А вы бы лишь мотали...
Боярская забота:
Пить, ѣсть, гулять и спать;
И вся ихъ въ томъ работа,
Чтобъ деньги обирать.
Мужикъ сушись, крушися,
Потѣй и работай,
А послѣ хоть сбѣсися,
А денежки подай“.

Въ комической оперѣ Николева „Розана и Любимъ“, въ первый разъ представленной въ Москвѣ въ 1778 г. и напечатанной въ 1781 г., обличается помѣщичій развратъ. Старикъ Излѣтъ, узнавъ, что пропавшая дочь его Розана увезена помѣщикомъ, выражаетъ свое негодованіе слѣдующими словами: „Такъ вотъ добродѣтели-то знатныхъ бояръ: коли не разоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ обезчестить бѣднаго человѣка съ тѣмъ, чтобы бросить ему деньги!“ Онъ хочетъ жаловаться царицѣ, но помѣщикъ, вопреки обычной дѣйствительности, уступаетъ, кается и разрѣшаетъ бракосочетаніе влюбленной парочки.

Съ церковной каѳедры также раздавались иногда обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Такъ, въ проповѣди архіепископа новгородскаго и петербургскаго Гавріила, произнесенной въ придворной церкви въ 1777 г., ораторъ говоритъ: „Представимъ сто или тысячу человѣкъ, которыхъ счастіе, имѣніе,—словомъ сказать, все, рѣшитъ одна карта или которые, изливая потъ чрезъ все теченіе года, должны ожидать, чтобъ сей трудъ оцѣненъ былъ частію минуты. Боже праведный! сіе ли есть цѣна добродѣтели и трудовъ“ [2]).

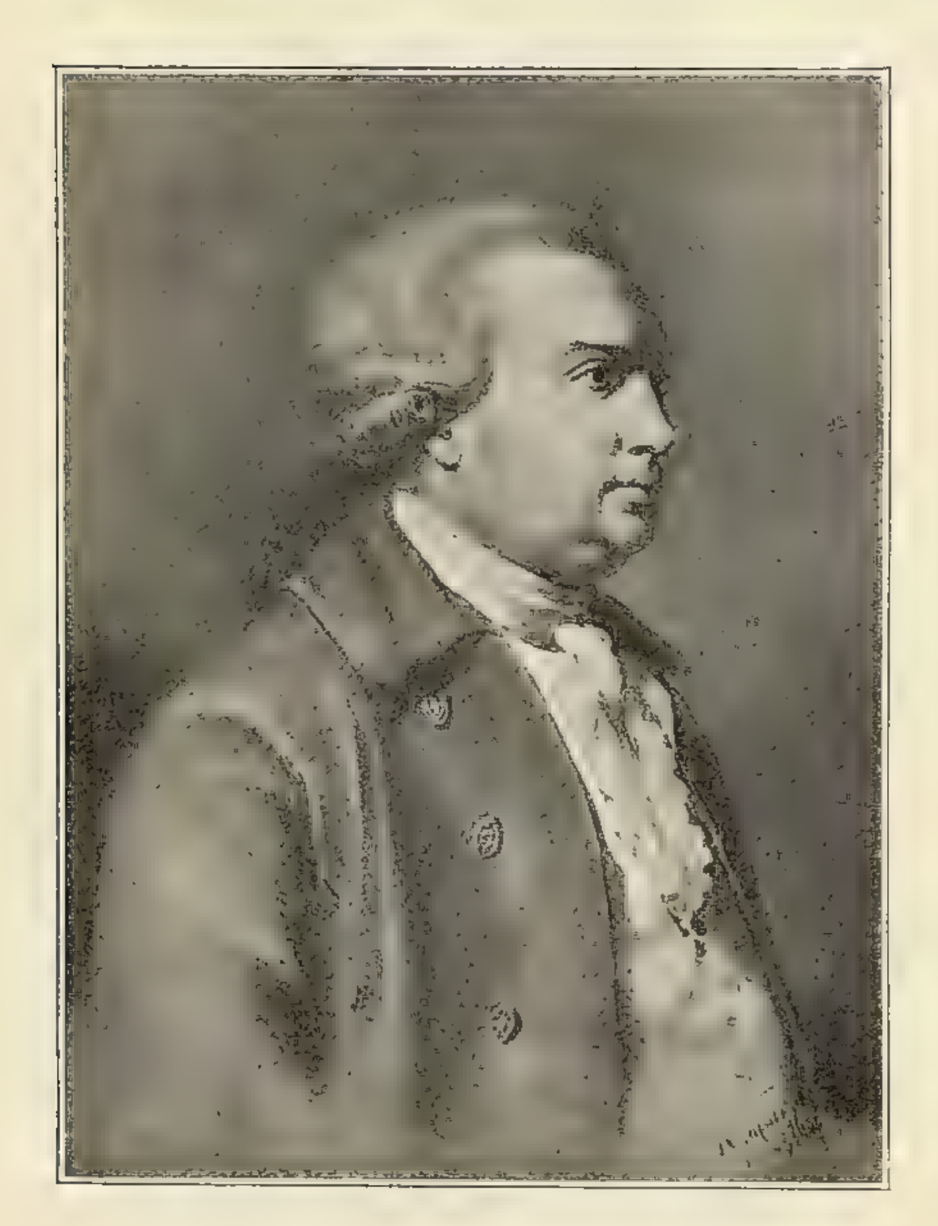
Вліяніе реакціи во вторую половину царствованія Екатерины II сказалось, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторые писатели стали не отрицательно относиться къ крѣпостному праву, а, напротивъ, утверждать, что наши помѣщичьи крестьяне находятся вообще въ очень хорошемъ положеніи [3]) или, по

[1]) Вѣроятно, замороженное вино.

[2]) Въ сочиненіяхъ Тихона, епископа воронежскаго, встрѣчается не мало увѣщаній человѣчно обходиться съ «рабами».

[3]) Такую идеализацію крѣпостного права находимъ въ пастушеской драмѣ Майкова «Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель» (1777 г.), въ комической оперѣ неизвѣстнаго автора «Матросскія шутки» и нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ.

крайней мѣрѣ, сравнительно съ бытомъ народа въ Западной Европѣ. Примѣръ и въ этомъ отношеніи подала имп. Екатерина въ своемъ сочиненіи „Антидотъ", изданномъ въ 1770 г. на французскомъ языкѣ [1]), какъ возраженіе противъ книги о Россіи аббата Шаппа (1768 г.), и составленномъ ею, быть-можетъ, при нѣкоторомъ участіи гр. А. П. Шувалова. „Мнимая нищета, — говоритъ она здѣсь,—не существуетъ въ Россіи; русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и зажиточнѣе, чѣмъ ваши французскіе крестьяне; ему извѣстно, что онъ долженъ платить, между тѣмъ, какъ у васъ есть провинціи, въ которыхъ принуждены питаться каштанами и даже не знаютъ названія всѣхъ своихъ повинностей, — такъ многочисленны онѣ. Въ Россіи назначаютъ повинности лишь въ той мѣрѣ, въ какой крестьянинъ можетъ ихъ выполнить". Авторъ „Антидота" полагаетъ, что „хорошее или дурное обращеніе съ домашнею прислугою гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности господъ, чѣмъ отъ законовъ страны", и увѣряетъ, что, „ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются". Но, высказывая такія идеи въ „Антидотѣ", Екатерина нѣсколько иное говоритъ въ Наказѣ и отчасти въ своихъ комедіяхъ и въ гораздо болѣе мрачномъ свѣтѣ изображаетъ положеніе нашихъ крѣпостныхъ въ нѣкоторыхъ замѣткахъ и запискахъ, не предназначенныхъ для печати [2]).

Д. И. Фонвизинъ (съ портрета Крамского).

Извѣстный историкъ Болтинъ въ своемъ сочиненіи (1788 г.) по поводу книги о Россіи французскаго писателя Леклерка доказываетъ, что наши крѣпостные крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне въ Германіи и Франціи. Онъ утверждаетъ, что большая часть нашихъ помѣ-

[1]) Безъ обозначенія мѣста печатанія.

[2]) Замѣтки по поводу возраженія Сумарокова на Наказъ, письмо къ кн. Вяземскому по поводу какого-то проекта закона противъ крѣпостныхъ.

Внутренность хоромъ въ Архангельскомъ, имѣнiе Юсуповыхъ.

щичьихъ крестьянъ „живутъ въ довольствѣ и покоѣ“ и не считаютъ „состоянія своего несноснымъ“, однако признаетъ, что оно не одинаково и что „нѣкоторые изъ нихъ, по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ, обременены оброками и работами тяжкими и едва сносными“. Онъ также говоритъ, что помѣщиковъ, поступающихъ съ крестьянами „хуже, нежели со скотами, меньше, однакожъ, должно къ стыду признаться, нарочитое число есть“. По его словамъ, крестьяне въ дѣйствительности ненарушимо владѣютъ своимъ движимымъ имуществомъ на основаніи обычая, „который имѣетъ силу, не меньшую закона“, однако въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ „изъ сего всеобщаго состоянія исключаются: по безчеловѣчію господъ своихъ не будучи удостовѣрены о собственности“, они „не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ-подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желаній оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ“.

Болтинъ высказывается противъ немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, опираясь на мнѣніе Руссо въ его сочиненіи о Польшѣ, что прежде нужно освободить души рабовъ, а потомъ уже ихъ тѣла [1]). Болтинъ полагаетъ, что „не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ особливое, которое пріобрѣтается вѣками и пособіемъ многихъ обстоятельствъ“ [2]). Однакоже онъ не является такимъ крайнимъ консерваторомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ кн. Щербатовъ, который вооружался противъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, кромѣ запрещенія продажи ихъ поодиночкѣ. Напротивъ, Болтинъ говоритъ: „Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобы наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченіе, пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ“. Онъ предлагаетъ ограниченіе закономъ повинностей крестьянъ и предоставленіе имъ права собственности на ихъ имущество. Онъ признаетъ необходимость въ концѣ-концовъ одновременнаго освобожденія всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, но прійти къ этому слѣ-

[1]) Но онъ упустилъ изъ виду, что Руссо все же совѣтовалъ немедленно принять мѣры для постепеннаго освобожденія крестьянъ, не оставляя этого дѣла на усмотрѣніе частныхъ лицъ, а поручая его сеймикамъ, и что по истеченіи нѣкотораго времени онъ допускалъ освобожденіе цѣлыми деревнями и притомъ съ надѣленіемъ землею. Если Руссо настаиваетъ на томъ, что необходимо прежде освободить души, то потому, что имѣетъ въ виду не только постепенное уничтоженіе крѣпостного права, но и предоставленіе освобожденнымъ участія въ политической жизни государства,—право посылать депутатовъ на сеймики, которое, по его мнѣнію, могло бы быть опаснымъ въ рукахъ людей, не избавившихся отъ пороковъ, привитыхъ рабствомъ.

[2]) Онъ приводитъ свидѣтельство Вольтера, что въ то время и во Франціи не всѣ крестьяне были людьми свободными.

дуетъ „исподоволь и постепенно“. Были не безполезны и его указанія на дурныя стороны жизни крестьянъ въ Западной Европѣ, такъ какъ такимъ образомъ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крестьянъ: по его словамъ, англійская вольность „низвергнетъ ихъ въ бездну погибели“.

Другой русскій историкъ, академикъ Гер. Фрид. Миллеръ, въ статьѣ, напечатанной въ 1780 г. по-нѣмецки въ „Магазинѣ новой исторіи и географіи“ Бюшинга, выходившемъ въ свѣтъ не въ Россіи, но удѣлявшемъ ей много мѣста, идетъ далѣе Болтина и утверждаетъ, что уничтоженіе крѣпостного права полезно не только для государства, но и для владѣльцевъ населенныхъ имѣній, хотя въ то же время полагаетъ, что въ Россіи оно „гораздо сноснѣе и легче, чѣмъ въ Польшѣ, Богеміи и другихъ государствахъ, гдѣ оно еще существуетъ [1]), и особенно не такъ обременительно, какъ въ Лифляндіи“ [2]). Въ статьѣ же, напечатанной по-русски въ журналѣ „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія“ (1789 г.), Миллеръ не рѣшается требовать совершеннаго уничтоженія крѣпостного права, но высказываетъ пожеланіе, чтобы изданъ былъ именной указъ, которымъ крестьяне были бы обезпечены „въ собственномъ и безпрепятственномъ владѣніи поправленныхъ ими земель, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время“, напримѣръ, на 20—30 лѣтъ. Въ теченіе этого періода цѣна земледѣльческихъ произведеній возвысится, и тогда справедливо будетъ въ такой же степени возвысить и оброкъ. Въ этомъ Миллеръ видитъ лучшее рѣшеніе задачи, предложенной въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Слѣдовательно, онъ думаетъ, что помѣщикъ

Г. Р. Державинъ (съ портр. Боровиковскаго).

---

[1]) Послѣ мѣръ Маріи-Терезіи для ограниченія крѣпостного права въ Богеміи мнѣніе Миллера, что положеніе тамъ крѣпостныхъ было хуже, чѣмъ въ Россіи, нельзя признать справедливымъ.

[2]) Напомнимъ, что статья пастора Эйзена о положеніи крестьянъ въ Лифляндіи появилась въ сборникѣ, издаваемомъ Г. Ф. Миллеромъ.

долженъ быть лишенъ права повышать по своему произволу повинности и отнимать землю у крестьянъ, произведшихъ улучшеніе земель, находившихся въ ихъ пользованіи.

Первое мѣсто среди писателей по крестьянскому вопросу при Екатеринѣ II, несомнѣнно, принадлежитъ А. Н. Радищеву. Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“ (1789 г.), издаваемомъ обществомъ „Друзей словесныхъ наукъ“, въ которомъ онъ участвовалъ, въ статьѣ „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества“, Радищевъ рѣзкими чертами характеризуетъ безправное положеніе крѣпостныхъ: они „походятъ на человѣка однимъ только видомъ.., обременены тяжестью своихъ оковъ, лишены всѣхъ благъ, исключены отъ всего наслѣдія человѣковъ, угнетены, унижены, презрѣны“; они „работаютъ необходимое для человѣка изъ страха; имъ... наималѣйшее желаніе заказано, имъ позволено только расти, потомъ умирать“...

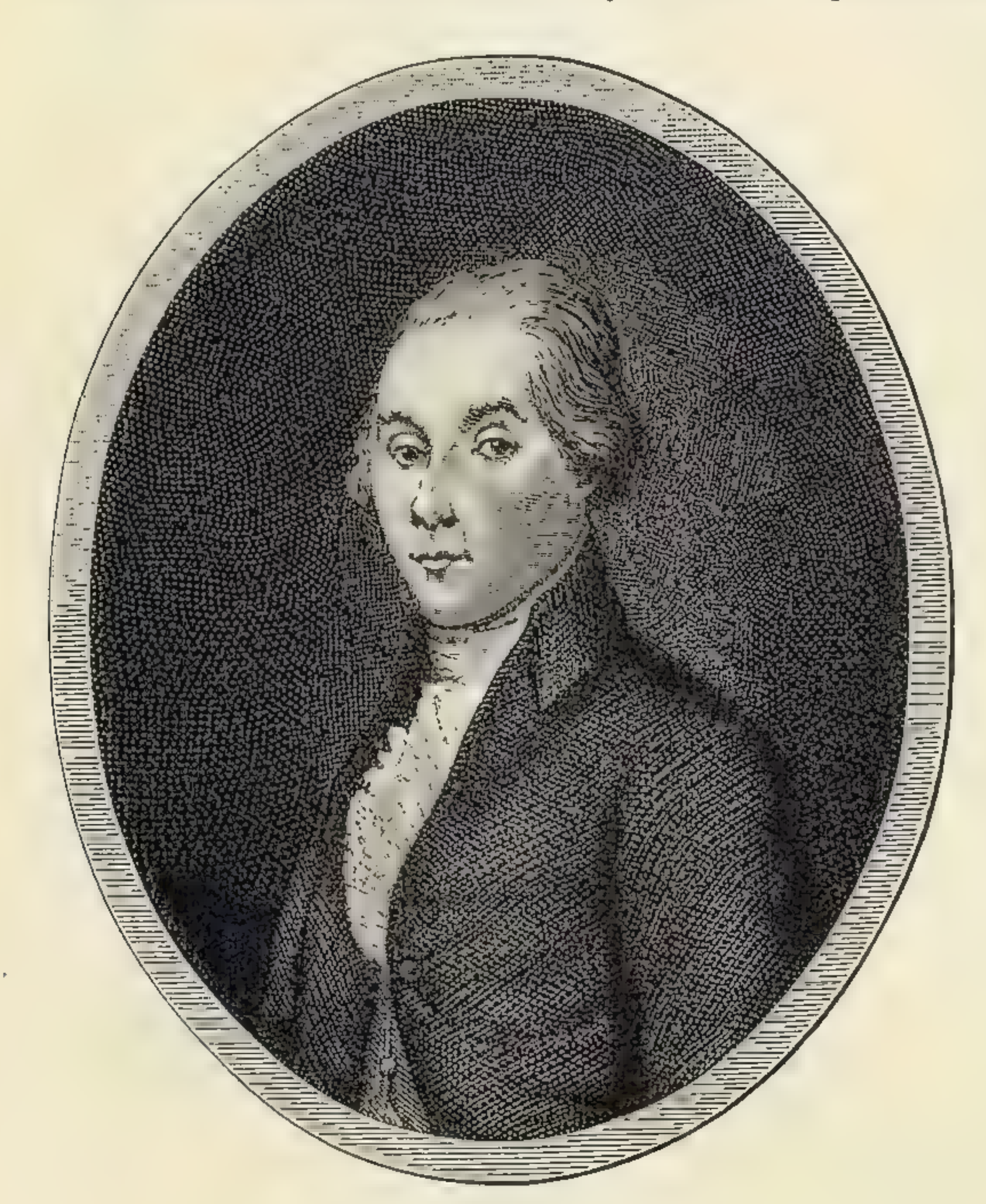
Въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (1790 г.), навѣянномъ всего болѣе книгою аббата Рейналя „Исторія обѣихъ Индій“ (которое было написано при весьма значительномъ участіи Дидро), Радищевъ даетъ очень сильное изображеніе мрачныхъ сторонъ крѣпостного права. При обрисовкѣ положенія крѣпостныхъ авторъ ограничивается отрицательными сторонами ихъ быта, но все же его трудъ не превращается въ памфлетъ, изобилующій преувеличеніями; напротивъ, все, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ, подтверждается и другими источниками. Такъ, онъ говоритъ о крестьянахъ, работающихъ на помѣщика шесть дней въ недѣлю, о другихъ, превращенныхъ господиномъ въ батраковъ, объ ихъ истязаніи, объ изнасилованіи помѣщикомъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, объ ихъ бракахъ по приказу господина, о продажѣ людей съ публичнаго торга, о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ дворовымъ, получившимъ образованіе, о томъ, что положеніе казенныхъ крестьянъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ крѣпостныхъ.

Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ очень важную мысль, что существованіе крѣпостного права вредно для государства, указываетъ на меньшую производительность крѣпостного труда сравнительно со свободнымъ [1]), на то, что оно мѣшаетъ болѣе быстрому увеличенію народонаселенія; говоритъ, что рабство приноситъ большій ущербъ, чѣмъ временное нашествіе врага, что оно вызываетъ опасныя волненія, и напоминаетъ о Пугачевщинѣ. Указавъ на всѣ эти доводы противъ крѣпостного права, авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ объ освобожденіи крестьянъ; но онъ желаетъ дарованія имъ не одной личной свободы: онъ думаетъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. „Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?“ А между тѣмъ на-

[1]) На это ссылался въ своей статьѣ еще пасторъ Эйзенъ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ книги Юсти.

сколько „удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто, естественно, имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое, зависящее отъ власти другаго!“

Полагая, однако, что правительство не въ силахъ мгновенно измѣнить существующее мнѣніе относительно крѣпостного права, Радищевъ предлагаетъ произвести освобожденіе крестьянъ постепенно. Прежде всего нужно уничтожить „домашнее рабство“, т.-е. запретить помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовыхъ (въ случаѣ же нарушенія этого правила такой крестьянинъ дѣлается свободнымъ), дозволить имъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги за дѣвушекъ и женщинъ, выдаваемыхъ замужъ за предѣлы имѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ крестьяне должны получить въ собственность земельный надѣлъ. „Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно“. Онъ получаетъ право быть судимымъ ему равными, т.-е. въ расправахъ, членовъ которыхъ должно выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдуетъ дозволить имъ покупать землю и выкупаться на волю за опредѣленную сумму; необходимо запретить наказывать ихъ произвольно, безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе рабства.—Таковъ проектъ Радищева, который по широтѣ и опредѣленности превосходитъ всѣ ему предшествовавшіе и

А. Н. Радищевъ (съ портр. Алексѣева).

который до восшествія на престолъ Александра II превзойденъ былъ только въ произведеніяхъ Герцена, изданныхъ за границею, въ „Русской Правдѣ", неоконченномъ трудѣ декабриста Пестеля, и въ не напечатанномъ проектѣ Петрашевскаго. Ранѣе Радищева одинъ Граслепъ опредѣленно высказалъ въ нашей печати мнѣніе, что земля должна быть собственностію того, кто ее обрабатываетъ; но его сочиненіе слишкомъ отвлеченно, хотя и оно могло имѣть свою долю вліянія на развитіе взглядовъ на крестьянскій вопросъ автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Предъявляя требованіе объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, Радищевъ допускаетъ нѣкоторую постепенность въ осуществленіи преобразованія и предлагаетъ рядъ частныхъ мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли, не отказываясь, однакоже, отъ главной своей мысли, что освобожденіе должно совершиться съ дарованіемъ крестьянину земли, и основываетъ это требованіе на томъ, что крестьяне, а не помѣщики платятъ подати. Но онъ мало надѣялся на то, что правительство возьметъ въ свои руки дѣло уничтоженія крѣпостного права. Осуждая крайности Пугачевщины, онъ, однако, предвидѣлъ, что только повтореніе крестьянскихъ волненій заставитъ правительство выйти изъ бездѣйствія, и ожидалъ освобожденія крестьянъ не отъ совѣтовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а „отъ самой тяжести порабощенія". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ".

Молочница (Atkinson).

По возвращеніи изъ-за границы Радищевъ былъ нѣкоторое время сослуживцемъ въ Сенатѣ Полѣнова, автора отвѣта на задачу Вольнаго Экономическаго Общества 1766 г., одобреннаго Обществомъ, но не напечатаннаго, такъ какъ онъ былъ найденъ неудобнымъ съ цензурной точки зрѣнія. По всей вѣроятности, Радищевъ и Полѣновъ были знакомы и не могли не обмѣниваться мнѣніями о столь интересующемъ ихъ обоихъ крестьянскомъ вопросѣ. Въ общемъ Радищевъ пошелъ въ своемъ сочиненіи гораздо далѣе Полѣнова, требуя не ограниченія лишь крѣпостного права, а полнаго освобо-

жденія помѣщичьихъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ; но въ нѣкоторыхъ частныхъ пожеланіяхъ и въ отдѣльныхъ пунктахъ аргументаціи Радищевъ сходится съ Полѣновымъ: такъ, оба они стоятъ за предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на свободу за опредѣленную сумму, оба предлагаютъ предоставить имъ право быть судимыми такими судами, въ которыхъ были бы ихъ выборные представители, оба указываютъ на вредъ и опасность для государства отъ существованія крѣпостного права. Требованію Полѣнова предоставить крестьянину землю въ наслѣдственное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей соотвѣтствуетъ предложеніе Радищева запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ. Полѣновъ требуетъ прекращенія продажи крѣпостныхъ безъ земли; Радищевъ не упоминаетъ объ этомъ въ перечнѣ частныхъ мѣръ, но, во-первыхъ, говоритъ о такомъ торгѣ съ великимъ негодованіемъ, а, во-вторыхъ, уничтоженіе „домашняго рабства" ставитъ во главѣ частныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права. Но огромная разница между обоими состоитъ въ томъ, что Полѣновъ считалъ необходимымъ условіемъ осуществленія предложенныхъ имъ мѣръ согласіе на нихъ помѣщиковъ.

За свое незабвенное произведеніе Радищевъ поплатился шестилѣтнею ссылкою въ Восточную Сибирь и четырехлѣтнею жизнію въ деревнѣ, а книга его была уничтожена; но все же уцѣлѣло нѣсколько десятковъ ея экземпляровъ, и снято не мало рукописныхъ копій. Такимъ образомъ главный трудъ Радищева, несмотря на препятствія со стороны правительства къ его распространенію, не погибъ безслѣдно, и его идеи влились очень сильнымъ потокомъ въ общее освободительное теченіе. Еще Пушкинъ отмѣтилъ, что „Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ".

Окончивъ обзоръ литературныхъ и научныхъ произведеній Екатерининскаго времени, въ которыхъ въ большей или меньшей степени затрогивалось крѣпостное право и разсматривался вопросъ объ его ограниченіи или совершенномъ уничтоженіи, отмѣтимъ еще изъ этой области то, что не проникло въ печать по цензурнымъ причинамъ. Во-первыхъ, была значительно сокращена XI глава Наказа Екатерины II по совѣтамъ лицъ, тогда ее окружавшихъ: подверглись исключенію пожеланія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, объ освобожденіи изнасилованной помѣщикомъ женщины со всѣмъ ея семействомъ, опредѣленіи размѣра выкупа на свободу и, наконецъ, запрещеніи вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя. Только послѣднее предположеніе было осуществлено Екатериною II законодательнымъ путемъ. Сочиненіе Полѣнова хотя и было удостоено медали въ 12 червонцевъ, но не было разрѣшено къ печати, такъ какъ Вольное Экономическое Общество нашло въ немъ „многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія". Но основную мысль Полѣнова—о предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбы-

Хороводъ въ XVIII в. (Atkinson).

ванія за нее опредѣленныхъ повинностей—мы встрѣчаемъ и въ статьѣ Эйзена (1764 г.), и въ нѣмецкихъ отвѣтахъ Вёльнера и Мека на задачу Вольнаго Экономическаго Общества, и въ переведенномъ на русскій языкъ сочиненіи Юсти. Изъ числа поэтическихъ произведеній (не напечатанныхъ въ свое время по цензурнымъ причинамъ), въ которыхъ затрогивалось крѣпостное право, самымъ талантливымъ была ода Капниста „На рабство", вызванная закономъ 3 мая 1783 г. объ уничтоженіи права перехода посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи. Здѣсь, между прочимъ, мы находимъ такія сильныя строки:

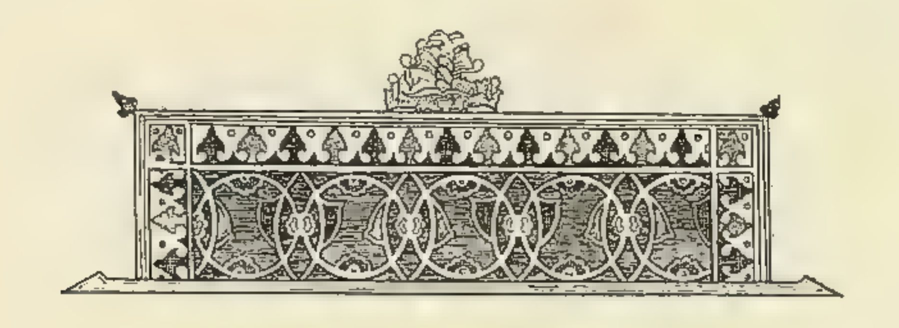
„А вы, цари, на то ль Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счастливыхъ людей—несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?"

Въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Радищевъ рѣшился напечатать только отрывки изъ своей оды „Вольность"; въ числѣ ихъ нѣтъ описанія царства свободы, наступившаго послѣ казни тирана. Укоряя „вѣнчан-

наго злодѣя“ въ неисполненіи имъ его обязанностей, народъ говоритъ, что далъ ему власть для того, чтобы пахарь могъ обрабатывать пашню, не проливая слезъ и не будучи „плѣнникомъ“ на своихъ „пажитяхъ“. Въ царствѣ свободы пастухъ, который не жалѣлъ господскаго стада, теперь ревностно защищаетъ отъ звѣрей собственный скотъ. Когда волы пахали господскую пашню, она давала „рабамъ“ скудную „мзду“, но собственная нива, согрѣваемая духомъ свободы, сразу становится плодороднѣе. Неизмѣримо счастливѣе также жизнь крестьянина съ женою, избранною имъ по собственному желанію, а не навязанною волею господина для размноженія „невинныхъ жертвъ“.

Пересматривая всѣ мнѣнія по крестьянскому вопросу въ литературѣ Екатерининскаго времени, мы видимъ, что большинство высказавшихся по этому предмету желало ограниченія крѣпостного права: опредѣленія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу господина, предоставленія крѣпостнымъ правъ на имущество и права жениться по своему усмотрѣнію, запрещенія продажи людей безъ земли, опредѣленія величины выкупа на свободу, учрежденія судовъ изъ лицъ, выбираемыхъ крестьянами. Что касается окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, то одни довольствовались предоставленіемъ крестьянамъ земли въ постоянное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбыванія опредѣленныхъ повинностей, другіе же (Граслепъ и Радищевъ) требовали, чтобы земля была отдана крестьянамъ въ полную собственность. Замѣчательно, что въ русской литературѣ этого времени не нашло выраженія мнѣніе кн. Дм. Алексѣев. Голицына, предлагавшаго (въ прочитываемой императрицею перепискѣ съ кн. А. М. Голицынымъ и въ книгѣ, изданной имъ въ 1796 г. за границею на французскомъ языкѣ) безземельное освобожденіе крестьянъ [1]); эта мысль, столь опасная для ихъ благосостоянія, очень распространилась въ русскомъ обществѣ (а въ Остзейскомъ краѣ была даже осуществлена) лишь въ первой четверти XIX вѣка.

В. Семевскій.

[1]) То же предлагала частная комиссія о разборѣ государственныхъ родовъ (состоявшая при большой Екатерининской законодательной комиссіи) въ составленномъ ею проектѣ правъ благородныхъ.

Сѣверная Минерва.

Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX вѣка.

С. П. Мельгунова.

„Великій вѣкъ" Екатерины, воспѣтый придворными піитами и составителями офиціальныхъ виршъ! Вѣкъ уничтоженія рабства! „Россія, ты свободна нынѣ!" патетически восклицалъ Капнистъ въ одѣ на истребленіе въ Россіи „званія раба". Великая Фелица Державина дала „свободу мыслить" и въ „ноги челомъ не бить". Счастливое время! Анекдотическая курица Генриха IV „всегда" была въ горшкѣ русскаго крестьянина. Наступала золотая эпоха, когда уже нечего было „опасаться бѣгства русскихъ за границу", ибо, по словамъ, гремѣвшимъ съ трона, „любимицы самихъ боговъ", какъ наименовалъ Екатерину въ одѣ на взятіе Варшавы Дмитріевъ, русскимъ будетъ „сдѣлано любезнымъ ихъ оте-

чество". На престолѣ великая царица, желающая видѣть свой „народъ счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться" (указъ 1766 г.). Наступили для Россіи „дни золотые"—цвѣтутъ „науки и художества"...

Но тутъ же въ устахъ современника звучитъ и пессимистическая нота: „Законы въ Россіи! законы въ странѣ, гдѣ та, которая царствуетъ, остается на тронѣ потому только, что топчетъ ихъ своими ногами"... Но зачѣмъ „глупо" стараться „унизить" эту блестящую страницу русской исторіи,—негодуетъ гр. Рибопьеръ: „Ахъ, славное то было время!" Окруженная блестящей плеядой горделивыхъ орловъ, новая любимица боговъ и другъ философовъ могла съ полнымъ правомъ сказать, что ея дворъ затмилъ былое величіе короля — солнце. Тамъ царило божество, выросшее на почвѣ деспотизма; здѣсь въ роскоши утопала вольнолюбивая философія.

Гр. Орловъ.

Дворъ Екатерины — это настоящая „обѣтованная земля". Его „богатство и пышность", по словамъ Кокса въ 1778 г., превосходитъ „самыя вычурныя описанія". „Я былъ приготовленъ, — пишетъ въ томъ же году лордъ Мальмсбюри, — къ торжественности и великолѣпію здѣшняго двора, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія". „Сластолюбіе и роскошь", заимствованныя у западно-европейскихъ дворовъ, подражавшихъ этикету Версаля, нашли себѣ благодарную почву: европейская изысканность соединилась съ азіатскимъ великолѣпіемъ. Екатерина считала „неприличнымъ" „грошевую экономію", какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Головкинъ, разсказывающій объ изумительной расточительности придворнаго быта конца XVIII в. Передъ ней, пожалуй, блѣднѣютъ тѣ сотни тысячъ „душъ", которыя раздаются „для увеселенія" многочисленныхъ фаворитовъ, тѣ милліоны, которые идутъ на одно ихъ платье (какъ извѣстно, кн. Гр. Орловъ при отъѣздѣ въ Фокшаны получилъ, между прочимъ, кафтанъ, стоящій 1.000.000 р.).

Александръ I въ Петергофѣ. Рис. съ натуры Шапошникова (изъ собранія Дашкова).

И современный статистикъ, такимъ образомъ, съ гордостью могъ сравнить Петергофъ со „славною Версаліею“ (Географ. Слов., 1788 г.).

„Знатные“ подражаютъ двору. По дорогѣ въ славную Версалію они строятъ для себя „увеселительные дома“ — ихъ крѣпостные, ихъ челядь и рабы возводятъ роскошные дворцы съ лабиринтомъ комнатъ, съ оранжереями, подстриженными французскими аллеями, съ причудливыми водоемами и пр. „затѣями“. По Шлиссельбургскому тракту высятся загородныя палаццо Апраксина, Потемкина, Шереметева и т. д. Петербургское общество „являлось точнымъ отраженіемъ двора, — пишетъ Чарторижскій,—его можно сравнить съ преддверіемъ обширнаго храма, въ которомъ всѣ присутствующіе устремляютъ свое исключительное вниманіе на божество, сидящее на престолѣ, которому приносятъ жертвы и воскуриваютъ ѳиміамъ“. Вкусы „Версаліи“ распространяются и на всю помѣщичью Россію: дворянство охвачено „бѣшеной страстью наслаждаться“.

Графъ П. Б. Шереметьевъ, славившійся своей роскошью (портр. Аргунова).

За высшимъ столичнымъ дворянствомъ тянется провинціальное общество: и здѣсь въ 1769 г., по словамъ современника Винскаго, „хотя и неповсемѣстно, но уже водворялась“ роскошь. Еще въ началѣ царствованія Екатерины праздное и пьянствующее деревенское дворянское общество, въ достаточно яркихъ чертахъ описанное въ знаменитыхъ запискахъ Болотова, въ столицѣ казалось „сущими шутами и простаками“. Но вскорѣ и оно начнетъ разоряться, лишь бы подражать великосвѣтскимъ нравамъ: и захолустныя помѣщичьи усадьбы обогатятся крѣпостными „храмами Мельпомены“ или, говоря безъ метафоръ, гаремами рабовладѣльцевъ. Напрасны заботы „премудрой матери отечества“ о нравственности общества, напрасны торжественные манифесты и указы, боровшіеся съ прихотливыми

модами[1]), экипажами и ливреями (маниф. 1775 г.)—„расточительная роскошь молодыхъ людей“, на что жаловался еще указъ 1761 г., растетъ и расползается по всей крѣпостной Россіи. Елизавета имѣла 15.000 платьевъ, фельдмаршалъ Апраксинъ имѣлъ ихъ нѣсколько сотъ. Это было лишь слабое подражаніе „славной Версаліи“, превратившее конецъ XVIII столѣтія въ „героическій“ періодъ жизни русскаго дворянства.

Но между концомъ XVIII в. и началомъ XIX в. не будетъ большой разницы, и съ полнымъ правомъ мы можемъ набросать одну общую картину.

Привольно течетъ повседневная жизнь первенствующаго сословія, окруженнаго кадрами дворовыхъ слугъ. 400—500 дворовыхъ у вельможи отнюдь не рѣдкій случай, по свидѣтельству Сегюра. У гр. Орлова англійскій путешественникъ Кларкъ насчитываетъ пятьсотъ слугъ. У ген. Измайлова въ началѣ XIX в. насчитывается 800 дворовыхъ, у павловскаго фельдмаршала гр. Каменскаго 400, дворецъ послѣдняго занимаетъ „цѣлый кварталъ“ и т. д. Что дѣлала эта огромная дворня? Это прежде всего „вывѣска“ — говоритъ гр. Орлова: чѣмъ дворни у васъ больше, тѣмъ больше уваженія На показное внѣшнее великолѣпіе обращено все вниманіе. У ген. Измайлова въ передней сидитъ 17 лакеевъ, и у каждаго изъ нихъ опредѣленное назначеніе: одинъ подаетъ трубку, другой—стаканъ воды и т. д. Тотъ же генералъ, командуя въ 1812 г. рязанскимъ ополченіемъ, предоставилъ своимъ офицерамъ 150 собственныхъ троекъ съ кучерами для катанья. У Измайлова однихъ псарей нѣсколько сотъ и двѣ тысячи борзыхъ. Помѣщикъ Б., отправляясь изъ одного имѣнія въ другое, беретъ съ собой 20 кибитокъ съ наложницами и актерами, которые должны увеселять его во время стоянокъ. У Головина, имѣвшаго 300 человѣкъ дворни, ежедневный обѣдъ состоитъ изъ 40 кушаній; для каждаго кушанья имѣется особый поваръ. 12 офиціантовъ прислуживаютъ господину, обѣдъ котораго—цѣлое священнодѣйствіе со сложнымъ ритуаломъ.

Графъ С. М. Каменскій.

Знатный помѣщикъ—это грансеньеръ, копирующій въ своемъ помѣстьѣ „славную Версалію“. У помѣщика все свое—свой театръ (у кн. Шаховскаго въ труппѣ болѣе ста человѣкъ, графу Каменскому постановка „Халифа Багдадскаго“ обходится въ 30.000 руб.), свои музыканты, свои живописцы, свои

[1]) Напримѣръ, указъ 23 октября 1782 г. предписывалъ придворнымъ дамамъ головные уборы «носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба». См. прилагаемые рисунки съ изображеніемъ модъ, по моднымъ журналамъ конца XVIII в.

Моды конца XVIII вѣка.

1) 1789, 2) 1797, 3) 1792, 4) 1797, 5) 1789, 6) 1779, 7) 1779, 8) 1797, 9) 1780.

астрономы, свои композиторы и даже свои „богословы“. Шуты и дураки, арапы и арапки—также неизбѣжная принадлежность маленькаго удѣльнаго владѣльца „милостью Божьей“. Вѣдь при царскомъ дворѣ ѣдятъ на посудѣ, украшенной драгоцѣнными камнями (Гаррисъ о Екатеринѣ), тамъ имѣются „чернокожіе африканскіе невольники“... И каждый стремится перещеголять другого „баснословной расточительностью“. У гр. Шереметьева, въ Кусковѣ, свой гусарскій эскадронъ изъ 12 человѣкъ съ командиромъ. Въ числѣ „вѣрноподданныхъ“ имѣются свои гофмаршалы, камеръ-юнкеры, фрейлины, навербованные изъ крѣпостной прислуги. Придворный штатъ кн. Голицына взамѣнъ ордена носитъ на груди портретъ князя. У каждаго изъ грансеньеровъ свои причуды: если гр. Каменскій (сынъ фельдмаршала) — покровитель музъ и славится своимъ крѣпостнымъ театромъ, если кусковскій театръ гр. Шереметьевыхъ соперничаетъ съ дворцовымъ, то у гр. Орлова подаютъ спаржу толщиной съ дубину, у Всеволжскаго въ манежѣ происходятъ цѣлые турниры съ настоящими рыцарями въ латахъ. Левъ Нарышкинъ извѣстенъ своими маскарадами Въ честь окончанія турецкой войны Нарышкинъ устраиваетъ великолѣпное торжество: тутъ представлена вся турецкая война, здѣсь воздвигнуты раздвигающіяся горы, храмы и т. п.; отнюдь не уступаютъ придворнымъ торжествамъ празднества кн. Потемкина, представляющія „чудо роскоши“, „чудную смѣсь азіатской роскоши съ европейскимъ изяществомъ: тутъ пирамиды, оправленныя въ золото“, и золоченые слоны съ бахромой изъ драгоцѣнныхъ камней; здѣсь 3.000 приглашенныхъ гостей и одного воска для освѣщенія сжигается 28 апрѣля 1791 г. на 70.000 р. Въ крѣпостномъ театрѣ Юсупова танцовщицы являются передъ зрителями въ природномъ видѣ. Другой помѣщикъ знаменитъ „островомъ любви“; у гр. Скавронскаго, мнящаго себя „великимъ композиторомъ“, прислуга говоритъ речитативомъ; къ ген. Измайлову съѣзжаются сотни гостей, къ услугамъ которыхъ многочисленныя крестьянскія дѣвушки, и т. д.

Великіе міра сего съ высокомѣрной снисходительностью обращались съ захудалымъ дворянствомъ, которое, однако, гордое своимъ происхожденіемъ, старалось подражать знати: помѣщикъ средней руки насчитываетъ у себя дворни болѣе 100 человѣкъ, даже мелкопомѣстный дворянинъ, который еще недавно самъ пахалъ землю, теперь держитъ 2—3 слугъ. „Самый плохо обставленный дворянинъ ѣздитъ четверикомъ“—по свидѣтельству Колленкура. Мелкопомѣстные дворяне живутъ если и не „роскошно“, такъ, по крайней мѣрѣ, барственно. Дворянству подражаетъ духовенство: небезызвѣстный, напр., въ 70 гг. XVIII в. еп. Кириллъ Флоринскій требовалъ обязательно, чтобы окружающіе его молодые люди были причесаны съ пуклями подъ пудрою, какъ подобаетъ придворнымъ.

Крѣпостное право, даровой трудъ развращали и деморализировали всѣ слои общества. Помѣщикъ и церковь одинаково смотрятъ на „душу“, какъ

на доходную статью. Внѣшній европеизмъ прекрасно уживался съ замашками и пріемами крѣпостническаго барства. Новыя идеи, по мѣткому замѣчанію В. О. Ключевскаго, привились, какъ „рисунки соблазнительнаго романа“. Воспринималась лишь „приправа“ просвѣтительной философіи, и такимъ образомъ „скотинины“ и „вольтерьянцы“ прекрасно уживались въ одномъ и томъ же лицѣ. Русскій романъ XVIII в. въ лицѣ гг. Негодяевыхъ запечатлѣлъ довольно яркое изображеніе дворянина, воспитаннаго monsieur le Pendar'омъ „для наслажденія пріятною жизнью“. Сентиментальная дама охотно прерывала чтеніе французской любовной книжки, чтобы итти на конюшню для

Пригласительный билетъ на маскарадъ у Нарышкина.

собственноручной расправы надъ своими крестьянами и крестьянками. За „вѣкъ просвѣщенія“ дворянство измѣнилось мало. Если въ началѣ царствованія Екатерины иностранецъ пишетъ, что „русское дворянство самое необразованное“, то въ первый годъ слѣдующаго столѣтія Строгановъ даетъ такую характеристику: „это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и по своему духу самое тупое!“ Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ рабовладѣніе свило себѣ прочное гнѣздо.

„Повелѣвая рабами, оно, дворянство, само было рабами“, запишетъ въ 1857 г. въ своемъ дневникѣ проф. Никитенко. И такъ было всегда. Освобожденный отъ „рабскаго званья“, русскій дворянинъ, тѣмъ не менѣе, всегда „съ раб-

скимъ подобострастіемъ припадалъ къ священнымъ стопамъ великой Фелицы“. Онъ съ гордостью подъ указомъ подписывался чиномъ „придворнаго лакея“ и изучалъ искусство „ловкаго прохожденія скользкихъ придворныхъ паркетовъ“. Екатерина, по ея словамъ, презирала „подлецовъ и ласкателей, коихъ безконечно много около двора“. Этотъ дворъ дѣйствительно былъ полонъ холоповъ и рабовъ. Но вспомнимъ, въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ его кн. М. М. Щербатовъ въ запискѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, и тогда поймемъ, что безъ этой лести нельзя было совершить трудное прохожденіе „скользкихъ придворныхъ паркетовъ“ и въ Екатерининское время. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и царедворцы будутъ считать „за счастье“ лобзать руки свирѣпой любовницы гр. Аракчеева и быть у нея на роли шпіоновъ. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и русскій публицистъ съ отчаяніемъ воскликнетъ: „Россія, Россія! Долго ли ты будешь жертвою гнусныхъ рабовъ?..“

Щеголь. Изъ собранія Ровинскаго.

И у этого „раба“ были свои рабы, свои вѣрноподданные, отданные ему въ полное распоряженіе. Для „подлаго“ народа офиціальный титулъ раба не былъ отмѣненъ. Крѣпостной—рабъ безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ. Въ концѣ 1762 г. Екатерина въ инструкціи кн. Вяземскому, посылаемому для усмиренія бунтующихъ заводскихъ крестьянъ, предписываетъ послѣднихъ привести „въ должное рабское послушаніе“. Просвѣщенный для своего времени человѣкъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, Болотовъ, не иначе именуетъ своихъ крѣпостныхъ, какъ „рабами“. Эта двуногая скотина „безъ роговъ“, какъ вещь, продается на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Рабовъ привозятъ

Гаремъ помѣщика.

(Изъ альбома Hampeln'a).

цѣлыми баржами, живой товаръ экспортируютъ на Востокъ; дамы высшаго свѣта, по свидѣтельству Массона, „воспитываютъ“ своихъ крестьянскихъ дѣвушекъ спеціально для разврата, рабовъ выигрываютъ и проигрываютъ за карточнымъ столомъ. Между рабомъ и вещью нѣтъ разницы въ вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ гуманныхъ принциповъ и либеральныхъ идей. За борзого щенка платятъ 3.000 р., въ то время какъ крестьянская дѣвушка продается за $2^1/_2$—33 р. За ребенка платятъ даже 10 коп. Конечно, не всѣ крѣпостные идутъ по такой расцѣнкѣ: все зависитъ отъ качества и способностей раба; хорошій поваръ, музыкантъ цѣнится 800 и болѣе рублей; за актеровъ гр. Каменскій уступаетъ цѣлую деревню въ 250 душъ, двадцать музыкантовъ, по словамъ И. Д. Якушкина, онъ продаетъ за 10.000 р.. Въ отдѣлѣ газетныхъ публикацій печатаютъ о продажѣ рабовъ и домашнихъ принадлежностей: „продается малосольная осетрина, 7 сивыхъ мериновъ и мужъ съ женою“; продается „парикмахеръ да, сверхъ того, 4 кровати, перина и прочій домашній скарбъ“—такія публикаціи въ „Сенат. Вѣд.“ и „Моск. Вѣд.“ нерѣдки.

235.

Сатира на щеголя. (Ровинскій.)

Вотъ, напримѣръ, еще нѣсколько публикацій за 1797 г. въ Петербургѣ:

Сентября 22 — „продается 16 лѣтъ дѣвка весьма добраго поведенія и немного поѣзженная карета“.

Октября 2 —„банкетныя скатерти... тутъ же двѣ дѣвки ученыя и мужикъ“.

„ „ парикмахеръ и „англійской лучшей породы корова“.

Ноября 13—„Лучшія моськи“... хорошій сапожникъ.

Декабря 11—„поваръ и кучеръ“... да „попугай“.

Въ 1805 г. тамбовскій помѣщикъ Чертковъ продаетъ 44 крѣпостныхъ музыканта съ „мелочью“, а всего 98 человѣкъ, „въ томъ числѣ старики, дѣти, музыкальные инструменты, піесы и прочія принадлежности“. Извѣстно, что послѣ Комиссіи 1767 г. продажа рабовъ пошла особенно оживленнымъ темпомъ.

Да, между крѣпостнымъ правомъ и невольничествомъ не было разницы!.. Грибоѣдову казалось, что иностранецъ, незнакомый съ русской исторіей, конечно, заключилъ бы, что у „насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ“. Нѣтъ, это было не такъ: рабъ дѣйствительно былъ лишь двуногой скотиной „безъ роговъ“—матерей отнимали отъ дѣтей, чтобы онѣ откармливали своею грудью щенковъ съ помѣщичьей псарни. Большаго униженія человѣческаго достоинства, казалось бы, и нельзя было придумать.

Трудъ рабовъ, конечно, ни во что не цѣнился. Захотѣлось гр. А. К. Разумовскому послушать соловья во время разлива рѣкъ. И тотчасъ сгоняются тысячи его вѣрноподданныхъ, которыя строятъ дамбы и насыпи для графскаго проѣзда.

Естественно, что и отношеніе господина къ своимъ вѣрноподданнымъ соотвѣтствовало тому безправному положенію, которое занималъ крѣпостной въ дворянской монархіи. Можно ли говорить о патріархальныхъ отношеніяхъ между господиномъ и рабомъ? Конечно, были люди порядочные, которые по-человѣчески относились къ своимъ вѣрноподданнымъ; были такіе, которые дѣйствительно желали „быть для своихъ людей болѣе отцомъ, нежели господиномъ“. И нашлись писатели, готовые восхвалить эту идиллическую картину патріархальныхъ отношеній. Но безчисленное количество фактовъ показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ при низкомъ культурномъ уровнѣ эта барственная патріархальность была очень далека отъ элементарной человѣчности. „Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ имѣть голоса противъ своихъ господъ,—разсказываетъ намъ Винскій,—дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтственными скотами, покорность которыхъ по сему дальше всякой вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ“. Среди крѣпостниковъ, какъ мы знаемъ, были изверги, доходившіе въ патологическомъ экстазѣ до инквизиторской изысканности въ мучительствѣ своихъ крѣпостныхъ. Но и при самыхъ добрыхъ патріархальныхъ отношеніяхъ рабъ всегда оставался рабомъ. Раба можно было учить только палкой, ибо, по словамъ уже цитированнаго Болотова, „глупость и крайнее безразсудство нашего подлаго народа—были намъ слишкомъ извѣстны“. Это является „единственнымъ способомъ“ держать крѣпостныхъ въ рукахъ. Благодушный Болотовъ считалъ, что наказанье плетью и заключеніе въ кандалы идетъ на „благо“ рабовъ, „подобно тому, какъ Богъ наказываетъ насъ для нашего исправленія“. Болотовъ относился, однако, съ осужденіемъ къ „варварству“. „Вотъ ка-

кой звѣрскій и постыдный примѣръ жестокосердія человѣческаго! — восклицаетъ авторъ записокъ, разсказывая о томъ, какъ одинъ изъ его сосѣдей заставлялъ крѣпостныхъ дѣвушекъ плести кружева въ кандалахъ и рогаткахъ, и тутъ же съ сентенціей добавляетъ: „Не на то даны намъ люди и подданные, чтобы поступать съ ними такъ безчеловѣчно". Надо поступать такъ, какъ Богъ поступаетъ съ своими дѣтьми — дворянами; посему Болотовъ „сѣкалъ очень умѣренно и отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе". Болотовъ не видѣлъ жестокости въ томъ, что приказалъ вора, не хотѣвшаго указать товарища, подвергнуть пыткѣ: накормивъ самой соленой селедкой, запереть въ теплую баню!

Въ жизненномъ обиходѣ палки, розги, батоги, плети, ѣзжалый кнутъ, заковка въ желѣзо, надѣваніе ошейника, рогатины, колодокъ—были обычными „исправительными средствами", по свидѣтельству иностранца. Это было для помѣщиковъ почти „потребностью жизни"; Болотовъ разсказываетъ, какъ иногда всѣ дворовые подвергались тѣлесному наказанію. Одна помѣщица высѣкла за разъ 80 крестьянъ за то, что они, вопреки велѣнію, не набрали земляники. По словамъ аббата Шаппа помѣщики употребляютъ батоги такъ, что „на дѣлѣ получаютъ возможность казнить ихъ смертью". Здѣсь нѣтъ преувеличенія: не даромъ Сиверсъ долженъ былъ просить императрицу ограничить власть помѣщика въ правѣ наказывать крѣпостныхъ кнутомъ, что въ дѣйствительности почти равнялось смертной казни. И если припомнить дошедшія до насъ мрачныя картины барственной расправы помѣщиковъ съ крѣпостными, описанія звѣрствъ и истязаній, то придется признать, что съ подлыми вѣрноподданными обращались подчасъ гораздо „хуже, чѣмъ со скотами".

А. Т. Болотовъ.

Эта картина не измѣнится на протяженіи пятидесяти лѣтъ „героическаго" періода жизни русскаго дворянства. Она откроется эстляндскимъ губернаторомъ Дугласомъ, который сѣчетъ людей въ своемъ присутствіи и приказываетъ истерзанныя спины посыпать порохомъ и затѣмъ зажечь. Она можетъ быть завершена Аракчеевымъ, поровшимъ крестьянъ при пѣніи хоромъ „красныхъ дѣвицъ" во время экзекуціи: „Со святыми упокой, Господи". Мы не знаемъ, какъ въ теоріи относился Дугласъ къ своимъ крѣпостнымъ, но Аракчеевъ любилъ „добрыхъ" крестьянъ своихъ, „какъ дѣтей", о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо въ 1812 г. новгородскому губернатору Сумарокову. Для наказанія „добрыхъ крестьянъ" у Аракчеева существовала сложная си-

стема („Рус. Ст.“, 1854, мартъ). Такъ, на женщинъ надѣвались на шею рогатки и въ такомъ видѣ заставляли въ праздникъ молиться въ соборѣ. Въ Грузинѣ въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли въ то же время и кадки съ разсоломъ, въ которыхъ мокли розги и палки. За первую вину графъ сѣкъ своихъ дворовыхъ на конюшнѣ, за вторую отправлялъ преступниковъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ ихъ наказывали особыми толстыми палками—аракчеевскими; при третьей винѣ экзекуція совершалась при помощи специалистовъ-палачей изъ Преображенскаго полка уже въ домѣ, передъ кабинетомъ графа или въ библіотекѣ. Послѣ экзекуціи виновные должны были явиться къ графу и показать вспухшую и исполосованную крѣпкими ударами кнута или палокъ спину. Наказанные, боясь, что графъ останется недоволенъ и повторитъ наказаніе, кровью животныхъ покрывали рубцы, чтобы удовлетворить безчеловѣческое чувство властелина. Въ усадьбѣ графа была своя домашняя тюрьма, извѣстная подъ названіемъ Эдикулъ. Она представляла изъ себя темное, сырое, холодное и узкое помѣщеніе, въ которомъ виновные сидѣли недѣлями и мѣсяцами. Особенно отличалась мучительствомъ знаменитая домоправительница Аракчеева, Настасья Минкина, обуздывавшая „своевольство“ крѣпостныхъ. Дворовыхъ дѣвушекъ два раза въ день наказывали батогами и розгами, дабы наказанныя не прельщали падкаго до дворовыхъ дѣвушекъ Аракчеева. Она обжигала горячимъ желѣзомъ лица крѣпостныхъ

Настасья Минкина, фаворитка Аракчеева [1]).

---

[1]) Про Настасью Минкину крѣпостные говорили: «нельзя сказать, чтобы была изъ лица больно красовита, а смуглая такая изъ себя, быстроглазая: глаза-то большіе, черные были, что у цыганки; больше проворствомъ и расторопностью брала». Крѣпостной, художникъ, написавшій помѣщенный портретъ, очевидно, сильно прикрасилъ образъ своей госпожи. Въ грузинской церкви находилась, между прочимъ, Мадонна въ изображеніи Болотниковой. «Икона» эта снята нынѣ по распоряженію мѣстныхъ церковныхъ властей: какъ извѣстно, явилось подозрѣніе, что подъ видомъ Мадонны изображена аракчеевская фаворитка.

дѣвушекъ, вырывала у нихъ мясо кусками. И когда крѣпостные зарѣзали Минкину, извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій въ надгробной рѣчи по любовницѣ всесильнаго временщика не преминулъ убіенную зачислить въ „сонмъ великомученицъ“.

Сколько Дугласовъ и Аракчеевыхъ изъ высшихъ слоевъ русскаго общества, сколько мучителей крѣпостныхъ встрѣчаемъ мы за полвѣка! И, конечно, никто и не думалъ никогда привлекать ихъ къ отвѣтственности за жестокость! Часто нельзя объяснить ни горячечнымъ бредомъ, ни психозомъ, ни патологіей тотъ сладострастный садизмъ, съ которымъ помѣщикъ и помѣщица предавались истязаніямъ. Сѣкли беременныхъ, сѣкли дѣтей, кн. Козловская — одна изъ русскихъ мессалинъ — сѣчетъ по грудямъ и половымъ частямъ, собаками травитъ привязанныхъ къ столбамъ нагихъ крѣпостныхъ, собственноручно разрываетъ горничной, которую приревновала къ своему любовнику, губы до ушей, втыкаетъ булавки въ плечи и руки. Рязанскій помѣщикъ Измайловъ (въ началѣ XIX в.), „Несторъ негодяевъ знатныхъ“, по характеристикѣ Грибоѣдова въ „Горѣ отъ ума“ [1]), имѣя гаремъ изъ 30 дворовыхъ дѣвушекъ, поступавшихъ къ нему съ дѣтства, требовалъ къ себѣ и крестьянскихъ дѣвушекъ. Этотъ гостепріимный дворянинъ предоставлялъ дѣвушекъ и всѣмъ гостямъ. За ослушаніе волѣ у крестьянъ жгли дома и сѣкли изъ крестьянъ третьяго, а изъ бабъ — десятую... Ярославскій помѣщикъ Шестаковъ рубитъ руки ножомъ, смоленскій — Высоцкій жжетъ раскаленнымъ желѣзомъ, ссылаясь на помраченіе въ головѣ; третій жжетъ углемъ подошвы двороваго, утопившаго барскихъ щенятъ, которыхъ приказано было женѣ его откормить своею грудью. Рогатки на шею, т.-е. широ-

Мадонна въ грузинскомъ соборѣ (карт. Е. Болотниковой).

[1]) Онъ же изображенъ и Пушкинымъ въ лицѣ Троекурова въ «Дубровскомъ».

кій желѣзный ошейникъ, запертый замкомъ, вѣсомъ, смотря по винѣ, съ желѣзными рогами до 1 арш., „дабы не имѣть покоя“; колодки, склепленныя желѣзными болтами до $1^1/_2$—2 арш. длиной, — въ помѣщичьихъ застѣнкахъ были, пожалуй, однимъ изъ легкихъ наказаній, хотя Болотову и казалось это мучительствомъ. У Измайлова въ „тюрьмѣ“ находится 186 рогатокъ вѣсомъ отъ 5—20 фунтовъ и цѣпи, которыя провинившіеся рабы носятъ въ теченіе цѣлаго года. Особые „казаки“ производятъ экзекуціи подчасъ даже въ спальнѣ грансеньера. Поистинѣ звѣрь-помѣщикъ фельдмаршалъ Каменскій, убитый двумя крѣпостными, отправленными учиться за границу музыкѣ, не снялъ кандаловъ съ дѣвушки, зарѣзавшейся и прожившей въ такомъ видѣ еще мѣсяцъ; гр. Салтыкова, жена воспитателя Александра I, держала цѣлыхъ три года своего парикмахера въ клѣткѣ, чтобы онъ не проговорился, что она носитъ парикъ. С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ о помѣщикѣ, который „кошечками“, т.-е. ременными семихвостными съ узлами плетьми, „царапалъ“ своихъ слугъ, что было „и больно и не опасно“, ибо истязуемыхъ заворачивали потомъ въ „теплыя только что снятыя шкуры барановъ“.

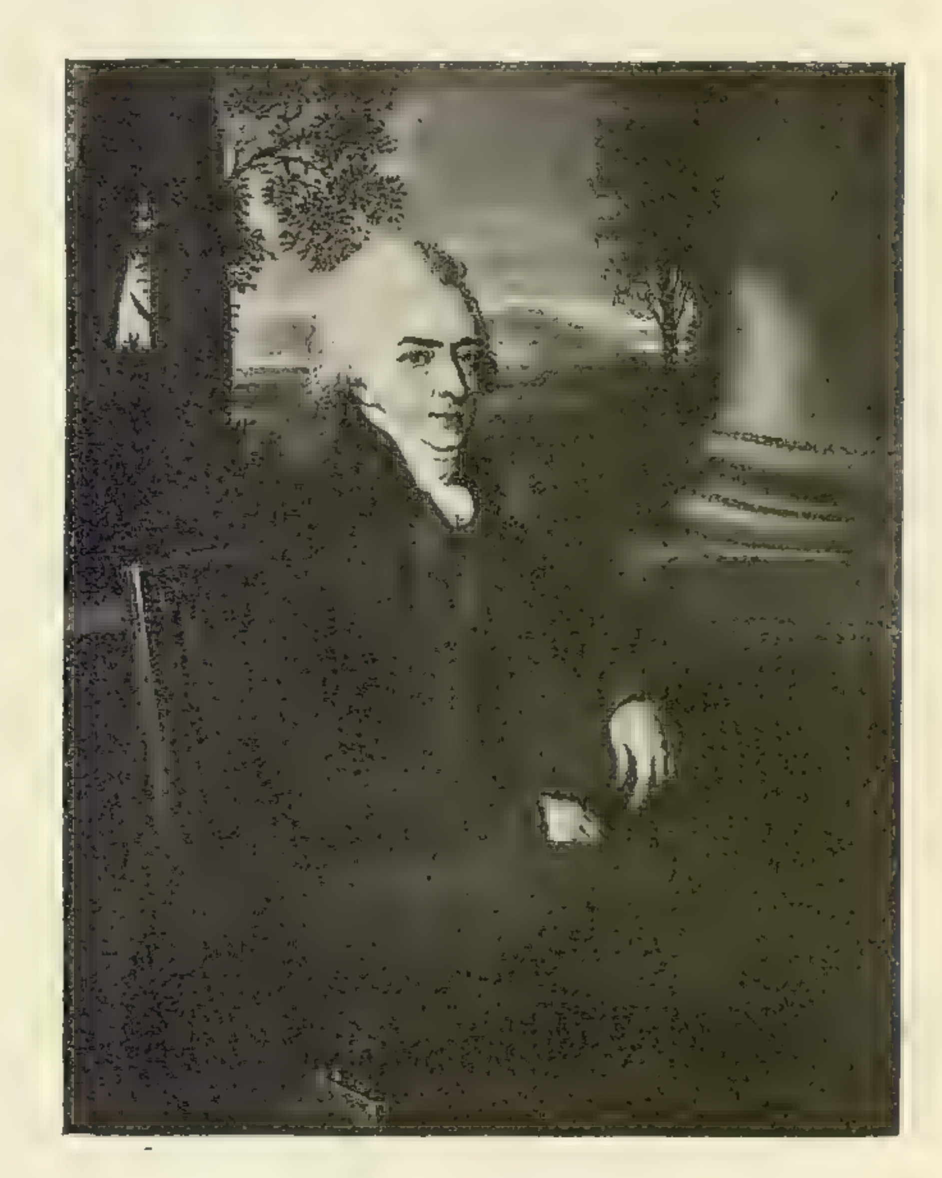
Аракчеевъ (портр. Аѳанасьева).

Такъ было въ средѣ обычныхъ помѣщиковъ.

Но находились особые любители отеческаго попеченія, которые регламентировали „пунктами“ разновидности наказаній. Ничего не можетъ быть характернѣе пунктовъ изъ „журнала домашняго управленія“ 1763—65 гг., приводимыхъ В. И. Семевскимъ. Авторъ этихъ пунктовъ, согласно всѣмъ правиламъ полицейскаго государства, озабочивался и спасеніемъ душъ своихъ вѣрноподданныхъ. Отъ крѣпостныхъ требуется тщательное выполненіе религіозныхъ обрядовъ: „а ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того — плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5.000 нещадно“. Этому барину захотѣлось, чтобы его крѣпостную, впавшую въ немилость, именовали не по отчеству, а звали бы „трусихой и лживицей“: „Кто Ѳеклу

именемъ и отчествомъ назоветъ, того сѣчь розгами по 5.000 нещадно". Помѣщикъ устанавливаетъ и продолжительность болѣзни послѣ „нещаднаго" наказанія. Тому, кто получитъ 100 ударовъ плетьми на дровняхъ или 17.000 розогъ, не дозволяется лежать болѣе недѣли; получившему 50 плетей и 10.000 розогъ—болѣе полунедѣли и т. д., соотвѣтственно числу полученныхъ розогъ и плетей. И это была не теорія, не праздныя измышленія на свободѣ барственнаго помѣщика для устрашенія слугъ — мы знаемъ, что „пункты" были примѣнены и на практикѣ.

Находились, съ другой стороны, и просвѣщенные вольтерьянцы, совмѣщавшіе свои теоретическіе взгляды съ азіатскимъ деспотизмомъ. И вовсе не надо было „поскоблить русскаго", чтобы явился татаринъ, ибо „головы, покрытыя... французскими париками, — тѣ же самыя, закутанныя сто лѣтъ тому назадъ въ шапки изъ кожи дикихъ звѣрей" (Макортей). Передъ нами знаменитый Струйскій, бывшій владимірскій губернаторъ и владѣтель богатыхъ помѣстій въ Пензенской губерніи. Это — „высокообразованный юристъ", устроившій въ своей деревнѣ „правильно организованный по-европейски судъ надъ крестьянами". Крестьянъ приводили въ кабинетъ барина, носящій громкое именованіе Парнаса, самъ баринъ „произносилъ обвинительныя рѣчи по всѣмъ правиламъ западной юриспруденціи". Только „эпилогъ этихъ судебныхъ засѣданій былъ въ чисто-русскомъ вкусѣ: обвиненнаго крестьянина онъ пыталъ по древне-русскому, для чего имѣлся у него въ подпольѣ огромный арсеналъ орудій пытки".

Графъ А. К. Разумовскій (портр. Гуттенбрунна).

Въ лѣтописяхъ мучительствъ и истязаній пріобрѣлъ особенную извѣстность подпрапорщикъ Шеншинъ, устроившій въ 1767 г. цѣлую тюрьму въ с. Шумовѣ, Орловской губ. Въ тюрьмѣ были всѣ самыя усовершенствованныя приспособленія къ пыткѣ: дыбы, клещи и т. д. При помѣщикѣ, са-

молчно отправлявшемъ судъ, былъ цѣлый штатъ палачей изъ 30 человѣкъ, былъ свой священникъ, напутствующій умирающихъ отъ истязаній. Шешинъ, однако, превзошелъ мѣру и попалъ на скамью подсудимыхъ, когда вздумалъ въ 1769 г. поиграть въ „застѣнокъ" съ московскимъ купцомъ. Шешинъ былъ отправленъ въ пожизненную каторгу. За два года истязаній за нимъ оффиціально слѣдствіе насчитало до 59 убійствъ. Помѣщикъ Борзенковъ, Орловской губ., попросту выбрасывалъ трупы измученныхъ „въ яму".

Ни у одного Шешина были подземныя тюрьмы для крѣпостныхъ. Народная память указываетъ много такихъ каменныхъ мѣшковъ по всей Россіи. Въ Казанской губ. въ срединѣ XVIII в. возвышался мрачный замокъ помѣщика Кармацкаго. Замокъ съ башнями, тайниками и подземельями, какъ и подобаетъ средневѣковому владѣльцу. Здѣсь находились тюрьмы съ цѣпями, кольцами, чугунными стульями, колодками, рогатками и пр. орудіями. Въ Звенигородскомъ у., Московской губ., стоитъ и въ наши дни четырехъэтажный домъ, принадлежавшій помѣщикамъ Казариновымъ. И тамъ въ мрачныхъ венеціанскихъ подземельяхъ заключены были, по преданію, крѣпостные. Молва говоритъ, что помѣщики замораживали людей, равно какъ по легендѣ, по приказанію заводчиковъ на Уралѣ, живыхъ людей бросали въ доменныя печи. И развѣ нельзя повѣрить этой молвѣ, когда сами крестьяне запечатлѣли въ челобитной Демидову: отданы заводчикамъ, „чтобы насъ имъ мучительствомъ мучить". Кн. Щербатовъ въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи констатируетъ, что крупнѣйшій уральскій заводчикъ, отличавшійся неслыханной жестокостью, гр. П. И. Шуваловъ, „обагрилъ россійскія области кровью пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ, и пустыни сибирскія и рудники наполнялъ сосланными въ ссылку на каторгу". Мы, кажется, можемъ повѣрить этому публицисту XVIII в., насчитывающему 15.000 потерпѣвшихъ отъ мучительства гр. Шувалова. Если припомнить всѣ такіе факты, то знаменитая Салтыкова, обвинявшаяся въ убійствѣ 75 человѣкъ, вовсе уже не будетъ рѣдкимъ исключеніемъ. Фигура Салтычихи рѣзко врѣзалась въ память народную, ибо ея дѣло было однимъ изъ немногихъ, закончившихся обвиненіемъ. Присужденная вначалѣ къ отсѣченію головы, она была заключена пожизненно въ подземную тюрьму женскаго монастыря. Цѣлый часъ она стояла съ назидательной надписью: „мучительница и душегубица". Эта казнь была запечатлѣна даже особой лубочной картиной, изображающей „Казнь" Салтычихи.

Графъ М. Ѳ. Каменскій.

Салтычиха.

(Картина *П. В. Курдюмова*).

Помѣщаемая картина художника Курдюмова изображаетъ одно изъ многочисленныхъ мучительствъ, которымъ собственноручно подвергала крѣпостныхъ Дарья Салтыкова въ своемъ подмосковномъ селѣ Троицкомъ. Художникъ пользовался текстомъ В. И. Семевскаго: «Салтычиха била своихъ людей скалкою, валькомъ, палкою, полѣньями, утюгомъ, плетью, кнутомъ, поджигала на головѣ волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, била головою объ стѣну. По ея приказанію конюхи наказывали дворовыхъ кольями отъ розогъ, батогами, плетьми, кнутьями. Она обривала своимъ людямъ головы, надѣвала колодки и въ такомъ видѣ приказывала имъ работать; зимою послѣ наказанія выставляла босыхъ людей на морозъ; морила голодомъ» («Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», т. I, стр. 224). «Ѣзжалый кнутъ» и «раскаленные щипцы» фигурируютъ при наказаніи двороваго Хрисанѳа Андреева. Это и послужило сюжетомъ для настоящей картины.

Но многимъ ли лучше ея гр. Шуваловы, Каменскіе, Аракчеевы, кн. Козловскія и мн. др.?

Вѣдь мы привели лишь нѣсколько наиболѣе, пожалуй, извѣстныхъ и въ то же время яркихъ фактовъ изъ мрачнаго нашего прошлаго. Но эти факты могли быть умножены во много разъ — стоитъ лишь просмотрѣть соотвѣтствующія страницы замѣчательной и почти исчерпывающей работы Вас. Ив. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II".

Здѣсь мы встрѣтимъ длинный мартирологъ убитыхъ и замученныхъ, умершихъ подъ плетью и батогомъ.

Графъ П. И. Шуваловъ (рис. Рокотовъ).

Нѣтъ! Сто кратъ правъ историкъ нашего крестьянства, писавшій: „Просматривая этотъ мартирологъ досмерти замученныхъ помѣщиками, мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ нѣкоторыхъ представителей господствующаго сословія". Было ли, однако, это большинство или меньшинство? И этотъ вопросъ занималъ ученыхъ. Научная критика въ лицѣ нѣкоторыхъ историковъ усмотрѣла тенденціозность въ характеристикѣ дворянскаго общества „героическаго" періода его исторіи, которую можно было сдѣлать на основаніи фактовъ, собранныхъ Семевскимъ, а также въ работахъ покойнаго Гольцева „Законодательство и нравы XVIII в." и Дубровина „Пугачевъ и его сообщники", „Русская жизнь въ началѣ XIX в.". Наивно, конечно, все дворянское общество на рубежѣ XIX вѣка характеризовать въ столь мрачныхъ краскахъ. Безспорно, Салтычихи и Шеншины всегда были нѣкоторымъ исключеніемъ, однакоже, какъ мы видѣли, вовсе не столь рѣдкимъ. Но самый фактъ существованія Салтычихъ, полная почти безнаказанность безконечнаго числа ей подобныхъ — все же достаточный показатель нравовъ дворянскаго общества въ золотой вѣкъ „великой

4) Продается оффисіантъ 25 лѣтъ, съ женою и малолѣтнымъ сыномъ, очень хорошій ткачь, онъ же умѣетъ ерфеть и кровь кидать; жена жъ его можетъ ходить за Госпожею и умѣетъ все дѣлать. Тутъ же продается дормезъ, немного подержанной, самой лучшей работы. Желающіе купить, могутъ обо всемъ узнать въ 7 части 2 кварт. подъ No 138, въ приходѣ Афанасія и Кирилла. 1.

25) Въ 18 части 1 кварт. подъ No 104, въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Г. Каммеръ-Юнкера Николая Никитича Демидова, у домоправителя Ивана Иванова Шерлаимова продается дворовой мальчикъ 17 лѣтъ. Желающіе онаго купить, могутъ его видѣть и о цѣнѣ узнать у самого хозяина. — 1.

26) Въ 15 части 2 кварт. подъ No 183, въ приходѣ Адріана и Наталіи, во 2 й Мѣщанской, близь церкви, продается дворовой человѣкъ 25 лѣтъ, женской башмачникъ, знающій совершенно свое мастерство; при томъ исправляетъ всѣ домашнія Господскія надобности, лакейскую и кучерскую должности и къ столу приготовляетъ; у него жена беременная 22 лѣтъ, знаетъ шить, гладить, крахмалить, за Госпожею ходить и къ столу кушанье готовить; у нихъ дочь по 3 году. 1.

27) Продается крестьянинъ 35 лѣтъ, съ женою равныхъ ему лѣтъ и 3 малолѣтными дѣтьми. Желающіе купить, о цѣнѣ могутъ узнать въ 10 части въ приходѣ Николы на Болвановкѣ, въ домѣ подъ No 529 отъ самого Господина. 1.

13 лѣтъ за 250 р.; семья, портной мужской 48 л., съ женою прачкою 30 л., сыномъ 5 и дочерью, умѣющею кружево плесть, 18 лѣтъ, за 600 р. Видѣть ихъ на Донской улицѣ въ домѣ подъ No 108. — 1.

6) Музыкантъ, имѣющей искусство управлять оркестромъ, притомъ можетъ учить инструментальной, духовой и роговой музыкѣ, и которой хорошо играетъ на фортепіано, желаетъ приняться въ домъ; жена его говоритъ по Французски и по Нѣмецки, и можетъ принять должность Гувернантки. Спросить объ нихъ на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Г. Еекетова, въ лавкѣ Христіана Гене подъ No 2. — 2.

23) Въ 6 части 4 кварт. подъ No 352, продается мужской и женской хорошій перукмахеръ, ростомъ выше средняго и недурной фигуры, годной въ камердинеры, оффисіанты и лакеи, 27, а жена его 24 лѣтъ, прачка и швея, съ дочерью по третьему году, оба хорошаго поведенія. Последняя имъ цѣна 1000 руб. — 1.

23) Продаются дворовые мастеровые люди поведенія хорошаго: 2 портныхъ, сапожникъ, часовщикъ, повары, каретникъ, колесникъ, рѣзчикъ, золотарь и 2 кучера, коихъ видѣть и узнать о цѣнѣ можно во 3 части 4 кварт. подъ No 51 у самого помѣщика. Тутъ же продаются 3 бѣговыя молодыя лошади, одинъ жеребецъ и 2 мерена, и стая гончихъ собакъ, числомъ 50, которыя ходуютъ въ Генварѣ и Февралѣ мѣсяцахъ. — 1.

30) Желающіе купить 2 человѣкъ изъ крестьянъ хорошаго поведенія и годныхъ въ рекруты и во всякую крестьянскую работу; могутъ спросить въ 5 части 1 кварт. подъ No 83, въ приходѣ Трехъ Святителей на Кулишкахъ, у домоправителя Ивана Шутова. Въ ономъ же домѣ продается пара выѣзженыхъ бурыхъ бѣлогривыхъ весьма хорошихъ лошадей за сходную цѣну; также нѣсколько кусковъ изъ верблюжьей съ черною шпанскою шерстью байки, способной для сюртуковъ. — 1.

35) Продается дворовой человѣкъ холостой съ матерью вдовою: ему отъ роду 24 й годъ, ростомъ 7 вершк., не дуренъ собою, грамотѣ знаетъ, хорошій лакей и способенъ быть гусаромъ, или егеремъ; а матери 55 лѣтъ, вѣрная ключница: оба смирнаго поведенія. Цѣна имъ 1000 р. Спросить въ Большой Басманной, въ приходѣ Никиты Мученика въ домѣ купца Михайла Павкова у живущаго пріѣзжаго Господина. 1.

31) Продаются люди: дѣвка 20 л., мастерица кружева плесть, въ тамбурѣ, въ настилку и по филѣ шить, за 200 р.; крестьянская дѣвка 17 л. за 100 р.; малой крестьянской 17 л. за 400 р.,

7) Въ 15 части 2 кварт. въ Четвертой Мѣщанской, подъ No 111 продается дѣвка, умѣющая бѣлье шить и въ тамбурѣ, гладить и крахмалить, отчасти кушанье готовить и портному. Тутъ же продаются брильянтовыя вещи и цвѣтные каменья; да быкъ и корова хорошей породы, за сходную цѣну. — 1.

33) Продаются 3 лошади, 2 жеребца гнѣдотѣгихъ по 4 года, Аглинской породы, очень наристые и хорошаго росту, да одинъ меренъ темнобуланой 3 лѣтъ Аглинской же породы. Видѣть ихъ и о цѣнѣ узнать въ 8 части 1 кварт. въ домѣ подъ No 200. Въ ономъ же домѣ продается музыкантъ, которой играетъ на фаготѣ и начинаетъ пѣть баса, очень хорошо выученъ читать и писать, 15 лѣтъ. — 1.

30) Продается холостой человѣкъ, годной въ гусары и егери, ростомъ 2 арш. 10 вершк., 29 лѣтъ. О цѣнѣ спросить въ 8 части 5 кварт. подъ No 399 у домоправителя. — 1.

31) Во 12 части, въ прежде бывшихъ богадѣльняхъ у живущаго Офицера продается дѣвка по 16 году, знающая кружева плесть, бѣлье шить, гладить, крахмалить и Госпожу одѣвать, притомъ имѣющая шалію и лице пріятное. — 1.

34) Въ 1 части въ приходѣ Николая Чудотворца Мокраго, въ Типографіи Зедербана подъ No 101 продается дворовой холостой человѣкъ 17 лѣтъ, знающій читать и писать по Руски, также набирать книги съ великимъ успѣхомъ по Французски, по Нѣмецки, по Италіански, по Латыни и на прочихъ языкахъ, сверхъ того и на скрипкѣ играть. — 1.

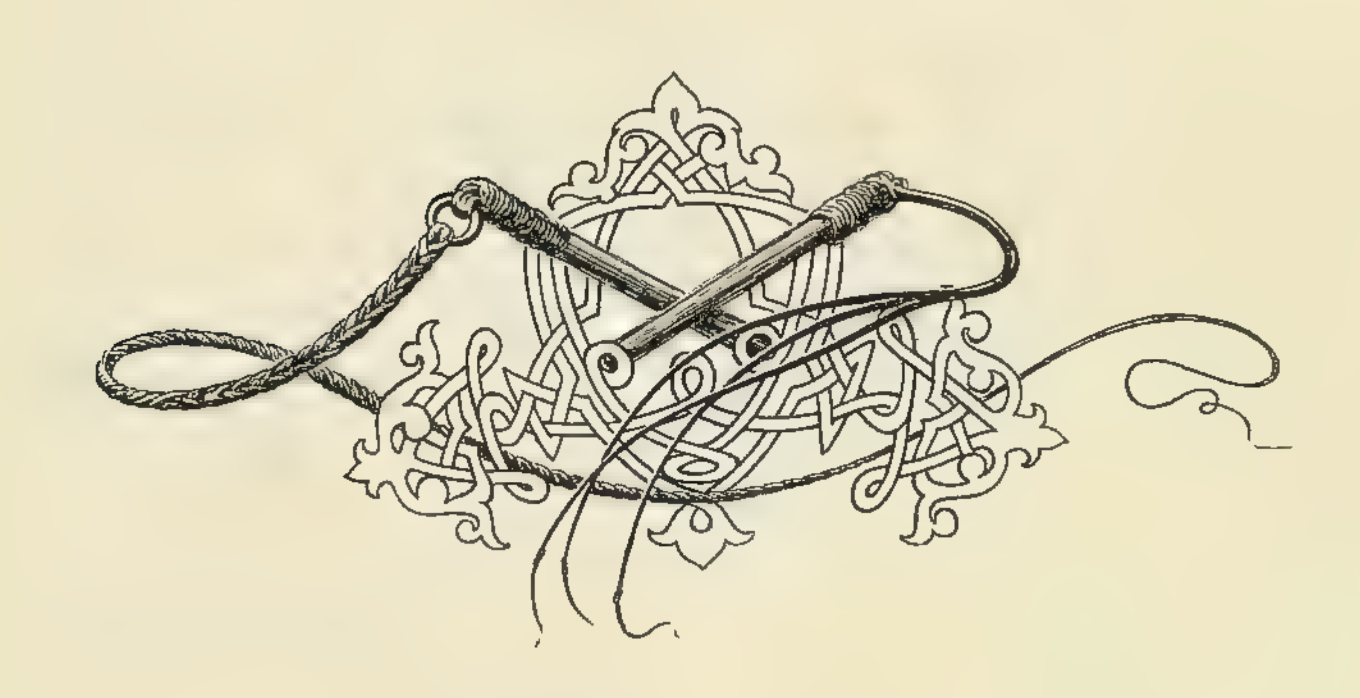
Объявленіе о продажѣ крѣпостныхъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1797 г.

Екатерины“ и даже послѣдующихъ царствованій, когда помѣщикъ Муромцевъ кричалъ крѣпостнымъ: „Тѣла вашего наѣмся, крови вашей напьюсь!“ При запрещеніи подавать жалобы на своихъ господъ, много ли дѣйствительно жалобъ могло дойти до назначенія? Когда противъ Салтычихи возбудили дѣло, по жалобѣ крѣпостныхъ, челобитчиковъ, тѣмъ не менѣе, за нарушеніе закона подвергли публичному наказанію плетьми. За жалобу крестьянъ Демидова 12 человѣкъ были засѣчены до-смерти. Можно ли было жаловаться при такихъ условіяхъ? И понятно, что Салтычиха имѣла полное основаніе говорить: „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете“. Даже въ ея громкомъ дѣлѣ юстицъ-коллегія вела процессъ „съ явнымъ въ пользу Салтычихи потворствомъ“. Полиція скрывала жестокости; помѣщики выгораживали своихъ односословниковъ. Противъ Салтычихи 21 разъ возбуждались дѣла, и только въ 1763 г. впервые данъ былъ ходъ жалобѣ ея крѣпостныхъ. И что же?—За все царствованіе Екатерины лишь 20 помѣщиковъ были приговорены за свои убійства и жестокости къ различнымъ наказаніямъ: отъ ссылки на каторжныя работы до церковнаго покаянія. Если упомянутый выше Кармацкій могъ безнаказанно въ своихъ застѣнкахъ пытать крѣпостныхъ, его сынъ, выступавшій противъ „божескаго узаконенія“ крѣпостного права и говорившій своимъ крестьянамъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными, по жалобѣ мѣстныхъ помѣщиковъ Екатеринѣ былъ признанъ сумасшедшимъ. Знаменательный фактъ!.. Нельзя забывать, что огромное большинство дѣлъ объ истязаніяхъ не доходило, конечно, до суда: то дѣло, которое въ свое время такъ возмутило Болотова, было „скрыто“, и „остались господа безъ всякаго за то наказанія“...

Екатерина, возражая аббату Шаппу, не могла отрицать дурного обращенія съ крѣпостными. Но, по ея мнѣнію, это обращеніе зависѣло „отъ хорошей или дурной нравственности“, а не „отъ законовъ страны“. „Философъ“ на тронѣ взялъ на себя смѣлость констатировать, что „ко благу человѣчества наши нравы не ухудшаются“. Не даетъ ли исторія, однако, другого отвѣта? Историкъ, несогласный съ тенденціознымъ освѣщеніемъ нравовъ Екатерининскаго общества, сослался на свидѣтельство современника въ сатирическомъ журналѣ Новикова „Трутень“: „Хулятъ все и всѣхъ только вредные люди“. Историкъ, очевидно, не понялъ, что это въ значительной степени лишь публицистическій пріемъ, чтобы избѣжать „шлагбаумовъ мысли“, которые и тогда уже ставила зарождавшаяся цензура. И „вредные люди“ въ наши дни, пожалуй, уже безъ боязни могутъ дать правдивую оцѣнку отдаленнаго прошлаго Россіи, когда, по характеристикѣ де Корберона, весь русскій народъ состоялъ только изъ „придворныхъ, военныхъ и рабовъ“, когда въ имперіи „милостью дворянства“ для закрѣпощенной массы не было и „способности человѣческой“, а не то что широко возвѣщаннаго „всеобщаго блаженства“ Конечно, не все дворянское общество, выросшее на крѣпостной культурѣ,

было грубо. Не однѣ темныя стороны отмѣтимъ мы въ Екатерининскомъ обществѣ. И здѣсь раздался голосъ Алек. Ник. Радищева. Тогда еще зарождалась русская интеллигенція, отбросившая сословныя перегородки и поднявшая знамя народнаго благоденствія. Но если мы будемъ рисовать общую картину эпохи на фонѣ рабовладѣнія, то и безъ тенденціи придется признать, что „вольность" дѣйствительно рождалась въ крестьянскихъ „мукахъ" и подтачивала, хотя и медленно, „божеское узаконеніе" крѣпостного права, на которое ссылался манифестъ 1762 г.

С. Мельгуновъ.

Рисунки, помѣщенные въ первомъ выпускѣ на отдѣльныхъ листахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

Важнѣйшія опечатки въ статьѣ В. Н. Сторожева въ I т.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
82	13 св.	до сихъ	до сихъ поръ
82	13 св.	наблюдалось.	наблюдалось внимательнымъ историческимъ взоромъ.
82	3 сн.	въ указахъ	объ указахъ
83	5 св.	палліативами	палліативами именно
84	14 сн.	уставъ	укладъ
87	20 св.	увѣнчавались	увѣнчивались
88	4 сн.	общественный	общеизвѣстный
90	17 сн.	мирномъ	мѣстномъ
92	3 сн.	отмѣна холопства для крестьянъ	отмѣна холопства
92	4 св.	крѣпостныхъ	крѣпостной
92	2 сн.	намъ	тамъ
96	17 и 18 св.	этими организованными	поражавшей своимъ
97	3 св.	во услуженіи	во услуженіе
104	7 св.	дѣйствительно	дѣйствительною

Въ статьѣ М. К. Любавскаго.

	8 св.	Земледѣльцевъ	Землевладѣльцевъ

Въ подписяхъ подъ рисунками.

200. Продажа рыбы	Показываютъ тюленя
215. Церковь въ Кусковѣ	Бесѣдка

